

ВВЕДЕНИЕ

Боспорское царство, просуществовавшее более тысячи лет на берегах современных Керченского и Таманского полуостровов, являлось одним из ярких исторических феноменов древности. На протяжении веков это государство, с одной стороны, было тесно связано с античным миром, а, с другой, - сыграло прогрессивную роль в историческом и социально-экономическом развитии многих народов, населявших Северное Причерноморье во второй половине I тыс. до н. э. - первой половине I тыс. н. э. Поэтому разработка вопросов, связанных с его историей и культурой, важна для правильного понимания целого комплекса общих вопросов древней истории юга нашей страны в древности (рис. 1).

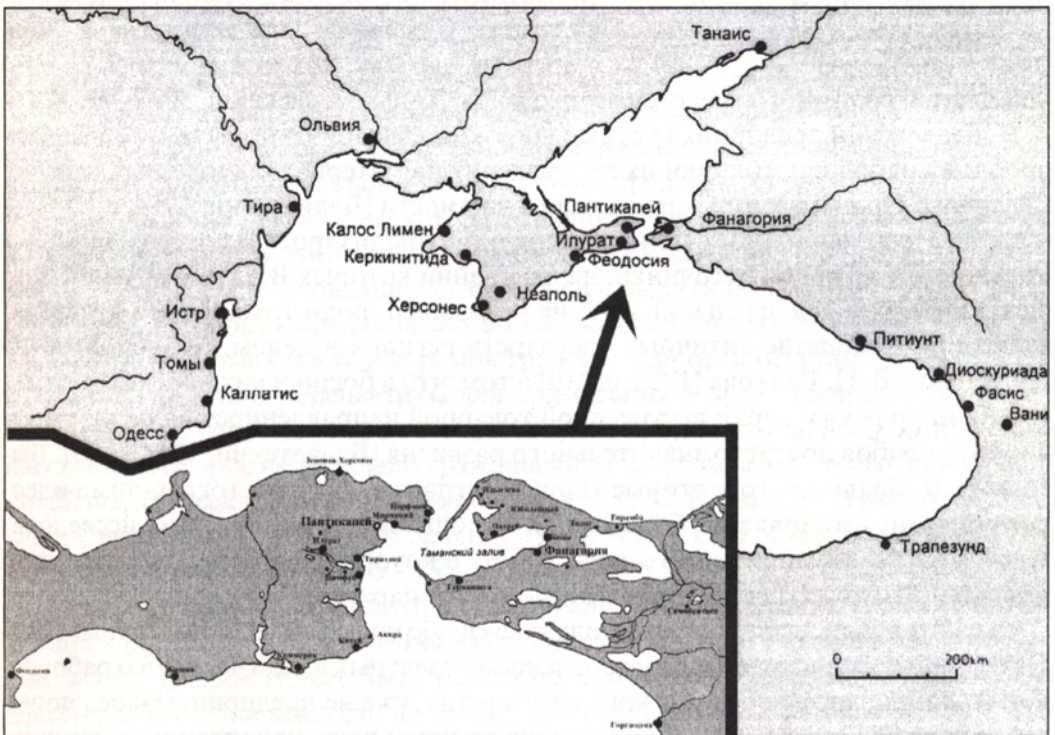

Рис. 1. Причерноморье в античную эпоху.

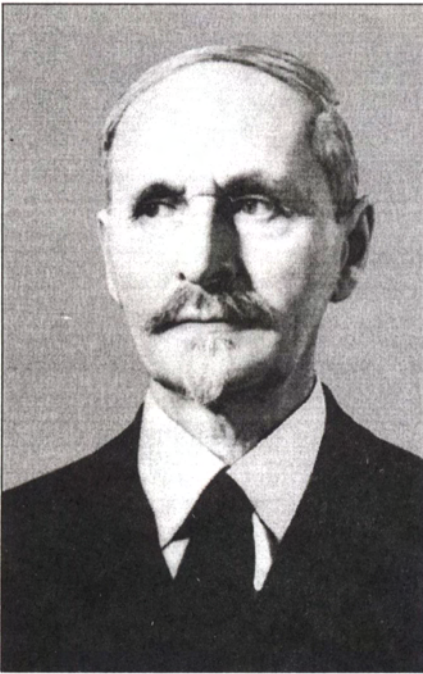

Рис. 2. Владимир Дмитриевич Блаватский (1899 – 1980 гг.).

Исходя из пятичленной теории общественно-экономических формаций, Боспорское царство традиционно относилось к рабовладельческому социально-политическим организмам, жизнь которых базировалась на труде преимущественно рабов классического типа. Такой подход позволял органически включить его в систему социально-экономических отношений рабовладельческой общественно-экономической формации, характерной чертой которой было наличие рабовладельческих производственных отношений, являвшихся, как долгое время считалось в советской историографии, экономическим базисом античного способа производства [подр. см.: Павленко, 1996, с. 134 – 150].

Однако, как это ни парадоксально, вне поля зрения отечественных исследователей осталась проблема развития рабовладения применительно к крупнейшему античному государству Северного Причерноморья - Боспорскому царству, которое являлось состав-

ной частью огромного греко-римского мира. Только в середине 50-ых гг. XX в. В. Д. Блаватский предпринял первую широкомасштабную попытку исследовать проблему рабов и источники их поступления на материалах античных центров Северного Причерноморья, и Боспора в частности [Блаватский, 1954, с. 31 – 56] (рис. 2). Исследователем были собраны и проанализированы практически все имевшиеся в то время источники, на основании которых В. Д. Блаватский пришел к выводу о значительной, если не решающей, роли труда рабов в материальном производстве античных государств региона в целом. Он использовал заключение Б. Н. Гракова [1935, с. 210] о том, что в боспорских царских керамических мастерских с ярко выраженной товарной направленностью использование труда рабов достигло значительного развития [Блаватский, 1954, с. 39]. Выводы В. Д. Блаватского, которые хорошо согласовывались с тогдашними идеологическими установками, были приняты большинством советских исследователей и легли в основу целого ряда работ, в которых затрагивались вопросы социальной структуры населения Боспорского царства.

В дальнейшем, несмотря на методику, разработанную В. Д. Блаватским, в отечественной историографии, за исключением отдельных высказываний о рабовладельческом характере Боспорского государства, уже не предпринималось попыток проанализировать этот вопрос с привлечением всего накопленного материала и комплексного использования источников [ср.: Каллистов, 1968, с. 219 – 221].

Таким образом, вопрос о рабовладении на Боспоре изучен крайне недостаточно. Причем в основном эта чрезвычайно интересная проблема решалась на основе анализа отрывочных сообщений древних писателей и немногочисленных эпиграфических памятников, в которых упоминаются рабы и вольноотпущенники. Несмотря на предложенные В. Д. Блаватским методические подходы к изучению этого сложного и неоднозначного явления, результаты археологических исследований для исследования рабства в античных государствах, как правило, практически не использовались. Имеющиеся источники не анализировались в широком контексте, а лишь служили иллюстрацией рабовладельческой теоретической модели античного общества. А это в существовавших тогда политических условиях во многом затрудняло объективное исследование социальных отношений при изучении истории Боспорского царства во всей их специфике и многообразии. Выводы большинства авторов, затрагивавших в своих исследованиях вопросы развития рабовладения на Боспоре, грешили известной прямолинейностью и схематизмом. Изучение удельного веса труда рабов в материальном производстве подменялось простой констатацией факта их присутствия в составе населения и, как результат, делался и делается безусловный вывод о безраздельном господстве рабовладельческих отношений без серьезной попытки доказать это анализом всего имеющегося материала [из посл. работ см.: Андреев, Марченко, 2005, с. 411]. Всем этим и обусловлен интерес к поставленной теме. Однако прежде чем приступить к непосредственному анализу источников, следует сделать ряд предварительных замечаний.

Сейчас установлено, что в ходе греческой колонизации Северного Причерноморья основной формой социально-политической организации на вновь осваиваемых территориях был полис, который представлял собой сравнительно небольшую общину граждан, занятых, главным образом, в сельском хозяйстве, которое являлось ее экономической основой [Кошеленко. 1983, с. 6; ср.: Plato, Res. II, 369, В-С]. Его экономика базировалась на античной форме собственности на землю, которая предполагает возможность эксплуатации лишь тех слоев населения, которые стояли вне рамок гражданской организации. Именно это и открывало широкие перспективы для применения в сфере производства рабов классического типа, а также различных групп свободного, но неполноправного населения, которое не обладало гражданским статусом, а, следовательно, и полнотой политических прав [см.: Дьяконов, 1963, с. 32; Васильев, Стучевский, 1966, с. 80; Свенцицкая, 1967, с. 84; Зельин, Трофимова, 1969, с. 63; Глускина, 1973, с. 40; Штаерман, 1978, с. 165 - 155; 1979, с. 339 и др.].

Полисная социально-политическая организация предполагает наличие тенденции к развитию рабовладения классического типа, но это еще не значит, что она всюду и везде может быть реализована в полной мере. Развитие рабства классического типа зависело не только от предпосылок, но и ряда условий, без которых широкое использование труда рабов классического типа в данной конкретно-исторической гражданской общине не могло получить значительного

развития и стать основой материального производства [см.: Дьяконов, 1963, с. 16; Илюшечкин, 1970, с. 54; 1971, с. 51; 1980, с. 353, 383; 1986, с. 82; 1986 а, с. 53; Коранашвили, 1988, с. 76]¹. Иными словами, тот или иной уровень развития рабовладельческих производственных отношений зависел от ряда условий, складывавшихся в разных регионах античного мира, ибо «один и тот же экономический базис - один и тот же со стороны главных условий - благодаря бесконечно различным империческим обстоятельствам, естественным условиям, расовым отношениям, действующим извне историческим влияниям и т. д. - может обнаружить в своем проявлении бесконечные вариации и градации, которые возможно понять лишь при помощи анализа этих эмпирически данных обстоятельств» [Маркс, с. 354]. Поэтому при анализе такого сложного вопроса, каким являются формы эксплуатации, в том числе и рабство, применительно к античным государствам Северного Причерноморья наиболее оправданным будет исходить именно из «этих эмпирически данных обстоятельств» [ср.: Кузишин, 1987, с. 10 – 11], так как в этом регионе, как уже отмечалось, рабовладельческие производственные отношения отличались от рабства, например, в материковой Греции и, в силу специфики развития, имели своеобразные черты [см.: Ленцман, 1963, с. 64; 1967, с. 45 – 51].

Анализируя рабовладение в античных государствах Северного Причерноморья, следует помнить, что распределение материальных благ является одной из составных общественного производства и служит связывающим звеном между процессом производства и потребления. Именно в процессе распределения выявляется не только место индивидуума или группы индивидуумов в материальной деятельности, но и их доля в реализации полученной продукции. Причем объем материальных благ, получаемых различными группами населения в результате производства, всегда является следствием распределения самих условий производства, структурообразующей которых является определенная форма собственности.

Экономическая жизнь полиса базировалась на античной форме собственности на землю, которая складывалась одновременно с полисной социально-политической организацией [подр. см.: Штаерман, 1968, с. 651; 1973, с. 34 - 68; 1973 а, с. 3 - 14; 1979, с. 338; Курбатов, 1973, с. 31; Кузишин, 1990, с. 74]. Именно она являлась структурообразующим элементом, который лежал в основе существования античной гражданской общины, и определяла отношения между различными группами населения в процессе производства и распределения [Зельин, Трофимова, 1969, с. 19]). Естественно, что формы экономической, политической и социальной организации полиса времени его становления, расцвета и кризиса не могли остаться неизменными на протяжении всей античной эпохи. Но ход исторического развития показывает, что,

---

¹ Подробнее о современном состоянии концепции рабовладельческой формации см.: Павленко, 1990, с. 125 - 136; 1996, с. 135 - 150.

несмотря на определенные изменения в производстве и присвоении прибавочного продукта, античная форма собственности на землю вплоть до позднеантичного времени в целом оставалась основой экономической и социально-политической жизни античного мира [Фролов, 1956, с. 62; Илюшечкин, 1986, с. 73 – 99]. Поэтому полисная форма социально-политической организации общества, несмотря на ее эволюцию, нередко модифицированную вследствие влияния конкретно исторических факторов, как единое целое в своих основных структурообразующих признаках, продолжала существовать до конца античной эпохи.²

В понятии «собственность» необходимо различать его правовое и экономическое содержание. Это понятие включает как имущественные отношения, которые могут и не быть связаны с производством, так и отношения по поводу существующих средств и условий производства, а также распределения его результатов [см.: Дембо, 1954, с. 22; Колганов, 1962, с. 11, 121; Илюшечкин, 1980, с. 28 - 32, 77; 1986 а, с. 55; Королев, 1984, с. 6 - 7; Медведев, 1985, с. 43 – 45]. Собственность на условия и средства производства в данном случае должна рассматриваться как производственное отношение и различаться по своему содержанию на эксплуататорскую и неэксплуататорскую [Илюшечкин, 1980, с. 33], что в конечном итоге обуславливает антагонистический или неантагонистический характер отношений в том или ином социальном организме. Причем основной частнособственнической эксплуатации в докапиталистических обществах может, в свою очередь, выступать только сравнительно крупная частная собственность на условия и средства производства [подр. см.: Илюшечкин, 1970, с. 53, 59, 97; 1980, с. 39 - 40, 352 - 353, 380, 383; 1986 а, с. 63]. Ибо только при условии наличия в собственности того или иного гражданина античного полиса земельных владений, которые по своим размерам превышали площади, необходимые для содержания семьи владельца, широкое применение труда рабов в сельском хозяйстве - главной отрасли античной экономики, было экономически оправдано [Diod., XXXIV - XXXV, 2, 27, 30, 34 - 27; Cato, XI; Varro, I, 18, 1 - 7; ср.: Шишова, 1968, с. 178; Штаерман, Трофимова, 1971, 32 - 42; Штаерман, 1978, с. 102, 113 - 114; 1979, с. 340; Глускина, 1983, с. 32; Коранашвили, 1988, с. 144 – 145].

В более мелких, как, впрочем, и в хозяйствах, земельный фонд которых составлял несколько сот гектаров, труд рабов был малоэффективным. Поэтому в первом случае преобладал труд членов семьи владельца надела, а во втором - социально-зависимого, но не рабского населения [см.: Колобова, 1963, с. 196; Берзин, 1966, с. 71 - 72; Дьяконов, 1973, с. 19 - 20; Павловская, 1979, с. 136 - 144; Штаерман, 1978, с. 145 - 146; Кузищин, 1982, с. 231; Глускина, 1983, с. 32;

---

² Подробнее об эволюции полисных социально-политических институтов см.: Доватур, 1965, с. 14 - 15; Свенцицкая, 1967, с. 28; Глускина, 1973, с. 48; Утченко, 1977, с. 18 - 41; Курбатов, 1971, с. 16 - 18; 1986, с. 129 - 131; Курбатов, Лебедева, 1982, с. 62 - 74; 1986, с. 100 - 112; Дьяконов, Якобсон, 1982, с. 11, 15; Фролов, 1986, с. 23 - 35.

Коранашвили, 1988, с. 171; Неронова, 1992, с. 285]. Из сказанного, конечно, не следует, что рабский труд вообще не применялся в мелких хозяйствах, но его удельный вес здесь не был определяющим, так как не давал возможности в рамках таких хозяйств получить достаточно высокую прибыль [ср.: Ранович, 1950, с. 204; Зельин, 1960, с. 130; Штаерман, 1978, с. 100; Глускина, 1983, с. 32]. А доход от труда рабов должен был не только возместить проценты с покупной цены, но и восстановить всю сумму, которая была затрачена на их приобретение [ср.: Валлон, 1941, с. 82]. Это вряд ли могло быть достигнуто в условиях как небольшого, так и очень крупного хозяйства [подр. см.: Дьяконов, 1963, с. 17; Берзин, 1966, с. 71 - 72; Коранашвили, 1988, с. 171, 174]. Поэтому оптимальным для ведения интенсивного товарного рабовладельческого производства были имения, земельный фонд которых, как указывал Катон, должен был составлять около 25 га [см.: Кузищин, 1973, с. 53 - 116]. Следовательно, без учета специфики экономического развития того или иного района античного мира и хозяйственных возможностей для широкого применения труда рабов, вывод о преобладании рабского труда в сфере материального производства приводит к модернизации экономических отношений [ср.: Томсон, 1953, с. 107 - 113; Петров, Ленцман, 1959, с. 190 - 201; Ленцман, 1967, с. 49].

Исходя из сказанного, можно заключить, что применение рабского труда было экономически оправдано только при наличии определенного количества земли во владении собственника [Илюшечкин, 1986, с. 82; Коранашвили, 1988, с. 144 - 145], так как без этого рабство не могло выйти за рамки домашнего и в сколь-нибудь значительной степени проникнуть в производство. Поэтому широкое развитие рабства следует рассматривать не как причину, а как следствие укрупнения земельной собственности и определенного уровня развития товарного производства, ибо внеэкономическое принуждение всегда является следствием определенных материальных и экономических условий [Илюшечкин, 1980, с. 353]. Да и само рабство в первую очередь следует рассматривать не как правовую, а как важную экономическую категорию. Причем о наличии классических форм рабовладения можно говорить лишь в том случае, когда рабы начинают играть ведущую роль в общественном производстве в сравнении с трудом свободных производителей и других социальных групп [Зельин, Трофимова, 1969, с. 27; Жуков, 1985, с. 14; Тачева, 1987, с. 177; Илюшечкин, 1988, с. 64], что в значительной степени было обусловлено достаточно высоким уровнем товарного производства, которое базировалось на натуральной основе хозяйства [ср.: Кузовков, 1954, с. 109 - 111; Ленцман, 1963, с. 207; Берзин, 1966, с. 71 - 72; Коранашвили, 1988, с. 178; Wood, 1988, p. 42 - 80; Шишова, 1991, с. 97, 99; Burford, 1993, p. 213 - 214]. Как показали исследования, проведенные в 60 - 80 гг. XX в., значительное развитие классического рабовладения было возможно только в условиях высокотоварного производства, которое позволяло получить максимум выгод от применения труда малоквалифицированных работников. Поэтому рабовладение на определенных этапах развития получило значительное распространение лишь в тех античных полисах,

экономика которых ориентировалась в основном на внешний рынок (Милет, Самос, Хиос, Коринф) [подр. см.: Павленко, 1990, с. 130 – 131]. В тех районах античного мира, где не было развитого высокотоварного производства, условий для широкого развития рабства классического типа не существовало, а преобладали иные формы эксплуатации [Зубар, Саприкин, 1989, с. 136 - 140; Павленко, 1990, с. 131; Неронова, 1992, с. 285].

Сказанное в полной мере касается ремесла, где количество рабов во владении хозяина в первую очередь зависело от размеров мастерской и уровня товарного производства того или иного вида продукции. Следует также иметь в виду, что крупные мастерские в античном мире были недолговечны и, как правило, очень скоро прекращали свое существование или делились на ряд более мелких, то есть ремесленное производство шло не по пути создания крупных предприятий типа мануфактур, а по пути дробной специализации и дальнейшего разделения труда [Ляст, 1963, с. 105; Штаерман, 1978, с. 131]. Поэтому концентрация рабов в ремесленном производстве античного мира лишь в исключительных случаях была значительной [Herod., VII, 44; Aeschin, I, 97; Lys., XII, 19; Dem., XXVII, 9 - 11; Sargent, 1924, p. 107; Тюменев, 1935, с. 50 - 52, 57; Westermann, 1955, p. 14, 63; Глускина, 1963, с. 228 - 229; Кошеленко, 1983, с. 227; Strauss, 1986, p. 46].

Говоря о классическом рабстве, следует учитывать, что одним из условий его широкого развития было массовое поступление на рынок дешевых рабов, которых захватывали в ходе грабительских войн. Без этого использование рабов классического типа в более или менее широких масштабах вряд ли было рентабельно [см.: Дьяконов, 1963, с. 20 - 21; Штаерман, 1965, с. 68; Кузицин, 1962, с. 49 - 50; 1973, с. 92; 1976, с. 238; Коранашвили, 1988, с. 76]. Причем следует подчеркнуть, что содержание в античных центрах Северного Причерноморья значительного количества пленных из среды местного населения, превращенных в рабов, было сопряжено с опасностью их массового неповиновения, что могло привести к крайне негативным, если не к катастрофическим, последствиям [см.: Thuc., VIII, 40, 2; Diod., XXXVII, 19, 1; Plato. Legg., VII, 1330 a, 25 - 27; Plut. M. Cato major., 21; Varro, I, 17, 5; ср: Штаерман, 1965, с. 65 - 66; Ким, 1979, с. 368].

Для того, чтобы получить представление о социальной структуре населения, необходимо, насколько это возможно, проанализировать не только характер собственности на условия и средства производства, но формы и тип эксплуатации, а также основные категории непосредственных производителей и динамику их соотношения в исторически конкретном обществе. Формы эксплуатации составляли определенную систему принуждения, с помощью которой владельцы средств и условий производства безвозмездно присваивали добавочный, а в ряде случаев и часть необходимого продукта непосредственных производителей. Поэтому анализ форм и типа эксплуатации позволяет в определенной мере говорить о распространении и потреблении материальных благ, создаваемых в сфере материального производства или полученных посредством обмена.

Если рассматривать экономическое содержание понятия «собственность», то его нужно определять как распределение необходимого и добавочного продукта, обусловленное распределением средств и условий производства. Иными словами, в данном случае, говоря о формах и типе эксплуатации, нельзя исходить из правового положения той или иной группы населения и из нее выводить соответствующую форму реализации собственности, то есть способ отчуждения и присвоения добавочного продукта эксплуатируемых [Илюшечкин, 1980, с. 34]. Ведь, например, капиталистическая собственность определяется не из правовых норм или наемного труда, а, исходя из капиталистического типа эксплуатации наемных рабочих на основе отчуждения и присвоения части результатов их труда собственником средств производства и работодателем [подр. см.: Шкредов, 1973; Илюшечкин, 1980, с. 35; 1988, с. 59]. В этом, очевидно, состоит главное, когда анализируется система и тип эксплуатации собственниками условий и средств производства различных категорий населения [Илюшечкин, 1980, с. 4 - 5, 13, 47 - 60; 1988, с. 62].

В силу ограниченного количества прямых источников по вопросу о рабовладении на Боспоре при исследовании этой чрезвычайно интересной проблемы главное внимание должно быть уделено основным тенденциям его экономического развития [ср.: Ленцман, 1967, с. 45]. Правда, изучение закономерностей и тенденций социально-экономической истории античного мира сопряжено с целым рядом трудностей, которые обусловлены фрагментарностью источников, избирательным методом их анализа и субъективным подходом к ним различных ученых [Alfoldy, 1986, S.12 – 34; Виноградов Ю. А., 2000а, с. 98 – 128]. В целом ряде работ, в том числе и отечественных, античная экономика рассматривалась через призму капиталистических производственных отношений, что вело к модернизации основных тенденций ее развития [подр. см.: Finley, 1973; Duncan-Jones, 1974; Кузищин, Штаерман, 1986, с. 41; Фролов, 1997, с. 28; Маринович, Кошеленко, 1997, с. 82 – 96]. Однако это вовсе не значит, что в изучении основных тенденций экономического развития античного мира отсутствует прогресс. В целом ряде работ зарубежных и отечественных исследователей, несмотря на определенные трудности, предпринимались попытки реконструкции как экономической истории античного мира в целом, так и отдельных ее аспектов [см.: Francotte, 1901; Glotz, 1920; Heichelhein, 1964, p. 93 - 108; Austin, Vidal - Naquet, 1972; Finley, 1973; Duncan-Jones, 1974; Hopper, 1979; Маринович, Кошеленко, 1997, с. 83 - 96 и др.]. Причем анализ социально-экономических отношений должен вестись с учетом специфики развития того или иного конкретно-исторического региона античного мира и особенностей докапиталистических обществ в целом, базировавшихся в первую очередь на сельскохозяйственном производстве.

Учитывая, что сельское хозяйство было основной античной экономики, для выяснения удельного веса труда рабов в этой отрасли производства в первую очередь следует попытаться проанализировать характер земельной собственности и определить динамику ее изменений. Очевидно, основываясь преимущественно на археологических данных, следует выделить памятники, которые можно связать с крупной, средней и мелкой земельной собственностью, и уже на

этой основе с привлечением аналогий попытаться смоделировать положение с трудом рабов, складывавшееся в производстве. Кроме этого, вероятно, наиболее оправданной будет попытка на археологическом материале исследовать размеры и территориальное распространение остатков ремесленных мастерских, открытых раскопками, что позволит говорить о тех социальных группах населения, которые в основном были заняты в ремесле. И, наконец, необходимо обратить внимание на уровень развития товарного производства и торговли на том или ином этапе исторического развития античных государств региона, так как именно возможности обогащения, которые открывались в связи с интенсивным развитием высокотоварного производства, приводили, как правило, к росту удельного веса труда рабов в экономике античного мира.

Только с учетом всех перечисленных факторов и прямых, пусть немногочисленных источников по рассматриваемой проблеме, а также широких исторических параллелей можно получить, если не идеальную, то близкую к реальной картину удельного веса труда рабов классического типа в материальном производстве и выявить специфику социальной структуры населения Боспорского государства. Это позволит избежать механического перенесения на Боспор тех выводов, которые делались на материалах стран Средиземноморья, где рабовладение классического типа, в силу целого ряда факторов, получило наибольшее распространение [Зубарь, 2002, с. 195 – 205].

Историческое развитие различных регионов Северного Причерноморья имело свою специфику, поэтому предметом настоящего исследования является Боспорское царство, которое включало в свой состав территории на современных Керченском и Таманском полуостровах, а периодически - ряд сопредельных районов (рис. 1). Основным тенденциям социально-экономического развития этого государства и посвящена предлагаемая работа, в которой предпринимается попытка осмысления и обобщения накопленного к настоящему времени фактического материала на основе современных теоретических разработок. При анализе данных всех доступных источников авторы исходили из модели, согласно которой основой экономики древнегреческих социальных организмов являлось натуральное в своей основе сельскохозяйственное производство, а товарно-денежные, рыночные отношения в ходе трансформации полисной социально-политической организации общества принимали в докапиталистических обществах специфическую форму, отличную от более позднего капиталистического этапа развития [подр. см.: Кошеленко, 1980, с. 3 – 28; 1983, с. 217 – 246; Маринович, Кошеленко, 1997, с. 82 – 96].

Хронологически работа охватывает античную эпоху. Ее начало в Северном Причерноморье относится ко второй половине VII в. до н. э., а конец - ко второй четверти VI в. В свою очередь, согласно общепринятой периодизации, античная эпоха подразделяется на архаический (вторая половина VII в. до н. э. - первая четверть V вв. до н. э.), классический (вторая четверть V - третья четверть IV вв. до н. э.), эллинистический (последняя четверть IV - середина I вв. до н. э.), римский (вторая половина I в. до н. э. - третья четверть III вв. н. э.) и позднеантичный

(последняя четверть III - VI в.) периоды, которые в свою очередь включают ряд этапов [ср.: Блаватский, 1959, с. 7 - 39; Виноградов Ю. Г., 1989, с. 20 - 25; Сазанов, 1991, с. 20 - 23; Зубарь, 1993, с. 120 - 122; Болгов, 1996 а; Виноградов Ю. А., 2000, с. 16 - 29; Марченко, 2005 а, с. 27 - 41 и др.]. Несмотря на определенные недостатки, присущие этой периодизации, и ряд поправок, которые, безусловно, должны быть в нее внесены [см.: Шелов, 1984 а, с. 10; Крижицкий, Крапивіна, Лейпунська, 1994, с. 39 - 40; 1995, с. 28 - 30; Виноградов Ю. А., 2000, с. 16 - 19 и др.], она может быть использована для построения материала, так как отражает поворотные моменты не только в истории региона, но и античного мира в целом. Использование такой периодизации позволяет рассматривать античные государства Северного Причерноморья, в том числе и Боспорское государство, в контексте определенного этапа всеобщей истории с учетом того особенного, что было присуще греческому населению, жившему в окружении огромного варварского племенного мира, но в то же время остававшегося самобытной частицей античной цивилизации.

Предлагая вниманию читателей исследование, авторы ставили своей целью проследить основные тенденции социально-экономического развития Боспорского царства на протяжении античной эпохи, на основе которых попытались не только определить удельный вес труда рабов классического типа в экономике, но и выявить специфику и основные тенденции ее развития. Естественно, на имеющейся источниковой базе не все поставленные вопросы могут быть решены окончательно и однозначно. Скорее напротив, многие из них могут быть пока только подняты и на основании имеющихся материалов предложен один из возможных путей их решения, который должен быть скорректирован после целенаправленной обработки массового археологического материала, нумизматических и эпиграфических источников. Если концепция, изложенная в работе в самых общих чертах, верна, то ее следует конкретизировать с использованием всей имеющейся источниковой базы, а, если нет, - она должна подвергнуться позитивной критике, на основе которой будут предложены иные пути решения затронутых вопросов. Если это произойдет, то авторы будут считать свою задачу выполненной. Ведь «... если не всегда при нынешнем уровне изучения той или иной проблемы удастся добиться получения всех данных, необходимых для применения математических методов, то уже сама подготовка условий для выполнения такой задачи ведет к углублению и уточнению нашего представления об изучаемых исторических феноменах» [Корсунский, 1975, с. 38].

Авторы выражают свою искреннюю признательность коллегам из Института археологии НАН Украины и, в первую очередь, С. Д. Крыжицкому, инициировавшему разработку этой темы. Хотелось бы также выразить благодарность Е. П. Бунятян, Ю. Г. Виноградову, В. И. Кузищину, Ю. В. Павленко, Н. В. Панченко, А. С. Русяевой, С. Ю. Сапрыкину, Н. А. Сон и С. Б. Сорочану, дружеская помощь и советы которых на различных этапах работы позволили уточнить ряд важных положений, а также проф. Х. Хайнену из Трирского университета (Германия), проф. Р. Пилленгер и докт. А. Пюльцу из университета г. Вены (Австрия), которые оказали разностороннюю помощь и содействие при написании предлагаемого вниманию читателя исследования.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ ГРЕЧЕСКИХ АПОЙКИЙ НА БЕРЕГАХ БОСПОРА КИММЕРИЙСКОГО

Вопрос о времени и причинах появления греческих апойкий на берегах Боспора Киммерийского неоднократно рассматривался в специальной литературе, но его вряд ли можно считать окончательно решенным [Историографию вопроса подр. см.: Шелов-Коведяев, 1985, с.44 – 57; Виноградов Ю. А., 2000а, с. 109 – 119; ср.: Марченко, 2005, с. 12 – 26]. Судя по керамике, в начале второй четверти - середине VI в. до н. э. на берегах Боспора греками были основаны Пантикапей,³ Нимфей, Мирмекий, Тиритака, Кепы, Гермонасса и некоторые другие центры, а также Феодосия [Ehrhardt, 1983, s.217; Кузнецов, 1991, с.31-37; Русяева, 1998, с.206-208; Сапрыкин, 2006, с.172] (рис. 1). Есть основания предполагать, что первая волна греческой эмиграции на Боспор, суммарно датирующаяся 580 – 560 гг. до н. э., была вызвана комплексом причин, тесно связанных с социально-политическим развитием метрополии. Основными, на которые в первую очередь обращают внимание, является лидийская экспансия, направленная против греческих центров в Ионии, и острая социальная борьба в Милете, которая привела к гибели его хоры [подр. см.: Кузнецов, 1991, с. 31 - 37; Кошеленко, Кузнецов, 1990, с.35-42, 1992, с. 6 - 28; Tsetskhladze, 1994, p. 111 – 130; Молев, 1997 а, с. 5-8; Koshelenko, Kuznetsov, 1998, p. 249 - 263; Русяева, 1998, с. 206 – 207; Анохин, 1999, с. 11 – 12 и др.]. Несколько более поздним временем, после установления персидского протектората над Ионией в 546 г. до н. э. и заключения союза Милета с Киром, датируется вторая волна эмиграции на Боспор, в результате которой были основаны новые поселения и увеличилось количество населения в уже существовавших [Трейстер, 1990, с. 41 - 42; Кошеленко, Кузнецов, 1992, с. 23 - 24; Абрамов, Паромов, 1993, с. 28, 67, 71; Русяева, 1998а, с. 313; Анохин, 1999, с. 13]. В это время переселение

---

³ Иногда исследователи, ссылаясь на Стефана Византийского [Steph. Byz., s. v. Παντικάλαιον; ср.: Iord. Getica, 32], говорят о том, что Пантикапей был основан на землях, якобы полученных у скифского царя [Блаватский, 1964, с. 22; Масленников, 1996, с. 61 – 62]. Однако, как показали специальные исследования, основой материального производства и богатства у кочевых народов, в том числе и у скифов, была не земля, а скот [Бунятян, 1984, с. 113 - 124]. Поэтому это сообщение Стефана Византийского отражает реалии, которые могли сложиться только в обществе с развитой формой отношений по поводу земли, и его нельзя рассматривать в качестве надежного источника по истории Боспора времени его колонизации греками [ср.: Вахтина, Виноградов, Горончаровский, 1979, с.79; Виноградов Ю.Г., 1983, с.373; Кузнецов, 2001, с. 238; Кошеленко, Кузнецов, 1992, с.20; Сапрыкин, 2006, с.187].

Рис. 3. Расселение варварских народов в Северном Причерноморье.

ионийцев шло не только на Боспор, но и в Нижнее Побужье (рис. 1; 3), о чем красноречиво свидетельствуют материалы, обнаруженные в ходе археологических исследований Ольвии и ее хоры [Русяева, 1986, с. 51 – 53].

Судя по имеющимся материалам, в VI в. до н. э. греческими переселенцами из Ионии была занята узкая полоса на западном берегу современного Керченского пролива, Таманский полуостров, основана Феодосия [Русяева, 1998, с. 206 – 208; Петрова, 1991 а, с. 98], а также возник ряд населенных пунктов в районе современной Анапы [Алексеева, 1991, с. 7 – 26; 1997, с. 11 – 35] и Новороссийска [Онайко, 1980, с. 98 – 110; 1984 а, с. 91; Saprykin, 2001, р. 635 – 636] (рис. 1; 3). Таким образом, можно заключить, что вынужденная эмиграция греков из Ионии носила достаточно массовый характер, и в ходе этого процесса были освоены значительные территории, которые есть все основания рассматривать в качестве неотъемлемой составной части античного мира.

Ранний этап боспорской истории, связанный с первыми десятилетиями жизни греческих колонистов в VI в. до н. э. на европейском побережье Боспора Киммерийского, является одним из наиболее дискутируемых. Древнегреческие

132]. И по мере того, как в течение VII-VI вв. до н. э. полис приобретал гражданское единство, его физический центр развивал внешние признаки города [Starr, 1977, p. 98 – 100]. Но, вероятно, правы и те исследователи, которые полагают, что социально-политическая организация греков в Северном Причерноморье несколько опережала процесс урбанизации [Виноградов Ю. А., 1999а, с. 107 – 110], что нашло отражение в так называемом земляночном домостроительстве (см. ниже).

Сравнительно недавно к проблеме выводимых на Боспор Киммерийский апоийкий и поиска критериев, позволяющих выделить среди архаических греческих поселений Керченского и Таманского полуостровов полисы, обратился В.Д. Кузнецов [Кузнецов, 2001, с. 237 – 253]. Проанализировав письменные, эпиграфические, нумизматические источники и подробно рассмотрев возможности археологических данных, автор приходит к малоутешительному выводу, что имеется лишь единственное документальное доказательство полисного статуса городов Боспора в архаическое время – это свидетельство Гекатея Милетского в передаче Стефана Византийского [Steph. Byz., s. v. Παυτίκαλαίον]. Ни данные археологии, ни какие-либо другие аргументы не могут ни подтвердить, ни опровергнуть этого. К тому же сообщение Гекатея относится к рубежу VI - V вв. до н. э., что не позволяет безоговорочно на него опираться [Кузнецов, 2001, с. 240, 243]. Различные критерии для определения полисного статуса, которые выделены Копенгагенским центром по изучению полиса [Hansen, 1994; 1997; 2000], по мнению В.Д.Кузнецова, мало приемлемы для ранних поселений Боспора [Кузнецов, 2001, с. 239-242; ср.: Буйских, 2005, с. 150 – 151]. Поэтому все основанные в первой половине VI в. до н.э. поселения Боспора Киммерийского, в независимости от того, стали ли они позднее «крупными» или так называемыми «малыми городами», он считает апоийкиями, а, следовательно, полисами [Кузнецов, 2000, с. 31 – 32; 2001, с. 247 – 248; ср.: Ehrhardt, 1983, S. 70; Русяева, 1998, с. 206; Борисова, 2003, с. 21; Завойкин, Масленников, 2006, с.112].

В целом, все ранние поселения европейского побережья Боспора Киммерийского, основанные практически одновременно, в пределах двух-трех десятилетий, имели очень схожее местоположение с достаточной территорией прилегающих земельных угодий, равных 20-30 кв. км, представляющих к тому же вполне обособленные в природно-ландшафтном отношении анклав. Все это хорошо вписывается в классическую модель греческого полиса и вполне сопоставимо с территориальными размерами «рядовых» греческих полисов в других районах античного мира [Зинько, 2004а, с. 24].

По поводу раннего типа жилья греческих колонистов. Феномен греческой колонизации Северного Причерноморья на протяжении многих десятилетий служил и продолжает служить предметом разностороннего и глубокого изучения. На основании анализа строительных остатков и стратиграфии ранних археологических слоев античных населенных пунктов, основанных греками на северном берегу Черного моря, господствующей в настоящее время является точка зрения, согласно которой наиболее распространенным ранним типом жи-

ля греческих поселенцев были заглубленные в грунт землянки или полуземлянки, которые через определенный промежуток времени сменились наземными домами [Крыжицкий, Русяева, 1978, с. 3 – 26; Крыжицкий, 1982, с. 11 – 14; 1993, с. 40 – 43] (рис. 4). По мнению Ю.А. Виноградова, на территории Мирмекия землянки использовались на протяжении 70 – 80 лет, и лишь затем их сменили наземные сырцовые дома [Виноградов Ю. А., 1994, с. 55; 1995, с. 157 – 158; 1996, с. 25 - 26; 1999а, с. 107; Виноградов, Рогов, 1997, с. 67 – 68; ср.: Алексеева, 1991, с. 11, 49; Рогов, 1996, с. 90 – 91; Бутягин, 1997, с. 151 – 152; 1997а, с. 94 – 97; ср.: 1999, с. 10 – 11; Марченко, Крыжицкий, 2001, с. 36; Зубарь, 2005, с. 68 – 73; Марченко, 2005 б, с. 56].

Хотя и для наиболее раннего этапа существования Мирмекия известны непритязательные наземные постройки, аналогичные открытой недавно в архаических слоях Порфмия [Вахтина, 2002, с. 48]. Но, как показывают материалы исследований на территории Нимфея, период земляночного строительства, когда строились также и сырцово-каменные здания, например святилища Деметры, был несколько короче – 50-60 лет [Зинько, 2003, с.21-22; 2006, с.133-147].

Исследователи, разделявшие эту точку зрения, полагали, что такой не свойственный для греков тип жилья представлял «собой закономерную стадию в развитии греческой архитектуры в новых условиях юга Восточной Европы. Их появление объясняется невысоким уровнем развития экономики основанных греками государств и неразвитостью базы строительного производства» [Крыжицкий, 1993, с. 41]. По мнению С. Д. Крыжицкого, «землянки являлись модификацией обычного дома колониста - наземной, как правило, однокамерной структуры» [Крыжицкий, 1985, с. 59]. Вывод, сделанный впервые на материалах Ольвии и ее округи, хорошо согласовывался с материалами раскопок в других районах Северного Причерноморья, что и позволило говорить об особой стадии развития жилищного строительства в регионе [Крыжицкий, 1993, с. 41].

Однако В. Д. Кузнецов поставил под сомнение этот, казалось, хорошо аргументированный вывод, поддержанный целым рядом исследователей. В специальной статье он подробно рассмотрел вопрос о начальном этапе жилого домостроительства в античных центрах Северного Причерноморья и пришел к заключению, что «гипотеза о полуземлянках и землянках как первых жилищах греческих поселенцев не может считаться в необходимой степени обоснованной», ибо система ее доказательств не достаточно обоснованна [Кузнецов, 1995, с. 116].

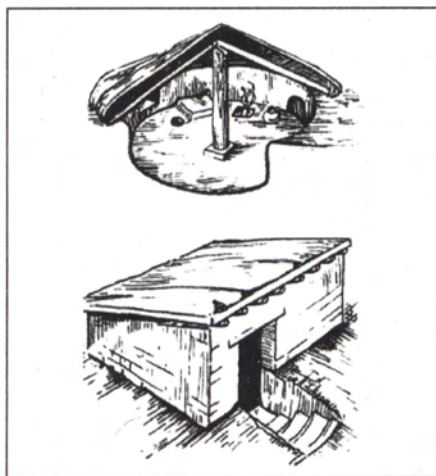

Рис. 4. Полуземляночные постройки. Реконструкция С.Д. Крыжицкого.

Анализ типологии жилищ первых греческих поселенцев в Северном Причерноморье и попытку пересмотра В. Д. Кузнецовым устоявшихся научных положений с привлечением целого круга новых источников нельзя не признать методически правомерной. Ведь только ревизия существующих историко-археологических концепций, базирующихся на таком неоднозначном источнике как археологический материал, с привлечением новых данных и сравнительного материала позволяет по-новому рассмотреть весь комплекс вопросов, связанных с греческой колонизацией региона в целом и ранних типов жилья в частности. Но методика, с помощью которой В. Д. Кузнецов пытается опровергнуть точку зрения С. Д. Крыжицкого, не выдерживает критики, в силу чего его основной вывод представляется необубедительным.

С. Д. Крыжицкий и авторы, следовавшие за ним, при моделировании раннего этапа жилищного строительства в Северном Причерноморье в первую очередь опирались на археологический материал, представленный не единичными комплексами, а достаточно многочисленными следами земляночного и полуземляночного строительства, зафиксированными в целом ряде пунктов Северного Причерноморья. На это, кстати сказать, обратил внимание и В. Д. Кузнецов [1995, с. 110]. Следовательно, для того чтобы опровергнуть выводы С. Д. Крыжицкого и поддержавших его специалистов, наиболее целесообразно было бы рассмотреть конкретный археологический материал, которым оперирует противная сторона, и на базе такого критического разбора предложить свою интерпретацию раскопанных памятников. Но В. Д. Кузнецов не пошел по этому пути, а в качестве примера привел лишь ошибочную интерпретацию раскопанной в Мирмекии круглой в плане землянки, предложенную Ю. А. Виноградовым [Кузнецов, 1995, с. 102; ср.: Виноградов Ю. А., 1991, с. 12 – 19; Бутягин, 1997, с. 151 – 152]. Только этот факт из поистине огромного археологического материала, которым оперировал С. Д. Крыжицкий, был поставлен В. Д. Кузнецовым во главу угла при доказательстве необубедительности концепции о полуземлянках и землянках как первых жилищах греческих поселенцев. Тем самым, критикуя С. Д. Крыжицкого, В. Д. Кузнецов пошел по ошибочному пути и конкретный анализ археологического материала из раскопок античных северопонтийских центров подменил гипотетическими положениями о назначении заглубленных в землю сооружений и о господстве на раннем этапе сырцового домостроительства, в пользу чего не привел достаточного количества убедительного фактического материала.

Оставляя специалистам решение вопроса о наличии или отсутствии в античных центрах Северного Причерноморья отдельного этапа, связанного с земляночным или полуземляночным домостроительством, хотелось бы лишь подчеркнуть следующее. Если сохранность архаических слоев античных городов Северного Причерноморья действительно в целом ряде случаев не позволяет однозначно интерпретировать строительные остатки, на чем совершенно справедливо акцентирует внимание В. Д. Кузнецов [1995, с. 107 – 108], то этого нельзя

сказать об однослойных сельских поселениях, исследованных в значительном количестве в Нижнем Побужье [Крыжицкий, Буйских, Бураков, Отрешко, 1989, с. 22 – 41]. Сейчас твердо установлено, что эти сельские поселения не только возникли в период греческой колонизации Нижнего Побужья, но и подавляющее большинство их жителей было греками, которые в силу целого ряда причин переселились сюда преимущественно из Ионии [Крыжицкий, Буйских, Бураков, Отрешко, 1989, с. 84 – 95]. Ведь на всех, без исключения, сельских поселениях Нижнего Побужья наиболее ранний этап строительства представлен земляночными и полужемляночными комплексами, хотя, наряду с ними, здесь отмечены, правда, плохой сохранности, следы и наземного домостроительства [Крыжицкий, Буйских, Бураков, Отрешко, 1989, с. 41 – 54].

Следовательно, исходя из этого хорошо установленного для Нижнего Побужья факта [ср. Буйских, 2005, с. 157; Марченко, 2005б, с. 88 – 89] и несмотря на критику В. Д. Кузнецовым высказанных С. Д. Крыжицким положений, сейчас все же нельзя говорить, что на начальном этапе колонизации в Северном Причерноморье греческими переселенцами строились исключительно наземные дома, а земляночные и полужемляночные постройки, как первоначальное и временное жилье, отсутствовали, а их наличие в городах и на сельских поселениях следует объяснять лишь ошибочной интерпретацией археологических комплексов [ср.: Буйских, 2005а, с. 3 – 21]. В справедливости сказанного убеждают и каменные конструкции, зафиксированные в жилых землянках на поселениях IV в. до н. э. Героевка - 2 и Госпиталь на территории европейского Боспора [Зинько, 1996, с. 14 - 16, рис. 6; Zin'ko, 1997, pp.85-88; ср. Бутягин, 1999, с. 10 – 11; Виноградов Ю. А., 1999а, с. 108].

Сейчас трудно сказать, как долго просуществовали столь примитивные жилые и хозяйственные сооружения в античных центрах и как широко они были распространены, например, в Херсонесе или на Боспоре.⁴ Однако, имеющиеся в настоящее время данные по Пантикалею, Мирмекию, Фанагории, Нимфею, раннему греческому поселению на территории Анапы и другим центрам неопровержимо свидетельствуют о том, что земляночные и полужемляночные постройки, как временное жилье первопоселенцев, являются характерной чертой античного домостроительства в архаический период не только в Нижнем

---

⁴ Попутно следует отметить, что интерпретация заглубленных в скалу построек в Херсонесе в качестве сооружений, подобных землянкам Северо-Западного Причерноморья [см.: Золотарев, 1987, с. 299 – 300; 1990, с. 68 – 76; 1998, с. 70 – 78; ср.: Крыжицкий, 1993, с. 41], вызывает сомнения [подр. см.: Зубарь, 2005, с. 68 – 74]. Дело в том, что при наличии скалы в Херсонесе непосредственно под дерновым слоем и значительного количества камня, который без особых усилий мог быть использован в строительстве, целесообразность возведения углубленных в скальный грунт на 0,65 - 0,8 м жилых сооружений сравнительно ограниченной площади объяснить достаточно сложно. Скорее, в данном случае мы имеем дело с нижней частью каких-то нежилых сооружений, в которые при нивелировке площади под более позднем строительстве попал ранний археологический материал. Ср.: Золотарев, 1995, с.138.

Побужье [Буйских, 2005а, с. 3 – 21], но и на Боспоре [подр. см.: Алексеева, 1991, с. 9 - 11; 1997, с. 11 - 35; Толстиков, 1992, с. 59 - 60, 71; Виноградов Ю. А., 1992 а, с. 101; 1995, с. 157 - 158, прим. 36 – 37; 1999а, с. 106; 2005, с. 229 – 230; Завойкин, 1992, с. 260; Бутягин, 1999, с. 10 - 11; Марченко, Крыжицкий, 2001, с. 36]. Наличие таких сооружений на территории ранних греческих апойкий свидетельствует не об утрате греками-колонистами навыков наземного строительства, достигнутых к этому времени в метрополии, как думает В. Д. Кузнецов [1995, с. 104: ср.: Paus. X, 4, 1], а о чрезвычайно скромном достатке подавляющего большинства переселенцев [ср.: Лапин, 1966, с. 156; Виноградов Ю.А., 1995, с. 158 - 159; 1999а, с. 108; Цецхладзе, 1999, с. 85 – 87]. Ведь хорошо известно, что воспроизводящее хозяйство лишь по мере накопления добавочного продукта вело к увеличению благосостояния и стимулировало развитие социальной дифференциации [ср.: Шнирельман, 1992, с. 20], что в свою очередь способствовало не только переходу к наземному домостроительству, но и усложнению типологии жилых комплексов в античных центрах Северного Причерноморья [ср.: Трейстер, 1992, с. 94].

Вместе с этим, несмотря на плохую сохранность строительных остатков в архаических слоях античных центров Северного Причерноморья, до настоящего времени археологические источники еще не в полной мере использованы для анализа характерных особенностей колонизационного процесса [ср.: Марченко, 2005 б, с. 54 – 56]. По мнению С.Д. Крыжицкого, на раннем этапе существования греческих апойкий основным типом жилища были землянки или полуземлянки, получившие наименование «дома колониста». Несколько позже в Северном Причерноморье распространяются наземные сырцово-каменные многокамерные дома с внутренними дворами, которые были характерны для жилого строительства во всем греческом мире [Крыжицкий, 1993, с. 42 – 43]. Несмотря на то, что такие дома появляются в различных античных центрах Северного Причерноморья в разное время, С. Д. Крыжицкий считает возможным рассматривать это явление в качестве второй стадии развития античных жилых домов в регионе [Крыжицкий, 1993, с. 42 – 43; ср. Марченко, 2005б, с. 99]. Исследователь подразделяет ранние наземные дома, исходя из их планировочного решения, на ряд типов, не объясняя, впрочем, чем это было обусловлено [Крыжицкий, 1993, с. 43].

Особый интерес, с точки зрения С. Д. Крыжицкого, в планировочном отношении представляет собой комплекс, интерпретированный Н. А. Онайко как древний Торик и располагавшийся недалеко от современного Новороссийска [Онайко, 1980] (рис. 5). Анализ археологического материала показал, что он возникает не позднее середины VI в. до н. э. [Онайко, 1980, с. 98] и, следовательно, является одной из самых ранних достаточно полно исследованных античных поселенческих структур времени колонизации. Анализируя этот архаический памятник, С. Д. Крыжицкий совершенно справедливо указал, что его нельзя интерпретировать в качестве одного большого дома, а следует рассматривать

как комплекс, в котором однокамерные, изредка соединенные между собой [Онайко, 1980, с. 112], помещения группировались вокруг большого двора площадью 900 кв. м. [Крыжицкий, 1993, с. 43]. По своему планировочному решению этот комплекс может быть отнесен к категории так называемых коллективных усадеб или к домам-коммунам и свидетельствует об отражении в археологическом материале воплощения «модели колонизации, приближавшейся к классической, однако явно не городского типа» [Крыжицкий, 1993, с. 44].

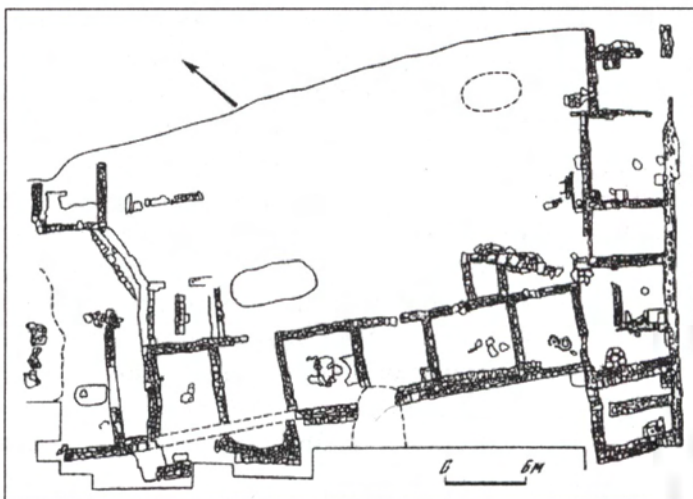

Рис. 5. План раскопанной части строительного комплекса Торика, по Н. А. Онайко.

Следует, однако, подчеркнуть, что сравнение этого комплекса с коллективными усадьбами эллинистического времени, известными в ряде пунктов Северного Причерноморья, или домами-коммунами вряд ли правомерно.⁵ Раскопками Н. А. Онайко была открыта лишь юго-западная часть памятника [Онайко, 1980, с. 11, вклейка], что не позволяет, строго говоря, делать вывод о концентрации открытых помещений вокруг одного замкнутого большого двора и сравнивать его с коллективной усадьбой эллинистического времени в урочище Дидова Хата в Нижнем Побужье [ср.: Крыжицкий, 1993, с. 43, прим.; с. 46].

Конечно, такое планировочное решение не исключено, но его нельзя рассматривать в качестве доказанного факта до окончания исследования территории всего памятника, отождествляемого с Ториком. Кроме этого комплекс, раскопанный Н. А. Онайко, и коллективные усадьбы эллинистического периода, несмотря на определенное формальное сходство, функционировали в разные исторические периоды, что вряд ли делает их сравнение правомерным и методически оправданным. Сейчас можно считать твердо установленным лишь то, что рассматриваемый комплекс представлял собой поселенческую структуру, в которой достаточно ярко проявился принцип блокировки отдельных функционально самостоятельных жилых помещений [Крыжицкий, 1993, с. 44]. Можно согласиться с исследователями, которые указывали, что планировочное

⁵ Вопрос о коллективных усадьбах, раскопанных в Нижнем Побужье, на территории Херсонесского государства в Северо-Западном Крыму и на Боспоре, подробно рассмотрен в специальных статьях [см.: Зубарь, 1998, с. 102 – 116; 1999, с. 25 – 34].

решение этого комплекса свидетельствует о совместном проживании здесь нескольких десятков семей, объединенных в коллектив [Онайко, 1980, с.112; Крыжицкий, 1993, с. 44], характер которого пока не совсем ясен.

Исходя из интерпретации этого комплекса как коллективной усадьбы или дома-коммуны, С. Д. Крыжицкий полагал, что он типологически принципиально отличается от поселенческих структур, состоявших из нескольких блокирующихся вместе домов мегаронного типа с самостоятельными внутренними дворами [Крыжицкий, 1993, с. 44]. Но с этим согласиться трудно, так как и в случае с комплексом Торики, и с домами второго типа, основным является принцип блокировки однотипных функционально самостоятельных жилых структур.

Помимо архаического Торики, такие постройки, состоявшие из нескольких изолированных жилищно-хозяйственных комплексов с дворами, сблокированными вместе и располагавшимися в один ряд, в ходе раскопок прослежены на территории Тиритаки [Гайдукевич, 1952, с. 85, 86, 173, 174; Крыжицкий, 1982, с. 58 - 60, рис. 24, 4, 5] (рис. 6, 1), на холме А у с. Светлячки на древнем Киммерике [Кругликова, 1975, с. 31 - 37, рис. 4, 5; Крыжицкий, 1982, с. 64, рис. 24, 11, 12] (рис. 6, 2), на территории юго-восточной и южной окраины Фанагории [Долгоруков, 1990, с. 32 - 33] (рис. 6, 3), а также на поселении Старая Богдановка II в Нижнем Побужье [Крыжицкий, 1982, с. 65]). Не исключено, к этому же типу построек относится здание Б, раскопанное в Ольвии и состоявшее из трех расположенных в один ряд помещений [Крыжицкий, 1982, рис. 4, 2]. Аналогичную

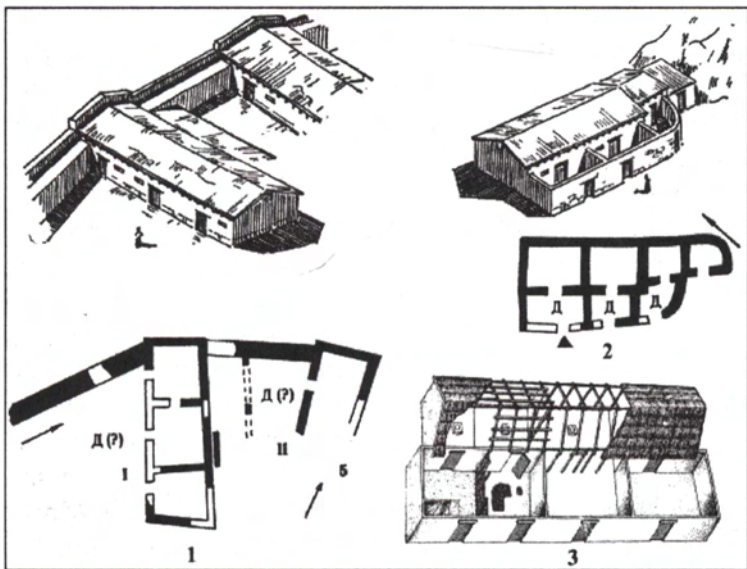

Рис. 6. Постройки, состоявшие из нескольких изолированных жилищно-хозяйственных комплексов, по И.Т., Кругликовой, Ю.М. Десятчикову и С.Д. Крыжицкому.

1 - Тиритака; 2 - холм А, Киммерик; 3 - Фанагория.

или близкую планировку, скорее всего, имела застройка между двумя оборонительными стенами, которые отделяли Маячный полуостров от Гераклеяского (рис. 7), хотя с уверенностью до получения новых данных об этом говорить пока трудно [Щеглов, 1984, с. 54 - 55, табл. XXI; 19; 1994, с. 21 - 22]. Следует также подчеркнуть, что все перечисленные археологические памятники датируются VI - V вв.

до н. э. и, следовательно, отражают период становления градостроительной структуры античных апейкий в процессе заселения греками территорий в Северном Причерноморье.⁶

«Коллективный» характер планировки целой группы указанных памятников VI - V вв. до н. э. позволяет предполагать, что они в какой-то мере отражают социальный статус их жителей. Учитывая, что заселение как Боспора, так и других районов Северного Причерноморья, происходило в несколько этапов [Яйленко, 1983, с. 140; Русяева, 1986, с. 51 - 53], можно предположить, что появление в ранних греческих апейкиях жилищно-хозяйственных комплексов, в которых однотипные функционально самостоятельные поселенческие структуры были сблокированы вместе, отражает характер социальных связей в период колонизационного процесса.⁷

Хорошо известно, что греки, отправляясь за пределы своей родины с целью основания колоний, были обычно организованы в коллективы, во главе которых стояли ойкисты [Яйленко, 1979, с. 68 - 69; Graham, 1983, p. 25 - 29; Анохин, 1999, с. 5 - 6]. При выведении колонии весь контингент переселенцев обладал одинаковыми правами, и, судя по имеющимся источникам, идея равенства всех колонистов неукоснительно соблюдалась [Thuc. I, 27,1; Яйленко, 1982, с. 81 - 82; Graham, 1983, p. 58 - 59]. Поэтому, исходя из рассматриваемого типа наземных сооружений, можно предположить, что возведение домов, в которых несколько жилищно-хозяйственных комплексов блокировалось вместе, было обусловлено сравнительно скромными возможностями представителей как первой колонизационной волны, так и эпойков, прибывших в Северное Причерноморье позднее. Имущественное равенство колонистов позволяет говорить, что и первые жилищно-хозяйственные комплексы строились коллективными усилиями, чем и была обусловлена планировка рассматриваемого типа сооружений. Если

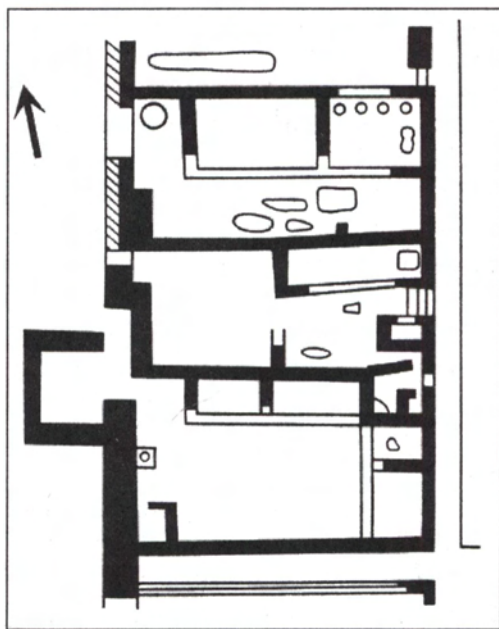

Рис. 7. План построек между двумя стенами на Маячном полуострове, по А. Н. Щеглову.

⁶ Не исключено, что аналогичные постройки были возведены боспорянами на территории античной фактории, зафиксированной на Елизаветовском городище, хотя пока об этом можно говорить лишь предположительно [см.: Марченко, 1990, с. 131; 1991, с. 94 - 95].

⁷ В связи со сказанным интересно, что застройка боспорского поселения, следы которой открыты на территории Елизаветовского городища, достаточно близка планировке ранних домов, открытых на холме А и в Торике [ср.: Марченко, 1990, с. 130 - 131; 1991, с. 54 - 55].

сказанное справедливо, то землянки и полуземлянки, открытые в ранних слоях античных городов Северного Причерноморья, следует рассматривать в качестве первоначального типа жилья колонистов, сооружение которого было обусловлено их сравнительно скромным материальным достатком.

В каждом конкретном случае следует также учитывать геологические условия разных регионов Северного Причерноморья, отличные от района Эгейского моря, что способствовало на раннем этапе обитания переселенцев появлению столь специфического жилья, как углубленные в землю жилые и хозяйственные комплексы [ср.: Андреев, Марченко, 2005, с. 402]. Ведь адаптация переселенцев к новой для них среде обитания должна была, так или иначе, отразиться на особенностях материальной культуры и типах жилищ на новых местах [ср.: Козлов, 1983, с. 5; Виноградов Ю. А., 2000а, с. 120]. Перечисленными факторами в первую очередь и следует объяснять наличие земляночного строительного периода на ранних греческих поселениях, а не заимствованием его конструкции у варварского населения лесостепной зоны современной Украины, на чем продолжает настаивать К. К. Марченко [Марченко, 2005б, с. 54 – 58; ср.: Бутягин, 2001, с. 36 – 40], так как автохтонное оседлое население в Нижнем Побужье и на Боспоре отсутствовало [подр. см.: Виноградов Ю. А., 2000а, с. 110 – 111; ср.: Марченко, 2005б, с. 48 – 50].

Исходя из всего сказанного, нельзя согласиться с В. Д. Кузнецовым в том, что наличие или отсутствие наземного домостроительства не было обусловлено экономическими причинами, а объясняется лишь неверной интерпретацией раскопанных археологами жилищно-хозяйственных комплексов [Кузнецов, 1995, с. 104 – 107]. Рассмотренные археологические комплексы позволяют заключить, что ранние слои греческих апойкий неопровержимо свидетельствуют о достаточно скромном достатке как первых колонистов, так и эпойков, которые появляются в Северном Причерноморье в результате нескольких колонизационных волн [ср.: Кошеленко, Кузнецов, 1992, с. 23 – 24; Кузнецов, 1995, с. 107; Виноградов, Рогов, 1997, с. 69]. Вполне вероятно, что землянки и полуземлянки, как и наземные постройки рассмотренного типа, были первоначальным временным жильем первых колонистов. А появление жилых земляночных структур в Пантикапее и Мирмекии в период начавшегося на Боспоре наземного домостроительства свидетельствует о притоке в этот регион новых групп переселенцев, которые с полным правом могут рассматриваться в качестве эпойков [Трейстер, 1990, с. 42; Долгоруков, 1990, с. 34 – 35]. Именно эпойкам, которые не обладали первоначально достаточным экономическим потенциалом, скорее всего, и принадлежали эти скромные земляночные и полуземляночные жилища, так как для возведения наземных домов переселенцам нужно было сначала устроиться на новом месте и накопить необходимые ресурсы для такого строительства [Зубар, 1998 б, с. 129 – 136; Виноградов Ю. А., 1999а, с. 108; Буйских, 2005а, с. 3 – 21]. Сказанное, в частности, косвенно подтверждается и тем, что в период реколонизации сельских территорий в Северо-Западном Причерноморье в конце V –

IV вв. до н. э., как и в начальный период колонизации, наиболее ранними типами жилья вновь становятся заглубленные в землю прямоугольные в плане постройки [см.: Марченко, 2005 б, с. 119, 123 – 125].

Землепользование и землевладение. Для того чтобы получить представление об уровне социально-экономического развития греческого населения на территории Боспора, следует обратиться к археологическим источникам, так как какие-либо иные их категории пока отсутствуют. Несмотря на то, что сейчас трудно на основании имеющихся данных оперировать какими-то количественными показателями, данные археологии все же позволяют наметить основные тенденции социально-экономического развития Боспора.

Как считалось до недавнего времени, на современном Керченском полуострове в VI - V вв. до н. э. существовало 26 греческих населенных пунктов [Абрамов, Паромов, 1993, с. 78 – 79; Масленников, 1993, с. 12 – 13; 1998 а, с. 42; Анохин, 1999, с. 7 – 9; Saprykin, 2001, р. 636 – 641; Завойкин, Масленников, 2006, с.112-115; Сапрыкин, 2006, с.180]. Однако сейчас, благодаря продолжающимся исследованиям раннего этапа боспорской истории и выделению нескольких хронологических периодов в освоении хоры полисов, можно детализировать процесс заселения греками-колонистами окрестных земель на европейском побережье Боспора Киммерийского [Зинько, 2004б, с. 16 – 19]. Основная масса населения здесь до последней четверти VI в. до н. э. была сконцентрирована в сравнительно небольших аграрных городках-полисах, расположенных на морском побережье в удобных для обороны местах, обрабатывала земли, располагавшиеся, как в Милете [Herod., V, 92], в непосредственной близости от места жительства, и лишь в последние десятилетия VI в. до н. э. возникают первые сельские поселения [Зинько, 2004б, с. 17; ср.: Виноградов Ю. А., 2005, с. 223, 226]. Археологические материалы, полученные в процессе раскопок Мирмекия, свидетельствуют, что здесь жило население невысокого достатка [Виноградов Ю. А., 1992, с. 102; ср. Русяева, 1998 а, 231; Марченко, 2005б, с. 89].

Ранняя история небольших боспорских городов сейчас активно изучается [Толстикова, 2001а; Толстикова, Журавлев, Ломтадзе, 2003; 2004; Бутягин, 2000; Вахтина, 2003; Vachtina, 2003]. Благодаря археологическим исследованиям последних десятилетий накоплен значительный материал о ранних боспорских поселениях. Он свидетельствует об их практически одинаковой застройке довольно примитивными постройками в виде землянок и небольших сырцово-каменных домов, расположенных на ограниченной территории. Даже Пантикапей до начала последней четверти VI в. до н. э. своим обликом мало напоминал настоящий город [Толстикова, 1992, с.76; ср.: Виноградов Ю. А., 1999а, с. 108 – 112] (рис. 8). В то же время, вероятно, все эти поселенческие структуры являлись центрами полисов, в которых были сосредоточены определенные типы общественных зданий [ср.: Hansen, 1994, р. 30]. Конечно, сложно предположить, что археологически можно во всех ранних боспорских городах полностью выявить какой-то стандартный набор построек, свидетельствовавших о политической и

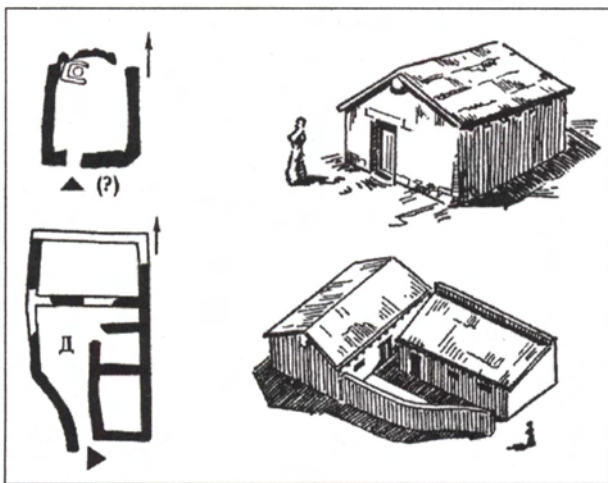

Рис. 8. Жилые дома позднеархаического Пантикапея, по С. Д. Крыжицкому.

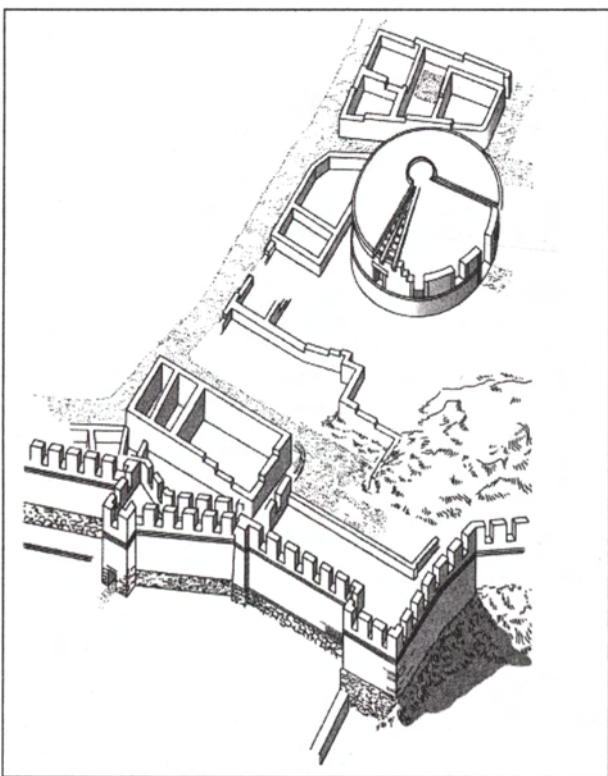

Рис. 9. Ансамбль с толосом в Пантикапее последней четверти VI – начала V вв. до н.э. Реконструкция В.П. Толстикова.

религиозной жизни полиса. Это может объясняться целым рядом объективных и субъективных факторов, а не только степенью археологической исследованности того или иного городища. В то же время на каждом хронологическом этапе довольно четко прослеживаются определенные тенденции, свидетельствующие о полисном статусе территориально и типологически близких поселений. Взаимовстречаемость таких археологически засвидетельствованных объектов, как святилища (Нимфей, Мирмекий, Пантикапей), общественные здания, предназначенные для полисных магистратов (Пантикапей), а также укрепления (Пантикапей, Мирмекий, Порфмий), позволяют утверждать, что в VI в. до н.э. все эти поселения были центрами небольших самостоятельных гражданских общин, т.е. полисами [ср.: Алексеева, 1991, с. 48 – 49] (рис. 9).

Определенные изменения во внешнем облике этих поселений начинают происходить в последней четверти VI в. до н.э. Это связано как с их демографическим и социально-экономическим развитием, так и с внешнеполитическим воздействием. Территория Нимфея, например, застраивается наземными постройками, причем на отдельных участках прослеживается единовременная засыпь землянок [Скуднова, 1954, с. 306]. Анало-

гичные процессы происходят и в Пантикапее [Толстикова, 2001а, с. 390-393]. Создание урбанистических структур свидетельствует не только о завершении адаптации колонистов к климатическим, экологическим и демографическим условиям района обитания [Виноградов Ю. А., 2000, с. 230], но и о становлении городского центра полиса [ср.: Завойкин, 2001, с. 153]. В это же время начинается новый этап в освоении хоры, характеризующийся возникновением первых сельских поселений, выявленных к настоящему времени на хоре Нимфея, Тиритаки и Порфмия [Зинько, 2004б, с.14-20]. Все сказанное с высокой степенью вероятности позволяет археологическими материалами подтвердить вывод о том, что основанные на европейском побережье Боспора Киммерийского в первой половине VI в. до н. э. апойкии являлись полисами, состоящими из городского поселения и определенной сельскохозяйственной территории - хоры.

Но только в последней четверти VI в. до н. э. в окрестностях Пантикапея, Нимфея и Тиритаки появляются неукрепленные поселения, состоявшие из хаотично расположенных отдельных ойкосов, включавших жилые и хозяйственные сооружения, окруженные приусадебными земельными участками [Зинько, 1998, с.87; ср.: Виноградов Ю. А., 2005, с.223, рис. 16; Сапрыкин, 2006 с.181-182] (рис. 10, А). Такие археологически зафиксированные памятники располагались на сельскохозяйственной территории, принадлежавшей этим центрам и, видимо, могут рассматриваться в качестве земельных владений их граждан [Кругликова, 1975, с. 27 - 30; Горончаровский, 1996, с. 31; Solov'ev, Zin'ko, 1994, s. 75 - 77; Зинько, 1997, с. 30; 1998, с. 86 – 88]. По мнению И. Т. Кругликовой, Пантикапей и Нимфей контролировали земли в радиусе 5 - 7 км [Кругликова, 1975, с. 30; Сапрыкин, 2001, р. 640; Сапрыкин, 2006, с.181-182].

В последней четверти VI – начале V вв. до н. э. жителями Нимфея были освоены земли побережья Керченского пролива между Чурубашским и Гобечикским озерами. На запад эта территория тянулась от моря в глубину на 4-5 км до поселения Южно-Чурубашское (север), а на юг – до поселения Героевка – 1. Расстояние от крайнего южного пункта до города составляло чуть более 6 км, что позволяло легко контролировать хору из Нимфея, располагавшегося на мысу [Зинько, 1996, с. 13; 1997, с. 30; 1998, с. 86 – 87]. Размеры этой ранней хоры Нимфейского полиса вряд ли превышали 20-30 кв.км. На хоре Титираки, занимавшей территорию около 20 кв.км, в этот период известно пока только два сельских поселения на удалении 2-3 км от города [Зинько, 2005, с.31]. На хоре Пантикапея пока можно отметить лишь поселение Ак-бурун II, а на хоре Порфмия – поселение на месте Парфения [Зинько, 2004б, с.18]. Однако процесс возникновения сельских поселений на хоре полисов в северной части зоны пролива, вблизи северной «киммерийской» переправы Геродота, вероятно, сдерживала угроза со стороны кочевников, которая возникла в последней трети VI в. до н. э. [Виноградов Ю. А., 2005, с. 226]. С ней, очевидно, связано строительство укреплений Порфмия и Мирмекия в архаический период [Вахтина, Виноградов, 2001, с. 44].

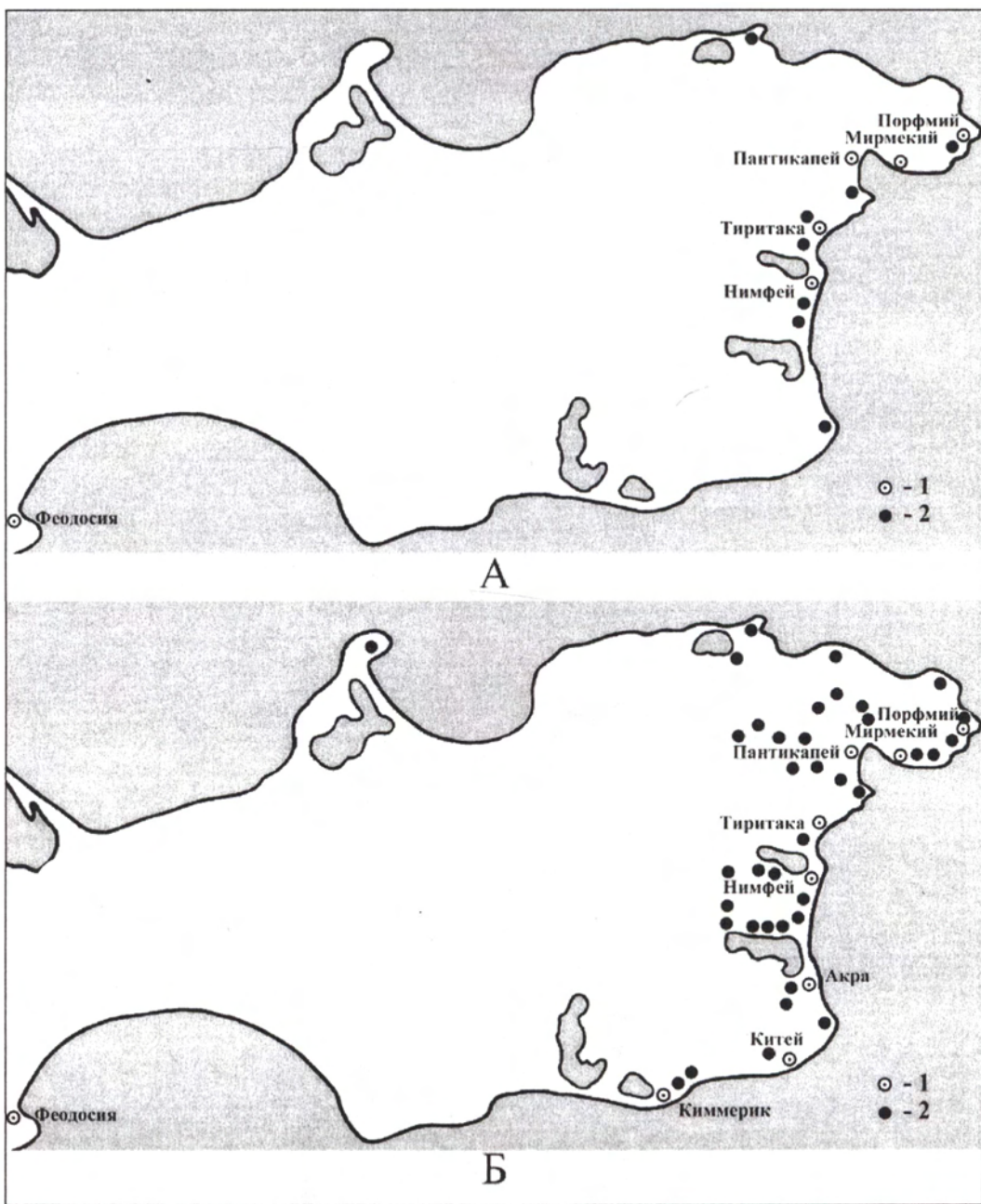
Небольшое количество таких поселений, которые, очевидно, можно рассматривать в качестве землевладений граждан боспорских городов того времени, подтверждает заключение, что основная масса греческого населения в это время жила в небольших городках и обрабатывала земельные наделы в непосредственной близости от них [Масленников, 1993, с. 12 – 13; ср.: Виноградов Ю. А., 1995 а, с. 65 – 68; Зинько, 1998, с. 87, 89; 2003, с. 47; Русяева, 1998а, с.211; Сапрыкин, 2006, с.180–182]. Косвенно в пользу этого свидетельствует отсутствие следов размежевки этого времени на территории Керченского полуострова [Кругликова, 1975, с. 52; ср.: Зинько, 1998, с. 89, 94].⁸

Несмотря на плохую сохранность архаических строительных остатков, все же можно предполагать, что на сельских поселениях хоры Нимфея и Тиритаки в последней четверти VI – начале V вв. до н. э., безусловно, преобладали землянки [Зинько, 2005, с. 31], свидетельствующие, вероятно, о достаточно однородном социальном составе их жителей [Кругликова, 1975, с. 28, 52; ср.: Григорьев, 2000, с. 31]. Только в первые десятилетия V в. до н. э. на хоре Нимфея и, вероятно, Пантикапея наметился переход к наземному домостроительству. В последнее время в Крымском Приазовье открыто еще несколько небольших поселений, которые связываются с третьей колонизационной волной или началом внутреннего освоения сельскохозяйственных территорий боспорскими греками, но характер этих поселений пока остается не ясным [Масленников, 1989, с. 80; 1993, с. 13; 1995, с. 88 - 89; 1998 а, с. 42; Русяева, 1998а, с. 217].

Следующий этап освоения хоры боспорских городов европейской части Боспора Киммерийского охватывает период второй-третьей трети V в. до н. э. и характеризуется активным освоением приморских земель на глубину до 8-10 км от побережья. Основываются новые сельские поселения, застроенные небольшими наземными сырцово-каменными постройками. Только на хоре Нимфея в это время существует около полутора десятка сельских поселений [Зинько, 2003, с.47 – 48; 2006, с.133 – 143] (рис. 11). В это же время возникают новые полисы – Акра, Китей, Киммерик со своими сельскими территориями. Судя по письменным источникам, некоторые из них могли быть основаны выходцами из Пантикапея [Strabo. XI. 2,8] (рис. 10Б).

Однако применительно к VI – V вв. до н. э. о наличии сколько-нибудь крупных землевладений на Боспоре говорить не приходится. Причем, как представляется, для определения размеров землевладений в этот период нельзя использовать содержание граффити, обнаруженного при раскопках на мысе Зюк [Блаватская, Розов, 1985, с. 115 - 137; Масленников, 1985, с. 138 – 147; 1995, с. 89]. Его интерпретация

⁸ Правда, Б. Г. Петерс считал, что следы наиболее ранней размежевки, зафиксированные, по данным аэрофотосъемки, в районе Михайловского городища, в 19 км к западу от Керчи, в V в. до н. э. принадлежали гражданам Нимфея [Петерс, 1978, с. 117 – 118]. Однако в связи с тем, что эта размежевка датируется только на основании обломков амфор V - IV вв. до н. э., об этом с уверенностью говорить пока трудно [ср.: Зинько, 1998, с. 93 – 94].

Рис. 10. Сельские поселения последней четверти VI – начала IV вв. до н. э. европейской части Боспора, по В. Н. Зинько.

1 – города; 2 – сельские поселения.

А - поселения последней четверти VI – первой четверти V вв. до н.э.

Б - поселения второй четверти V – начала IV вв. до н. э.

далеко не бесспорна и не может быть подкреплена результатами археологических исследований поселенческих структур этого времени [см.: Масленников, 1995, с. 83 – 89], а реконструируемые площади земельных наделов представляются завышенными [подр. см.: Зубарь, 1993, с. 10 – 12; ср.: Щеглов, 1993, с. 33].

На современном Таманском полуострове, в древней Синдике, картина была несколько иной. Разведками и раскопками здесь зафиксировано около 90 пунктов, включая города, где обнаружены слои или материал VI – V вв. до н. э. [Абрамов, Паромов, 1993, с. 67 – 71; см. также: Паромов, 1986, с. 69 – 76; 1989, с. 72 – 78; ср.: Десятчиков, Долгоруков, Алексеева, 1984, с. 88; Анохин, 1999, с. 9 – 10, 12; Saryukin, 2001, p. 641 – 644; Сапрыкин, 2003, с. 13; Завойкин, 2005, с. 98; Завойкин, Масленников, 2006, с. 118–123; Сапрыкин, 2006, с. 173–174; 179–180]. В отличие от Восточного Крыма, греками была практически заселена вся территория Таманского архипелага за исключением острова Кандаур (рис. 12). Процесс освоения сельскохозяйственных территорий здесь шел свободно, не испытывая давления извне [Абрамов, Паромов, 1993, с. 74 – 75]. В конце VI – начале V вв. до н. э. города не определяли здесь ситуацию [Абрамов, Паромов, 1993, с. 73].

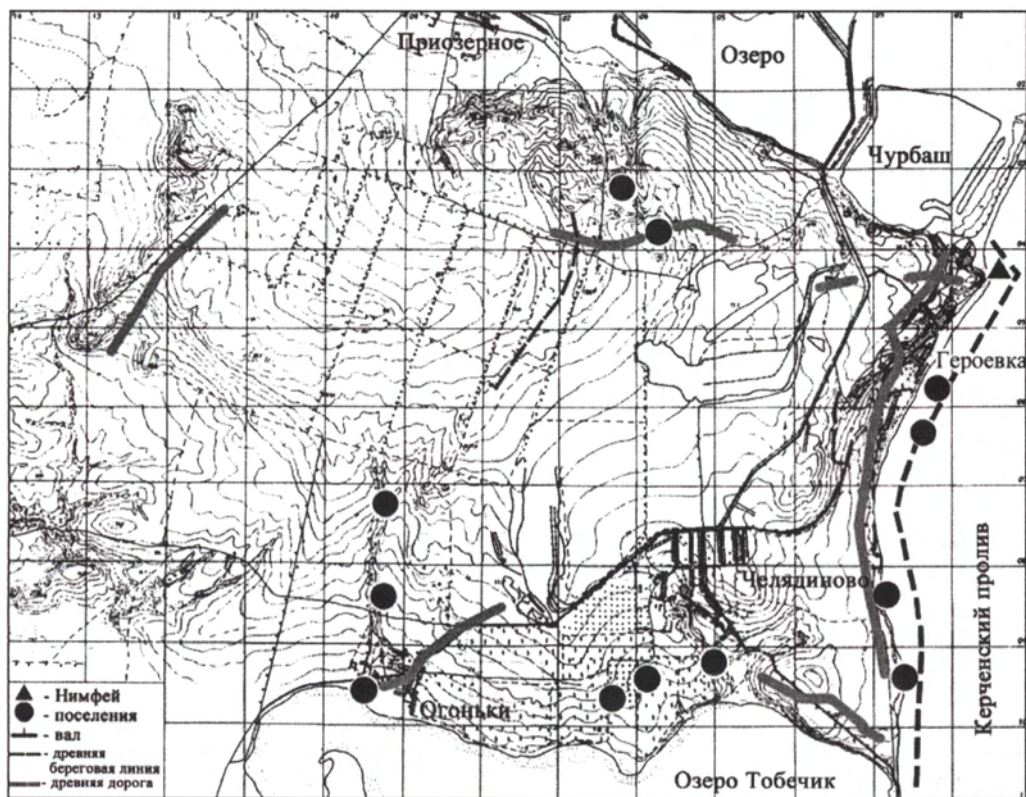

Рис. 11. Нимфей и сельские поселения его хоры V в. до н. э., по В. Н. Зинько.

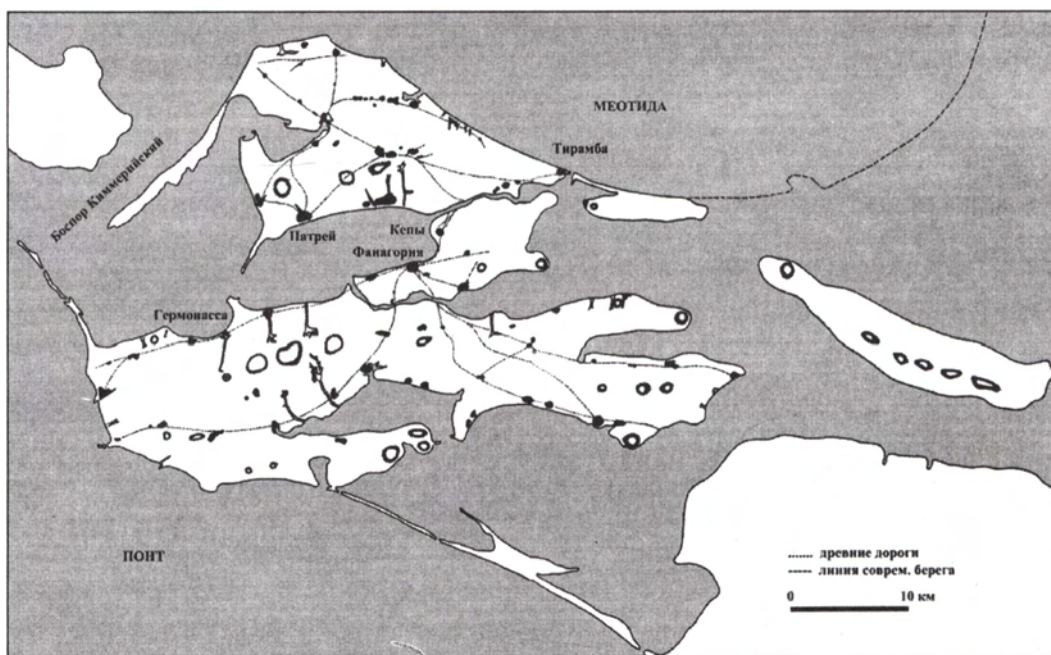

Рис. 12. Таманский полуостров в VI – V вв. до н. э., по Я. М. Паромову.

Вероятно, это может объясняться тем, что более или менее крупные из них первоначально являлись местом жительства земледельцев и только со временем стали аграрно-ремесленными и торговыми центрами. К сожалению, сказанное не может быть подтверждено каким-либо археологическим материалом, так как на Таманском полуострове поселения сельской округи этого времени остаются практически неисследованными, и прогресс в их изучении наметился только в последние годы [Соловьев, 2002, с. 33 – 60; Соловьев, Бутягин, 2002, с. 67 – 80].

Примечательно, что на Таманском полуострове зафиксировано втрое больше памятников VI – V вв. до н. э., чем на Керченском, площадь которого более чем в два раза была больше [Абрамов, Паромов, 1993, с. 79; Sarykin, 2001, р. 641]. Это, помимо всего прочего, позволяет предполагать, что в количественном отношении на Таманском полуострове преобладали наделы небольшой площади, являвшиеся основной формой античного землевладения. Причем не последнюю роль в большей плотности заселения азиатской части Боспора, вероятно, сыграло то, что основная масса ранних поселений была сосредоточена на островах, в древней дельте реки Кубани.

Ремесло и торговля. Данных о развитии ремесла в ранних боспорских центрах очень мало, и оно исследовано неравномерно [Шелов, 1954, с. 119; 1979, с. 3 - 6; 1984, с. 162 – 173]. Пожалуй, лучше других изучено металлообрабатывающее производство, следы которого археологически зафиксированы в Пантикапее и Торике [Трейстер, 1988, с. 26, прим. 60; 1998, с. 130 – 141]. Ко второй половине VI -

началу V вв. до н. э. в Пантикапее относятся остатки четырех небольших бронзолитейных мастерских, которые открыты на территории жилых кварталов. Есть основания предполагать, что уже в это время они группировались вместе и представляли собой ремесленный квартал (рис. 13). Судя по археологическим находкам, в таких мастерских, в первую очередь, изготовлялось оружие, что, вероятно, косвенно свидетельствует об усилении варварской угрозы [подр. см.: Марченко, 1957, с. 161 - 164; 1971, с. 148 - 156; Treister, 1987, р. 38 - 42; Трейстер, 1988а, с. 45 - 66; 1992, с. 66 - 94]. Однако уже в конце VI в. до н. э. в Пантикапее началось производство предметов торевтики [подр. см.: Марченко, 1962, с. 51 - 53; Онайко, 1966, с. 169 - 174; Treister, 1990, р. 29 - 35; Трейстер, 1998, с. 130 - 141]. Бронзолитейное производство на рубеже VI - V вв. до н. э., судя по обнаруженной литейной форме, существовало и на азиатской стороне Боспора, в Фанагории, где в это время даже отливались статуи [Долгоруков, 1986, с. 145 - 147].

Судя по материалам археологических раскопок и аналогиям, сейчас можно говорить, что мастерские по обработке металла в Пантикапее, как и в других районах античного мира, были небольшими, и в них, вероятно, работало всего несколько ремесленников [подр. см.: Ziomecki, 1975, s. 64 - 66, ill. 23 - 24; s. 99; Трейстер, 1992, с. 68 - 69, рис. 1 - 2; Кузнецов, 1994, с. 111 - 118]. Производство не было дифференцированным. В одной и той же мастерской Пантикапея изготовлялся металл, велись кузнечные работы и костью окончательно оформлялось изделие [Шелов, 1979, с. 5]. Выделение на начальном этапе существования боспорских городов металлургии как специализированной отрасли материального производства позволяет предполагать, что ремесленники-металлисты занимали особое положение в обществе, как это

Рис. 13. Ремесленный квартал Пантикапея конца VI - начала V вв. до н. э., по М. Ю. Трейстеру. Рисунок М. В. Львовой.

было, например, в более позднее время в Эпидавре [Кузнецов, 1986, с. 47].

Ранее считалось, что боспорские металлурги использовали либо криворожскую руду [Гайдукевич, 1949, с. 117], либо руду, импортировавшуюся из других районов античного мира [Каллистов, 1949, с. 229]. Хотя позднее было установлено, что в боспорских метал-

лургических мастерских железо сыродутным способом получалось из местной керченской руды, которая предварительно брикетировалась, т. е. прессовалась с

Рис. 14. Первые монеты Пантикапея, по В. А. Анохину.

добавлением к руде связывающих масс [Марченко, 1957, с. 173; Круг, Рындина, 1962, с. 258]. Следовательно, на Керченском полуострове с очень раннего времени руда добывалась, вероятно, открытым способом, и какая-то часть населения была связана с ее добычей.

О других отраслях ремесленного производства сейчас сказать что-то определенное трудно. Но наличие в целом ряде боспорских центров гончарных печей VI – V вв. до н. э., вероятно, свидетельствует о том, что уже в это время по привозным образцам было налажено производство керамики, широко использовавшейся греческим населением в быту [см.: Кругликова, 1957, с. 99; Скуднова, 1957, с. 73 и сл.; Цветаева, 1957, с. 200; 1972, с. 21 – 23; Керамическое, 1966, с. 18, табл. 19, 1, 5 – 7; Соколова, 2001, с. 140]. Однако керамическая тара, обнаруженная при раскопках слоев VI – V вв. до н. э. исключительно привозная, что говорит не только об отсутствии местного производства амфор, но и вина [Зеест, 1960, с. 17]. Следует также отметить, что результаты археологических исследований свидетельствуют о наличии на раннем этапе существования боспорских городов строительного ремесла. Но сравнительно скромные масштабы такого рода деятельности в VI – V вв. до н. э. не позволяют предполагать, что в этой отрасли было занято сколько-нибудь значительное количество зависимого населения [подр. см.: Блаватский, 1957, с. 13 - 22, 43].

Развитие сельскохозяйственного производства и ремесла привело к появлению в середине – второй половине VI в. до н. э., а, может быть, и несколько позже [см.: Коваленко, 2005, с. 361 – 365], серебряной монеты, которая начала чеканиться в Пантикапее [Шелов, 1956, с. 13 - 14; Фролова, 1992, с. 198 - 204; ср.: Яйленко, 1983, с. 193; Анохин, 1986, с. 5 – 13; 1999, с. 7; Фролов, 1997, с. 11; Русяева, 1998а, с. 212; Маринович, 2005, с. 55-58] (рис. 14). Видимо, к этому времени внутренний рынок Пантикапея достиг такого уровня развития, когда возникла потребность в денежном эквиваленте [Шелов, 1956, с. 15, 77 – 78; Анохин, 1999, с. 7]. Сказанное хорошо согласуется с археологическими материалами, которые свидетельствуют о появлении специализированных ремесленных мастерских в Пантикапее. Хотя на сельских поселениях в окрестностях боспорских городов пока не обнаружено монет, но зафиксированы привозные амфоры и столовая посуда [Кругликова, 1972, с. 25]. Это, с одной стороны, может свидетельствовать о слабом развитии внутренней торговли, а, с другой, - рассматриваться в качестве показателя того, что эти поселения составляли сельскохозяйственную

территорию античных городов [Пантикапея, Нимфея и др.], обрабатывавшуюся гражданами этих центров.

Денежное обращение раннего Пантикапея базировалось на серебряном старере, который чеканился по эгинской весовой системе [Шелов, 1956, с. 73; ср.: Анохин, 1986, с. 20 – 23]. На начальном этапе монетной чеканки регулярно выпускались лишь диоболы и мелкие фракции обола, которые в количественном отношении, безусловно, преобладали [Шелов, 1956, с. 60, 81; Терещенко, 2002, с. 134 – 138]. Такое положение позволяет говорить, что в это время здесь трудились мелкие производители и отсутствовали сколько-нибудь значительные торговые сделки, для обслуживания которых в первую очередь была необходима монета крупных номиналов [ср.: Блаватский, 1985 а, с. 59]. Ранние пантикапейские серебряные монеты пока не найдены на варварских памятниках, а обнаружены только на античных городищах, что свидетельствует об обращении монет исключительно на внутреннем рынке городов Боспора [Шелов, 1956, с. 76, 83]. В качестве международного средства платежа, вероятно, использовались кизикины, хотя для VI – V вв. до н. э. это можно только предполагать [Шелов, 1956, с. 82 – 83]. Таким образом, можно констатировать, что начало монетной чеканки в Пантикапее отражает более быстрое его экономическое развитие в сравнении с другими античными центрами Боспора [ср.: Анохин, 1999, с. 7].

Наличие привозных товаров, в первую очередь вина и оливкового масла в амфорах, в боспорских городах говорит об определенном развитии не только внутренней, но и внешней торговли [ср.: Treister, 1993, р. 377 – 379; Кузнецов, 2000, с. 33; Виноградов Ю. А., 2005, с. 234 – 235], хотя ее роль в этот период вряд ли стоит преувеличивать, как это делают некоторые современные авторы [Tsetskhladze, 1998, р. 52 – 76; подр. см.: Буйских, 2005, с. 148, прим. 8]. Ввоз продукции в амфорах из Малой Азии, с Хиоса, Самоса, Клазомен, а позднее и из других центров [Гайдукевич, 1949, с. 80 - 88; Зеест, 1960, с. 15 – 17; Абрамов, 1992, с. 247 – 259; Завойкин, 1992, с. 259 – 269] позволяет предполагать, что в хозяйствах боспорских греков производилось какое-то количество товарной продукции, вывозившейся в другие центры [Гайдукевич, 1966, с. 49]. Об этом, в частности, свидетельствуют мощные археологические слои Гермонассы VI – V вв. до н. э., насыщенные значительным количеством разнообразных импортных товаров высокого качества [подр. см.: Зеест, 1968, с. 144 – 148]. Сейчас, конечно, трудно говорить об экспортных возможностях боспорских городов в VI – V вв. до н. э., но, если только Демосфен получал тысячу медимнов (41 т.) дарового боспорского хлеба [Dem. 1, 43], то и экспорт сельскохозяйственной продукции, видимо, был ранее не так мал [ср.: Кузнецов, 2000, с. 16 – 40; Масленников, Смекалова, 2005, с. 277 – 278].

Уже в архаическую эпоху греки проникают в дельту Дона, где в районе современного г. Таганрога археологически фиксируются следы греческой апойкии [Копылов, Ларенок, 1994, с. 5 – 6; 1995, с. 111 – 115; Копылов, 1996, с. 33 – 36; 1999, с. 89 – 94; Виноградов Ю. А., 2005, с. 220 – 221]. А несколько позже, на рубеже VI – V вв. до

н. э., здесь складывается локальный вариант скифской культуры и возникает Елизаветовское городище, которое становится сравнительно крупным пунктом, через который осуществлялись экономические связи греков с варварским населением Нижнего Дона и Северо-Восточного Приазовья [Брашинский, 1980, с. 89; 1981, с. 88; Брашинский, Марченко, 1986, с. 216; Федосеев, 1996, с. 97 – 101; Житников, 1997, с. 50 – 59; Копылов, Марченко, 1998, с. 93 – 98; Копылов, 2003, с. 139; Виноградов Ю. А., 2005, с. 287] (рис. 15). По подсчетам исследователей; в год сюда морем привозилось не менее 1750 – 1900 амфор высокосортных вин Хиоса, Менды, Фазоса, Афин и других античных винодельческих центров [Брашинский, 1980, с. 90 – 92]. Из амфор вино переливалось в бурдюки и вывозилось далее к варварскому населению Причерноморья [Граков, 1971, с. 51; Винокуров, 1999, с. 94]. Судя по имеющимся данным, торговля здесь велась не только вином, но и другими товарами [Брашинский, 1980, с. 80 - 88, 100; Яковенко, 1987, с. 84]. Но в силу специфики археологического материала об объемах торговых операций говорить что-то определенное пока трудно [Брашинский, 1984, с. 175].

Сейчас невозможно что-то сказать о том, кто осуществлял доставку античных товаров в V в. до н. э. в дельту Дона. Но, скорее всего, они привози-

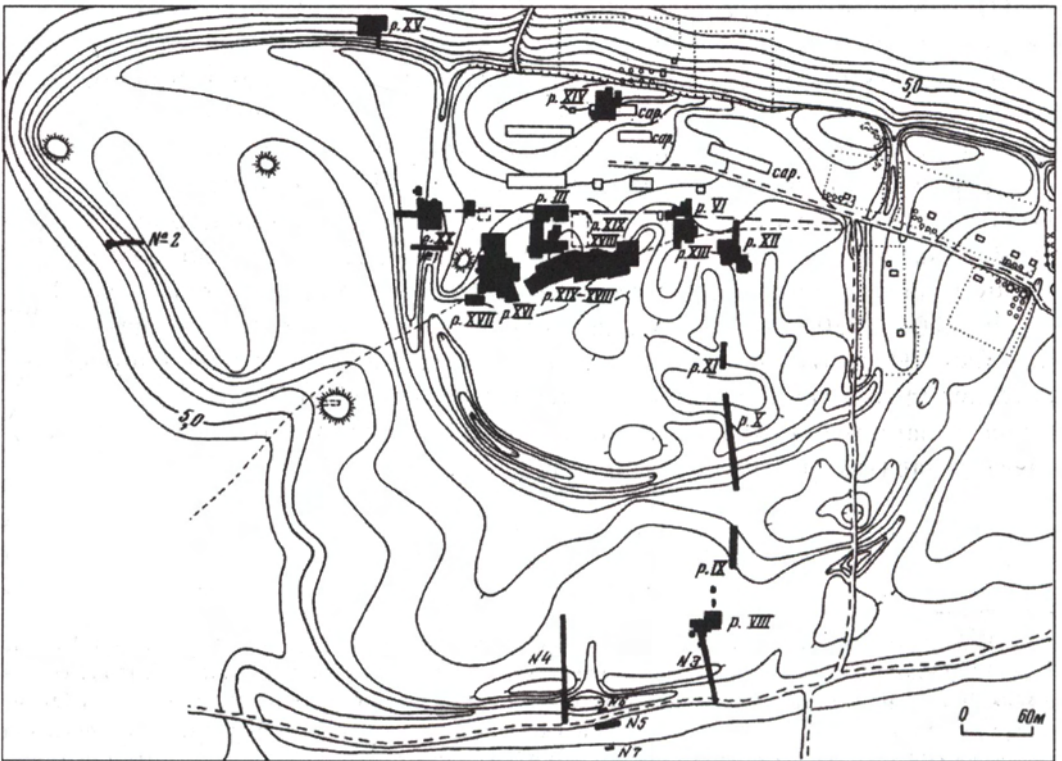

Рис. 15. Схематический план Елизаветовского городища с указанием мест раскопок, по К. К. Марченко.

лись сюда боспорянами, так как прямые связи Елизаветовского городища с античными центрами бассейна Эгейского моря маловероятны [ср.: Кузнецов, 2000, с. 36 – 37; Виноградов Ю. А., 2005, с. 267]. Следует подчеркнуть, что, если в первой половине V в. до н. э. население Елизаветовского городища было в основном потребителем греческих товаров, то уже со второй половины столетия этот пункт становится важным центром транзитной торговли [Брашинский, 1980, с. 90].

Через Елизаветовское городище какая-то часть товаров, и в первую очередь вина, поступала через Боспор в Скифию. Правда, боспорский экспорт в этот регион изучен еще недостаточно, и сейчас можно говорить лишь о том, что в это время боспоряне могли осуществлять посреднические торговые операции, так как на памятниках Поднепровья не зафиксировано боспорских амфор или какой-либо иной керамической продукции [Онайко, 1966 а, с. 48; Виноградов Ю. А., 2005, с. 267]. Н. А. Онайко полагает, что в VI – V вв. до н. э. из боспорских центров к варварскому населению Прикубанья могло поступать какое-то количество продукции металлообрабатывающих мастерских. А главными торговыми партнерами боспорских греков в это время выступали не скифы, а синды и меоты [Онайко, 1966 а, с. 49, 55; ср.: Малышев, 1996, с. 110 – 111].

На основании имеющихся данных можно заключить, что основную массу населения Боспора в VI – начала V вв. до н. э. составляли греки-колонисты и их потомки, которые являлись членами гражданских общин, и основой их благосостояния было сельское хозяйство [ср.: Борисова, 2003, с. 24]. Греческое население боспорских городов состояло из первопоселенцев и эпойков, которые, как и в других районах греческой колонизации, не обладали всей полнотой прав. Но у нас нет оснований говорить о наличии на Боспоре в это время, как, впрочем, и в Ольвии [Зубарь, 1996, с. 122 – 124], сколько-нибудь значительной группы несвободного населения, в том числе и рабов [ср.: Кузнецов, 2000, с. 30], которое являлось основным производителем материальных благ. Несмотря на полное молчание источников по этому вопросу, отсутствие следов крупного землевладения и сравнительно низкий уровень развития товарного хозяйства не позволяют говорить об этом даже гипотетически [Блаватский, 1957, с. 43; 1985 а, с. 59].⁹

---

⁹ Вряд ли можно согласиться с Ю. А. Виноградовым в том, что наличие в слое конца VI в. до н.э. в Мирмекии лепной керамики свидетельствует о включении туземных контингентов в состав апойкий, где они составляли слой зависимого населения [Виноградов Ю. А., 1995, с.159]. Этому в первую очередь противоречит достаточно скромный облик раннего Мирмекия, материалы из раскопок которого ввел в научный оборот сам Ю. А. Виноградов. Здесь, видимо, уместно вспомнить слова Ф. Шаму о том, что включение туземного населения в состав греческого полиса является «невероятным фактом» [Chamoux, 1953, p. 222].

БОСПОРСКАЯ СИММАХИЯ И ОБРАЗОВАНИЕ БОСПОРСКОГО ГОСУДАРСТВА

Обстоятельствам возникновения Боспорского царства посвящена поистине огромная литература, и здесь нет необходимости приводить историографический очерк, так как это уже делалось неоднократно [см.: Виноградов Ю.Г., 1983, с. 394 - 419; Толстиков, 1984, с. 24; Шелов-Коведяев, 1985, с. 63 -78; Васильев, 1992, с. 111 - 112; Молев, 1997 а, с. 24 – 41; Виноградов Ю.А., 2000а, с. 98 – 128; Завойкин, 2004, с. 58 – 61]. Большинство исследователей в настоящее время принята концепция Ю.Г. Виноградова, согласно которой основной причиной объединения греческих апойкий, располагавшихся на берегах Боспора Киммерийского, послужила скифская угроза самому существованию полисов, что привело к их объединению и в конечном итоге к образованию Боспорского государства [Vinogradov, 1980, S. 63 - 100; Виноградов Ю. Г., 1983, с. 394 - 419; 1995, с. 16; Завойкин, 2001а, с. 22 – 28; Виноградов Ю. А., 2005, с. 241 -242]. Несмотря на то, что отдельные положения этой концепции подвергались и подвергаются критике [Долгоруков, 1990, с. 35 - 36; Васильев, 1992, с. 111 - 128; Масленников, 1996, с. 61 – 71; Молев, 2005, с. 210 – 214; Сапрыкин, 2003, с. 19; 2006, с.184], она пока является лучше всего аргументированной и наиболее полно отражает все сделанное по этой проблеме. Вместе с этим, естественно, новые материалы и разработки, появившиеся после выхода в свет работ Ю. Г. Виноградова, требуют уточнения ее положений, ибо наша источниковая база, к сожалению, пока не позволяет решить все имеющиеся проблемы однозначно.

Возникновение боспорской симмахии. Единственным источником по вопросу о времени появления и характере Боспорского государственного образования является Диодор Сицилийский, который сообщает: «При архонте Феодоре в Афинах (438/7 г. до н. э.) ... исполнилось сорок два года царствования на Киммерийском Боспоре царей, называемых Археанактидами; царскую власть получил Спартак (Спарток – В. З.; В. З.) и царствовал семь лет» [Diod., XII, 31, 1; пер. В. В. Латышева]. Этим кратким сообщением, по сути дела, и заканчивается письменная традиция относительно самого раннего периода истории Боспорского государства. Однако, помимо этого письменного источника, существует сравнительно много археологических и нумизматических данных, которые позволили Ю. Г. Виноградову и ряду исследователей, следовавших за ним, дать в целом убедительную картину образования

и ранней истории Боспора в конце VI – V вв. до н. э. [историографию см.: Виноградов Ю. А., 2000а, с. 118 – 119; Борисова, 2003 а, с. 14 – 23].

Следует признать правомерным вывод о том, что именно военно-политическая активизация кочевых скифов после победоносной войны с Дарием привела к консолидации боспорских греков и послужила главной предпосылкой образования симмахии боспорских городов, во главе которой встал представитель аристократической семьи Археанактидов – выходцев, видимо, из Милета [см.: Анохин, 1999, с. 15 – 16; Сапрыкин, 2003, с. 16], который возглавил вооруженные силы союзников [Vinogradov, 1980, S. 96; Виноградов Ю. Г., 1983, с. 395 – 396, 406, 417 – 418; ср.: Пичикян, 1984, с. 146 – 147; Шелов-Коведяев, 1985, с. 71 – 72; Виноградов, Тохтасьев, 1994, с. 54 – 55; Доманский, Фролов, 1995, с. 80; Молев, 1997 а, с. 24 – 35; Виноградов Ю. А., 2001, с. 83 – 84; Копылов, 2003, с. 138]. Центром боспорской симмахии стал Пантикапей, который к этому времени занял ведущее положение в экономическом развитии региона [Vinogradov, 1980, S. 80, 95], а также, судя по последним археологическим данным, в начале V в. до н. э. подвергся, скорее всего, нападению варваров, что привело к разрушениям и пожарам на его территории [подр. см. Толстикова, 2001а, с. 404 – 405; Толстикова, Журавлев, Ломтадзе, 2003, с. 323 – 325; 2004, с. 353].

Правда, В. С. Долгоруков, приведя ряд аналогий, высказал сомнение в том, что именно варварская угроза способствовала объединению боспорских греков. Он предположил, что приход к власти Археанактидов был обусловлен иными обстоятельствами [Долгоруков, 1990, с. 35; Молев, 1997 а, с. 25 – 30; ср.: Сапрыкин, 2003, с. 16]. В частности, ссылаясь на мнение Т. В. Блаватской, он полагал, что поводом для объединения боспорских городов под властью Археанактидов стала социальная борьба, победу в которой одержали сторонники тирании [Долгоруков, 1990, с. 36]. Несмотря на то, что теоретически это вполне вероятно [ср.: Виноградов Ю. Г., 1983, с. 398], такой ход событий не подтверждается источниками. Дело в том, что археологические исследования показали, что на территории современного Керченского полуострова античные сельские поселения VI – первой половины V вв. до н. э. единичны (рис. 10 А), а греческое население концентрировалось в основном в городах и более или менее крупных населенных пунктах [Кругликова, 1975, с. 27 и сл.; 52; Толстикова, 1984, с. 26 - 27; Масленников, 1993, с. 12 – 13], где началось возведение монументальных построек [Блаватский, 1957, с. 13 – 22].

Следовательно, уровень социально-экономического развития боспорских греков еще не достиг того уровня, когда новые группы переселенцев, спасавшихся после поражения восстания ионийских городов против персов, непременно должны были вступить в острую социальную борьбу с потомками первопоселенцев за передел земельной собственности [ср.: Блаватская, 1959, с. 20 и сл.; Долгоруков, 1990, с. 36; Анохин, 1999, с. 13]. На рубеже VI – V вв. до н. э., как показывают результаты археологических разведок на Керченском полуострове, имеющийся земельный фонд практически был не освоен, а обрабатывались

лишь те земли, которые располагались в ближайших окрестностях греческих центров [Кругликова, 1975, с. 27 – 30; Масленников, 1992, с. 80; Зинько, 2005, с.31; ср.: Виноградов Ю. Г., 1983, с. 404 – 405].

А. А. Масленников отметил, что, исходя из малочисленности погребальных памятников скифов VI – V вв. до н. э. на Керченском полуострове, нет оснований рассматривать варварскую угрозу в качестве главного фактора объединения боспорских греков [Масленников, 1996, с. 61 – 63; ср.: Молев, 1997 а, с. 30 – 33]. Но в данном случае, очевидно, нельзя опираться исключительно на количественные показатели. Ведь скифы в VI – V вв. до н. э. находились на первой стадии кочевания, для которой наиболее характерной чертой были именно впускные погребения и отсутствие стационарных могильников [Плетнева, 1981, с. 55]. В первую очередь важен характер развития скифского общества после победоносной войны с Дарием, когда скифские правители переходят к ярко выраженной экспансионистской политике в отношении сопредельных территорий [Виноградов Ю. Г., 1989, с. 84 – 85]. Одним из направлений этой экспансии был Боспор, территория которого использовалась кочевниками для сезонных перекочевок [Вахтина, Виноградов, Рогов, 1980, с.159-160; Виноградов Ю. Г., 1989, с. 89 – 90; Копылов, 2003, с. 138; Виноградов Ю. А., 2005, с. 214 – 220, 233 – 234; Марченко, 2005а, с. 34]. Поэтому более широкому освоению сельскохозяйственных территорий на Керченском полуострове в первую очередь мешали скифские набеги, которые не позволяли грекам осесть на значительном удалении от берега пролива [Виноградов Ю. А., 1995, с. 156 – 157]. Важным показателем неприятельской угрозы, которая своим острием была направлена против боспорских городов, как ранее считалось, являлось возведение так называемого Тиритакского вала и ранней оборонительной стены Тиритаки на остатках построек конца VI в. до н. э. [Толстикова, 1984, с. 28 – 29; Виноградов Ю. А., 2005, с. 242 – 244; ср.: Завойкин, 2005, с. 95].

Боспорским оборонительным валам посвящена обширная литература [подр. см.: Масленников, 1983, с. 14 – 22; 2003, с. 8 – 195]. Причем традиционно считается, что они были построены до освоения греками современного Керченского полуострова «потомками слепых», упоминающимися Геродотом, а в античное время были лишь приспособлены к обороне рубежей Боспорского государства [историографию см.: Масленников, 1983, с. 19 – 21; 1996, с. 68; 2003, с. 8 – 195; Толстикова, 1984, с. 35 – 36; Молев, 1997 а, с. 40]. Не вдаваясь в подробное рассмотрение этого сложного вопроса, хотелось бы только подчеркнуть, что, если наличие целой системы валов на Керченском полуострове, несмотря на все старания исследователей, почти невозможно однозначно связать со строительной деятельностью носителей кембибинской культуры или киммерийцами [ср.: Масленников, 1983, с. 19 – 21], то их возведение сравнительно легко объяснимо, если исходить из того, что известно о боспорской истории [ср.: Виноградов, Тохтасев, 1994, с. 60 – 61].

Сооружение валов и аналогичных им оборонительных сооружений для защиты земель от рейдов кочевых народов практиковалось в разное время и на

различных территориях, в том числе и на территории Эллады [подр. см. Thus. VI, 2 – 7; Garland, 1973, p. 149 – 160; Масленников, 2003, с. 234]. Но такие мероприятия, как правило, не могли надежно сдерживать напор кочевников, которые своими действиями неоднократно доказывали неэффективность таких укреплений [ср.: Хазанов, 2000, с. 355].

Топография этих земляных оборонительных сооружений, возведенных для защиты территории Боспора с запада от конных кочевников [Сокольский, 1957, с. 96; ср.: Масленников, 1995 а, с. 61], и некоторые их конструктивные особенности (наличие в основании каменных кладок – крепид) убеждают в том, что они были построены греками и отражают постепенный территориальный рост территории Боспорского государства и находившихся под его контролем сельскохозяйственных территорий. Об этом свидетельствует расположение греческих сельских поселений под прикрытием валов [Кругликова, 1975, с. 16, рис. 1; Масленников, 1983, с. 15, рис.; 1992, с. 80 – 81; 2003, с. с. 8 – 195] и погребений кочевых скифов VI – IV вв. до н.э., концентрировавшихся в своей массе к западу от этих укреплений [см.: Яковенко, 1974, с.15, рис. 1; 1981, с. 46 – 52; Мурзин, 1984, с. 12, рис. 1; Ольховский, 1991, с. 18 – 19, рис. 1 – 2].

Естественно, расположение столь трудоемких и дорогостоящих оборонительных сооружений, которыми были валы, не может точно отражать изменения границ Боспорского государства [ср.: Сокольский, 1957, с. 96; Масленников, 2003, с. 250 – 251]. Но, учитывая долговременный характер валов, которые пересекали весь Керченский полуостров или же ограничивали более или менее обширные его участки [Масленников, 1983, с. 15, рис.; 2003, с. 8 – 195], не будет большим преувеличением предположить, что боспорские оборонительные валы не столько отражают реальные границы Боспора, сколько являются ярким показателем стратегического подхода к обороне сельскохозяйственных территорий государства [ср.: Виноградов, Тохтасьев, 1994, с. 61 – 62; Масленников, 2003, с. 250 – 251].

Внешняя угроза греческим поселениям, расположенным на Керченском полуострове, явилась поводом к их объединению в симмахию, главенствующее положение в которой занял наиболее развитый в экономическом отношении Пантикапей [Vinogradov, 1980, S. 80, 95]. Сейчас, ввиду полного отсутствия надежных источников, трудно с уверенностью сказать, объединял ли этот союз все греческие апойкии, расположенные на Керченском и Таманском полуострове, или же в него входили только города европейского Боспора [Brandis, 1899, col. 757, 762, 766 – 767; Stern, 1915, S. 182 – 183; Ростовцев, 1918, с. 87, 91; Жебелев, 1953, с. 69, прим. 4; Сапрыкин, 2006, с. 183 – 184]. Однако материал, приведенный В. П. Толстикovým относительно скифских походов через Керченский пролив в Синдику, свидетельствует об объединении в союз большинства греческих городов Боспора Киммерийского, что и позволило грекам успешно противостоять скифской экспансии [Толстикöv, 1984, с. 38 – 44; ср.: Виноградов, Тохтасьев, 1994, с. 62; Копылов, 2003, с. 138]. Видимо, можно согласиться с Ф. В. Шеловым – Коведяевым в том, что, если при Археанактидах союз включал

города по обе стороны пролива [ср.: Vinogradov, 1980, S. 66 ff.], то такие крупные полисы, как Фанагория и Гермонасса, вошли в него добровольно. Ведь в то время Пантикапей еще не располагал силами для их насильственного подчинения [Шелов-Коведяев, 1985, с. 76; ср.: Vinogradov, 1980, S. 95 – 96].

Сейчас трудно сказать, в каких формах проявлялась варварская экспансия, но не исключено, что агрессивные действия кочевников против греческих городов по берегам пролива были обусловлены тем, что они лежали на пути сезонных перекочевок скифов [подр. см.: Масленников, 1995 а, с. 66 – 67; 1996, с. 62 – 63; Сапрыкин, 2006, с. 189; ср.: Копылов, 2003, с. 138]. Именно желанием перекрыть варварам маршрут движения через Керченский пролив и обезопасить себя от непрогнозируемых набегов кочевников объясняется объединение греческих городов в симмахию и, как считалось ранее, строительство совместными усилиями Тиритакского вала [Толстикова, 1984, с. 39 – 42, рис. 6; ср.: Федосеев, 1997, с. 100 – 110; 1999, с. 61 – 102; Масленников, 1998 б, с. 117 – 123; 1998 а, с. 217 – 223; Вахтина, 2002, с. 33; Завойкин, 2005, с. 95. Подр. об этом вале см.: Масленников, 2003, с. 131 – 189; ср.: Сапрыкин, 2006, с. 189].

Но нельзя отрицать, как это делают некоторые исследователи [Васильев, 1992, с. 116; Сапрыкин, 2003, с. 16, 19 – 20], что в начале V в. до н. э. на Боспоре существовало надполисное военно-политическое, а, возможно, и религиозное объединение, которое Ю. Г. Виноградов предложил рассматривать в качестве военной симмахии и религиозной амфикифии [Виноградов Ю. Г., 1983, с. 416 – 418; 1995, с. 17; Толстикова, 1984, с. 47, прим. 95]. Другое дело, что на базе имеющихся источников сейчас нет оснований говорить, как долго просуществовал этот союз и какой характер носила власть Археанактидов на протяжении 42 лет их нахождения у власти [Виноградов Ю. Г., 1983, с. 417; ср.: Сапрыкин, 2003, с. 19]. А модернизация политико-правовой терминологии Диодором Сицилийским, к сожалению, не позволяет опереться на его сообщение при выяснении характера правления Археанактидов [Васильев, 1992, с. 121 – 123; Завойкин, 1994, с. 66; 2001, с. 161; ср.: Виноградов Ю. Г., 1983, с. 408 – 409; Молев, 1997 а, с. 24; 2005, с. 211; Кузнецов, 2001, с. 239; Борисова, 2003 а, с. 4 – 23; Виноградов Ю. А., 2005, с. 260].

Сейчас, в результате значительной работы, проделанной А. А. Масленниковым, уже нельзя связывать остатки так называемого Тиритакского вала с деятельностью боспорской симмахии [Масленников, 2003, 131 – 189; Завойкин, 2005, с. 95]. Но, если обратиться к археологическим источникам, то можно утверждать, что серьезная угроза боспорским центрам со стороны варваров все же существовала. Об этом, в частности, свидетельствуют следы разрушений и пожаров начала V в. до н. э., археологически зафиксированные на территории Пантикапея [Толстикова, 2001, с. 45 – 57; 2001а, с. 404 – 405; Толстикова, Журавлев, Ломтадзе, 2003, с. 323 – 325; 2004, с. 353] и в других пунктах европейского Боспора, которые есть все основания связывать со скифскими набегами [Толстикова, 1984, с. 28 - 31, рис. 1; Чистов, 2002, с. 260; Виноградов Ю. А., 2005, с. 239 – 241]. В частности, это подтверждается материалами

раскопок Мирмекия и Порфмия, где к концу первой четверти V в. до н. э. относятся археологически засвидетельствованные следы катастрофы, постигшей эти города в результате варварского нашествия [Вахтина, 1995, с. 32 – 33; Бутягин, 2000, с. 143 – 144; Вахтина, Виноградов, 2001, с. 41 – 45]. Наличие в завалах бронзовых трехлопастных наконечников стрел, один из которых был деформирован в результате удара, позволяет связывать эти события, впрочем, как и возведение в Мирмекии и Порфмии в конце первой трети V в. до н. э. оборонительных стен, с военной активностью скифов [Виноградов Ю. А., 1992, с. 107; Виноградов, Тохтасьев, 1994, с. 54 – 60; ср.: Толстикова, 1984, с. 29, 31; Вахтина, 1988, с. 197 – 198; Бутягин, 1997, с. 152; Зинько, 1998, с. 87]¹⁰.

Следовательно, разрушения в Пантикапее, Мирмекии и Порфмии позволяют заключить, что угроза варварских набегов на боспорские города не была эпизодической и, наряду со строительством оборонительных стен в Тиритаке, Мирмекии и Порфмии, боспорские греки должны были объединенными усилиями предпринять ряд мер по защите своих центров от варварской угрозы. Именно это и явилось главным побудительным мотивом их объединения в симмахию. Результатом совместных действий стала стабилизация военно-политической обстановки и постепенное изменение характера взаимоотношений со скифами [ср.: Толстикова, 1984, с. 46; Виноградов Ю. А., 1992, с. 107; Копылов, 2003, с. 138 – 139].

Однако тот факт, что Нимфей, как и другие античные центры, скорее всего, не вошли в состав симмахии свидетельствует, что надполисное объединение было делом добровольным и в конечном итоге зависело от военно-политического положения каждого конкретно взятого античного центра. В этом отношении показательным и то, что, если античные центры, расположенные к северу от Тиритаки и входившие, как считают некоторые исследователи, в состав единого Пантикапейского полиса, около 480 г. до н. э. вошли в состав боспорской симмахии [Завойкин, 1994, с. 66; Виноградов Ю. А., 1995, с. 154; ср.: Масленников, 1996, с. 66 – 67; Сапрыкин, 2006, с. 184], то Нимфей и греческие поселения, находившиеся под его контролем, очевидно, не стали членами объединения, а в отношениях со скифами проводили свою собственную политику. Комплекс археологических материалов позволяет с известной долей вероятности предполагать, если не наличие на определенном отрезке времени так называемого скифского протектората, то весьма тесные военно-политические связи с их правителями и Нимфеем [Толстикова, 1984, с. 41 – 44; ср.: Зинько, 1998, с. 88; Бутягин, 1999, с. 10 – 11; Сапрыкин, 2006, с. 189], что, вероятно, нашло отражение в типах нимфейской лепной керамики [Яковенко, 1978, с. 36 – 43; Виноградов Ю. А., 1995, с. 159; ср.: 1989, с. 39] и погребениях с оружием [Черненко, 1970, с. 190 – 198; Виноградов Ю. А., 2005, с. 245 – 250].

¹⁰ В начале V в. до н. э., судя по археологическим материалам, Кепы, расположенные на азиатской стороне Боспора, возможно, также подверглись нашествию варваров, о чем свидетельствуют следы пожара, зафиксированные в слоях этого центра [см.: Кузнецов, 1991 а, с. 37].

На базе имеющихся источников сейчас нельзя подтвердить или опровергнуть ни то, ни другое предположение [Шелов-Коведяев, 1985, с. 81]. Но последующие события, и в первую очередь вступление Нимфея в Афинский морской союз, свидетельствуют о наличии на Боспоре определенной оппозиции объединительным устремлениям Археанактидов, резиденцией которых был Пантикапей. Со стороны Нимфея это была долговременная целенаправленная политика, которая базировалась на поисках сильных союзников, так как противостоять боспорской симмахии этот центр мог только благодаря поддержке извне [ср.: Доманский, Фролов, 1995, с. 80; Зинько, 1998, с. 88; 1998 а, с. 29 – 33]. Не исключено, что в пользу сказанного свидетельствует и сооружение здесь храма в антах во второй половине V в. до н. э. [Соколова, 1997, с. 143 – 147; Молев, 1997 а, с. 57].

Сказанное в какой-то мере является косвенным аргументом в пользу выводов тех исследователей, которые полагали, что объединение боспорских городов вокруг Пантикапея включало лишь центры, расположенные на Керченском полуострове, а античные центры, основанные греками к югу от Тиритаки и на современном Таманском полуострове, продолжали существовать относительно самостоятельно [подр. см.: Васильев, 1992, с. 125 - 126; Зинько, 1996, с. 13]. Причем не исключено, что инициатором процесса объединения мог выступить не только Пантикапей, но и Нимфей [ср.: Шелов-Коведяев, 1985, с. 80].

Однако в силу выгодного географического и стратегического положения предпочтение было отдано все же Пантикапею, что и явилось тем фактором, который заставил Нимфей вплоть до конца V в. до н. э. проводить в отношении объединения боспорских центров достаточно независимую политику [Шелов-Коведяев, 1985, с. 76; ср.: Доманский, Фролов, 1995, с. 80]. Пример Нимфея свидетельствует и о том, что боспорская симмахия складывалась преимущественно путем добровольного вхождения в нее боспорских городов, и применительно к первой половине V в. до н. э. о насильственном включении в ее состав греческих центров речь пока идти не может [ср.: Виноградов Ю. Г., 1983, с. 418].

Естественно, сказанное не более чем предположение. Но возвышение и стремительный рост экономического потенциала Пантикапея в V в. до н. э. явился не столько причиной [ср.: Vinogradov, 1980, S. 80, 95], сколько следствием объединения греческих городов в симмахию, хотя ранняя пантикапейская монетная чеканка свидетельствует о том, что этот центр, безусловно, был экономическим лидером региона [см.: Коваленко, 2005, с. 361 – 365; Терещенко, 2002а, с. 206 – 209]. Только сконцентрировав средства и ресурсы объединения греческих городов, направляемые на совместную оборону в условиях постоянной угрозы варварских набегов, а несколько позже и на культовое строительство [Толстиков, 1984, с. 47, прим. 95], Пантикапей мог развиваться более быстрыми темпами, чем другие боспорские города [Толстиков, 1992, с. 93]. Но, вероятно, проведенные совместными усилиями оборонительные мероприятия объективно способствовали росту в 70 – 30-е гг. V в. до н. э. благосостояния и других боспорских центров [подр. см.: Шелов-Коведяев, 1985, с. 79; Виноградов Ю. А., 1992, с. 107].

Рис. 16. Монеты с легендой ΑΠΟΛ, по В. А. Анохину.

Говоря о боспорской симмахии, организационное оформление которой относится ко времени около 480 г. до н. э., следует обратиться к нумизматическим источникам. Сейчас установлено, что первые боспорские серебряные монеты были отчеканены в Пантикапее не в середине VI в. до н. э., как считалось ранее [Шелов, 1956, с. 13 – 14; Фролова, 1992, с. 199 – 200], а несколько позже [см.: Коваленко, 2005, с. 361 – 365].¹¹ Серебряная чеканка первой половины V в. до н.э. представлена несколькими типами с общими изображениями на аверсах и реверсах, а также надписями ΠΑ, ΠΑΝ, ΠΑΝΤΙΙ, ΑΠΟΛ [Фролова, 1992, с. 205] (рис. 14). Если монетные выпуски с надписями ΠΑ, ΠΑΝ, ΠΑΝΤΙ связа-

ны с городской чеканкой Пантикапея, то монеты с легендой ΑΠΟΛ и изображением муравья соответственно приписывались городу Аполлонии и Мирмекию [Библиографию см.: Васильев, 1992, с.125 - 126, прим. 41] (рис. 16). Все ранние боспорские монеты чеканились на пантикапейском монетном дворе, но интерпретировались они по-разному.

Наиболее приемлемой и в достаточной степени аргументированной является точка зрения Ю. Г. Виноградова, которая была поддержана Н. А. Фроловой. Она сводится к тому, что монеты с надписью ΑΠΟΛ, чеканившиеся на пантикапейском монетном дворе, представляют собой эмиссии надполисной боспорской симмахии и религиозной амфикитоники, находившейся под покровительством Аполлона Иетроса – главного покровителя ионийских греков [см.: Толстикова, 1984, с. 47, прим. 95; Фролова, 1988, с. 124 – 132; 1992, с. 205; 1995, с. 205 – 212; Виноградов Ю. Г., 1995, с. 17; Молев, 1997 а, с. 40 – 41; ср.: Анохин, 1999, с. 16 – 17; Болдырев, 2002, с. 209 – 210; Масленников, Смекалова, 2005, с. 279]. По мнению Д. Б. Шелова, поддержанному Н. А. Фроловой, монеты с ΑΠΟΛ чеканились на пантикапейском монетном дворе во второй и третьей четверти V в. до н. э. [Шелов, 1956, с. 27, прим. 2; Фролова, 1988, с. 132; 1992, с. 204; 1995, с. 206; ср.: Анохин, 1986, с. 6 – 14].

Если учесть сообщение Диодора о времени прихода к власти Археанактидов, скорее всего, чеканку серебряной монеты с надписями ΑΠΟΛ следует свя-

¹¹ Попутно следует указать, что появление монеты нельзя объяснять развитием боспорской хлебной торговли [Терещенко, 2002а, с. 207; Смекалова, 2005, с. 248 – 256], которая началась не ранее V в. до н. э. [см.: Кузнецов, 2000, с. 27], а следует связывать с потребностями исключительно внутреннего рынка, где уже сложились условия, способствовавшие переходу к товарно-денежным отношениям [ср.: Шелов, 1956, с. 15, 77 – 78; Русяева, 1998а, с. 212; Анохин, 1999, с. 7; Болдырев, 2002, с. 209 – 210].

зывать с возникновением первого надполисного объединения, симмахии и религиозной амфикифии боспорских греков с центром в Пантикалее [Виноградов Ю. Г., 1995, с. 17].¹² А выпуск серебряных монет с аббревиатурой ПА, ПАН, ПАНТИ, если за начало боспорской чеканки, как считалось ранее, принимать середину VI в. до н. э. [Шелов, 1956, с. 13 – 14; Фролова, 1988, с. 131; 1992, с. 199; ср.: Коваленко, 2005, с. 361 – 365], следует относить ко времени, предшествовавшему объединению греческих городов.

Сложнее обстоит дело с серебряными монетами, на которых имелись изображение муравья и надписи АПОΛ или ПАНТИ. Если исходить из вышесказанного, то с известной долей риска можно говорить о том, что во второй и третьей четверти V в. до н. э. на монетном дворе Пантикалея одновременно осуществлялась чеканка от имени гражданской общины (ПАНТИ) и боспорской симмахии, находившейся под покровительством Аполлона (ΑΠΟΛ), хотя интерпретация последних как храмовых разделяется не всеми исследователями [Болдырев, 2002, с. 209 – 210; Завойкин, 2005, с. 96]. Тогда доходы от выпуска монет с определенными надписями использовались, соответственно, на нужды Пантикалея и объединения боспорских городов [ср.: Сапрыкин, 2003, с. 14 – 16]. Эта гипотеза хорошо согласуется с общими тенденциями исторического развития Боспора в первой половине V в. до н. э.

Особого внимания заслуживает вопрос о семантике изображения муравья на серебряных монетах с надписями АПОΛ и ПАНТИ, чеканенных на монетном дворе Пантикалея во второй и третьей четверти V в. до н. э., которые являлись самым маленьким номиналом разменной монеты, составлявшей 1/24 драхмы [Фролова, 1992, с. 205; 1995, с. 205 – 212; ср.: Терещенко, 2002, с. 134 – 138]. Надписи на монетах интерпретировались по-разному (подр. точки зрения по этому вопросу см.: Васильев, 1992, с. 126 – 127, прим. 41). Вместе с этим обращалось внимание и на то, что муравей на этих монетах являлся говорящей эмблемой, символизировавшей название небольшого боспорского городка Мирмекия, хотя связь их с этим греческим полисом представляется весьма сомнительной [Жебелев, 1941, с. 149 – 152; Анохин, 1986, с. 27; Фролова, 1992, с. 205; Виноградов Ю. А., 1992, с. 99 – 100; 1995, с. 153]. Но, несмотря на это, изображение муравья на боспорских монетах V в. до н. э. все же требует своего объяснения. В данном случае оно, несомненно, является говорящей эмблемой, которая отражала определенный аспект жизни и верований боспорских греков.

По сообщению Климента Александрийского, фессалийцы в древности поклонялись муравьям, так как верили, что Зевс, превратившись в это насекомое, сочетался браком с дочерью Клитора Евримедузой и произвел на свет Мирмидона [Кагаров, 1913, с. 304, прим. 1]. От этого Мирмидона вели свое происхождение мирмидоняне («муравьиные люди», от греческого μύρμηξ – «муравей»),

---

¹² О федеративных образованиях на территории Греции в более поздний период подр. см.: Сизов, 1992, с. 72 – 86.

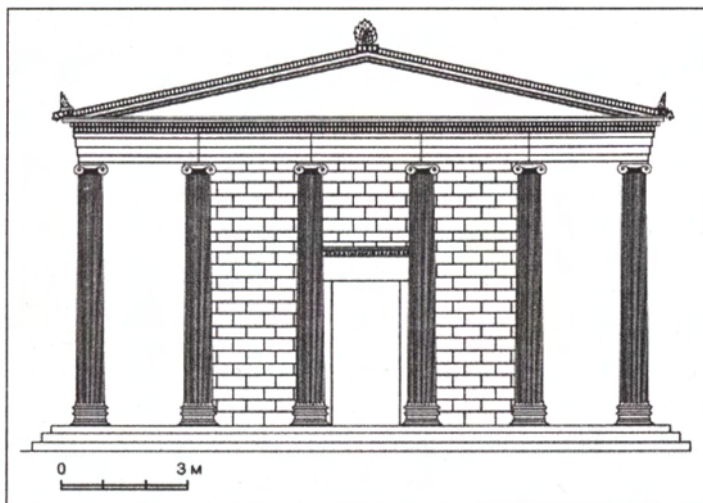

Рис. 17. Храм Аполлона в Пантикапее.
Реконструкция И.Р. Пичикяна.

которые колонизовали остров Эгину. Кроме этого, мифологическое значение муравья во многом объясняется его небольшими размерами, делавшими муравья минимальной счетной единицей, отражавшего множественность, подвижность, коллективность, которая проявляется в формах их совместного существования и деятельности [Мифы, 1992, с. 181].

В связи с этим резонно вспомнить, что серебряные боспорские монеты с изображением муравья выполняли роль самых мелких разменных номиналов [Фролова, 1992, с. 205, 207; Терещенко, 2002, с. 134 – 138] и, скорее всего, чеканились на монетном дворе Пантикапея от имени симмахии боспорских городов в V в. до н. э. Если это соотнести с предполагаемыми совместными оборонительными мероприятиями и восстановлением или перестройкой общей святыни – храма Аполлона в Пантикапее [Толстиков, 1984, с. 46 – 47; 1992, с. 78; Пичикян, 1978, с. 32 – 41; 1984, с. 156 – 178; Шелов-Коведяев, 1985, с. 69; ср.: Блаватский, 1957, с. 66 – 68] (рис. 17), которые, безусловно, осуществлялись коллективными усилиями боспорских греков, входивших в симмахию, и религиозную амфиксионию [Виноградов Ю. Г., 1995, с. 17], то появление на монетах муравья как говорящего символа представляется вполне объяснимым. Не исключено, что выпуск серебряных монет самого мелкого номинала с изображением муравья мог использоваться для оплаты строительных работ и должен был покрыть общие расходы боспорского надполисного объединения [ср.: Толстиков, 1984, с. 47, прим. 95; Виноградов Ю. Г., 1995, с. 17].

Еще один аспект, на котором следует остановиться в связи с рассматриваемым кругом вопросов, – это проблема характера власти Археанактидов, которая уже неоднократно дискутировалась в научной литературе [подр. см.: Vinogradov, 1980, S. 68 – 69; Виноградов Ю. Г., 1983, с. 395 – 396, 406, 411 – 417; ср.: Анохин, 1999, с. 19 – 20; Виноградов Ю. А., 2001, с. 84 – 85; Завойкин, 2001, с. 161; Сапрыкин, 2003, с. 28; 2006, с. 177]. На основании анализа сообщения Диодора Сицилийского с привлечением сравнительных материалов, Ю. Г. Виноградов пришел к заключению, что после отражения скифской агрессии один из Археанактидов, используя свое положение в боспорской симмахии в качестве

стратега-автократора, установил тираническую власть сначала в Пантикапее, а затем насильственным путем подчинил и другие полисы, входившие в боспорскую симмахию [Vinogradov, 1980, S. 95 – 96; Виноградов Ю. Г., 1983, с. 417 – 418; ср.: Шелов-Коведяев, 1985, с. 71 – 77; Сапрыкин, 2003, с. 19, 28].

Несмотря на всю привлекательность предложенной гипотезы, к сожалению, она не подтверждается источниками и, строго говоря, базируется лишь на том факте, что Диодор Сицилийский называет Археанактидов «царствовавшими» (βασιλεύσαντες) [Diod., XII, 31,1]. Имеется достаточно много убедительных данных, свидетельствующих о том, что терминология Диодора не отражает официального статуса Археанактидов [Жебелев, 1953, с. 163; Виноградов Ю. Г., 1983, с. 406; ср.: Васильев, 1992, с. 121 – 122; Завойкин, 1994, с. 66; 2001, с. 161; Виноградов Ю. А., 2001, с. 84 – 85]. Поэтому, базируясь только на этом источнике, даже с привлечением массы сравнительных данных, нельзя «ретроспективно проецировать на правление Археанактидов характер власти ранних Спартокидов», который значительно лучше освещен источниками, в том числе и письменными [Виноградов Ю. Г., 1983, с. 406 – 407; ср.: Завойкин, 1992, с. 263; 1994, с. 66; ср.: Кузнецов, 2001, с. 238 – 239]. Иными словами, сейчас нет убедительных данных о том, что один из Археанактидов, захватив власть в симмахии, стал тираном [ср.: Сапрыкин, 2003, с. 19, 28; 2006, с.177; Виноградов Ю. А., 2005, с. 260]. Но это совсем не значит, что в настоящее время нельзя попытаться реконструировать историю Боспора V в. до н. э., используя дополнительные источники, и попытаться с несколько иных позиций определить характер власти Археанактидов.

Ю. Г. Виноградов полагал, что после отражения варварской угрозы боспорская симмахия могла продолжать существовать в качестве оборонительного союза, а могла и распасться. Причем исследователь отдает предпочтение первому варианту и, на основе использования классического примера установления тиранической власти Гилоном и Дионисием Старшим на Сицилии, приходит к заключению, что на Боспоре в результате политической борьбы федеративное надполисное объединение превратилось в тираническую державу Археанактидов [Vinogradov, 1980, S. 96 - 97; Виноградов Ю. Г., 1983, с. 406 – 417; ср.: Сапрыкин, 2003, с. 28].

Не исключая полностью возможности такого развития событий, обратимся к данным нумизматики, которая позволяет несколько в ином плане говорить о судьбе боспорской симмахии. На рубеже третьей и четвертой четверти V в. до н. э. на Боспоре прекращается выпуск серебряных монет с надписью АПОА [Шелов, 1956, с. 29; ср.: Фролова, 1992, с. 204; Сапрыкин, 2003, с. 14 – 16], которые, видимо, можно рассматривать в качестве чеканки боспорской симмахии, осуществлявшейся на монетном дворе Пантикапея. Вслед за прекращением выпуска серебряных монет с АПОА было отчеканено четыре типа серебряных монет с изображением льва, муравья, льва-барана, муравья-барана и надписью ΠΑΝΤΙ [Шелов, 1956, с. 29 - 30; Фролова, 1992, с. 208]. А. Н. Зограф не считал возможным связывать указанные изменения с какими-то событиями в политической жизни

Рис. 18. Автономные монеты Нимфея, по В. А. Анохину.

до 410/405 гг. до н. э. [Шелов-Коведяев, 1985, с.113], свою монету чеканил Нимфей (рис. 18), на монетном дворе Фанагории в последней четверти V в. до н. э. выпускались монеты с надписью ΣΙΝΔΩΝ, интерпретация которых дискутируется [Завойкин, 2005, с. 2004, с. 63] (рис. 19), а на рубеже V – IV вв. до н. э – автономные монеты этого города [Шелов, 1956, с. 42 – 51; Завойкин, 1995, с. 89 – 94; Фролова, 2002, с. 71 – 84; Сапрыкин, 2006, с.175] (рис. 20). В последней четверти V в. до н. э., возможно, ближе к концу столетия, к чеканке собственной монеты приступила Феодосия [Зограф, 1951, с. 162; Шелов, 1956, с. 40; Анохин, 1986, с. 20 – 21, табл. II; 1999, с. 43 – 44; Завойкин, 1995, с. 92] (рис. 21). Вряд ли все перечисленные факты начала монетной чеканки, наряду с прекращением выпуска в Пантикапее монет

Рис. 19. Монеты с легендой ΣΙΝΔΩΝ, по В. А. Анохину.

Боспора [Зограф, 1951, с. 167], что позволило Ю. Г. Виноградову говорить об отсутствии каких-либо перемен в нумизматике [Виноградов Ю. Г., 1983, с. 406; ср.: Зограф, 1951, с. 167, 172; Шелов, 1956, с. 30,88; Блаватская, 1959, с. 44, 45; Алексеев, 1995, с. 33, 34]. Правда, Д. Б. Шелов, анализируя монетное дело раннего Боспора, в осторожной форме высказал мысль о том, что это явление в боспорской нумизматике можно связывать с переходом власти от Археанактидов к Спартокидам, но дальше самых общих предположений не пошел [Шелов, 1956, с. 30; ср.: Молев, 1997 а, с. 49].

В связи с этим необходимо указать, что во второй половине V в. до н. э., но что во второй половине V в. до н. э., до 410/405 гг. до н. э. [Шелов-Коведяев, 1985, с.113], свою монету чеканил Нимфей (рис. 18), на монетном дворе Фанагории в последней четверти V в. до н. э. выпускались монеты с надписью ΣΙΝΔΩΝ, интерпретация которых дискутируется [Завойкин, 2005, с. 2004, с. 63] (рис. 19), а на рубеже V – IV вв. до н. э – автономные монеты этого города [Шелов, 1956, с. 42 – 51; Завойкин, 1995, с. 89 – 94; Фролова, 2002, с. 71 – 84; Сапрыкин, 2006, с.175] (рис. 20). В последней четверти V в. до н. э., возможно, ближе к концу столетия, к чеканке собственной монеты приступила Феодосия [Зограф, 1951, с. 162; Шелов, 1956, с. 40; Анохин, 1986, с. 20 – 21, табл. II; 1999, с. 43 – 44; Завойкин, 1995, с. 92] (рис. 21). Вряд ли все перечисленные факты начала монетной чеканки, наряду с прекращением выпуска в Пантикапее монет с АПОΛ, можно объяснить простым совпадением. Скорее напротив, сложившееся положение в нумизматике следует рассматривать в тесной связи с какими-то событиями, имевшими место на Боспоре во второй половине V в. до н. э. Ведь в данном случае чеканка монеты перечисленными греческими центрами свидетельствует об их поли-

тической независимости, в первую очередь от Пантикапея [см.: Васильев, 1992, с. 127 – 128; Завойкин, 1995, с. 89; 2004, с. 63; 2005, с. 98; ср.: Алексеев, 1995, с. 36 с литературой].

К сожалению, отсутствие годов чеканки на ранних боспорских монетах не позволяет их выпуски строго привязывать к какой-то точной дате. Поэтому нумизматический материал, наряду с типологическим анализом, должен коррелироваться с данными других категорий источников. Исходя из этого, можно заключить, что выпуск целым рядом античных центров Боспора своей монеты следует рассматривать в качестве надежного показателя тех изменений, которые произошли в их взаимоотношениях после захвата власти в Пантикапее Спартоком около 438/437 г. до н. э. Именно это событие, вероятно, привело к распаду симмахии и выходу из нее целого ряда греческих городов, так как самостоятельная чеканка боспорских городов свидетельствует об их независимости [Анохин, 1986, с. 26]. В связи с этим чрезвычайно интересно представляется заключение о том, что так называемые синдские монеты (рис. 19), чеканившиеся на монетном дворе Фанагории, от имени союза греческих городов Синдики [Завойкин, Болдырев, 1994, с. 43 – 47; Завойкин, 1995, с. 92; ср.: Сапрыкин, 2003, с. 25 – 26; 2006, с. 175],¹³ который, очевидно, возник на территории азиатского Боспора как оппозиционное объединение после распада боспорской симмахии в связи с захватом власти в Пантикапее Спартоком [ср.: Васильев, 1992, с. 127 – 128]. Впоследствии А. А. Завойкин, учтя критику, отказался от этого предположения, хотя отметил, что чеканка этих монет одновременна или близка автономной

Рис. 20. Ранние монеты Фанагории, по В. А. Анохину.

Рис. 21. Ранние монеты Феодосии, по В. А. Анохину.

¹³ Но не все авторы согласны с такой интерпретацией этих монет [см.: Абрамзон, Горлов, 1998. – С. 141 – 145; Молев, 1997 а, с. 58 – 59; Фролова, 2002, с. 80 – 81]. Однако сомнительным представляется и то, что в небольшом греческом поселении, открытом на месте более поздней Горгииппии, могла осуществляться чеканка монет с легендой ΣΙΝΔΩΝ [ср.: Тохтасьев, 2004, с. 176 – 177].

чеканке Нимфея и Феодосии [см.: Мельников, 2000, с. 208 – 218; Шонов, 2002, с. 327 – 332]. Это, с его точки зрения, может объясняться распадом боспорской симмахии и выходом ряда греческих центров из-под власти новых правителей, утвердившихся в Пантикапее, в пользу чего косвенно свидетельствует строительство в Фанагории оборонительных стен [Завойкин, 2004, с. 63].

Если предложенная реконструкция правомерна, то 480/479 г. до н. э. нельзя считать начальной датой образования централизованного Боспорского государства [Завойкин, 2001, с. 172 – 176; 2001а, с. 22 – 28; 2005, с. 98], а следует рассматривать лишь как время окончательного оформления перед лицом скифской угрозы боспорской оборонительной симмахии [ср.: Пичикян, 1984, с. 146; Виноградов Ю. А., 1989, с. 39; Васильев, 1992, с. 128]. Ведь сейчас нет надежных данных, позволяющих бы утверждать, что после отражения скифской угрозы представители рода Археанактидов захватили в Пантикапее власть, а их политический режим уже в это время был тираническим [Сапрыкин, 2003, с. 19, 28; Сапрыкин, 2006, с. 177; ср.: Завойкин, 2005, с. 97].

Как показывает практика греческой колонизации, переселенцы на новых землях, несмотря на различное происхождение и степень знатности, в социально-экономическом отношении были приблизительно равны. В таких гражданских коллективах представители аристократии не могли подчинить общину, так как характер социально-экономического существования первопоселенцев и их ближайших потомков базировался на мелкотоварном производстве, которое в своей основе было натуральным. Единственное, что сплачивало греков в местах колонизации – это осознание общности интересов перед лицом варварской угрозы и необходимость совместной защиты против их натиска [Андреев, 1979, с. 21; Павленко, 1984, с. 212]. И греческие полисы на берегах Боспора Киммерийского не являлись исключением из этого правила.

Говоря о развитии Боспора в первой половине V в. до н. э., следует обратить особое внимание на то, что объединение греческих городов произошло вокруг особо почитаемого ионийскими греками божества Аполлона Иетроса. Оно носило добровольный характер [Гайдукевич, 1949, с. 42; ср.: Сударев, 1999, с. 227], а также, вероятно, не ограничивало сколько-нибудь значительно политическую и экономическую свободу входивших в него полисов [Анохин, 1986, с. 26; Мельников, 2003, с. 180]. Все это позволяет, с известной долей вероятности, предположить, что симмахию возглавил верховный жрец этого культа, который происходил из аристократического по происхождению рода Археанактидов, связанного своими корнями с Милетом [Vinogradov, 1980, S. 65 – 66; Виноградов Ю. Г., 1983, с. 395 – 396, 406, 411 – 417; Пичикян, 1984, с. 147; Анохин, 1986, с. 26; 1999; с. 15 – 16; ср.: Блаватский, 1985, с. 207 – 210]. Не исключено, что в период отражения скифской агрессии на него могли быть возложены функции стратега-автократора [Виноградов Ю. Г., 1983, с. 417].

После отражения скифской агрессии и проведения в жизнь комплекса мер по укреплению коллективной безопасности, которыми руководил один из Археа-

нактидов, должность басилевса – верховного царя и жреца культа Аполлона Иетроса, вероятно, занимал по традиции представитель этого рода [ср.: Пичикян, 1984, с. 146; Анохин, 1986, с. 26; 9 – 10], являвшийся одновременно главой симмахии боспорских городов. Видимо, отстранение от этой должности Археанактидов и захват власти в Пантикапее Спартоком привели к распаду симмахии боспорских, что и нашло отражение в цитированном отрывке труда Диодора Сицилийского [ср.: Пичикян, 1984, с. 146]. Причем официальный титул Археанактидов, как сакральных, возможно, наследственных царей (базилевсов) [Пичикян, 1984, с. 147; Анохин, 1986, с. 25; 1999, с. 14 – 15], мог привести к тому, что Диодором они названы «царствовавшими» (βασιλεύσαντες). Ведь это как нельзя лучше отвечало представлениям о политической власти того времени, когда жил и писал автор «Исторической библиотеки» [подр. см.: Виноградов Ю. Г., 1983, с. 407 – 419; Завойкин, 1994, с. 66; Зубар, 1997 б, с. 41 – 52; ср.: Виноградов Ю. А., 2001, 84 – 84].

Образование Боспорского территориального государства. По сообщению Диодора, в 438/437 г. до н. э. некто Спарток, по происхождению фракиец [ср.: Виноградов Ю. А., 2005, с. 264 – 265],¹⁴ как считается, отстранил от управления Археанактидов и путем государственного переворота захватил на Боспоре власть [подр. см.: Шелов-Коведяев, 1985, с. 82 – 84; Молев, 1997 а, с. 48 – 52; ср. Anochin, 1998, S. 33 – 43; Виноградов Ю. А., 2005, с. 260 – 261]. К сожалению, источниковая база, имеющаяся в нашем распоряжении, сейчас не позволяет более или менее достоверно говорить о причинах смены власти на Боспоре и формах борьбы, предшествовавших ее захвату Спартоком [Шелов-Коведяев, 1985, с. 85 – 87; Масленников, 1996, с. 67; ср. Anochin, 1998, S. 33 – 43]. Однако характер боспорской симмахии, видимо, позволяет согласиться с теми исследователями, которые полагают, что смена династий ознаменовала собой переход от некоего федеративного надполисного политического и религиозного объединения к централизованному государству [ср.: Завойкин, 2001а, с. 22 – 28; 2005, с. 98], формирование которого отражало интересы достаточно могущественного слоя населения, главным образом Пантикапея, заинтересованного в первую очередь в установлении контроля за экспортом хлеба

---

¹⁴ Сейчас большинство исследователей считает, что по своему происхождению Спарток был фракийцем, а его имя связывается с ономастикой фракийского рода одриссов [подр. см.: Десятчиков, 1985, с. 15 – 18; Шелов-Коведяев, 1985, с. 83 – 85 с литературой, Анохин, 1999, с. 34; ср.: Tohtasjev, 1993, S. 178 – 179; Блаватская, 1993, с. 42 – 43; Молев, 1997, с. 45 – 47; Васильев, 1999, с. 106 – 111]. Не отрицая этого в принципе, хотелось бы отметить, что крупные этнические передвижения в III – начале I тыс. до н. э. привели к тому, что фракийский этнический пласт прочно закрепился на территории Малой Азии [Златковская, 1971, с. 28 – 29]. Поэтому, учитывая тесные связи Боспора с этим районом в более позднее время, не исключено, что Спарток был выходцем не из, собственно, Фракии, а с территории, например, Вифинии, где на протяжении I тыс. до н. э. были достаточно сильны фракийские этнические элементы, хотя это имя там пока неизвестно в просопографии [Габелко, 1995, с. 162]).

[подр. см.: Шелов-Коведяев, 1985, с. 86 – 87]. Есть основания предполагать, что противники Спартока были изгнаны и бежали в Феодосию, где они жили еще в период правления Сатира [Isoc. Trap, 5; Peripl. Anon., 77].

Сейчас можно считать доказанным, что власть, установленная Спартоком, носила характер наследственной тирании [Vinogradov, 1980, S. 81 – 90; Виноградов Ю. Г., 1983, с. 406 – 419; Шелов-Коведяев, 1985, с. 87 – 89; Завойкин, 2005, с. 97], основной задачей которой первоначально было объединение всех греческих поселений, расположенных на Керченском и Таманском полуостровах, под эгидой Пантикапея. Основные черты политического развития Боспора в это время находят самые близкие аналогии в Сицилии, где тиран Дионисий силой оружия создал обширное территориальное государство, включавшее как греческие полисы, так и варварские племена [Виноградов Ю. Г., 1983, с. 413 – 416; Шелов-Коведяев, 1985, с. 177 – 179].

Несмотря на сравнительно ограниченную источниковую базу, сейчас все же можно наметить основные этапы и проследить некоторые специфические черты формирования Боспорского царства. При этом следует еще раз подчеркнуть, что прекращение выпуска в Пантикапее монет с АПОА и автономная чеканка целого ряда боспорских центров, которая хронологически последовала за приходом к власти в Пантикапее Спартока, указывают на то, что именно к этому времени относится распад боспорской симмахии, а 438/437 г. до н. э. является *terminus post quem* для начала военного подчинения формально независимых греческих полисов и включения их в состав централизованного государства боспорскими тиранами [см.: Виноградов Ю. Г., 1995, с. 8, 17; ср. Anochin, 1998, S. 33 – 43; Завойкин, 2001а, с. 22 – 28].

Считается, что одним из первых в состав нового государственного объединения был включен Нимфей [Завойкин, 2004, с. 63]. Времени и обстоятельствам этого события боспорской истории посвящена обширная литература (подр. см.: Шелов-Коведяев, 1985, с. 90 – 114 с библиографией). Суммируя, можно констатировать, что в середине 30-ых гг. V в. до н. э. независимый от правителей Пантикапея Нимфей поддерживал достаточно тесные отношения со скифами [подр. см.: Толстикова, 1984, с. 42 – 44; Доманский, Фролов, 1995, с. 81; Молев, 1997 а, с. 57; Зинько, 1998, с. 88; 2001, с. 207 – 212; Соколова, 1999, с. 184 – 186; Мельников, 2001, с. 412 – 413; Чистов, 2002, с. 261 – 262; Виноградов Ю. А., 2005, с. 256 – 257]. Во время экспедиции Перикла в Понт полис вступил в Афинский морской союз [Молев, 1997 а, с. 57 – 58; Anochin, 1998, р. 33 – 44; Анохин, 1999, с. 25 – 31; Суриков, 1999, с. 107– 108; Сапрыкин, 2006, с. 189], так как после поражения в Египте в 454 г. до н. э. Афины были заинтересованы в укреплении своих позиций в этом регионе, который мог сыграть решающую роль в обеспечении их зерном [Шелов-Коведяев, 1985, с. 113 – 114; Завойкин, 2004, с. 63]. Видимо, поражение афинян в Сицилии (413 г. до н. э.), после которого Афины уже не имели сил для проведения активной политики в столь удаленных районах, позволило боспорским тиранам предпринять решительные действия, направ-

ленные на присоединение Нимфея. Между 410 и 405 гг. до н. э. представитель Афин в Нимфее Гилон сдал город боспорским тиранам и за свою измену был ими награжден [Шелов-Коведяев, 1985, с. 113; Усачева, Кошеленко, 1994, с. 69; Молев, 1999, с. 55; Анохин, 1999, с. 40 – 42; Мельников, 2001, с. 416 – 417; Сапрыкин, 2006, с.179].¹⁵ Все это достаточно хорошо известно, и, если бы не одно обстоятельство, на вопросе о присоединении Нимфея к Боспору не нужно было бы останавливаться вовсе.

Дело в том, что, как сообщает Эскин (III, 171), в награду Гилон получил в дар город Кепы (рис. 1), расположенный на азиатской стороне Боспора, недалеко от Фанагории [Strabo, XI, 2, 10; подр. см.: Абрамов, Паромов, 1993, с. 45 и карты; Завойкин, 2000, с. 47 – 62]. Иными словами, Гилон волею боспорского тирана стал правителем этого небольшого городка и, видимо, контролировал сбор налогов с его населения [подр. см.: Кошеленко, Усачова, 1992, с. 51 – 54]. Следовательно, уже в это время под юрисдикцией боспорских тиранов находился если не весь Таманский архипелаг, то его значительная часть. И они по своему усмотрению могли распоряжаться не только земельным фондом, но и достаточно жестко контролировать население небольших античных полисов в этом районе [Кошеленко, Усачова, 1992, с. 54; Молев, 1997 а, с. 66]. Таким образом, ко времени подчинения Нимфея боспорские тираны установили свой контроль, по крайней мере, над частью азиатского Боспора.

Определенное типологическое сходство фанагорийских и афинских монет (рис. 20), а также тот исключительно важный факт, что, помимо Нимфея, после экспедиции Перикла в Понт в состав Афинского морского союза вошел ряд греческих городов, расположенных в азиатской части Боспора, позволяет говорить об определенной оппозиции боспорским тиранам и поисках могущественных союзников [Берзин, 1958, с. 126]. Не исключено, что переход власти в Пантикапее в руки тиранов был тем событием, которое подтолкнуло не только Нимфей, но и другие демократически настроенные гражданские общины к вступлению в Афинский морской союз с тем, чтобы заручиться его поддержкой в борьбе против территориальной экспансии боспорских тиранов [Зинько, 1998, с. 88]. Поэтому, вероятно, можно согласиться с теми исследователями, которые полагают, что вплоть до сицилийской катастрофы отношения боспорских тиранов с Афинами не были дружественными [Берзин, 1958, с. 126; Завойкин, 2004, с. 63].

Следует обратить внимание и на интересное наблюдение А. А. Завойкина, который указал, что упоминание Страбоном (XI, 2, 7) памятника Сатиру, расположенного между Ахилловым селением и Патреем, где-то на территории Киммерийского (совр. Фанталовского полуострова) острова, свидетельствует о присоединении земель в азиатской части Боспора именно этим боспорским тираном, которому здесь же был сооружен мемориал [Завойкин, 1992, с. 267; 2000, с. 47 – 62]. Если принять точку зрения о том, что монеты с легендой ΣΙΝΔΩΝ

¹⁵ Е. А. Молев считает, что это произошло в 405/404 г. до н. э. (Молев, 1997 а, с. 64 – 65).

чеканились на монетном дворе Фанагории [Завойкин, Болдырев, 1994, с. 43 – 47; Завойкин, 2000, с. 58; ср.: 2004, с. 63; Мельников, 2003, с. 183] (рис. 19), то, соответственно, можно говорить о ее присоединении к Боспору до времени подчинения Нимфея, после чего Гилону Сатиром и были дарованы Кепы [ср.: Завойкин, 1995, с. 92]. Вместе с этим, чеканка Фанагорией автономных монет (рис. 20), которые несколько моложе «синдских» и датируются рубежом V – IV вв. до н. э. [подр. см.: Завойкин, 1995, с. 89], позволяет предполагать, этот центр продолжал еще какое-то время оставаться независимым [Завойкин, 1992, с. 267 – 268; 2004, с. 63 – 64 ср.: Мельников, 2003, с. 178 – 181; Сапрыкин, 2006, с. 275].

Результаты археологических исследований на территории Фанагории и анализ автономной чеканки монет показали, что ее захват боспорскими тиранами был осуществлен не позднее самого конца V в. до н. э. [Завойкин, 1995, с. 91 – 92; 2004, с. 64; Молев, 1997 а, с. 66], хотя передача Гилону в управление Кеп, расположенных недалеко от Фанагории [Strabo, XI, 2,10], позволяет предположить, что это произошло еще до подчинения Нимфея [ср.: Виноградов Ю. А., 2001, с. 86]. Судя по археологическим материалам, захват Фанагории, в отличие от Нимфея [Шелов-Коведяев, 1985, с. 114],¹⁶ был осуществлен военным путем [Завойкин, 1992, с. 266 – 268; 1998, с. 79 – 80; ср.: Кобылина, 1983, с. 53; Горлов, 1968, с. 135 – 137]. Таким образом, можно констатировать, что в период правления наследника Спартока – Сатира в последних десятилетиях V в. до н. э. боспорский тиран подчинил своей власти остававшийся до этого времени независимый Нимфей, а также греческие города на современном Таманском полуострове, включая Фанагорию [ср.: Завойкин, 2000, с. 58].

В свое время исследователи обратили внимание на сходство типологии автономной чеканки Фанагории и Гераклеи Понтийской [Зограф, 1951, с. 169, 170; Шелов, 1956, с. 49 – 51] и, базируясь на этом, сделали вывод о боспорско-гераклейском противостоянии [Зограф, 1951, с. 113, 114; Сапрыкин, 1986, с. 74 – 83], основной причиной которого была борьба Гераклеи за возможность осуществлять торговые операции с независимыми античными центрами, расположенными вне юрисдикции боспорских тиранов [Сапрыкин, 1986, с. 78]. Учитывая последующие события, связанные с деятельным участием Гераклеи в судьбе Феодосии, это вполне вероятно, так как передача Кеп под управление Гилона неопровержимо свидетельствует, что именно на него, помимо всего прочего, была возложена обязанность собирать форос для боспорских тиранов [см.: Кошеленко, Усачова, 1992, с. 52 – 54]. Если это так, то излишки сельскохозяйственной продукции, которые могли быть вывезены за пределы греческих центров, поступали в распоряжение не торговцев, а боспорского владыки в качестве подати, которой уже он мог распоряжаться по своему усмотрению.

¹⁶ Не исключено, что с борьбой Нимфея за независимость от Спартокидов связан оборонительный вал протяженностью в 3 км, зафиксированный на западной границе хоры этого центра [подр. см.: Зинько, 1998, с. 88 – 89].

Но, как указали А. А. Завойкин и С. И. Болдырев, базируясь на нумизматическом материале, нельзя преувеличивать влияния Гераклеи на монетное дело независимых боспорских центров в последней четверти V в. до н.э. Ряд типов, известных по монетам Фанагории и Феодосии (рис. 20, 21), получил значительное распространение в античном мире, а монеты с изображением Геракла в львиной шкуре сама Гераклея начинает чеканить не ранее начала IV в. до н. э. [Завойкин, Болдырев, 1994, с. 45]. Поэтому, вероятно, сейчас нельзя считать в достаточной степени доказанным факт поддержки Гераклеей Понтийкой сепаратистских тенденций городов на азиатской стороне Боспора [ср.: Терещенко, 2005, с. 368].

Более или менее уверенно можно утверждать лишь то, что автономная чеканка других греческих городов, наряду с выпуском монет Пантикапея, которая по ряду весьма существенных признаков отличалась от одновременной пантикапейской, свидетельствует о независимом статусе указанных полисов [Завойкин, Болдырев, 1994, с. 44; Фролова, 2000, с. 302 – 313; Завойкин, 2004, с. 63; Коваленко, Молчанов, 2005, с. 49 – 66; Сапрыкин, 2006, с. 175], которые, однако, на протяжении последней четверти V – первой четверти IV вв. до н. э. были подчинены боспорскими тиранами и включены в состав Боспорского царства. Движущей силой этого процесса было желание боспорских тиранов поставить под свой контроль сельскохозяйственные территории и хлебный экспорт, который приносил в то время наибольшую прибыль [см.: Шелов-Коведяев, 1985, с. 140 – 141].

В связи со сказанным хотелось бы обратить внимание еще на один интересный факт. Археологическими раскопками установлено, что в VI – V вв. до н. э. Гермонасса, расположенная к западу от Фанагории, переживала расцвет, о чем свидетельствуют в первую очередь мощные культурные напластования этого времени. Наряду с сельским хозяйством, здесь развивались ремесло, в частности, производство расписной керамики, и торговля с античным миром [Зеест, 1968, с. 144 – 148; Блаватский, 1985, с. 209; Финогенова, 2005, с. 422 – 427; 2005 а, с. 148]. Однако несколько позднее, как считала И. Б. Зеест, в связи с экономическим подъемом Фанагории в Гермонассе наблюдается упадок [Зеест, 1968, с. 148; ср.: Соловьев, 2002, с. 53 – 54]). Не оспаривая этого заключения, следует указать, что негативные явления в развитии этого греческого центра вполне могли быть связаны и с экспансией Спартокидов в азиатскую часть Боспора [ср.: Виноградов Ю. А., 2005, с. 260 – 261]. Какие-то пока не ясные мероприятия боспорских тиранов по отношению к гражданской общине Гермонассы в конечном счете могли стать причиной замедления темпов экономического развития этого центра, который, судя по мощности археологических слоев [Зеест, 1968, с. 144 – 145], в более позднее время значительно уступал по уровню своего экономического развития главному городу азиатского Боспора – Фанагории.

Одновременно с активной политикой, проводившейся по отношению к полисам азиатской части Боспора, его цари предприняли ряд мер, направленных на установление более тесных контактов с негреческим населением региона и

в первую очередь с синдами. Именно на базе зерна, выращивавшегося не только в округе античных центров азиатского Боспора, но и на подвластных синдам территориях, стало возможным значительное расширение боспорскими тиранами торговли с Афинами в конце V – начале IV вв. до н. э. [Шелов, 1950, с. 170; Шелов-Коведяев, 1985, с. 124 – 125; Виноградов Ю. А., 2005, с. 266; ср.: Кузнецов, 2000, с. 26 – 27]. Об этом свидетельствуют определенная степень эллинизации населения Синдики и обилие античного импорта, обнаруженного в погребениях этого района [Анфимов, 1967, с. 127 – 131; Шелов-Коведяев, 1985, с. 125, 131 – 132 с литературой]. Не вдаваясь в вопрос о синдской государственности, который на протяжении длительного периода дискутировался [см.: Шелов-Коведяев, 1985, с. 125 с литературой], следует лишь подчеркнуть, что, как сейчас стало ясно, он уже не может решаться, только исходя из монет с легендой ΣΙΝΔΩΝ [Завойкин, Болдырев, 1994, с. 43 – 47; Фролова, 2002, с. 80 – 81; Сапрыкин, 2003, с. 25 – 26; Тохтасьев, 2004, с. 176 – 177; Яйленко, 2004, с. 425 – 445; Виноградов Ю. А., 2005, с. 255].

Обилие в Синдике античного импорта косвенно свидетельствует о сложности у синдов к рубежу V–IV вв. до н. э. государственного объединения, которое может быть интерпретировано как раннеклассовый социальный организм [подр. см.: Павленко, 1989, с. 91 – 190; ср.: Шелов-Коведяев, 1985, с. 132 – 133]. Ведь усиление экономических контактов, выразившихся в торговых связях между раннеклассовой периферией и цивилизаторским центром, в качестве которого в данном случае выступало Боспорское государство, обычно приводило к тому, что такой товарообмен, как правило, оказывал огромное воздействие не только на трансформацию социально-экономической структуры варварских обществ, но даже и на их территориально-поселенческие структуры [подр. см.: Павленко, 1989, с. 111 – 112; ср.: Шелов-Коведяев, 1985, с. 132]. Поэтому неудивительно, что Полиен сообщает о царе Гекатее, который, управляя синдами, опирался на поддержку боспорских тиранов [Polien, 8, 55; см.: Шелов, 1981, с. 238 – 239; Блаватская, 1993, с. 44; Виноградов Ю. Г., 2002, с. 3 – 22; Виноградов Ю. А., 2005, с. 265]. Это позволяет предполагать, что утверждение власти боспорских тиранов в азиатской части Боспора шло одновременно с укреплением их экономических и, видимо, политических контактов с верхушкой варварского населения, которая в первую очередь была заинтересована в развитии обмена с античными центрами.

Присоединив к своим владениям Нимфей, города азиатского Боспора и укрепив свои позиции в Синдике, Сатир I обратил свое внимание на Феодосию, которая, судя по ее автономной чеканке [Шелов, 1956, с. 51; Фролова, 2000, с. 302 – 313; Коваленко, Молчанов, 2005, с. 49 – 66] (рис. 21), была независима от Боспора. Непосредственным поводом к этому конфликту мог быть тот факт, что в этом греческом центре нашли убежище после прихода к власти в Пантикапее боспорские изгнанники [Isocr., 17,5; Ps-Arr., 51; Шелов, 1950, с. 174; Гаврилов, 2003, с. 77 – 78]. Но истинные причины борьбы за контроль над Феодосией с ее незамерзающим портом, безусловно, кроются в экономической сфере.

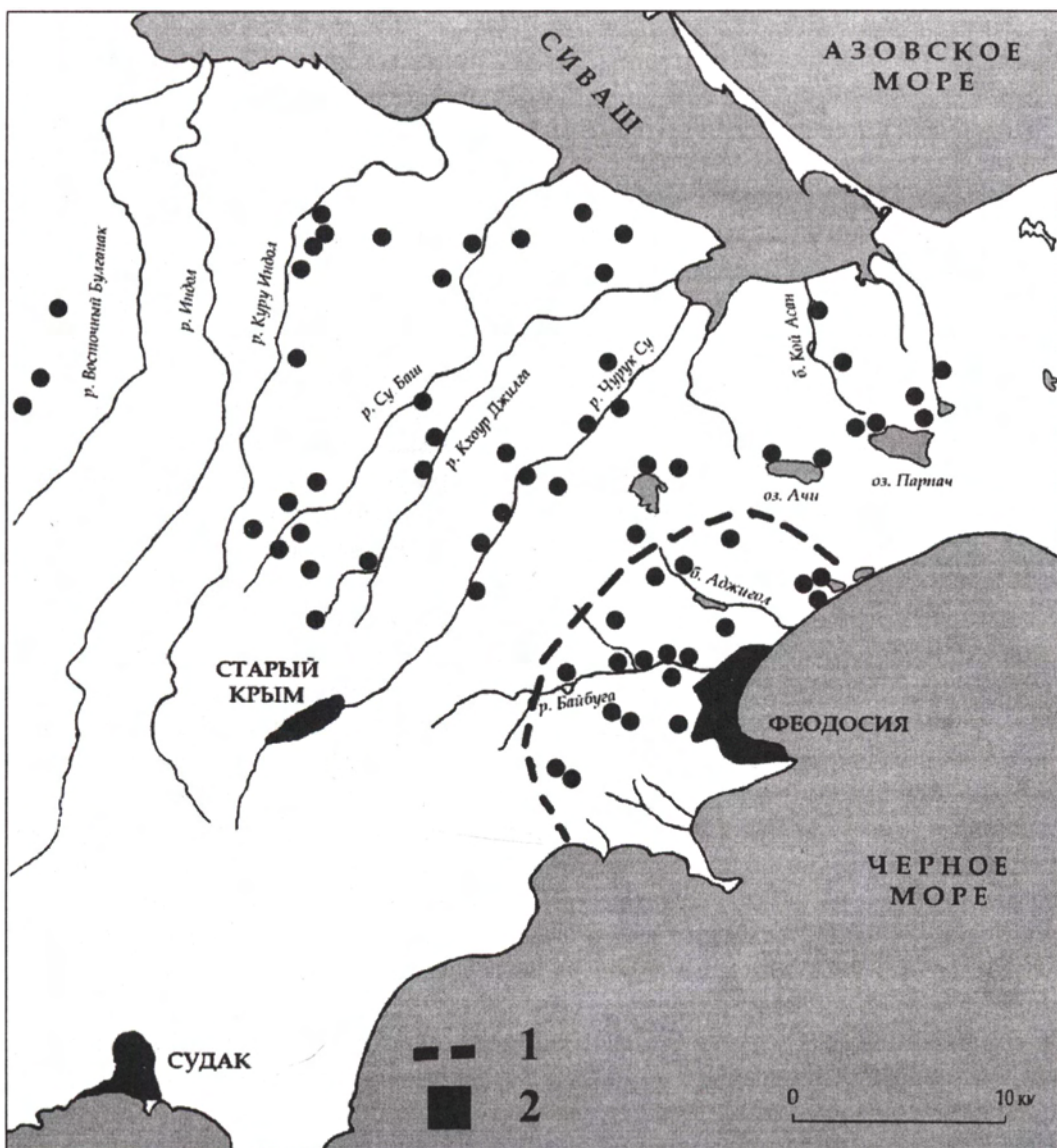
Уже в 394 г. до н. э., или несколько раньше, между Боспором и Афинами, очевидно, по инициативе Сатира, был заключен договор, согласно которому, наряду с регулированием судебных процедур и статей относительно симмахии, боспорский тиран дал ряд льгот купцам, осуществлявшим торговые операции с этим государством, которые, судя по данным имеющихся источников, действовали вплоть до середины IV в. до н. э. [Жебелев, 1953 а, с.129; Блаватская, 1959, с. 115 – 129; Шелов-Коведяев, 1985, с. 137 – 138; Павленков, 1988, с. 121 – 213; ср.: Завойкин, 2004, с. 63; Виноградов, Толстиков, Шелов-Коведяев, 2002, с. 71 – 72]. Этим договором было положено начало более тесным контактам боспорских тиранов с Афинами в области торговли хлебом.

Объемы поставок хлеба в Афины были весьма значительны, и это приносило боспорским тиранам определенную выгоду [подр: см. Маринович, 1994, с.20; Кузнецов, 2000, с. 16 – 40; Масленников, Смекалова, 2005, с. 277 – 278; ср.: Одрин, 2004, с. 51 – 55]. Поэтому их целенаправленные действия, направленные на захват Феодосии, вероятно, объясняются не столько желанием избавиться от торгового конкурента [ср.: Шелов-Коведяев, 1985, с. 115; Виноградов Ю.Г., 1995, с. 19; Туровский, 1995, с. 151], сколько диктовались целесообразностью поставить под свой контроль торговые операции этого полиса, через который вывозились сравнительно большие партии хлеба [Гаврилов, 1988, с. 200 – 201; Петрова, 1996, с. 148], поступавшие с окрестных земель [Петрова, 1991, с. 92 – 93]. Подчинение не только гражданской общины Феодосии, но и ее сельскохозяйственной округи [подр. см. Гаврилов, 2003, с. 78 – 87; 2004; Сапрыкин, 2006, с.186] (рис. 22) предполагало контроль боспорских правителей за торговыми операциями, осуществлявшимися через этот центр, и в первую очередь за сбором пошлин [подр. см.: Брашинский, 1958, с. 129 – 137; 1984, с. 176; Скржинская, 1997, с. 123 – 124; ср.: Маринович, 1994, с.15, 24]. Это позволяло в конечном итоге существенно увеличить поступления доходов в казну Боспорского государства, которой безраздельно распоряжались его цари [(ср.: Виноградов Ю. Г., 1995, с. 28)].¹⁷

В связи с этим следует обратить внимание на текст херсонесской присяги, где сказано, что весь хлеб с равнины должен был вывозиться только в Херсонес [IOсPE,I²,№ 401; Жебелев, 1953 б, с. 217, 220; Виноградов, Щеглов, 1990, с. 249 – 250]. Такая формулировка в тексте присяги объясняется тем, что именно гражданская община Херсонеса, являвшаяся верховным собственником земли,

---

¹⁷ Вряд ли сейчас можно говорить, как это делает С. Ю. Сапрыкин, что война Спартокидов за Феодосию опровергает тезис М. Финли об отсутствии торговой конкуренции в античном мире и о протекционизме государства (Сапрыкин, 1995, с. 134, 139). Боспорские тираны в данном случае выступали как верховные собственники земли, вследствие чего в их руках и была сконцентрирована хлебная торговля. Поэтому этот пример не корректный, и здесь на первое место выступает не торговая конкуренция или борьба за рынки сбыта, а вполне объяснимое желание тиранов увеличить доход от сбора пошлин, то есть в первую очередь приумножить свое богатство.

Рис. 22. Поселения IV – первой трети III вв. до н. э. в окрестностях Феодосии, по А. В. Гаврилову.
 1 – хора Феодосии, по В. Н. Зинько; 2 – современные населенные пункты.

регулировала вывоз хлеба за пределы государства, что позволяло путем сбора пошлин увеличить ее доход [подр. см.: Зубарь, 1993, с. 48 – 49; 2005а, 166].

Таким образом, именно сбор пошлин, которые поступали в распоряжение боспорского тирана, а, возможно, и определенный форос, которым могла быть обложена гражданская община покоренной Феодосии, побудили боспорских

себя ряд меотских племен. Этот затяжной конфликт, сопровождавшийся разорением Синдики и всего азиатского Боспора, удалось уладить вооруженным путем лишь после смерти Сатира его сыну Горгиппу [Polien, 8, 55; Блаватская, 1959, с. 101 – 108; 1993, с. 44; Анохин, 1999, с. 49; Завойкин, 2004, с. 64; 2004 а, с. 60 – 64], который, видимо, на месте разрушенного меотами античного города основал Горгиппию – столицу боспорской Синдики [Ps-Arg. 47; Блаватская, 1959, с. 100 – 108; Устинова, 1966, с. 132; Кругликова, 1971, с. 93; Алексеева, 1991, с. 22 – 23; 1997, с. 38 – 39; 2003, с. 18 – 22; Молев, 1997 а, с. 74 – 75; Завойкин, 1998, с. 134 – 145; Тохтасьев, 2002, с. 10 – 32] (рис. 1). Следовательно, в правление Левкона I была подчинена не только Феодосия на западе, но и значительно расширились границы Боспорского царства на востоке, где, видимо, крайним восточным населенным пунктом, который имел хорошую гавань, стала Горгиппия. Вероятно, в результате боевых действий Горгиппа зависимыми от боспорских тиранов стали и различные меотские племена [Шелов-Коведяев, 1985, с. 134],²² что также нашло отражение в титулатуре Левкона I [КБН, 6, 6 а, 8, 1014, 1037].²³ В целом, по подсчетам исследователей, территория Боспора при этом царе увеличилась до 5 тыс. кв. километров [Шелов-Коведяев, 1985, с. 196].

Таким образом, в первой четверти IV в. до н. э. на территории Керченского, Таманского полуостровов и в Синдике окончательно сложилось Боспорское государство державно-территориального типа, близкое в отдельных своих чертах, но не адекватное эллинистической монархии [Фролов, 1996, с. 54; типологию см.: Виноградов Ю. Г., 1995, с. 8; Молев, 1997 а, с. 92 – 93; Завойкин, 2001, с. 172 – 176; 2001а, с. 22 – 28; Виноградов Ю. А., 2005, с. 266]. Оно инкорпорировало в свой состав как многочисленные греческие полисы, так и варварское население, по отношению к которому боспорские тираны выступали в качестве царей [Виноградов Ю. Г., 1983, с. 419]. Для укрепления мощи своего государства и решения насущных проблем боспорскими тиранами были предприняты дипломатические шаги, которые нашли отражение в эпиграфических памятниках начала IV в. до н. э., обнаруженных в Ольвии и на Семибратнем городище [Блаватская, 1993, с. 34 – 47; Виноградов, Крапивина, 1995, с. 69 – 78].

Но интегративно-централизующие тенденции здесь не были обусловлены объективными причинами социально-экономического развития [см.: Илющенко, 1986, с. 124], а были навязаны греческому населению определенными соци-

---

Семибратнем городище, отношения боспорских правителей с населением Синдики и до этого были далеко не безоблачными. См.: Блаватская, 1993, с. 44 – 46; Анохин, 1999, с. 51 – 52; Виноградов Ю. Г., 2002, с. 3 – 27; Сапрыкин, 2003, с. 27; Тохтасьев, 2004, с. 144 – 146; Яйленко, 2004, с. 425 – 445; Виноградов Ю. А., 2005, с. 265.

²² Подчинение Синдики, скорее всего, происходило военным путем, о чем в частности свидетельствуют археологически засвидетельствованные следы разрушений и пожара в слое конца V – начала IV вв. до н. э. на Семибратнем городище [Анфимов, 1967, с. 130, прим. 10; Виноградов Ю. А., 2005, с. 265].

²³ Подробнее о Горгиппе см.: Грач, 1968, с. 108 – 114.

альными слоями во главе с боспорскими тиранами, которые военной силой включили его в составе Боспорского царства [подр. см.: Зубар, 1998 в, с. 62 – 69; Завойкин, 2001а, с. 22 – 28]. Экономической основой нового государственного образования, от которой в значительной степени зависело благосостояние правящей династии, в конце V – начале IV вв. до н. э. был хлеб, который в качестве фороса поступал от негреческого, зависимого населения [ср.: Молев, 1997 а, с. 81; Сапрыкин, 2006, с.193], а, возможно, собирался и с греческого населения подвластных городов, а также пошлины, которые взимались за вывоз сельскохозяйственной продукции через контролируемые ими порты [Шелов-Коведяев, 1985, с. 157 – 158]. Следовательно, основным эксплуататором населения греческих полисов и варварского населения на этом этапе истории Боспора выступали не сколько-нибудь крупные частные земельные собственники, о владениях которых нельзя сказать ничего более или менее определенного, а в первую очередь государство в лице представителей тиранического режима, опиравшегося на государственный аппарат [Шелов-Коведяев, 1985, с. 162].²⁴ В пользу такого заключения достаточно ярко свидетельствует то, что в критический момент Левкону помогли удержаться у власти именно купцы, заинтересованные, видимо, в развитии хлеботорговли [Polien, 6, 9, 2; ср.: Isocr., 17, 3; 5; 11; ср.: Завойкин, 2005 а, с. 58 – 59; Виноградов, Толстикова, Шелов-Коведяев, 2002, с. 73].

Сейчас нет оснований говорить о значительном уровне развития частнособственнической эксплуатации на Боспоре в VI – начале IV вв. до н. э., так как следы крупного землевладения здесь отсутствуют. В Пантикапее и Феодосии, которым царем была дарована полисная социально-политическая организация, основную массу населения составляло свободное гражданское население, обрабатывавшее небольшие земельные наделы в окрестностях этих центров [ср.: Блаватский, 1985 а, с. 59; Борисова, 2003, с. 24].

В это время эксплуатация населения Боспорского царства и сопредельных территорий, населенных варварским населением, осуществлялась в основном на базе налогового механизма, т. е. через взимание государством как верховным собственником земли ренты-налога [подр. см.: Илюшечкин, 1980, с. 388 – 423; Павленко, 1990, с. 125 – 128; Зубарь, 1993, с. 83 с литературой]. Именно доход от вывоза хлеба, в первую очередь в Афины, который поступал в распоряжение Спартокидов [подр. см.: Шелов-Коведяев, 1985, с. 141; Молев, 1997а, с. 81 – 82], позволил им, опираясь на государственный аппарат, укрепить свою власть и превратить Боспорское царство в одно из самых могущественных государств Причерноморья [Зубар, 1998 в, с. 67; Завойкин, 2001а, с. 22 – 28].

---

²⁴ Видимо, можно согласиться с В. Ф. Гайдукевичем в том, что упоминание Псевдо Демосфеном (adv. Ласг., 31,32) о посылке прокишего вина полевым работникам не может служить аргументом в пользу вывода об их безусловно рабской принадлежности [ср.: Блаватский, 1953, с. 168 – 171]. Термин *ἐργάται* не несет точной социальной нагрузки, а судебная речь, в которой говорится о полевых рабочих, является весьма тенденциозным источником [см.: Гайдукевич, 1966, с. 49, прим. 4; Gajdukevič, 1971, S. 164. Anm. 123; Виноградов Ю. Г., 1997 а, с. 551 – 552].

БОСПОРСКОЕ ЦАРСТВО В ПОЗДНЕКЛАССИЧЕСКИЙ И ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЙ ПЕРИОДЫ

Объединение под властью династии Спартокидов в IV в. до н. э. значительных территорий в Восточном Крыму, на Таманском полуострове и в прилегающих к нему районах, безусловно, является поворотным пунктом в истории Боспорского государства. Поэтому не удивительно, что именно со второй четверти IV в. до н. э. начинается стремительный рост количества сельских поселений, а также организация сельскохозяйственной территории государства [Кругликова, 1975, с. 53; Шелов-Коведяев, 1985, с. 140; Масленников, 1993, с. 13; 1998 а, с. 43 – 72, рис. 9; 1999, с. 52 – 54; 2001, с. 75 – 100; Зинько, 2003, с. 159 – 161]. На это следует обратить особое внимание, так как основой экономики Боспорского царства было сельское хозяйство. Именно в этой отрасли производства главным образом создавались те предпосылки, которые в значительной мере влияли на развитие всех без исключения сторон жизни населения.

Землевладение и землепользование в IV в. до н. э. Многолетние археологические работы на сельской территории Боспорского царства позволили получить достаточно полное представление о типах поселенческих структур IV – III вв. до н. э. и об организации сельской территории европейской части государства [Кругликова, 1975; Масленников, 1989; 1992, 1993, 1995, 1998 а, 2001; Зинько, 2003, с. 159 – 180]. Они неоднократно служили предметом специальных исследований, и нет нужды останавливаться на них подробно. Однако, как было совершенно справедливо отмечено А. А. Масленниковым [Масленников, 1989, с. 67; 2001, с. 75 – 100], всестороннее изучение археологических памятников позволяет более четко понять место той или иной их категории в хозяйственно-административной системе государства и построить достоверную модель экономического развития на определенном историческом этапе. Без такой модели, пусть во многом гипотетической и дискуссионной, сейчас уже невозможно продолжать изучение истории и культуры любого античного государства, в том числе и Боспорского царства. Необходимо также подчеркнуть, что при изучении типологии и интерпретации конкретных археологических памятников следует строго придерживаться хронологического принципа [ср.: Масленников, 1989, с. 68 – 69]. Ведь тип памятника и его назначение при сходных внешних признаках в зависимости от конкретного места в определенной политической и социальной системе мог быть различным. Исходя из этого и используя накопленный фактический материал, необходимо,

насколько это возможно на уровне современных знаний, попытаться смоделировать организацию сельскохозяйственной территории Боспора и рассмотреть различные типы археологических памятников в рамках определенной социально-политической системы с учетом особенностей ее развития на каждом конкретном историческом этапе. Только такой подход к данным археологии с использованием иных категорий источников и аналогий позволит приблизиться к реконструкции социально-экономического развития Боспорского царства в целом, выявить то общее и особенное, что было для него характерно.

На основании изучения значительного числа археологических памятников сейчас установлено, что рост количества сельскохозяйственных поселений в Восточном Крыму начался со второй четверти IV в. до н. э. [Гаврилов, 1988, с. 200; Масленников, 1992, с. 80; 1993, с. 13; 1995, с. 89; 2001, с. 81 – 87; Зинько, 1996, с. 14; 1998, с. 89; 1999, с. 33; 2003, с. 161] (рис. 23), хотя некоторые греческие населенные пункты в Приазовье, как, например, поселение на мысе Зюк (Зенонов Херсонес), возникли еще во второй половине V – на рубеже V – IV вв. до н. э. [Абрамов, Масленников, 1991, с. 88 – 89; Масленников, 1992 а, с. 136; 1995, с. 81 – 89; 1998 а,

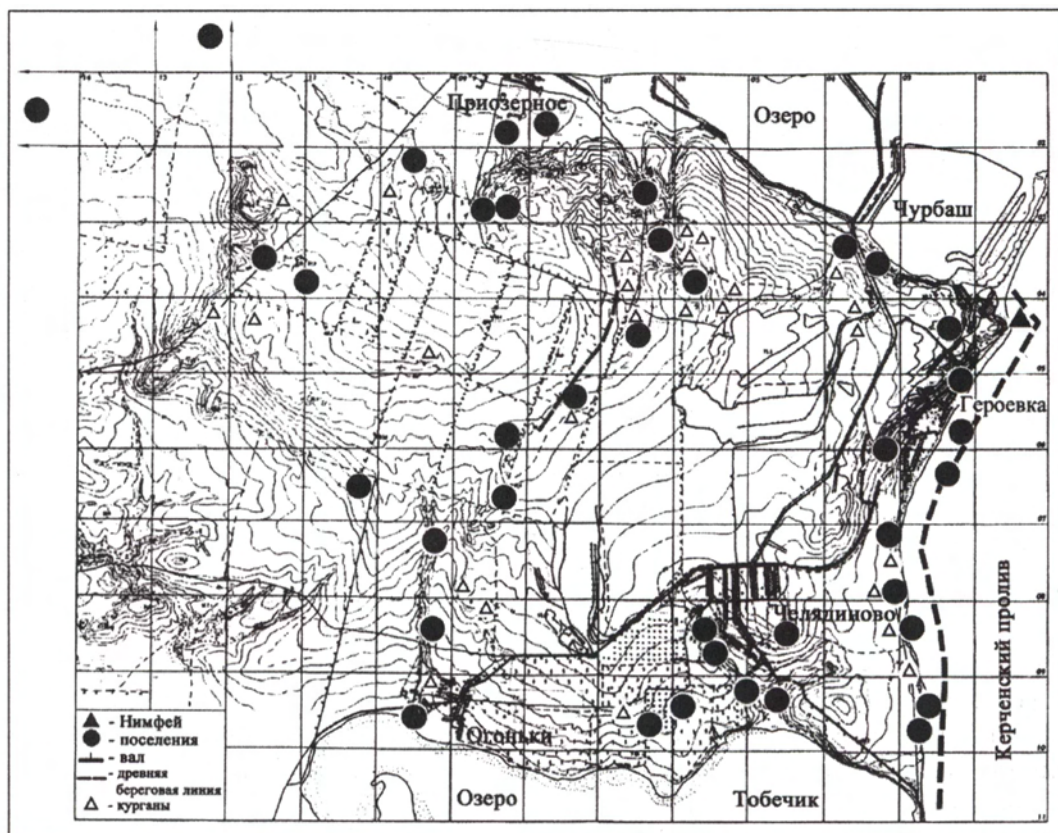

Рис. 24. Античные сельские поселения IV - первой трети III вв. до н.э. на хоре Нимфея, по В.Н. Зинько.

с. 37, 42; Куликов, 1997, с. 160 – 162] (рис. 10Б). Вне всякого сомнения, этот процесс был связан с завершением войны за Феодосию. Иными словами, одним из основных результатов образования под властью Спартокидов централизованного государства стало включение в его состав значительных сельскохозяйственных территорий (рис. 24). Статус этих земель был различен, и четко выделяются, по крайней мере, три категории: хора полисов, царская хора и владения варварских племен [ср.: Saprykin, 2001, p. 635 – 665; ср. Сапрыкин, 2006, с.190]. Практически ничего не известно о храмовом землевладении в этот период, а варварские земли, скорее всего, находились под юрисдикцией скифских царей.

Ф. В. Шелов-Коведяев, исследуя историю Боспора, полагает, что с присоединением Феодосии Боспорское государство вышло к своим естественным западным рубежам [1985, с. 115], а возведение так называемого Узунларского оборонительного вала относит к началу IV в. до н. э. [1985, с. 117, 140; ср. Масленников, 1998 а, с. 217 – 223; 2003, с. 250 – 251]. Но с такой датой возведения этого оборонительного сооружения согласиться трудно, так как вряд ли Боспор в указанное время в условиях активных внешнеполитических акций имел силы и средства для возведения столь сложного оборонительного объекта, требовавшего к тому же для его охраны достаточно многочисленных военных отрядов.

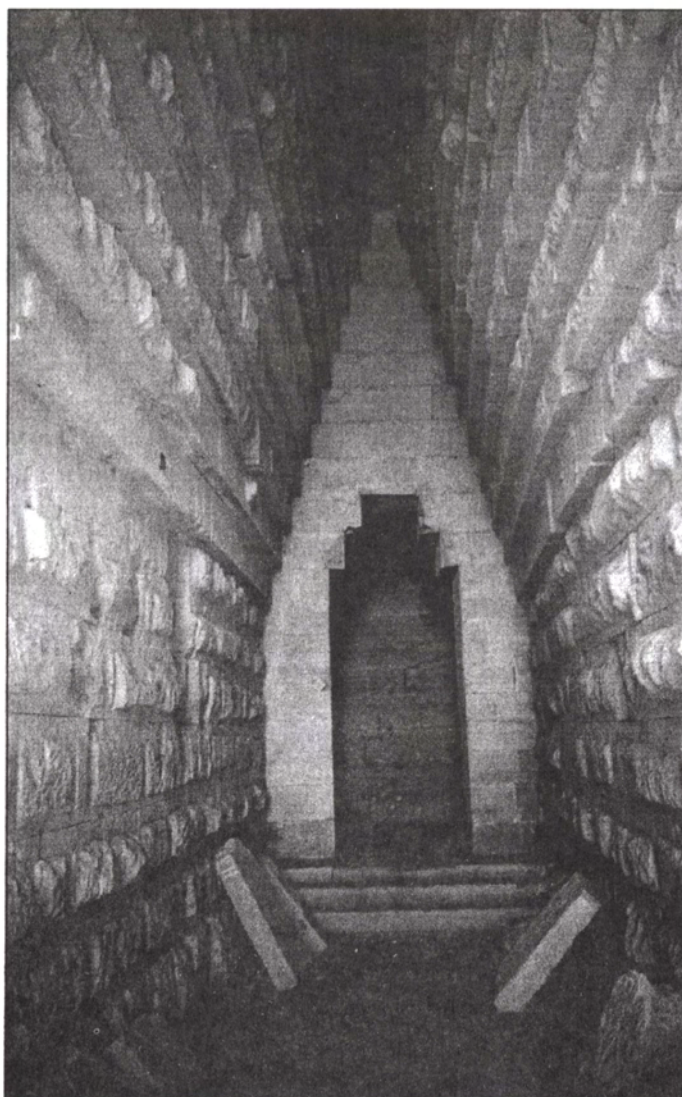

Рис. 24. Дромос Царского кургана – усыпальницы боспорского царя в окрестностях Пантикапея.

Имеющиеся источники свидетельствуют о достаточно сложном экономическом и финансовом положении Боспора в первой четверти IV в. до н. э. [Шелов-Коведяев, 1985, с. 119], что, как представляется, не позволяет говорить о возможности выделения на эти цели достаточных людских и финансовых ресурсов. Только ко времени после окончания изнурительной войны с Феодосией и умиротворения синдо-меотов можно относить начало интенсивного строительства в Пантикапее и других городах Боспора, а также сооружение Узунларского вала, с началом возведения которого ранее, безусловно, связывали резкое увеличение со второй четверти IV в. до н. э. количества античных сельских поселений на Керченском полуострове [Масленников, 1992, с. 80; 1993, с. 13] (рис. 25). В связи со сказанным, интересно, что при раскопках Мирмекия зафиксированы следы пожаров, которые датируются второй четвертью IV в. до н. э. [Чистов, 1996, с. 74 – 76; 1997, с. 198 - 199; ср.: Масленников, 1998 а, с. 37]. Не исключено, что они явились результатом враждебных действий варваров. Если это так, то можно предполагать, что в это время Узунларский вал, как общегосударственная линия стратегической обороны, еще не функционировал [ср.: Масленников, 2003, с. 204].

В литературе неоднократно указывалось, что Узунларский вал, протяженностью 37,45 км, который пересекает Керченский полуостров от Казантипского залива до Узунларского озера, был построен еще в догреческое время [Масленников, 1983, с. 14 - 22; 1998 а, с. 217 - 223 с литературой]. Однако такому выводу противоречит имеющийся археологический материал [Масленников, 2003, с.203-205]. Раскопками и в XIX, и в XX вв. в основании вала была зафиксирована каменная крепида, служившая основанием вала, а также была обнаружена керамика IV - III вв. до н. э. [Сокольский, 1957, с. 92 - 93; Мосейчук, 1983, с. 74 – 77; Колтухов, Труфанов, Ужинцев, 2003, с. 180]. А это позволяет относить его строительство к эпохе правления на Боспоре Спартокидов [ср.: Шелов-Коведяев, 1985, с. 117]. Конечно, это долговременное оборонительное сооружение использовалось и позднее, однако, скорее всего, его возведение относится ко времени не ранее начала III в. до н. э., когда воз-

Рис. 25. Участок Узунларского вала к югу от шоссе Феодосия - Керчь.

никла внешняя угроза основному центру боспорских сельских владений [Масленников, 2003, с. 211].

Вместе с этим, говоря о территориальном расширении Боспора, следует помнить, что в борьбе за Феодосию значительную помощь боспорским тиранам

оказали скифы [см.: Шелов-Коведяев, 1985, с. 123]. Следовательно, можно предполагать, что между правителями скифов и боспорскими властями было заключено какое-то соглашение, которое и позволило объединить усилия греков и варваров в войне за Феодосию.

Если обратиться к археологическому материалу, то станет ясно, что Узунларский вал служил границей между оседлым и кочевым скифским населением [подр. см.: Ольховский, 1981, с. 52 – 65; 1982, с. 73; 1990, с. 29 - 31, 33; Молев, 1995, с. 27 – 28; ср.: Масленников, 1995 а, с. 59], а менее монументальные валы, следы которых прослежены на Керченском полуострове [Масленников, 1983, рис. 1; 1998 а, с. 217 – 223; 1998 б, с. 117 - 122; 2003, с. 8 – 195; Голенко, 1994, с. 75], были дополнительными оборонительными линиями, препятствовавшими проникновению кочевников на густо заселенную сельскую территорию европейского Боспора. Они вполне могли быть более ранними укрепленными границами боспорских полисов. Сказанное хорошо согласуется с топографией погребальных памятников кочевых скифов и античных сельских поселений. К востоку от Узунларского вала сконцентрировано подавляющее большинство сельских поселений, в то время как к западу от него в основном зафиксированы памятники местного варварского населения [Бессонова, Бунятян, Гаврилюк, 1988, с. 109; ср.: Яковенко, 1974, с. 38; Кругликова, 1975, рис. 1; Ольховский, 1991, рис. 2 и каталог; Масленников, 1992, рис. 12; 1998 а, с. 72 – 88, рис. 44; 2001, с. 91 – 92; Виноградов Ю. А., 2005, с. 263 – 264]. Интересно и то, что укрепления античных поселений к востоку от вала не были рассчитаны на долговременную осаду. Они, скорее всего, служили убежищами [Масленников, 1993, с. 20 – 21], что уже само по себе свидетельствует о наличии Узунларского вала, который, как предполагается, служил стратегической линией обороны Боспорского государства на западе (рис. 26).

Участие скифов в борьбе за Феодосию позволяет предполагать, что по согласованию с правителями Боспора территории степей Восточного Крыма контролировались скифами, а Феодосия и, видимо, ее ближайшие окрестности, где открыты сельскохозяйственные поселения, связанные с этим античным центром [Гаврилов, 1988, с. 200; 2004; Гаврилов, Пашкевич, 2003, с. 307 – 350; Махнева, 1988, с. 208 – 209; Петрова, 1991, с. 92 – 96; 1996, с. 147 – 150], входили в состав Боспорского государства. Однако вряд ли прав А. В. Гаврилов, включая в сельскую округу Феодосии скифские поселения присивашских степей и к западу от реки Восточный Булганак [Гаврилов, 2004, с. 264, рис.3] (рис. 22). Это были, скорее всего, самостоятельные анклавные варварского хинтерлянда, контролируемые скифами. Вероятно, Боспор, заручившись поддержкой скифских династий, обязался выплачивать им определенную дань, которая была одним из условий боспорско-скифских союзных отношений в это время [см.: Молев, 1986, с. 188; 1994, с. 36; Бессонова, Бунятян, Гаврилюк, 1988, с. 110].²⁵

²⁵ В связи со сказанным, особый интерес представляет эпиграфический памятник из Ольвии, в котором упоминаются имена боспорских царей Сатира и Левкона. По мнению авторов публикации,

Рис. 26. Схематическая карта селищ IV – III вв. до н. э. на Керченском полуострове, по А. А. Масленникову.

Учитывая топографию скифских и античных памятников на Керченском полуострове, видимо, сейчас нельзя говорить о том, что весь Восточный Крым вплоть до Феодосии при Левконе I входил в состав Боспора [ср.: Бессонова, Бунятян, Гаврилюк, 1988, с. 109; Бунятян, Бессонова, 1990, с. 25]. Скорее напротив, Феодосия, которая контролировала близлежащую сельскохозяйственную территорию [Гаврилов, 1988, с. 200; 2004; Петрова, 1991, с. 92 – 93; 1996, с. 147 – 150] (рис. 22), располагалась обособленно от собственно боспорских земель [Шелов-Коведяев, 1985, с. 123], а связь с Пантикапеем поддерживалась в основном морем, так как путь через земли, заселенные кочевниками, был сопряжен с целым рядом трудностей. Не исключено, что в пользу такого заключения свидетельствует титулатура Левкона I, который в эпитафических памятниках именуется «архонтом Боспора и Феодосии» [КБН, 6, 6 а, 8, 1037, 1038, 1111; Сапрыкин, 2006, с. 194 – 195]. Это позволяет предполагать, что последняя располагалась за пределами области, непосредственно примыкавшей к Боспору Киммерийскому [Завойкин, 2001, с. 168].

С другой стороны, сказанное, вероятно, свидетельствует об особом положении Феодосии в составе царства, которое было, если не тождественно [ср.: Завойкин, 2002, с. 101], то, вероятно, весьма близко политическому статусу столичного

сближение боспорских правителей – союзников скифов с Ольвией позволило городу освободиться от трибута, который до этого платился кочевникам [подр. см.: Виноградов, Крапивина, 1995, с. 69 – 78; ср.: Яйленко, 1999, с. 123 – 125].

Пантикапея. Сейчас трудно говорить о полноте прав граждан как полисов в зоне Керченского пролива, так и Феодосии, однако, вероятно, гражданские общины этих городов пользовались правами внутреннего самоуправления [Колобова, 1953, с. 49 – 52; 1954, с. 84 – 85; Виноградов Ю. Г., 1978, с. 22 – 25; Шелов-Коведяев, 1985, с. 165 – 167; Зинько, 2005, с. 32]. Об этом, в частности, свидетельствует то, что правители Боспора выступали по отношению к греческим центрам не как цари, а как архонты, демонстрируя тем самым приверженность эллинским традициям [подр. см.: Виноградов Ю. Г., 1983, с. 410 – 419]. Вполне возможно, что особый статус Феодосии в составе Боспорского царства был обусловлен определенной территориальной обособленностью этого центра от тех районов, которые более или менее надежно контролировались боспорскими правителями [Виноградов Ю. Г., 1978, с. 22 – 25; Гуров, 1983, с. 50 – 58; Завойкин, 2001, с. 168; 2002, с. 101].

Следует обратить внимание и на то, что при Евмеле (310/309 – 304/303 гг. до н. э.), после окончания междоусобной борьбы за престол [подр. см.: Завойкин, 2004, с. 65; 2005а, с. 58 – 59; Виноградов Ю. А., 2005, с. 277 – 282], в Пантикапее было собрано Народное собрание, на котором царь предоставил ателию пантикапейцам, которая существовала при его предках, и обещал освободить их от чрезвычайного военного налога [подр. см.: Diod., XX, 22, 1 – 24, 4; Гайдукевич, 1949, с. 73 – 75; Шелов-Коведяев, 1985, с. 149 – 151; Яйленко, 1990, с. 297 – 298; Спивак, 1997, с. 90 – 91; Завойкин, 2001, с. 164; ср.: Голубцова, 1992, с. 68, 82]. Это, вне всякого сомнения, свидетельствует об особом статусе столицы в составе Боспорского царства. Если соотнести функционирование в Пантикапее Народного собрания с титулатурой боспорских царей, в которой они по отношению к греческим городам выступали как архонты, то напрашивается вывод, что гражданские общины Пантикапея, Феодосии и, видимо, некоторых других боспорских центров пользовались в период правления Спартокидов большим объемом прав, чем греческое население других боспорских поселений, и распоряжались определенным полисным земельным фондом, который распределялся между гражданами [Жебелев, 1953 а, с. 124; Колобова, 1953, с. 56; ср.: Сапрыкин, 1992, с. 91; Петрова, 1991 а, с. 99 – 100].

Тот факт, что Народное собрание в Пантикапее, по сообщению Диодора Сицилийского, собрал именно царь, свидетельствует в пользу вывода об определенном ограничении свобод, что было характерным признаком эллинистических монархий [подр. см.: Petit, 1965, р. 34 – 36; Ehrenberg, 1969, р. 191 – 193; Завойкин, 2001, с. 164 – 165]. В этом отношении показательно, что еще Перисад (349/348 – 310/309 гг. до н. э.) с сыновьями даровал жителю Амиса, его потомкам и слугам проксению, а также освобождение от пошлин на всем Боспоре, что, безусловно, свидетельствует о переходе этой важной полисной функции под контроль боспорского правителя [Каллистов, 1963, с. 317; см.: Анохин, 1999, с. 65, 195 – 187].

Ф. В. Шелов-Коведяев, публикуя декреты из Пантикапея о предоставлении прав иностранцам, отметил, что боспорский правящий дом даровал только те привиле-

гии, которыми можно было реально воспользоваться. Предоставление права ателии базировалось на том, что боспорские цари контролировали порты, а средства от сбора пошлин шли в казну [Шелов-Коведяев, 1985 а, с. 69 – 72]. Вместе с этим, значительное количество декретов второй половины IV в. до н. э. позволяет заключить, что боспорские правители в своих торговых сделках имели дело не только с целыми государствами, как, например, с Афинами, но и с отдельными купцами, которые либо были связаны с дружественными Боспору государствами, либо оказали какие-то важные услуги его правящему дому [Шелов-Коведяев, 1985 а, с. 72; 1988, с. 83; Виноградов, Толстиков, Шелов-Коведяев, 2002, с. 71 – 73].

К сожалению, о статусе других городов в составе державы Спартокидов в это время источники ничего определенного не говорят. Поэтому, с известной долей риска, можно предположить, что, как и в других эллинистических монархиях, некоторые небольшие города не имели статуса полисов, а были подчинены царской администрации, не имели своей хоры и, располагаясь на царской земле, платили налоги в государственную казну [ср.: Сапрыкин, 1992, с. 91, 92, 94]. Ведь, судя по сообщению Диодора Сицилийского, по крайней мере, в период правления Евмела даже граждане Пантикапея были обложены налогом. В то же время вряд ли под термином «Боспор», архонтами которого выступали боспорские цари, в официальных надписях подразумевался только Пантикапейский полис, а не еще какие-то полисы европейской и азиатской части Боспора Киммерийского, включенные в разные периоды в состав Боспорского царства. Помимо этого, как свидетельствует фанагорийская надпись I в. до н. э., определенные налоги, в данном случае иностранцы, платили гражданской общине Фанагории [Виноградов Ю. Г., 1991, с. 20 – 28; ср.: Vinogradov, Wörrle, 1992, S.159 – 170]. Не исключено, что в более ранний период эти налоги, собиравшиеся с населения боспорских городов, может быть за исключением сохранивших полисные институты, были еще одним важным источником пополнения государственной казны, которой распоряжались боспорские правители [ср. Сапрыкин, 2006, с.193].

Говоря о боспорско-скифском союзе в войне за Феодосию и об освоении греками значительных сельскохозяйственных территорий, нельзя пройти мимо того хорошо установленного факта, что на современном Керченском полуострове зафиксировано большое количество селищ, на большей части которых жили варвары (рис. 26). В ходе археологических раскопок и разведок было установлено, что, судя по лепной керамике, здесь обитало в основном варварское, в массе своей скифское, население, которое занималось сельским хозяйством.²⁶ Поселения варварского населения представлены деревнями и селищами достаточно большой площади с остатками хаотично расположенных на определенном расстоянии друг от друга довольно простых жилищных комплексов. Постройки на таких

---

²⁶ О различных точках зрения по вопросу об этносе этого населения подр. см.: Кругликова, 1975, с. 75; Масленников, 1980, с. 5 – 16; 1995 а, с.56 – 64; 2001, с. 91; Яковенко, 1981, с. 248 – 259; Буянтян, Бессонова, 1990, с. 23.

памятниках в своем большинстве были многокамерными, но с одним или двумя очагами (рис. 27). Сами же селища имели хаотичную планировку, а жилища группировались «гнездами» [Кругликова, 1975, с. 60 -75; Масленников, 1989, с. 73; 1989 а, с. 41; 1992, с. 80; 1993, с. 15; 1995 а, с. 64; Зинько, 1996, с. 16]. По мнению А. А. Масленникова, на территории таких селищ жило порядка десяти больших семей, которые занимались экстенсивным земледелием [Масленников, 1995 а, с. 64].

Такие поселения варварского населения были зафиксированы главным образом в глубинных степных районах Керченского полуострова [Яковенко, 1974, с. 20 – 33; Кругликова, 1975, с. 16, рис. 1; Масленников, 1992, с. 81, рис.12; 1998]. А. А. Масленников полагает, что часть населения варварских поселений была зависима от скифского царя, а Спартокиды контролировали лишь часть побережья и ограниченное пространство вглубь полуострова, начиная от берега пролива. Таким образом, значительное количество варварского населения было лишь экономически связано с Боспором, а отношения греков с варварами были в основном мирными [Масленников, 1993, с. 35; 1995 а, с. 67]. Можно предположить, что скифское население деревень на Керченском полуострове было представлено свободными общинниками, однако каких-либо данных о наличии у скифов соседской общины пока нет (Зинько, 1991 а, с. 39 – 40). Все это свидетельствует о сложных этно-социальных процессах, происходивших в IV в. до н. э. в Восточном Крыму.

Топография сельских поселений и погребальных памятников, расположенных на современном Керченском полуострове, свидетельствует, что Узунларский вал, вне зависимости от окончательного решения вопроса о времени его строительства, на протяжении всего эллинистического периода, безусловно, являлся стратегической границей Боспорского государства на западе [см.: Кругликова, 1975, с.16, рис. 1; Масленников, 1992, с.81, рис.12; с. 83, рис.13; 2003, с. 250 – 251]. Поэтому поселения варварского населения, расположенные к востоку от него, вероятно, находились в определенной зависимости от боспорской администрации.

Видимо, правы Е. П. Бунятыян и С. С. Бессонова, которые связывали появление значительного массива скифского населения в Восточном Крыму с соци-

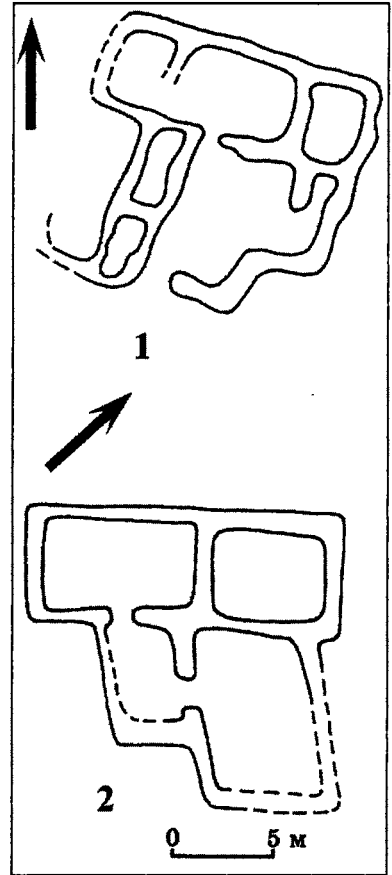

Рис. 27. Планы домов на селищах Керченского полуострова, по А. А. Масленникову.

1 – Золотое Плато; 2 – Акташское.

альной дифференциацией скифского общества и оседанием обедневших кочевников на землю [подр. об этом процессе см.: Хазанов, 2000, с. 171 – 173; 324 – 328], что и должно было вызвать к жизни такую форму общественной организации как соседская община [ср.: Масленников, 1995 а, с. 64]. На основании детального изучения материалов Акташского могильника исследовательницы считают, что на Керченском полуострове седентаризация скифов, в отличие, например, от Нижнего Поднепровья, прошла очень быстро, и роль катализатора в этом процессе сыграло Боспорское царство [Бессонова, Бунятян, 1990, с. 22 – 23]. Особенно важным является вывод о «раздвоении» скифского этноса на два хозяйственно-культурных типа. Скифская аристократия в это время сохранила военно-кочевой уклад жизни, а обедневшие общинники осели на землю. По договоренности с боспорским тиранами они могли быть расселены как в пределах территории, контролировавшейся царством, так и скифских вождей. Земли степей Восточного Крыма, кроме района Феодосии и ее окрестностей [Петрова, 1991, с. 92 – 93; 1996, с. 149 – 151; Гаврилов, 2004] (рис. 22), оставались под юрисдикцией союзных Боспору скифских династов и здесь достаточно долго мог сохраняться традиционный кочевой уклад жизни. В пользу такого заключения свидетельствует топография скифских погребальных памятников, исследованных на Керченском полуострове [Яковенко, 1981, с. 248, рис. 1; 1991, с. 20 – 21; Бессонова, Бунятян, Гаврилюк, 1988, с. 145, рис. 1]. Союзными отношениями между боспорскими тиранами и скифскими династиями был обусловлен тот факт, что скифы не упоминаются в эпиграфических памятниках среди подвластных боспорским царям народов [Бунятян, Бессонова, 1990, с. 25; Яковенко, 1991, с. 20 – 21; Масленников, 1995 а, с. 60 – 61].

Вместе с этим, делая вывод о том, что, по крайней мере, часть оседавших на землю обедневших кочевников была расселена на землях, принадлежавших боспорским тиранам, следует обратить внимание еще на один вывод. Говоря о союзнических отношениях между скифами и Боспором, Е. П. Бунятян и С. С. Бессонова подчеркнули, что они были возможны только благодаря дружеским связям между боспорскими царями и скифскими династиями. Рядовое же скифское население, занимавшееся сельским хозяйством, фактически зависело от боспорского царя и эксплуатировалось путем внеэкономического принуждения. Но этот процесс шел не без активного вмешательства верхушки скифского общества, которая, вероятно, была в нем заинтересована [Бунятян, Бессонова, 1990, с. 22, 26]. Если это так, то за пользование царской землей это оседлое население должно было какую-то часть урожая передавать боспорским чиновникам. В свою очередь, боспорские тираны, заинтересованные в союзе с кочевой верхушкой общества и мирных отношениях с ней, должны были выплачивать дань [Strabo, XII, 4, 6; ср.: Масленников, 1995 а, с. 67], которая могла выражаться в форме подарков и в основном состояла из предметов роскоши, которые являются непременным атрибутом каждого погребения богатого кочевника (рис. 28). О том, что именно в IV в. до н. э. шел активный процесс сближения скифской аристократии

Рис. 28. Золотые сосуд с изображением скифа из кургана Куль-Оба (1) и гребень из кургана Солоха (2). Государственный Эрмитаж. С.-Петербург.

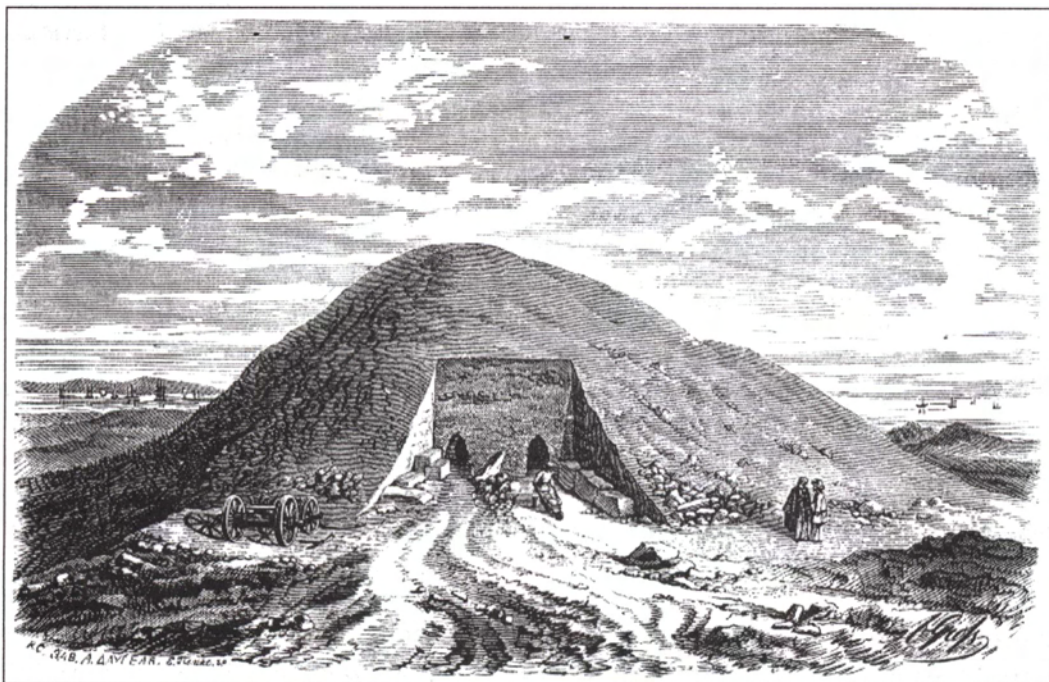

Рис. 29. Курган в окрестностях Пантикапея, по Н. П. Кондакову и И. И. Толстому.

и боспорской знати во главе с царем, свидетельствуют захоронения высокопоставленных скифов в окрестностях Пантикапея, в частности в кургане Куль-Оба, а также некоторые погребения курганов могильника Юз-Оба [подр. см.: Масленников, 1981, с. 54 – 55; Виноградов Ю. А., 2005, с. 268 – 274] (рис. 29).

Таким образом, стабилизация взаимоотношений Боспора со скифами и оседание обедневших кочевников на землю объясняются обоюдной экономической заинтересованностью в этом как скифской правящей верхушки, так и боспорских царей. Иными словами, часть территории Восточного Крыма, находившаяся под контролем боспорских тиранов – хора базилике, была населена оседлым варварским населением, жившим в своей массе в небольших деревнях [ср.: Масленников. 2001, с. 91]. Большое количество таких поселений, зафиксированных археологически, свидетельствует о том, что они были непременным атрибутом организации сельскохозяйственной территории Боспорского царства в IV – первой половине III вв. до н. э. [Зинько, 1991, с. 49; 1991 а, с. 39 – 40]. Варварское оседлое население, жившее на территориях, которые контролировались боспорскими тиранами, безусловно, должно было платить им определенный форос, как это было в других эллинистических государствах [ср.: Голубцова, 1992, с. 66; Сапрыкин, 1992, с. 94, 97 – 98]. А если учесть, что, по подсчетам А. А. Масленникова, в Восточном Крыму в конце IV – начале III вв. до н. э. обитало приблизительно 25 – 30 тыс. человек [Масленников, 1995 а, с. 66], то количественные показатели этого фороса были весьма значительными и являлись, пожалуй, одной из основных статей дохода боспорских царей.

Говоря о наличии в Восточном Крыму оседлого варварского населения, важно определить его положение в структуре Боспорского государства, форму общественной организации и, наконец, систему эксплуатации. Теоретически рассмотреть этот аспект можно только исходя из общих закономерностей тех обществ, для развития которых были характерны процессы вторичного классового образования.

Планировка жилищно-хозяйственных комплексов, прослеженная в процессе раскопок на этой части сельскохозяйственных территорий европейского Боспора, свидетельствует, что это была совокупность самостоятельных в производственном отношении семей (рис. 27). Их можно рассматривать в качестве союза хозяйственно самостоятельных, принципиально равных между собой глав семейств, а не иерархически организованных вокруг лидера сообществ, связанных коллективным трудом. Такая община возникает на базе элементов распавшегося раннеклассового общества, в данном случае кочевого скифского, и может быть определена как протоклассовая [Павленко, 1987, с. 72 – 84].

В условиях господства натурального хозяйства в сословно-классовых обществах, как правило, такая протоклассовая община эксплуатировалась путем взимания ренты-налога государственным аппаратом или уполномоченным на то верховным правителем частным лицом, получившим права условного землевладения [подр. см.: Павленко, 1989 а, с. 159 – 160; Зубарь, 2000, с. 70 – 72].

Рис. 30. Дом на поселении Южно-Чурубашское, по И. Т. Кругликовой и С. Д. Крыжицкому

хозяйство преимущественно своими орудиями труда и часть производимого продукта отдает собственнику земли (будь то государство или частное лицо), в зависимости которого оно находится» [Стучевский, 1966, с. 149].

Наряду с появлением в Восточном Крыму поселений скифского населения, со второй четверти IV в. до н. э. здесь увеличивается количество памятников, которые свидетельствуют о расширении сферы сельскохозяйственной деятельности греков. Если в VI – V вв. до н. э. на Керченском полуострове преобладали

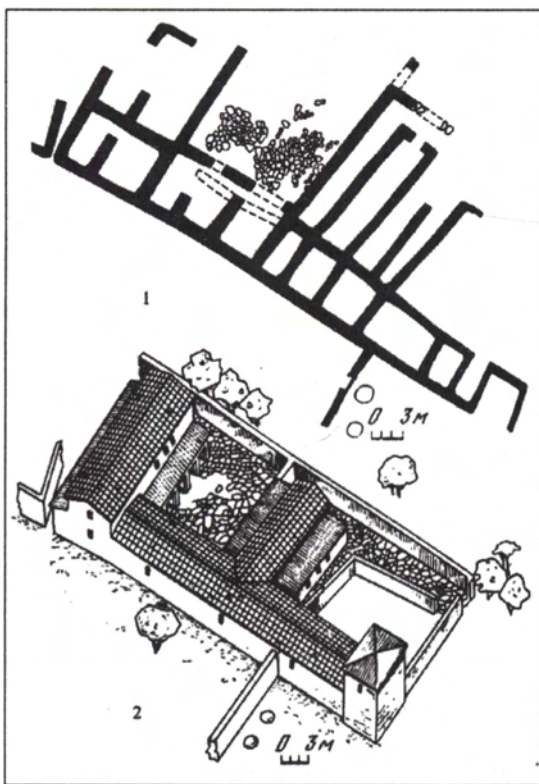

Рис. 31. План (1) и реконструкция (2) усадьбы Андреевка-южная, по И. Т. Кругликовой.

Следовательно, систему эксплуатации осевшего на землю в Восточном Крыму варварского населения можно определить как крепостническую. В широком смысле крепостничество – это система эксплуатации «земледельческого населения, которое ведет мелкое натуральное

сельские поселения [Кругликова, 1975, с. 52], то во второй четверти IV – III вв. до н. э. в окрестностях античных центров, в Крымском Приазовье и округе Феодосии фиксируются сельские усадьбы различных размеров [Кругликова, 1975, с. 55, 76; Махнева, 1988, с. 208; Зинько, 1991 а, с. 40; 2003, с. 159 – 180; Масленников, 1993, с. 14; 1995, с. 89; 2001, с. 89 – 90; Масленников, Смекалова, 1997, с. 83 – 92] (рис. 30). Особо следует отметить, что на месте более ранних поселений полисной хоры Пантикапея и Нимфея – Андреевка-южная, Героевка-1, Южно-Чурубашское; Михайловка в IV в. до н.э., появляются и активно функционировали сравнительно крупные усадьбы [Кругликова, 1975, с. 80 – 88, 92; Горончаровский, 1996, с.31; Solov'ev, Zin'ko, 1994, р. 77; Зинько, 1996, с. 16; 2003, с.91–117; Масленников, Смекалова, 1997, с.83 – 92; Масленников, 1997 в, с.195 – 200; 1998 а, с.59 – 66]. Причем, если наиболее ранние усадьбы на хоре

Нимфея (Героевка-1, Михайловка) в первой половине IV в. до н. э. были укрепленными, то усадьбы второй-третьей четверти IV в. до н. э. уже не всегда имели башни и толстые стен. На хоре Пантикапея большие сельские усадьбы появляются не ранее конца IV в. до н. э. Такие памятники представлены блоком из двух усадеб на поселении Андреевка-южная (рис. 31) и тремя усадьбами на поселении близ Мирмекия [Зинько, 1999, с. 134] (рис. 32). На царской хоре в Крымском Приазовье [подр. см.: Масленников, 2001, с. 178 – 190], наряду с отдельно стоящими сельскими усадьбами (Бакланья Скала) (рис. 33), исследованы и крупные центры царских землевладений со сложной планировочной структурой – Генеральское западное и Чокракский мыс, появившиеся во второй четверти IV в. до н. э. [Масленников, 1998, с.46-59].

Этот весьма показательный факт убеждает в том, что после организации хоры Боспорского царства происходят определенные изменения в формах землевладения. Видимо, став верховными собственниками земли, боспорские тираны передали ее часть во владение своему ближайшему окружению

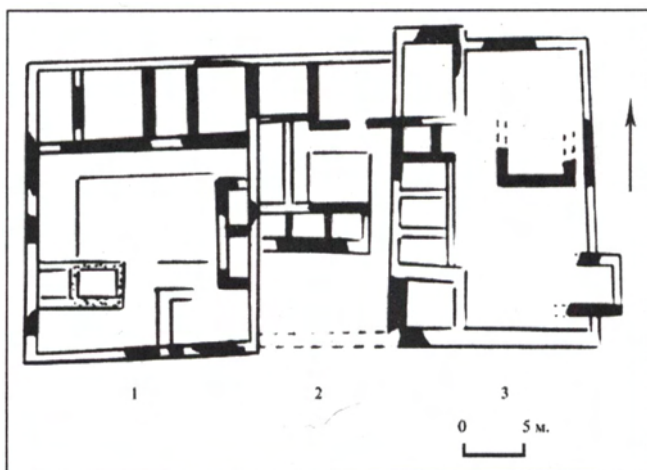

Рис. 32. Планы усадеб IV – начала III вв. до н. э. в окрестностях Мирмекия, по В. Н. Зинько.

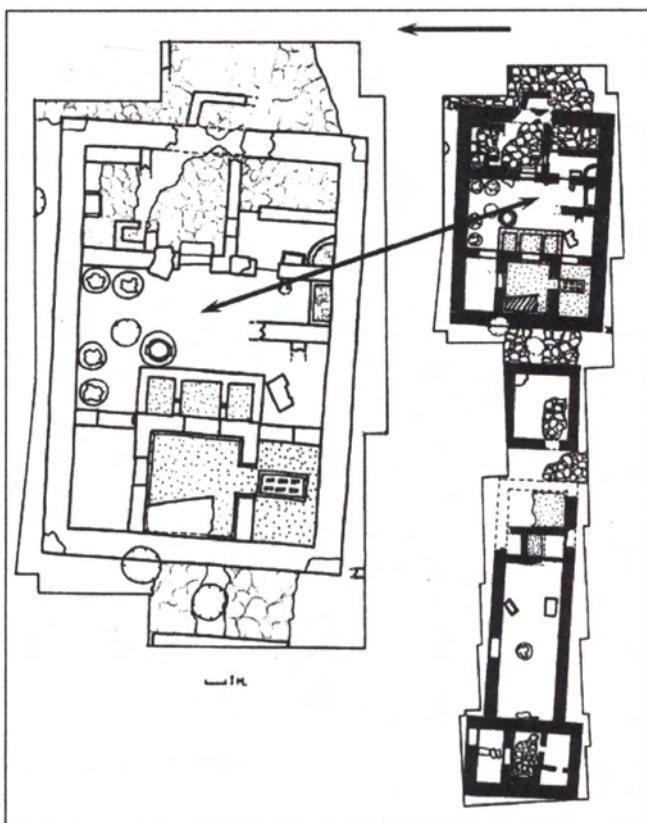

Рис. 33. Усадьба IV в. до н. э. Бакланья скала, по А. А. Масленникову.

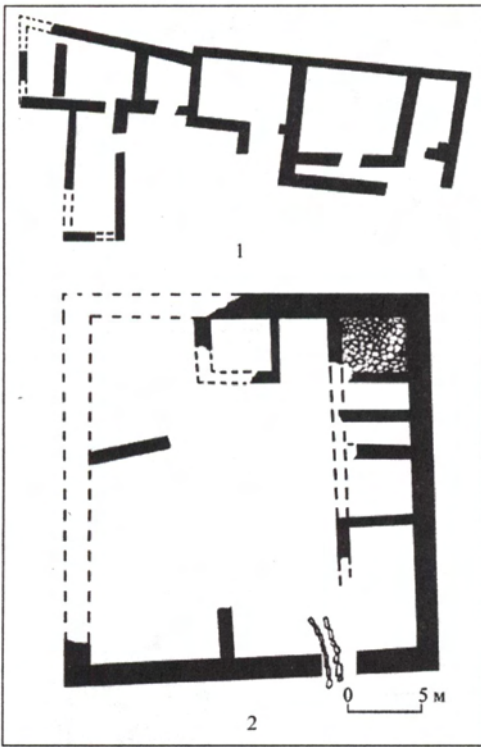

Рис. 34. Усадьбы в окрестностях Нимфея, по В.Н. Зинько.

1 - Южно-Чурубашское, 2 - Михайловка.

или, как они называются в письменных источниках, «друзьям» [подр. см.: Шелов-Коведяев, 1985, с. 160; ср.: Голубцова, 1992, с. 62; Масленников, Смекалова, 1997, с. 92].²⁷ Этим, вероятно, и следует связывать возникновение в ряде мест на царской хоре более или менее обширных усадеб, которые по всем формальным признакам можно рассматривать в качестве центров крупного в масштабах Боспора землевладения.

Интересно, что такие усадьбы появляются и в окрестностях Нимфея [Зинько, 1996, с. 16; 1997, с. 31] (рис. 34), что может рассматриваться в качестве важного аргумента в пользу вывода о начале изменений в области поземельных отношений, в том числе и на городской хоре. Причем, если это соотнести с хорой Пантикапея, где изменения по археологическим материалам фиксируются не ранее последней четверти IV в. до н. э., то следует полагать, что такие процессы в окрестностях разных центров имели свои особенности. Вероятно, только с началом

функционирования аналогичных памятников в IV в. до н. э. можно говорить о процессе определенной концентрации земельной собственности. Вполне логично предположить, что на Боспоре он шел при непосредственном участии тирана и под его строгим контролем, так как появление усадеб вдали от городов свидетельствует о выделении земли их хозяевам из государственного фонда, которым распоряжался боспорский царь [ср.: Колобова, 1953, с. 56 – 58]²⁸.

К сожалению, до самого последнего времени были очень плохо изучены следы размежевки земель на территории европейского Боспора [см.: Кругли-

²⁷ Не исключено, что от этих «друзей» царя ведут свое происхождение аристократические боспорские семьи, которые засвидетельствованы источниками для более позднего времени [см.: Колобова, 1953, с. 69].

²⁸ Сейчас нельзя считать доказанной точку зрения Б. Г. Петерса о том, что следы вторичной размежевки, зафиксированные в окрестностях Михайловского городища на Керченском полуострове, относятся именно к концу IV - III вв. до н. э. Скорее, тот факт, что в курганах, расположенных на размежеванной территории обнаружены монеты 300 - 110 гг. до н. э., свидетельствует о том, что размежевка существовала до времени правления Евмена и связывать ее, таким образом, с каллатийцами нельзя [подр. см.: Петерс, 1978, с. 119 - 123; ср.: 1985, с. 23 - 24].

кова, 1975, с. 54; Молев, 1986 а, с.45; Масленников, Безрученко, 1991, с. 37; Solov'ev, Zin'ko, 1994, р.74 – 75; Зинько, 1991 а, с.40; 1996, с.17; 1998, с.89, 93 – 94; Винокуров, 1998, с. 59 – 61; Scholl, Zin'ko, 1999, р. 94–97], зафиксированные, как теперь ус-

становлено, в Восточном Приазовье, юго-западной части Керченского полуострова (рис. 35), окрестностях Китея (рис. 36) и других районах [подр. см.: Масленников, Смекалова, 2005, с. 281 – 282, 286 – 288, 289 – 291] (рис. 37). Поэтому пока нельзя с полной уверенностью связать следы такой размежевки с конкретными усадьбами IV – III вв. до н. э., а также говорить о размерах земельного фонда, который принадлежал тем или иным хозяевам на определенном

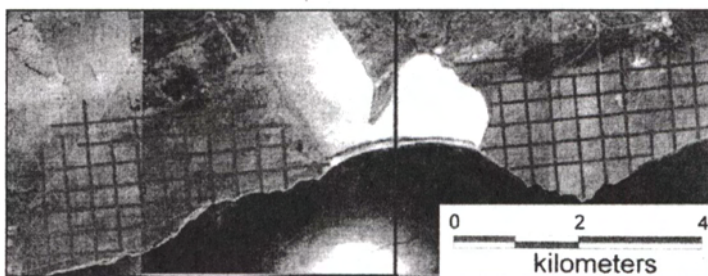

Рис. 35. Следы размежевки земли в юго-западной части Керченского полуострова, по А. А. Масленникову и Т. Н. Смекаловой.

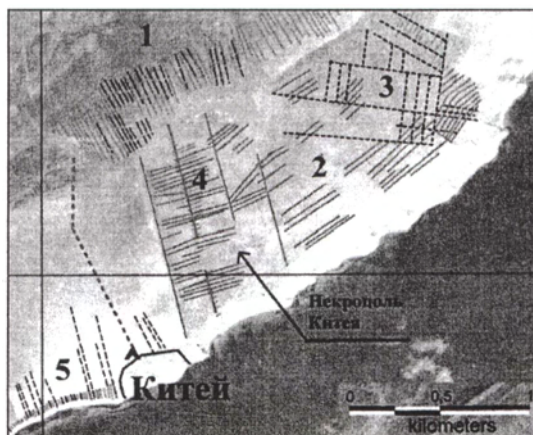

Рис. 36. Следы размежевки земли в окрестностях Китея, по А. А. Масленникову и Т. Н. Смекаловой.

Рис. 37. Районы со следами размежевки, прослеженной на Керченском полуострове, по Т. Н. Смекаловой, А. А. Масленникову и С. Л. Смекалову.

хронологическом отрезке времени [Масленников, 2001 а, с. 189]. Но наделение земель из царского фонда, видимо, предполагает определение границ землевладений, что должно было как-то фиксироваться на местности.²⁹

В последние годы изучение системы размежевки земли на территории Боспорского царства активизировалось с использованием данных аэрофотосъемки, картографии и археологических исследований [подр. см.: Ломтадзе, Масленников, 2004, с. 154; Гарбузов, Лисицкий, Голеутов, 2004, с. 100 – 116; Масленников, Смекалова, 2005, с. 276 – 307; Смекалова, Смекалов, Попов, 2006, с. 257 – 268; Гарбузов, 2005, с. 98 – 121; Смекалова, Масленников, Смекалов, 2005, с. 79 – 97]. Однако опубликованные выводы относительно характера и времени зафиксированной с воздуха размежевки вызывают определенные сомнения.

В первую очередь это касается предположения о том, что на Боспоре, как и в Херсонесе, площади земельных участков измерялись в «египетских плетрах» [Смекалова, Смекалов, Попов, 2005, с. 259]. Это заключение, заимствованное из работ Г. М. Николаенко, было некритически принято исследователями Боспора в качестве аксиомы. Действительно, она предполагает, что основной мерой площади, использовавшейся херсонеситами, был плетр, который, впрочем, являлся аттическим, а не египетским стандартом площади [Николаенко, 1999, с. 104; ср.: 1983, с. 14 – 17]. Но это заключение не было безоговорочно принято и вполне обоснованно подвергнуто критике. А. В. Буйских на основе изучения данных метрологии пришла к выводу, что в качестве меры площади в Херсонесе использовалась египетская арура, а в основе размежевки Гераклеийского полуострова лежал гекаторюг. Это гапаксный термин, который обозначает местное название земельного участка, применявшегося при межевании земли и равного по площади одной египетской аруре, составлявшей 100 x 100 египетских локтей или 52,5 x 52,5 м [Буйских, 1998, с. 65-70]. Точка зрения А. В. Буйских представляется в настоящее время наиболее аргументированной, но, вероятно, исходя из херсонесских мер площади, нельзя вести исчисление земельных наделов боспорян, т. е. механически переносить херсонесские стандарты площади на Боспор.

Т. Н. Смекалова, С. Л. Смекалов, и И. И. Попов полагают, что в основе размежевки сельскохозяйственных территорий на Боспоре лежал квадрат площадью 12,25 га, который составлял основу размежевки и одновременно являлся нормой боспорского землевладения или «клером», причем специально подчеркивается равенство площадей таких «клеров» в разных районах исследованной территории европейского Боспора. Это, с точки зрения исследователей, свидетельствует, что земля принадлежала одному хозяину, и ее размежевка, скорее всего, была осуществлена одновременно в правление Левкона I [Смекалова, Смекалов, Попов, 2005, с. 260 – 266] (рис. 38).

²⁹ В свое время у поселения Чурубашское И. Т. Кругликовой и Б. Г. Петерсом были выделены земельные участки площадью 29, 4 и 35, 4 м. Однако позднее В. Н. Зинько здесь зафиксировал участки, огороженные каменными стенками площадью около 1 га. См.: Зинько, 1998, с. 89, 94.

Рис. 38. Следы размежевки земли в юго-западной части Керченского полуострова, по Т. Н. Смекаловой, А. А. Масленникову и С. Л. Смекалову.

Оставляя специальную дискуссию по поднятым вопросам на будущее, хотелось бы подчеркнуть только следующее. Действительно, в основе системы античного межевания земли, и на хоре Херсонеса в частности, лежал земельный участок определенных размеров, который нет оснований рассматривать в качестве отдельного землевладения или именовать «клером» [подр. см.: Щеглов, 1993, с. 27 – 34]. Поэтому следы размежевки земли, зафиксированные на Керченском полуострове, нельзя безоговорочно рассматривать в качестве наделов определенной площади, а следует интерпретировать пока лишь в качестве системы деления земли, в основе которой, вероятно, лежал квадрат площадью 12,25 га. В свою очередь он мог быть разделен на несколько наделов, которые обрабатывались различными категориями жителей [подр. см.: Зубарь, 2005а, с. 131 – 138, 184 – 183]. К тому же отсутствие четких хронологических реперов не позволяет отнести эту систему межевания земли к какому-то определенному периоду боспорской истории [Винокуров, 1998, с. 60 – 61; Масленников, 2001 а, с. 189] (рис. 39). Ее датировка временем правления Левкона I вполне вероятна, но настаивать на этом, естественно, нельзя [ср.: Винокуров, 1998, с. 60 – 61]. Судя по имеющимся данным, а также с учетом изучения межевания земли на азиатской

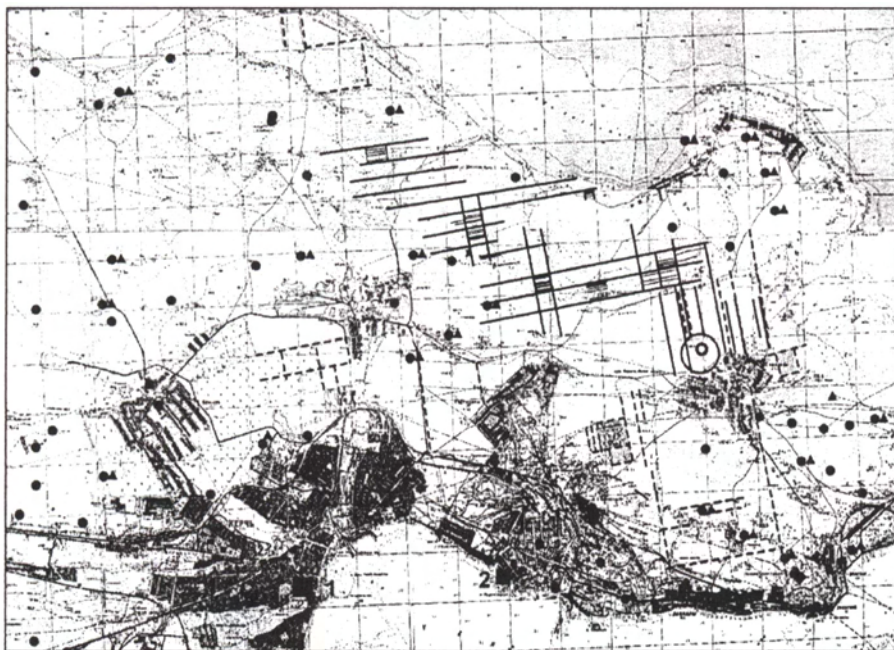

Рис. 39. Следы размежевки земли в окрестностях Пантикапея и к востоку от него по Т. Н. Смекаловой, А. А. Масленникову и С. Л. Смекалову.

стороне Боспора (см. ниже), сейчас можно лишь, с известной долей вероятности, предполагать, что на территории Керченского полуострова в количественном отношении преобладало мелкое землевладение, а в основе системы размежевки лежал квадрат площадью 12,25 м. Хотя не исключено, что в окрестностях некоторых населенных пунктов, где аэрофотосъемкой не отмечено следов размежевки, располагались и крупные землевладения [Смекалова, Масленников, Смекалов, 2005, с. 85], удельный вес которых в экономике Боспора еще предстоит выяснить.

Нельзя также утверждать, что сельскохозяйственное производство на Боспоре осуществлялось с помощью исключительно рабского труда [Кругликова, 1975, с. 80; ср.: Зинько, 1991 а, с. 40], так как в пользу такого заключения совершенно нет данных. Рабство классического типа предполагает достаточно высокий уровень товарного производства [Павленко, 1990, с. 127], а наличие на усадьбе Андреевка-южная зерновых ям [Кругликова, 1975, с. 82; ср.: Винокуров, 1998, с. 57] свидетельствует, скорее, о натуральной основе хозяйства.

В связи с этим следует вспомнить весьма верное замечание В. В. Лапина о том, что, исходя из особенностей греческой навигации, «целесообразней было основную массу товарного хлеба вывозить в метрополию сразу же после сбора урожая» [Лапин, 1966, с. 124]. Поэтому наличие зерновых ям на античных памятниках Северного Причерноморья свидетельствует не о товарной направ-

ленности производства зерна, предназначавшегося на экспорт, а о его заготовке для питания до нового урожая.

В 1986 г. на Азовском побережье Керченского полуострова было начато исследование комплекса построек, который вошел в литературу под названием Генеральское-западное. Судя по описаниям и опубликованным планам [Масленников, 1998а, с. 50 – 59], памятник представлял

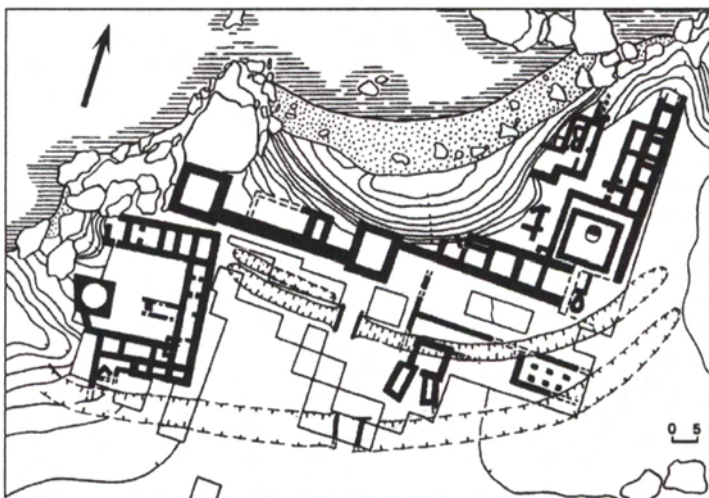

Рис. 40. План городища Генеральское-западное, по А. А. Масленникову.

собой комплекс построек, среди которых можно выделить центральное городище, укрепленное башнями (А), и постройку, расположенную рядом на холме (Б). Наличие двух валов вокруг этих сооружений свидетельствует, что первоначально было возведено укрепленное башнями городище, которое с напольной стороны было дополнительно защищено валом. Несколько позже рядом с крепостью возникла другая постройка (Б). Причем крепость и новая постройка с напольной стороны были укреплены новым валом. Таким образом, городище Генеральское-западное представляет собой комплекс сооружений, состоявший из собственно крепости, на территории которой зафиксированы перистильный и культовый дворы, алтари, три винодельни [Винокуров, Масленников, 1993, с. 40 – 45], башни, рустованная стена и обилие черепицы, а также постройки рядом на холме (рис. 40).

В планировочном отношении она представляла собой двор площадью 560 кв. м., окруженный с трех сторон по периметру небольшими однотипными помещениями, а с четвертой – была ограничена обрывом. В западной части двора была открыта большая яма, которая, по мнению автора раскопок, была зерновой и предназначалась для хранения не менее 200 тонн зерна [Масленников, 1989, с. 74; 1992, с. 73 – 74, рис. 6.]. Памятник отличается хорошая сохранность и высокое качество построек, а также обилие разнообразных находок. Как и другие поселения в этом районе, оно возникло в середине второй четверти IV в. до н. э. и погибло около третьей четверти III в. до н. э. [Масленников, 1995, с. 89, рис. 8; 1997 д, с. 112 – 130; 1998 а, с. 50 – 59; 186 – 201].

А. А. Масленников совершенно справедливо указал, что постройка, расположенная на холме (Б), по своему планировочному решению близка усадьбам,

раскопанным в окрестностях Ольвии и Северо-Западном Крыму.³⁰ Интерпретируя памятник в целом, он указал, что Генеральское-западное можно «рассматривать и как храмовый комплекс, и как очень богатую усадьбу, и как факторию» [Масленников, 1989, с. 74; 1993, с. 14.]. Однако более точное и однозначное его определение дать затруднился и отнес этот памятник по формальным признакам к типу сельскохозяйственных усадеб эллинистического времени [Масленников, 1989, с. 74; ср.: Зинько, 1991 а, с. 42] (рис. 41).

А между тем тождественное планировочное решение и хронологическая близость постройки Б поселения Генеральское-западное и так называемых коллективных усадеб, раскопанных в Нижнем Побужье и Северо-Западном Крыму, позволяют, если не окончательно выяснить вопрос об интерпретации целой группы однотипных археологических памятников Северного Причерноморья, то предложить наиболее вероятный путь его решения, тесно связанный с особенностями социально-экономического развития Боспора рассматриваемого времени.

На поселении Панское I, расположенном на Тарханкутском полуострове, была открыта коллективная усадьба (У-6). Она представляла собой квадратную постройку и занимала площадь около 1200 м². По периметру большого двора располагались помещения, выходы из которых были обращены во внутренний двор площадью около 600 м². По археологическому материалу усадь-

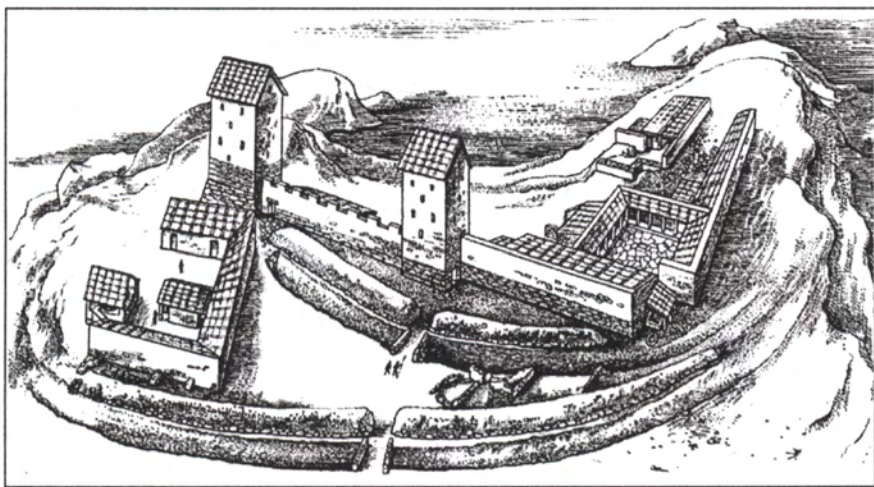

Рис. 41. Городище Генеральское-западное. Реконструкция А. А. Масленникова.

³⁰ Не исключено, что к этому же типу памятников относится усадьба III – середины II вв. до н. э., раскопанная в 500 – 550 м от Таманского холма, где в западной части зафиксировано пять расположенных в ряд помещений [Сорокина, 1985, с. 374 – 378]. Однако, ввиду плохой сохранности памятника, сейчас на этом настаивать нельзя.

ба датируется в пределах последней четверти IV – первой трети или первой половины III вв. до н. э. Таким образом, можно констатировать, что после включения Северо-Западного Крыма в состав Херсонесского территориального государства здесь существовал комплекс, состоявший из нескольких индивидуальных усадеб, построенных на развалинах более раннего четырехбашенного форта (усадьба У-7) и нескольких коллективных усадеб [Щеглов, 1970, с. 20 – 22; 1978, с. 80 – 82. Рис. 39, 40; Sceglov, 1987, p. 248, 249; Fig. 20 – 22; Hannestad., Stolba, Sčeglov, 2002, p.29 – 98, pl. 6 – 7– 13; Зубарь, 2005, с. 119, рис. 45] (рис. 42).

Аналогичная коллективная усадьба была раскопана в 1973 г. близ неукрепленного поселения Дидова Хата I к северу от Ольвии. Постройка в плане представляла собой замкнутый прямоугольник с обширным двором в центре площадью 600 кв. м. По периметру двора, с внутренней стороны, к внешней стене были пристроены помещения, сгруппированные в блоки. Общая площадь комплекса 1200 кв. м. По археологическому материалу усадьба в урочище Дидова Хата I датируется последней третью IV – второй четвертью III вв. до н. э. (рис. 43) Кроме урочища Дидова Хата, где имеются следы еще двух аналогичных усадеб, видимо, такие же постройки зафиксированы разведками, но, к сожалению, пока не раскопаны у сел Катилино и Чертоватое [подр. см.: Рубан, 1978, с. 34, 35; 1985, с. 37 – 39, рис. 3; Крыжицкий, 1982, с. 45; 1993, с. 160, 161; Крыжицкий, Буйских, Бураков, Отрешко, 1989, с. 120, 121; Крыжицкий, Буйских, Отрешко, 1990, с. 56, 57, 61; Зубарь, 2005 а, с. 191, рис. 102].

Если сравнить все эти комплексы, обнаруженные на территории европейского Боспора,

Рис. 43. Коллективная усадьба поселения в урочище Дидова Хата, по В. В. Рубану.

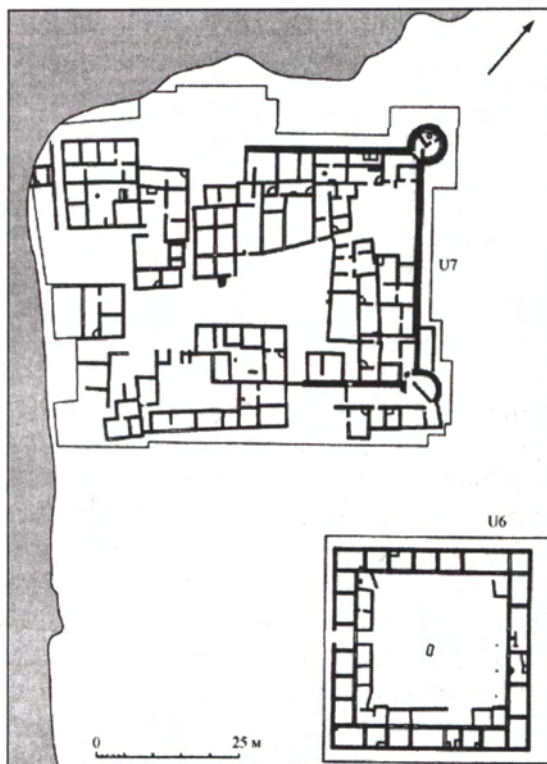
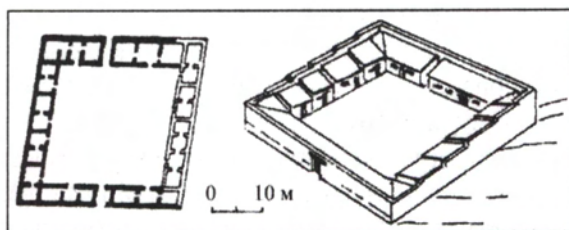

Рис. 42. Комплексы У 7 и У 6 на городище Панское-I, по Л. Ханнестаду, В. Ф. Столбе, А. Н. Щеглову.

Херсонесского и Ольвийского государств, то следует выделить те общие черты, которые позволяют отнести их к одному и тому же типу археологических памятников. Несмотря на некоторые локальные особенности, для всех усадеб характерна «казарменная» планировка, свидетельствующая об обитании здесь небольших коллективов, представители которых были объединены не только совместным местом проживания, но и хозяйственной деятельностью, а также, видимо, религиозными представлениями [Гилевич, 1963, с. 35, 36; Щеглов, 1978, с. 80].

Все коллективные усадьбы связаны с близлежащими одновременными неукрепленными (Северо-Западный Крым и Нижнее Побужье) или укрепленными и неукрепленными (Генеральское-западное; Генеральское западного склона) поселениями и, видимо, имевшими с ними общие некрополи [Рубан, 1978, с. 34; Щеглов, 1978, с. 46 – 49]. На поселении Генеральское-западное укрепление (А) и усадьба (Б) были защищены одним оборонительным валом. И, наконец, хронологическая близость коллективных усадеб позволяет предполагать, что появление таких памятников в разных регионах Северного Причерноморья можно объяснять если не тождественными, то весьма близкими причинами.

Сравнительный анализ коллективных усадеб Панское и Дидова Хата I позволил заключить, что в них проживали зависимые группы населения, близкие по своему положению илотам. Следует также подчеркнуть, что возникновение коллективных усадеб в Нижнем Побужье и Северо-Западном Крыму есть все основания связывать с целенаправленной политикой в отношении определенных групп населения, в основе своей негреческого, античных государств. Об этом в частности свидетельствует расположение рассматриваемых усадеб в непосредственной близости от других типов поселений [Зубарь, 1993, с. 70 – 74; 1998, с. 102 – 111; 1999, с. 25 – 34; 2005а, с. 190 – 192; ср.: Масленников, 2001, с. 89 – 90].

Сейчас трудно сказать, в результате завоевания или добровольного подчинения указанные группы населения осели на сельскохозяйственной территории северопричерноморских государств [ср.: Казаменова, 1964, с. 20, 110, 111, 117]. Но нет никаких оснований видеть в жителях коллективных усадеб рабов классического типа [ср.: Poll., III, 83; Steph. Byz., s.v. Χῆος], так как они, вне всякого сомнения, владели определенным имуществом, средствами производства и, видимо, должны были выплачивать верховному собственнику земли часть собранного урожая [подр. см.: Шмидт, 1934, с. 77, 86; Колобова, 1957, с. 26, 41, 42; Lotze, 1959, S. 16, 32, 47; Златковская, 1971, с. 139 – 141; Шишова, 1975, с. 40, 44, 45; Popazoglou, 1997]. Поэтому зависимость типа илотии должна рассматриваться не в качестве одной из форм рабства, а крепостничества – системы эксплуатации, характерной для сословно-классовых обществ докапиталистической стадии развития [Стучевский, 1966, с. 149; Илюшечкин, 1986, с. 122 – 123; Павленко, 1989 а, с. 167 – 182].

Наличие рядом с коллективными усадьбами иных типов поселений позволяет говорить, что именно их жители осуществляли надзор за своевременной выплатой установленной, видимо, натуральной платы за пользование земель, так

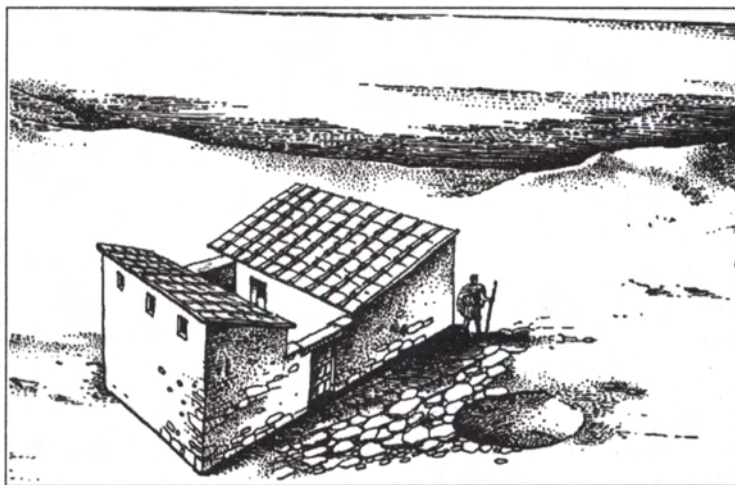
то сельские агломерации в урочище Дидова Хата и Козырка, вероятно, в предположительном плане могут рассматриваться в качестве неясных пока административно-территориальных районов Ольвийского государства. В этом отношении показательно, что вся сельскохозяйственная территория Афинского государства была разделена на 139 демов, в которых сельские поселенческие структуры группировались вокруг более или менее крупных населенных пунктов, являвшихся центрами отдельных административных районов [подр. см.: Strabo, IX, 1, 21; Traill, 1975, map 2; Osborn, 1982, p. 14 – 46; 1987, p. 63, 71 – 73].

Не исключено, что подобное или близкое административно-территориальное деление существовало и в Ольвийском государстве, под контролем которого находились земли в Нижнем Побужье. Если это так, то в состав таких районов входили не только различные категории поселенческих структур, но и определенный земельный фонд, контроль за использованием которого осуществлялся представителями верховного собственника земли. Такие административно-территориальные единицы, где жили различные категории сельского населения, не обладавшего правами ольвийского гражданства, вероятно, можно также рассматривать в качестве своеобразных податных округов (ср.: Свенцицкая, 1960, с. 94, 97, 99; Голубцова, 1962, с. 148 – 149). Конечно, сказанное – не более чем гипотеза, однако она, как представляется, имеет полное право на существование, тем более что аналогичное или близкое территориальное деление предполагается исследователями и для Херсонесского государства в эллинистический период [подр. см.: Сапрыкин, 1982, с. 58; 1992, с. 106; Виноградов, Щеглов, 1990, с. 328].

Говоря о наличии каких-то административных районов на территории Ольвийского государства, которые археологически представлены сельскими агломерациями, вероятно, уместно поставить вопрос, как осуществлялся контроль за сельскохозяйственными территориями со стороны гражданской общины полиса. Еще В. В. Латышевым на основе анализа эпитафических памятников было установлено, что в эллинистический период в Ольвии существовали коллегии архонтов, стратегов, Семи и Девяти [Латышев, 1887, с. 256 – 302]. А Н. Эрхардт, исходя из численности стратегов, предположил, что гражданская община Ольвии была разделена на шесть фил [Ehrhardt, 1983, S. 206].

Коллегии стратегов, как свидетельствует сравнительный материал, осуществляли не только функции военного командования, но и управления (Liddell, Scott, Jones, 1968, s. v. στρατηγός). В Египте, например, стратеги стояли во главе ком [Павловская, 1979, с. 53; Sijpestein, 1986, p. 297 – 302], а в Дура-Европос стратег осуществлял функции высшей исполнительной власти [Кошеленко, 1960, с. 76; Голубцова, 1967, с. 41]. Аналогичная практика в эллинистический период засвидетельствована для территории Понтийского царства и Фракии [Фол, 1985, с. 142 – 144; Сапрыкин, 1992, с. 90; 1996, с. 22, 235]. Поэтому не исключено, что в Ольвии на коллегию стратегов, помимо иных обязанностей, о которых пока можно только догадываться, могла быть возложена функция контроля за вновь осваиваемыми землями в Нижнем Побужье.

Рис. 44. Усадьба Пустынный берег. Реконструкция А. А. Масленникова.

Учитывая все сказанное, и в первую очередь не только типологическую близость коллективных усадеб на территории Ольвийского, Херсонесского и Боспорского государств, но и их органическую связь с близлежащими поселенческими

структурами, можно говорить об определенной общности процессов социально-экономического развития, которые имели место во всех указанных районах в IV – III вв. до н. э. А это в свою очередь позволяет шире, чем это делалось ранее, привлекать для изучения различных сторон жизни населения того или иного северопричерноморского античного государства сравнительный материал.

Наличие в Крымском Приазовье различных типов поселений IV – III вв. до н.э., расположенных в непосредственной близости друг от друга, позволяет рассматривать их в качестве одной из сельских агломераций, которая в свою очередь может быть в настоящее время интерпретирована как один из административных районов Боспорского царства в Восточном Крыму. А это заставляет обратить особое внимание на вопрос о социальной иерархии указанных поселенческих структур, так как, определяя указанный район в качестве одной из территориальных единиц Боспорского царства, необходимо, хотя бы в предположительном плане, выделить его административный центр.

В Крымском Приазовье в IV – III вв. до н. э. в рамках одной сельской агломерации могут быть объединены, как отдельно стоящие хозяйства-ойкосы и богатые укрепленные усадьбы, так и укрепленное поселение с коллективной усадьбой [Масленников, 1995, с. 89] (рис. 44). Если исходить из стратегически выгодного местоположения, площади, наличия системы укреплений, особенностей планировки, характера вещественного материала, обнаруженного при раскопках [Масленников, 1995, с. 89; 1998, с. 52 – 58], и, наконец, близлежащей коллективной усадьбы, где, вероятно, жила группа зависимого населения, то в настоящее время на роль такого центра может претендовать лишь укрепленное поселение Генеральское-западное.

Сейчас можно говорить о том, что, если земли, располагавшиеся в окрестностях крупных боспорских городов, в частности Пантикапея, Нимфея и Феодосии, находились во владении граждан, то территории в Восточном Крыму,

населенные осевшим на землю варварским населением, после подчинения боспорскими царями Феодосии вошли в состав земельной собственности тиранов (χώρα βασιλική) [Колобова, 1953, с. 56 – 59; Гайдукевич, 1966, с. 56; Кругликова, 1975, с. 8; Шелов-Коведяев, 1985, с. 140; ср.: Сапрыкин, 2006, с.190]. Ведь не случайно Демосфен именует Левкона хозяином (κύριος) боспорского хлеба [Dem. XX, 31]. К сожалению, пока ничего определенного нельзя сказать о том, как осуществлялось управление царскими землями [ср.: Сапрыкин, 2000, с.197].

Из отрывочных данных письменных источников известно, что в боспорском государстве в IV в. до н. э. были специальные чиновники, как, например, Сопей, который управлял большой областью и осуществлял надзор за собственностью царя [Isocr., XIII, 3; Масленников, 1997 б, с. 87; ср.: Сапрыкин, 2006, с.196], а контроль за сельской территорией во время войны за Феодосию Левконом был возложен на эпимелетов [Polien VI, 9, 3]. Вероятно, такая практика начала складываться еще раньше, о чем свидетельствует тот факт, что Сатир I за передачу Нимфея дал «в дар» Гилону Кепы [Aeschin, III, 171], а фактически подчинил его административной власти один из районов на азиатской стороне Боспора [Кочеленко, Усачова, 1992, с. 53].

Следовательно, если исходить из этих источников и приведенных выше соображений, можно заключить, что в IV – III вв. до н. э. Генеральское-западное было резиденцией одного из чиновников боспорского тирана, на которого была возложена обязанность контроля за близлежащими территориями и, в частности, сбор форося, видимо, продукцией сельского хозяйства, который вносился за пользование царской землей. Под командованием царского наместника должен был находиться определенный воинский контингент, который обеспечивал выполнение возложенных на него функций, и в первую очередь сбор налогов [ср.: Сапрыкин, 1992, с. 97 – 98]. Характер укреплений, зафиксированных на городище Генеральское-западное, свидетельствует в пользу именно такого заключения.

Сейчас нет данных, позволяющих бы говорить о наличии в Крымском Приазовье в IV – III вв. до н. э. крупных рабовладельческих хозяйств. А наличие коллективной усадьбы в комплексе укрепленного поселения Генеральское-западное, как представляется, является дополнительным аргументом в пользу вывода тех исследователей, которые считали, что в это время на землях боспорских царей в количественном отношении преобладал не рабский труд, а труд различных категорий зависимого населения, в том числе и близкого по своему социальному положению илотам (крепостным) [ср.: Гайдукевич, 1955, с. 113 - 114; Кругликова, 1975, с. 157 – 159; Зинько, 1991, с. 49]. Если предложенный ход рассуждений верен, то предварительно Генеральское-западное может быть атрибутировано либо как ἡ πόλις («маленький город», «форт») (ср.: Thuc., VII, 4, б),³¹ либо как τὸ φρούριον или τὸ χωρίον («укрепление», «крепость», «страна»),

³¹ О других терминах, которыми у античных авторов назывались укрепленные пункты на территории эллинистических государств, см.: Robert, 1938, P. 260 - 261.

«поместье») [см.: Сапрыкин, 1996, с. 223, 226; Масленников, 1998а, с. 35; ср.: Хен. Анаб., IV, 7, 2; 19; V, 4, 31], т. е. административный центр на землях, принадлежавших боспорским тиранам в IV – III вв. до н. э. в европейской части царства.

Находившемуся здесь царскому наместнику на определенной территории царских землевладений были подчинены села, которые управлялись специальными эпимелетами и население которых в тех или иных формах вносило налоги в казну. Сходная система организации управления царскими землями, прослеженная на территории других эллинистических монархий, и в частности на территории Малой Азии [Максимова, 1956, с. 129 – 133; Сапрыкин, 1996, с. 227, прим. 58], делает этот вывод вполне вероятным. Более того, наличие на территории ольвийской хоры так называемых сельских агломераций, хорошо изученных археологически, а в Северо-Западном Крыму достаточно сложной системы поселений различных типов, позволяет с известной долей вероятности говорить, что и в Северном Причерноморье повсеместно сельская территория античных государств была организована так же, как и в других районах античного мира. И если в первом случае верховным собственником земли, в распоряжение которого поступал форос, выступал боспорский тиран, то во втором – соответственно гражданские общины Ольвии и Херсонеса.

Суммируя, следует подчеркнуть, что, несмотря на всю гипотетичность предложенной реконструкции, типологическое сходство коллективных усадеб в различных районах Северного Причерноморья с известной долей уверенности позволяет говорить о близких принципах организации сельскохозяйственных территорий в Ольвийском, Херсонесском и Боспорском государствах в IV – III вв. до н. э. Это в свою очередь свидетельствует о широких перспективах, которые открывает сравнительное изучение поселенческих структур на землях указанных государств в эллинистический период.

В отличие от европейского Боспора, где резкое увеличение количества сельских поселений начинается только со второй четверти IV в. до н. э., на Таманском полуострове широкое освоение сельскохозяйственных территорий началось еще в VI в. до н. э., а на IV – III вв. до н. э. приходится увеличение количества поселений [Десятчиков, Долгоруков, Алексеева, 1984, с. 88; Паромов, 1986, с. 72; 1989, с. 73; Абрамов, Паромов, 1993, с. 77 – 79; Паромов, 1998, с. 216 – 224; Сапрыкин, 2006, с. 192]. И изучение данных аэрофотосъемки показало, что большая часть территории Таманского полуострова была в античное время освоена и размежевана [Паромов, 1989, с. 75; 1998, рис. 2; 2000, с. 309-319; Масленников, 1997 б, с. 87; Гарбузов, Лисицкий, Голеутов, 2004, с. 100 – 116; Гарбузов, 2005, с. 98 – 121] (рис. 45). Несмотря на то, что сельские поселения VI – IV вв. до н. э. здесь практически не изучены, сейчас все же есть данные, позволяющие говорить о характере землевладения в этой части Боспорского царства.

Земли, прилегавшие к античным центрам, основанные греками в этом районе, вероятно, находились во владении граждан. Как и в окрестностях ведущих полисов европейского Боспора (Пантикапей, Феодосия, Нимфей),

Рис. 45. Следы межевания земли, зафиксированные по аэрофотосъемке на Фанталовском полуострове, по Я. М. Паромову.

V в. до н. э. боспорские тираны целиком и полностью распоряжались земельным фондом в этом районе [Шелов-Коведяев, 1985, с. 166; Масленников, 1997 б, с. 87]. О правильности такого заключения говорит то, что, видимо, именно где-то здесь была расположена местность под названием Псоя [Блаватский, 1953, с. 47 – 48; ср.: Берзин, 1961, с. 121; Петерс, 1978, с. 123; Федосеев, 1995, с. 163; 1996, с. 97 – 101; Марченко, 1996, с. 67 – 68; Масленников, 1997 б, с. 88; Анохин, 1999, с. 210 – 244; Сапрыкин, 2006, с. 201 – 220], где тысяче каллатийцев боспорским царем были выделены земельные наделы [Diod., XX, 25, 4].

Расселение и наделение земель каллатийцев, как, впрочем, и основание Киммериды [Ps-Skymn, 896 – 898; Ps – Arr., 47; Завойкин, 1997, с. 130 – 137], следует рассматривать в качестве целенаправленной политики боспорских тиранов по созданию на царской земле достаточно многочисленного слоя катеков³², хорошо известного в других эллинистических государствах [Гайдукевич, 1949, с. 206;

в непосредственной близости от Фанагории возникло несколько сельских поселений [Абрамов, Паромов, 1993, с. 74 – 75], которые в предположительном плане можно рассматривать в качестве хоры этого центра. К сожалению, пока ничего определенного нельзя сказать о размерах наделов граждан Фанагории, но, очевидно, они принципиально не отличались по площади от наделов в других частях Таманского полуострова.

В настоящее время нет никаких данных, которые позволяли бы говорить об особом юридическом статусе Фанагории в составе Боспорского царства вплоть до сравнительно позднего времени [Шелов-Коведяев, 1985, с. 158, 165 – 167; Завойкин, 2005б, с. 114 – 115]. Скорее напротив, факт передачи «в дар» Гилону Кеп свидетельствует о том, что уже в конце

³² Вполне возможно, что к такой же категории населения принадлежали держатели наделов на царской земле, зафиксированные в окрестностях Михайловского городища [см.: Петерс, 1978, с. 119 – 122; Зинько, 1991 а, с. 40].

Колобова, 1953, с. 67]. Население, обитавшее на Таманском архипелаге, в своей массе за право пользоваться землей, вероятно, должно было нести военную службу и выплачивать боспорским тиранам определенный форос, который выражался в натуральных поставках зерна.

На большей части Таманского архипелага прослежены следы размежевки земли [Абрамов, Паромов, 1995, с. 75; Горлов, Лопанов, 1995, с. 136, рис. 13; Гарбузов, 2005, с. 98 – 121]. Но, если ранее этот факт только констатировался, то в последнее время была предпринята попытка интерпретировать эту размежевку в качестве древнейшей системы мелиорации, которая в основном сложилась в IV в. до н. э. и была связана с сельскими поселениями IV - II вв. до н. э. [Горлов, Лопанов, 1995, с. 121 – 137; ср.: Гарбузов, Лисицкий, Голетуов, 2004, с. 100 – 116] (рис. 46). Сейчас это заключение уже пересмотрено, и зафиксированные следы интерпретированы в качестве системы межевания земли, в основе которой лежали земельные участки определенной площади, обрабатывавшиеся конкретными владельцами [ср.: Гарбузов, 2003, с. 61 – 70; Гарбузов, Лисицкий, Голетуов, 2004, с. 100 – 116]. А это в свою очередь позволяет получить приблизительное представление о величине участков, которые использовались населением близлежащих сельских поселений. Хотя разновременный материал, обнаруженный на территории таких участков, пока не позволяет уверенно говорить о том, к какому именно времени относится эти системы размежевки [ср.: Гарбузов, 2003, с. 61 – 62; Гарбузов, Лисицкий, Голетуов, 2004, с. 105].

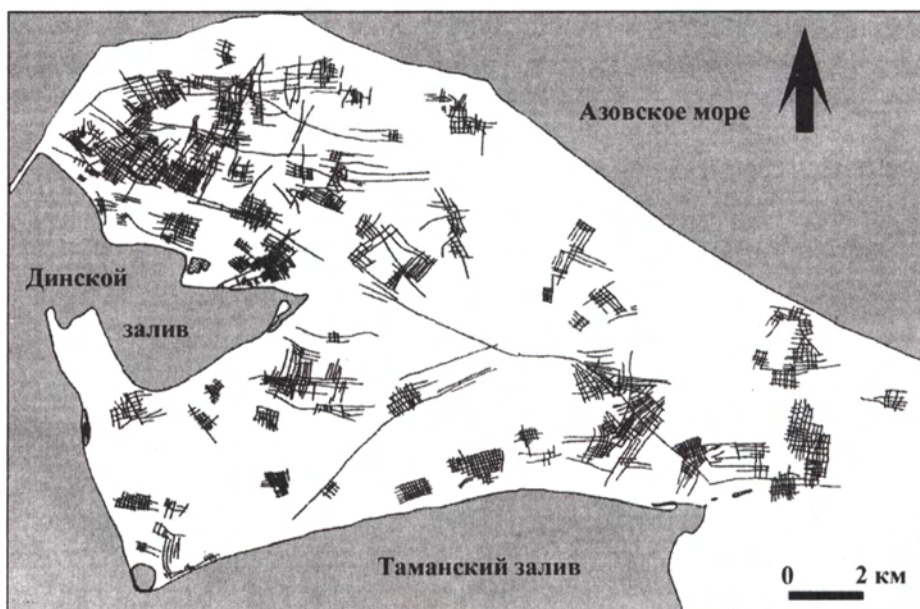

Рис. 46. Следы межевания земли на Фанталовском полуострове по данным аэрофотосъемки, по Ю. В. Горлову и Ю. А. Лопанову.

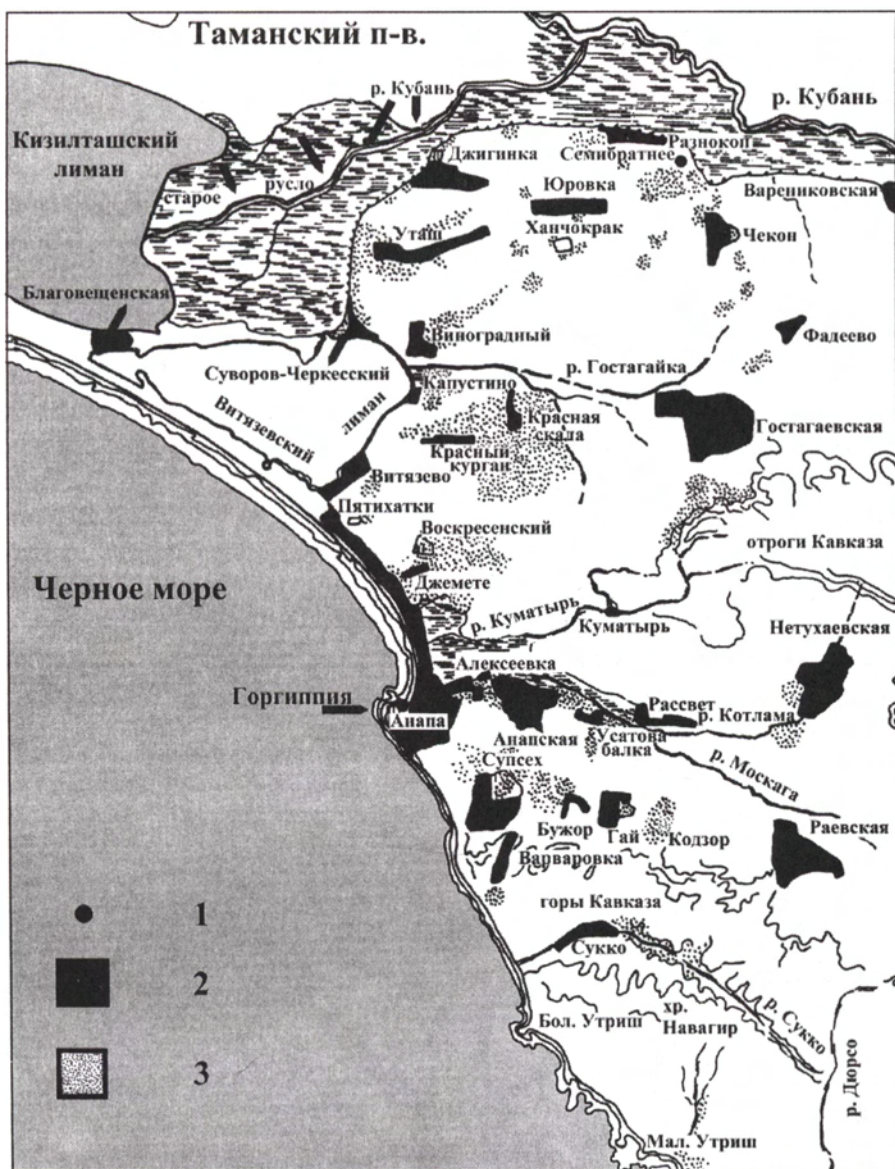

Рис. 47. Памятники античной эпохи в окрестностях Горгипшии, по Е. М. Алексеевой.

1 - античные городища; 2 - современные населенные пункты; 3 - территории с усадьбами и некрополями античной эпохи.

Сеть линий на местности, которые пересекались под прямым углом, образует небольшие земельные участки, которые хорошо вписаны в рельеф окружающей территории. Причем площадь ячеек колеблется от 0,22 до 3,4 га [Горлов, Лопанов, 1995, с. 122]. Следовательно, если предложенный ход рассуждений верен, то есть основания предполагать, что на Таманском полуострове, как и в

европейской части Боспора, преобладало мелкое землевладение, наиболее характерное для античного мира в целом (подр. см.: Зубарь, 1993, с. 11). Этот вывод хорошо согласуется с размерами размежеванной территории в районе некоторых поселений (6, 44, 57, 78 и 85 га) [Горлов, Лопанов, 1995, с. 131, 133] и подсчетами В. Д. Блаватского, который считал, что каждый каллатиец в Псое получил земельный надел размерами приблизительно в пять гектаров [Блаватский, 1953, с. 49].³³

Территория вокруг Горгиппии в радиусе 10 – 25 км в зависимости от рельефа местности также была размежевана в IV в. до н.э., и на ней имелась сеть усадеб [Алексеева, 1995, с. 7; 1997, с. 42] (рис. 47). Это прямоугольные строения, состоявшие из двух небольших помещений с двориком и оградой. Они, как правило, располагались в линию в углах земельных наделов площадью 7700 кв.м. и по археологическому материалу датируются III – I вв. до н.э. [Алексеева, 1980, с. 24 – 48; 1997, с. 45; Десятчиков, Долгоруков, Алексеева, 1984, с. 90; Сапрыкин, 1996, с. 274; 2006, с. 217]. Если приведенные размеры земельных участков с усадьбами верны, то можно говорить, что в районе Горгиппии количественно преобладали мелкие землевладения. Помимо этого, поселения IV – III вв. до н.э., зафиксированные у поселков Красный Курган, Красная Скала, Уташ и Су-Псех, позволяют предполагать наличие на землях в окрестностях Горгиппии каких-то пока не ясных сельских общин, которые были расположены на земле либо полиса, либо на царской земле, и, следовательно, платили

Рис. 48. Античные сельские поселения азиатского Боспора VI – III вв. до н. э., по И. Т. Кругликовой.

1 – античные города; 2 – сельские поселения.

³³ В основе размежевки земли в окрестностях Михайловского городища лежали четырехугольники размерами 300 x 340 м, которые ограничивали площадь в 10, 2 га [см.: Петерс, 1978, с. 119].

определенные налоги за ее пользование. Аналогичный, хотя и недостаточно изученный, процесс возникновения поселений в это время, вероятно, шел к северо-западу от Торика [Онайко, 1984 а, с. 93] (рис. 48).

Итак, обзор имеющихся в настоящее время источников позволяет в общих чертах говорить об организации сельскохозяйственной территории Боспорского царства и о характере землевладения [ср.: Гайдукевич, 1966, с. 56]. После образования Боспорского централизованного государства основным земельным фондом на современных Керченском и Таманском полуостровах стали распоряжаться боспорские цари. На царских землях жило население широкого правового спектра, которое за пользование землей должно было выплачивать определенный форос, который выражался в поставках зерна, служившего основой экспортной деятельности тиранов [Анохин, 1999, с. 65]. Сейчас трудно что-либо определенное сказать о различных категориях царских земель [ср.: Zawadzki, 1952, s. 67 и сл.; Голубцова, 1992, с. 65 – 66; Анохин, 1999, с. 46]. Поэтому до появления новых данных царский земельный фонд следует рассматривать как единое целое [подр. см.: Масленников, 2001а, с. 178 – 190]. Часть земель из этого фонда, вероятно, дарилась или передавалась на определенных условиях «друзьям» царя [ср.: Фролов, 1996, с. 57], о чем свидетельствует появление в это время сравнительно крупных усадеб, и греческим переселенцам из других районов античного мира, как это было, например, при Евмеле в случае с каллатийцами [Diod., XX, 25, 4], предоставлялись земельные наделы. Земли в окрестностях крупных античных центров являлись собственностью их гражданских общин, хотя с уверенностью об этом можно говорить лишь применительно к Пантикапею и Феодосии, а с рядом оговорок, видимо, к Фанагории, Нимфею и некоторым другим городам. Эти земли составляли полисную хору. Значительную часть составляли территории варварских племен, включенных на том или ином этапе в пределы Боспорского государства, о чем свидетельствует титулатура его царей. Если суммировать сказанное, то можно констатировать, что характер землевладения на Боспоре в IV – первой половине III вв. до н.э. был близок тому положению, которое сложилось в других эллинистических монархиях [ср.: Саркисян, 1953, с. 59 – 73; Павловская, 1953, с. 40 – 58; Голубцова, 1992, с. 66; Сапрыкин, 1992, с. 94 – 98].

В настоящее время нельзя ничего определенного сказать о храмовом землевладении на Боспоре в классический период. Однако значительная роль храма Аполлона – одного из самых почитаемых ионийскими греками божеств в жизни боспорских греков в период правления Спартокидов [Шауб, 1987, с. 12], сыгравшего решающую роль в образовании симмахии боспорских городов, позволяет предполагать, что этому храму мог быть выделен определенный земельный фонд, доход от эксплуатации которого шел на его нужды.³⁴ В эллинисти-

³⁴ Интересно в связи с этим отметить, что до восхождения на престол Левкон II являлся жрецом Аполлона Иетроса [КБН, 25; Гайдукевич, 1949, с. 57].

ческое время какие-то земли, вероятно, принадлежали также святилищу Афродиты Апатуры [Strabo, XI, 2, 10; подр. см.: Тохтасьев, 1986, с. 138 – 145] и храмовому комплексу в азиатской части Боспора, который получил в литературе название Таманского Толоса [Сокольский, 1976, с. 55 – 88] (рис. 49). Недалеко от этого памятника раскопаны остатки сельскохозяйственной усадьбы III – середины II вв. до н. э., которая, по всей видимости, входила в храмовый комплекс [Сорокина, 1985, с. 374 – 379]. Следовательно, можно предполагать, что на Боспоре в эллинистический период существовало храмовое землевладение, организация которого находит ряд близких параллелей, например, в Понтийской Каппадокии [Сапрыкин, 1989, S. 119 – 148; Сапрыкин, 1996, с. 248 – 266]. Сказанное хорошо согласуется с наличием здесь храмового землевладения в более позднее время, когда, судя по надписи 151 г. н. э., некто Летодор подарил божеству земли в Фианнеях [КБН, 976; Блаватский, 1953, с. 50].

Судя по аналогиям, храмовые земли нередко сдавались в аренду и приносили доход храму в 8 – 10% от общей стоимости земельного участка. Сходные условия аренды земли в различных районах Греции в это время позволяют предполагать, что и на Боспоре мог иметь место аналогичный или близкий этому порядок обработки земельного фонда, находившегося в собственности храмов [Лопухова, 1985, с. 140 – 160].

Боспорское царство в III в. до н. э. Около второй четверти - середины III в. до н. э. происходят существенные изменения на хоре Боспорского царства, когда подавляющее большинство античных поселений и комы оседлого варварского населения в Восточном Крыму гибнут или покидаются жителями. Причем есть основания полагать, что этот процесс сопровождался военными действиями [Гайдукевич, 1949, с. 73; Кругликова, 1975, с. 99 – 100; Гаврилов, 1988, с. 200 – 201; 1997, с. 69 – 76; Яйленко, 1990, с. 301; Масленников, 1992, с. 82; 1993, с. 36 – 37; Зинько, 1991 а, с. 42; 1996, с. 16 – 17; Винокуров, 1998, с. 32; Виноградов Ю. А., 2005, с. 283 – 284; Сапрыкин, 2006, с. 198 – 199]. Судя по результатам изучения памятников, раскопанных в последнее время в Крымском Приазовье, жизнь здесь практически пре-

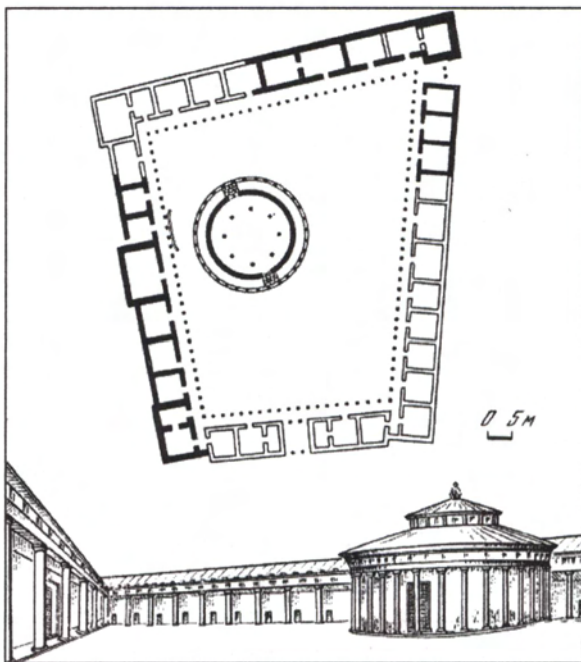

Рис. 49. Таманский толос, по Н. И. Сокольскому. План и реконструкция.

кращается на четверть столетия [Масленников, 1995, с. 89; 1998 а, с. 208]. Необходимо также подчеркнуть, что гибель сельских поселений и кризисные явления в экономике во второй четверти-середине III в. до н. э. фиксируются не только на Боспоре, но и в других античных государствах региона [Щеглов, 1989, с. 58].

Причины и характер этого явления неоднократно служили предметом специальных исследований [подр. см.: Шафранская, 1951, с. 14 – 20; Виноградов Ю. Г., 1989, с. 177 – 229 с литературой]. Суммируя, следует отметить, что кризисные явления не были узколокальными, а являлись составной частью тех процессов, которые последовали за вторжением кельтов на Балканы в 278/277 гг. до н. э. и изменением этнополитической обстановки в других районах Северного Причерноморья, связанной с вторжением сарматских племен с востока [Виноградов Ю. Г., 1989, с. 177; 1995, с. 24; 1997, с. 104 – 124; Яйленко, 1990, с. 308; Виноградов, Марченко, Рогов, 1997, с. 93 – 103; 1997 а, с. 6 – 27; Масленников, 1998 а, с. 208; Сапрыкин, 2006, с.198]. Очевидно, можно согласиться с теми исследователями, которые считают, что причины такого положения кроются в явлениях внешнеполитического порядка, а не объясняются кризисом античного способа производства в целом, потенциальные возможности которого были далеко еще не исчерпаны [Яйленко, 1990, с. 309; Масленников, 1993, с. 36 – 37; Доманский, Фролов, 1995, с. 90; Туровский, 1995, с. 154; Демьянчук, 1997, с. 249 и др.]. Очевидно, прав Ю. Г. Виноградов, который отмечал, что внутриструктурные причины кризиса в Ольвии были усугублены внешнеполитическими факторами, что явилось катализатором обострения социальных противоречий и политических конфликтов [Виноградов Ю. Г., 1989, с. 178 – 179].

Сейчас установлено, что гибель сельских поселений на правом берегу Бугского лимана и общая дестабилизация военно-политической обстановки во всем Северо-Западном Причерноморском регионе были связаны с продвижением сюда кельтских племен, которые под именем галатов упоминаются в тексте декрета в честь Протогена [подр. см.: Отрешко, 1982, с. 43 – 44; Рубан, 1985, с. 43 – 44; Крыжицкий, Буйских, Бураков, Отрешко, 1989, с. 101; Яйленко, 1990, с. 275; Щукин, 1994, с. 96 – 101; Андрух, 1995, с. 85; Снытко, 1997, с. 244 – 248; ср.: Трейстер, 1992, с. 37 – 5].³⁵ А в Крыму аналогичное явление было связано с давлением скифов на сельскохозяйственную территорию античных государств. Причем если относительно Боспора ввиду отсутствия прямых данных этого пока нельзя утверждать [Масленников, 1993, с. 36 – 37], то материалы многолетних археологических исследований в Северо-Западном и Западном Крыму свидетельствуют, что именно скифы к концу первой трети III в. до н. э. разгромили поселения хоры Херсонесского государства [Виноградов, Щеглов, 1990, с. 361 – 362; Зубарь, 1993, с. 29; 2005д, с. 209 – 226].

Ближайшими соседями Боспора на западе были именно скифы. Поэтому логично заключить, что гибель поселений боспорской хоры в европейской

³⁵ О кельтском государстве подр. см.: Лазаров, 1996, с. 114 – 123.

части государства также была обусловлена именно скифской экспансией [ср.: Виноградов Ю. А., 2005, с. 285], вызванной не только изменениями в военно-политической обстановке в степной зоне Северного Причерноморья, но и дальнейшей трансформацией социального развития скифского общества [Хазанов, 1975, с. 249; Гаврилов, 1988, с. 201]. Если в Северо-Западном Крыму усилия скифов были направлены на захват уже освоенных греками территорий [Зубарь, 1993, с. 29 с литературой], то и в Восточной части полуострова, судя по имеющимся данным, их экспансия также привела к гибели большинства сельскохозяйственных поселений, в том числе и оседлого варварского населения [Масленников, 1992, с. 82; 1993, с. 36 - 37; 1998 а, с. 208; Завойкин, 2004, с. 68; ср. Демьянчук, 1997, с. 249].

Если в период борьбы за Феодосию и после включения ее в состав Боспорского царства скифы выступали союзниками боспорских правителей, то к последней четверти IV в. до н. э. относится сообщение о скифо-боспорском вооруженном конфликте [Dem., XXXIV, 8], следы которого, вероятно, археологически прослежены на памятниках Крымского Приазовья [Масленников, 1995, с. 89; Виноградов Ю. А., 2005, с. 276] и хоры Нимфея [Зинько, 2003, с. 180].³⁶ Дальнейшее ухудшение боспорско-скифских отношений следует относить ко времени после междоусобной войны сыновей Перисада, в которой скифы выступали на стороне законного наследника боспорского царя Сатира против узурпатора, опиравшегося на население азиатской части царства [Diod., XX, 22, 4; 24, 1; Шелов-Коведяев, 1985, с. 149 – 151; Яйленко, 1990, с. 297; Копылов, Васильев, 1991, с. 29; Виноградов, Марченко, Рогов, 1997а, с. 13; Завойкин, 2004, с. 67].³⁷ Это, наряду с сообщением Лукиана в Токсариде [§ 44, 55] о выплате боспорскими царями дани скифам, свидетельствует, что между ними и боспорскими правителями в конце IV в. до н. э. существовали союзные отношения. Приход к власти в Пантикапее Евмела, видимо, привел к обострению скифо-боспорских взаимоотношений [ср.: Виноградов, Марченко, Рогов, 1997, с. 98; Завойкин, 2004, с. 67]. Не исключено, что заявление Евмена на Народном собрании, созванном в Пантикапее после победы над братьями, о том, что он обязуется сохранить образ правления своих предшественников, может рассматриваться в качестве желания вернуться к более тесным отношениям со скифами Крыма [ср.: Виноградов Ю. А., 2005, с. 280 – 282].

---

³⁶ Попытку В. П. Яйленко связать эту войну с походом Зопириона, в ходе которого боспорские цари выступили против скифов [Яйленко, 1990, с. 258, 294], нельзя признать правомерной, так как она не находит опоры в каких-либо источниках и является чисто умозрительной. Е. М. Молев вслед за К. К. Марченко полагает, что Перисад I вел военные действия в Подонье, что, впрочем, также сейчас не может быть убедительно доказано [см.: Молев, 1997 а, с. 87].

³⁷ Некоторые исследователи склонны объяснять физическое истребление Евмелом после победы сторонников Притана и Сатира [Diod., XX, 24, 3] тем, что победитель начал ориентироваться в своей политике не на скифов, а на сарматов [Виноградов, 1980, с. 7; 1990, с. 14]. Однако такая реконструкция представляется гипотетичной, ибо не находит подтверждения в источниках.

Но долговременных и стабильных отношений со скифами, по-видимому, сохранить не удалось. Обстановка в Восточном Крыму продолжала оставаться тревожной, о чем можно говорить на основании монетных кладов первой половины III в. до н. э., спрятанных в окрестностях Керчи [Шелов, 1956, с. 126; Зинько, Куликов, 2002, с. 404], и скифских наконечников стрел, найденных при раскопках в слоях второй четверти III в. до н. э. Зенонова Херсонеса [Масленников, 1992 а, с. 144].

В связи со сказанным следует вспомнить, что в декрете в честь Сириסקа речь идет о дружеских взаимоотношениях Боспора и Херсонеса [IOSPE, I², № 344], гражданская община которого выступала непримиримым врагом скифов и в сложившейся ситуации могла стать надежным союзником боспорских царей [см.: Зубарь, 1994, с. 9; 2005в, с. 243 – 246]. Интересно, что, по наблюдению Д. Б. Шелова, боспорские монеты конца IV – начала III вв. до н. э. довольно часто встречаются в Херсонесе и Юго-Западном Крыму, а херсонесские монеты этого времени практически на Боспор не попадали [Шелов, 1965, с. 50]. Это, очевидно, может рассматриваться в качестве косвенного подтверждения того, что в это время Боспор был заинтересован в установлении более тесных контактов с гражданской общиной Херсонеса, союз с которой мог быть использован в борьбе с активизировавшимися скифами.

Определенные изменения в положении Боспорского государства прослеживаются и на его восточных границах, которые в конце IV в. до н. э. проходили по линии Новороссийск – Крымск – Кубань – Старонижестеблиевская – Азовское побережье [Анфимов, 1967, с. 130; Каменецкий, 1989, с. 237]. Здесь это было связано с передвижениями сарматских племен [Смирнов, 1984, с. 117; Молев, 1994, с. 44; Виноградов, Марченко, Рогов, 1997 а, с. 19 – 20; Виноградов Ю. А., 2005, с. 287]. Погребальные памятники второй половины IV в. до н. э., которые атрибутируются как сарматские, фиксируются в Прикубанье и в Центральном Предкавказье [Железчиков, 1987, с. 38; Максименко, 1987, с. 42; Берзин, Виноградов, 1987, с. 33; Ждановский, Марченко, 1988, с. 42 и сл.; Клепиков, Скрипкин, 1997, с. 28 – 40; Максименко, 1997, с. 41 – 49; ср.: Виноградов Ю. А., 2005, с. 290 – 294]. К третьей четверти IV в. до н. э. относятся разрушения оборонительных сооружений Елизаветовского городища на Нижнем Дону, которые были восстановлены не позднее конца того же столетия [Марченко, 1974, с. 256; 1983, с. 62; Виноградов, Марченко, Рогов, 1997 а, с. 15; Виноградов Ю. А., 2005, с. 287 – 288]. О дестабилизации обстановки на восточных границах Боспорского государства свидетельствует строительство на целом ряде поселений укреплений, а также разрушения конца IV – начала III вв. до н. э. на Семибратнем городище и клады монет, зарытые в конце IV – первой половине III вв. до н. э. [Шелов, 1956, с. 126; Десятчиков, Долгоруков, Алексеева, 1984, с. 88; Ждановский, Марченко, 1988, с. 47 и сл.; Ждановский, 1990, с. 39]. В первой половине III в. до н. э. возводятся дополнительные оборонительные сооружения на Семибратнем и Равевском городищах [Молев, 1995, с. 29], в начале III в. до н. э. прекращается

владений боспорских царей в азиатской части царства, в конечном счете, объясняется продвижением сюда с востока сарматских племен.

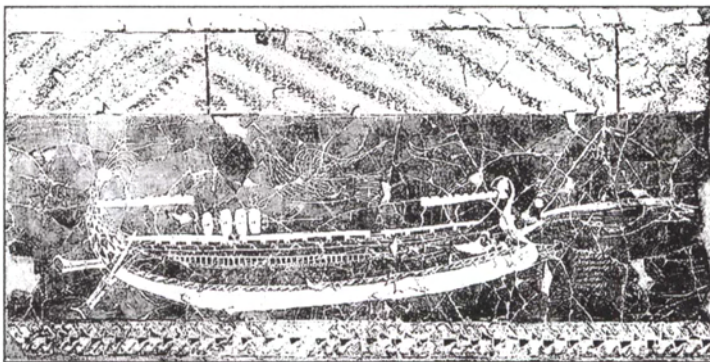
Трансформация военно-политической обстановки в Северном Причерноморье хронологически совпала с определенными климатическими изменениями. Однако сейчас нельзя утверждать, как это делают некоторые исследователи [Полин, 1984, с. 28 – 30; 1992, с. 104 – 113; ср.: Иевлев, 1989, с. 54 – 55; Крыжицкий, Буйских, Бураков, Отрешко, 1989, с. 96 и сл.; Симоненко, 1993, с. 104; Полин, Симоненко, 1997, с. 87 – 98], что это было главным дестабилизирующим фактором, который во многом определил не только особенности исторического процесса в степной зоне Северного Причерноморья, но и на хорах античных государств [см.: Виноградов Ю. Г., 1987, с. 84, прим. 126; 1997, с. 106 – 107; Молев, 1994, с. 38; Виноградов, Марченко, Рогов, 1997, с. 94; 1997 а, с. 7 – 8; Марченко, 2005 а, с. 35; подр. см.: Бруяко, 1995, с. 236]. Ведь исследование исторического развития Ольвийского и Херсонесского государств показало, что главная причина кризисных явлений была варварская экспансия, а не климатические колебания или изменения экологии [Щеглов, 1978, с. 128 – 130; Виноградов Ю. Г., 1989, с. 177 – 201; Гаврилов, 1988, с. 201; Виноградова Ю. А., 1998, с. 8; Масленников, 1998 а, с. 208; Зубарь, 2005д, с. 209 – 226].

Действительно, сейчас установлено, что с конца IV в. до н. э. и вплоть до рубежа III – II вв. до н. э. климат в Северном Причерноморье стал более сухим, чем в предшествующее время [Левковская, 1970, с. 102 – 108; Антипина, Назаров, Маслов, 1991, с. 155 – 161; Горлов, Лопанов, 1995, с. 128 – 131]. Но это не имело катастрофических последствий для античных государств с их достаточно развитым сельским хозяйством, а лишь потребовало определенной адаптации, поиска новых форм хозяйствования и совершенствования старых [Горлов, Лопанов, 1995, с. 131]. Указанные климатические колебания, очевидно, в большей степени должны были затронуть кочевников и привести к определенным изменениям в скифском обществе [см.: Полин, 1992, с. 105 – 110], а также усилению давления на античные государства, в том числе Херсонес и Боспорское царство.

Резкое сокращение вывоза хлеба и соответственно поступлений в казну привело к тому, что Боспор был вынужден искать поддержки против варваров в других районах античного мира и привлекать на военную службу наемников [ср.: Яйленко, 1990, с. 302 – 302]. Видимо, расширение контактов боспорских царей с другими эллинистическими государствами, в частности Родосом и особенно Египтом [Яйленко, 1990, с. 302 – 303; Трейстер, 1985, с. 126 – 139; Молев, 1994, с. 98 – 101; Анохин, 1999, с. 77 – 78; ср.: Грач, 1984, с. 87], в то время было обусловлено желанием получить финансовую поддержку, так как, судя по имеющимся материалам, объемы торговли Боспора с Египтом были не особенно велики [см.: Шургая, 1965, с. 140; Берзина, 1979, с. 113] (рис. 50).³⁸

³⁸ Попутно следует подчеркнуть, что высказанная в литературе точка зрения о том, что Египет был заинтересован в боспорских наемниках [Молев, 1994, с. 98 – 104], представляется мало-

Рис. 50. Изображение египетского корабля на штукатурке из Нимфея, по Н. Л. Грач.

Как свидетельствуют источники, такая практика была сравнительно широко распространена в эллинистическом мире. Так, например, в 279 г. до н. э. гераклеоты дали Византию 4000 золотых

[Мемн. Ф. 11, 1; Виноградов Ю. Г., 1995, с. 31]. Истрия и Ольвия в III в. до н. э. получили кредиты от частных лиц, по которым должны были выплачивать проценты [Виноградов Ю. Г., 1989, с. 208 – 217; 1995, с. 31], а, исходя из восстановления текста тирского декрета первой четверти III в. до н. э., некто Автокл был послан в Истрию с просьбой о помощи зерном жителям Никония [Vinogradov, 1994, p. 10]. Поэтому не исключено, что дипломатическая активность Боспора и Египта при Птолемее II [подр. см.: Грач, 1984, с. 87; Литвиненко, 1991, с. 22] объясняется не столько экономическими связями двух эллинистических монархий, сколько желанием боспорских правителей получить определенную финансовую поддержку в условиях военного конфликта с варварами.

Финансовый кризис на Боспоре и его причины. С конца IV и на протяжении почти всего III вв. до н. э. на Боспоре имел место серьезный денежный кризис, который выразился в частой смене типов, уменьшении веса медных монет, их надчеканке и перечеканке, а также прекращении выпуска монет из драгоценных металлов [Шелов, 1956, с. 108 – 150; Фролова, 1992, с. 212 – 213; ср.: Анохин, 1986, с. 48 – 60] (рис. 51). Несмотря на то, что глубина этого кризиса исследователями оценивается по-разному, вне всякого сомнения, положение, сложившееся в сфере финансов, свидетельствует об определенных негативных явлениях в экономике Боспорского государства.

Причины и характер денежного кризиса на Боспоре анализировались в литературе неоднократно. Но, если конкретные проявления кризисных явлений в денежном обращении Боспора исследованы достаточно подробно, то этого нельзя сказать о его причинах. Одна группа исследователей считала, что он был обусловлен упадком внешней торговли Боспора хлебом в связи с поступлением на рынки Средиземноморья более дешевой египетской пшеницы [см.: Гайдукевич, 1949, с. 49 – 53, 87 – 95, 103; Gajdukevič, 1971, S. 89; Голенко, 1955, с. 138; Брабич,

---

убедительной. Видимо, упоминающихся в источниках боспорцев, находившихся в Египте, следует рассматривать не как наемников, а, скорее, как купцов [Виноградов Ю. Г., 1995, с. 30; ср.: Сокольский, 1958, с. 31].

1956, с. 67; Фролова, 1970, с. 32; Грач, 1984, с. 86 – 87]. Другие – объясняли такое положение нехваткой денег в государственной казне, что было связано с междоусобными войнами сыновей Перисада I и передвижением племен в степной зоне Северного Причерноморья [Шелов, 1956, с. с. 107 – 150; Анохин, 1986, с. 54 – 56; Щеглов, 1989, с. 56 – 58]. Третьи – полагали, что сложившееся положение следует рассматривать в качестве показателя недостаточного количества в обращении монет из драгоценных металлов [Зограф, 1941, с. 154, 155; 1951, с. 177 – 179; Анохин, 1971, с. 12 – 14; 1986, с. 54; 1999, с. 83 – 84], перехода меры стоимости от серебра к золоту [Карышковский, 1957; 1960; 1961] или нехватки меди и увеличения удельного веса во внешней торговле экономических связей с варварами, которая осуществлялась на натуральной основе [Молев, 1994, с. 65 – 67].

А. Н. Щеглов, пожалуй, первым обратил внимание на то, что денежный кризис в III в. до н. э. имел место не только на Боспоре, но и в Ольвии, а также указал на возможные проявления кризисных процессов в нумизматике Херсонеса [Щеглов, 1989, с. 56 – 57; ср.: Анохин, 1999, с. 83 – 84]. Поэтому причины денежного кризиса на Боспоре, видимо, могут быть рассмотрены в контексте анализа сходного положения, сложившегося в III в. до н. э. в Ольвии, которое достаточно подробно может быть охарактеризовано на базе данных, имеющих-ся в знаменитом декрете в честь Протогена [IOsPE, I², № 32].

Из текста этого документа следует, что основной причиной упадка Ольвии в III в. до н. э. была активизация воинственных варваров, обитавших в непосред-

ственной близости от города, которые своими нападениями и вымогательством дани терроризировали полис [подр. см.: Виноградов Ю. Г., 1989, с. 188 и сл.]. Сложившееся положение хорошо иллюстрируется данными археологии, которые свидетельствуют, что около середины III в. до н.э. подавляющее большинство сельских поселений на хоре Ольвии вследствие военных действий прекращают свое существование [подр. см.: Рубан, 1985, с. 43 – 44; Крыжицкий, Буйских, Бураков, Отрешко, 1989, с. 100 – 101; Снытко, 1997, с. 244 – 248]. Все это при-

Рис. 51. Золотые боспорские статеры IV в. до н. э.

нашествие варваров, двигавшихся с запада, и привело к прекращению жизни на подавляющем большинстве сельских поселений Восточного Крыма к середине III в. до н.э., ибо в античном мире, помимо засух, основной причиной сокращения сельскохозяйственного производства были войны [см.: Xen. De vect., V; Polyb., IV, 73, 3; Виноградов Ю. А., 2005, с. 289 – 290; ср. Снытко, 1997, с. 245].

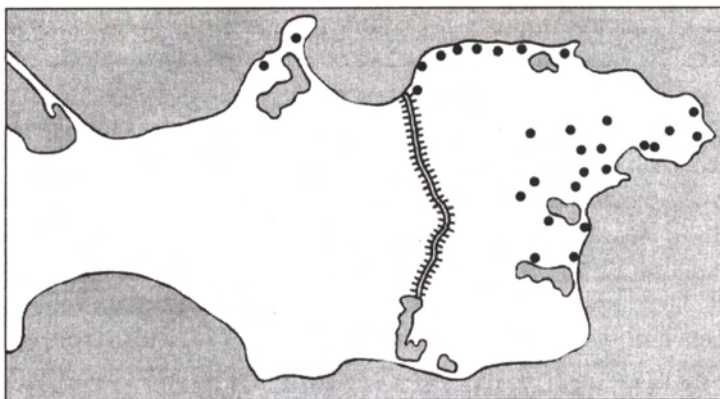

Рис. 52. Боспорские сельские поселения второй половины III – I вв. до н. э., по В.Н.Зинько.

Возрождение хоры. После бурных событий середины III в. до н. э., в ходе которых исчезают неукрепленные поселения варварского населения, а также целый ряд античных городищ и усадеб, население хоры Боспорского государства в Восточном Крыму значительно сокращается. Но в последней четверти III в. до н. э. жизнь на поселениях в окрестностях Феодосии, в Крымском Приазовье и других местах Керченского полуострова постепенно возрождается. Возникают новые хорошо укрепленные городища на царских землях [Кругликова, 1975, с. 101 – 102; 1998, с. 143 – 146; Петрова, 1991, с. 93 – 94; 1996, с. 151; Масленников, 1992, с. 82; 1993, с. 15; 1995, с. 89 – 93; Зинько, 1991 а, с. 42; 1996, с. 17] (рис. 52). Часть памятников этого времени в Крымском Приазовье представлена небольшими «усадьбами» (Ново-Отрадное, Казантип-западный и восточный II, Полянка I), другие (Золотое-восточное, Крутой берег) – являлись хорошо укрепленными городищами значительной площади [Масленников, 1995, с. 89 - 93; 1998 а, с. 89 – 100, рис. 53] (рис. 53).³⁹

Планировка памятников этого времени характеризуется линейностью, квартальной или блочной застройкой. Такие городища, как правило, расположены на мысах, в хорошо укрепленных природой местах. Важным дополнением к этому были оборонительные стены, башни и форты, возведенные жителями (рис. 54). В Крымском Приазовье, в археологическом плане, исследованном в настоящее время лучше всего, такие городища состояли из нескольких частей. Основная, хорошо укрепленная, – являлась своеобразной цитаделью и располагалась на склоне. К ней примыкала «пригородная» зона, находившаяся в долинах, но и она была

³⁹ К укрепленным городищам, которые возникают в III в. до н. э., А. А. Масленников склонен относить и так называемую усадьбу, раскопанную на Темир-горе А. Люценко [Масленников, 1989, с. 74 - 75; ср.: Гайдукевич, 1941, с. 45 – 59].

укреплена. По мнению А. А. Масленникова, такие городища были центрами своеобразных укрепленных районов на территории Боспорского царства [см.: Кругликова, 1975, с. 98 – 100; Масленников, 1989, с. 75 – 76; 1992, с. 76 – 78, 82; 1993, с. 36; ср.: Зинько, 1996, с. 17]. Аналогичные укрепленные городища, являвшиеся центрами определенных сельскохозяйственных районов, а, возможно, и податных округов, характерны не только для Боспора, но и других античных государств [Хен. Анаб. IV, 7, 2; 19; V, 4, 31], что позволяет говорить о типично эллинистических традициях, лежавших в основе организации сельскохозяйственной территории царства в Восточном Крыму [ср.: Сапрыкин, 1992, с. 98 (рис. 55)].

Следует особо подчеркнуть, что возрождение во второй половине III в. до н. э. жизни на поселениях, расположенных в прилегающих к Азовскому морю районах (царская хора) и на сельской округе

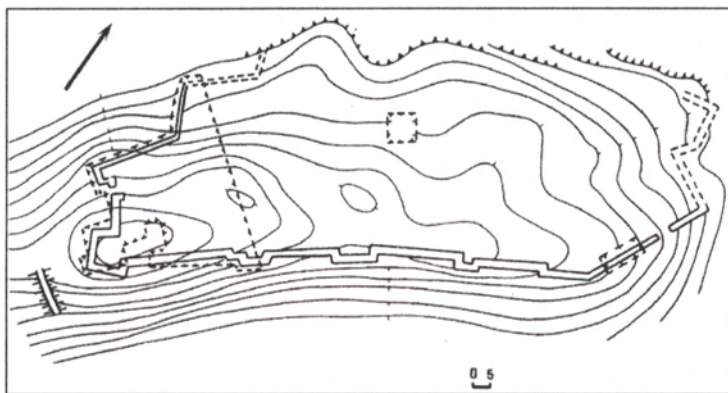

Рис. 53. Схематический план городища Золотое-восточное, по А. А. Масленникову.

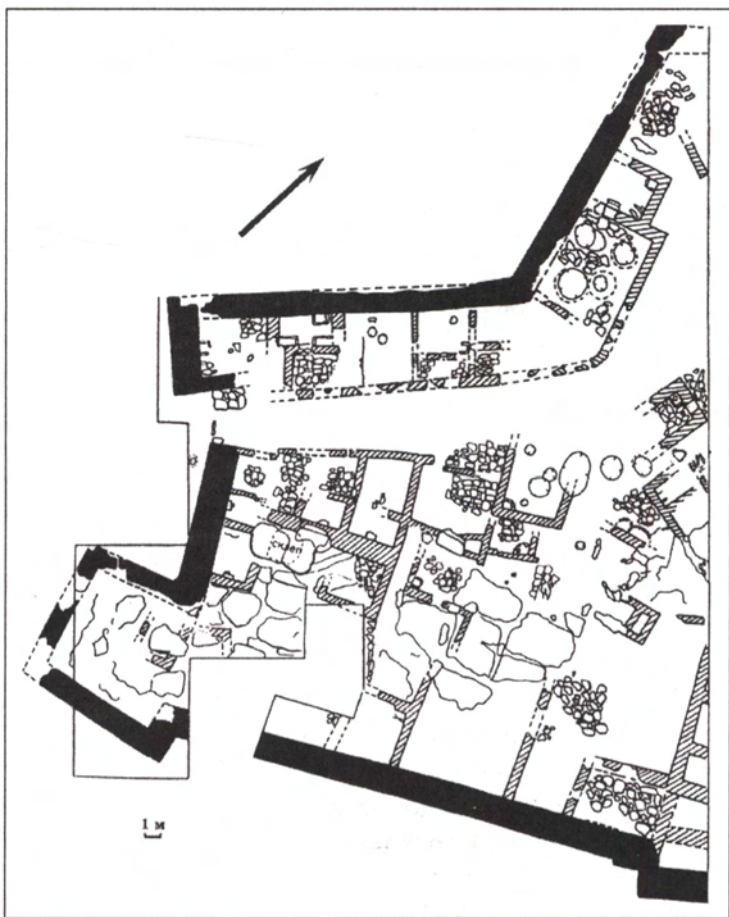

Рис. 54. Часть оборонительных сооружений и кварталов, исследованных на городище Золотое-восточное, по А. А. Масленникову.

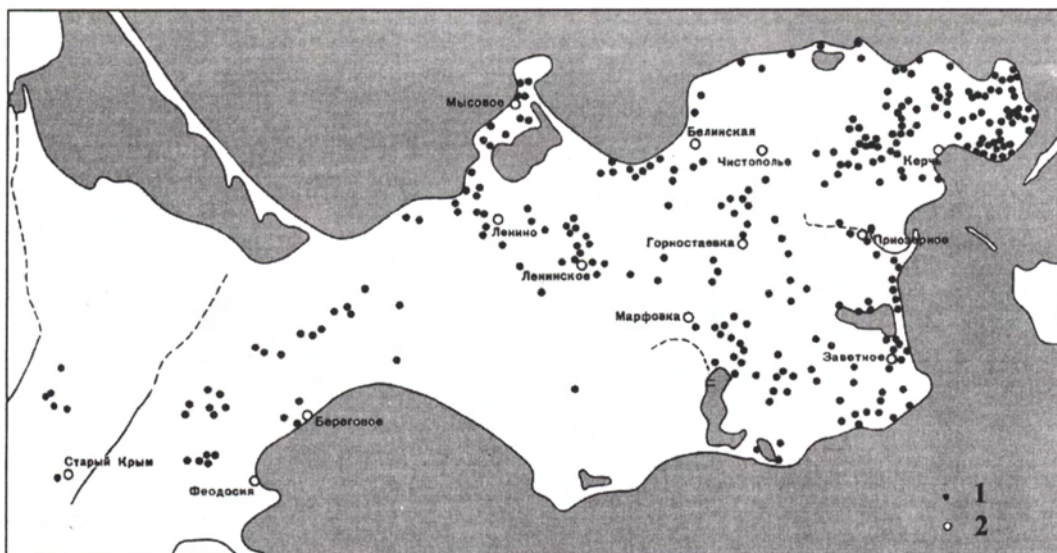

Рис. 55. Сельские поселения европейского Боспора VI – III вв. до н. э., по И. Т. Кругликовой.

1 – поселения; 2 – современные населенные пункты.

боспорских городов (хора полисов), а также отсутствие их в глубинных районах Керченского полуострова (земли варварских племен), вероятно, позволяет говорить, что это объяснялось соображениями безопасности. В случае массированного военного нападения население таких поселений могло быстро покинуть обжитые места и морем добраться до более безопасных районов. В справедливости сказанного убеждает топография сельских поселений Ольвийского государства классического и эллинистического периода, которые также располагались в прибрежной зоне Бугского лимана и были, как правило, не укрепленными [подр. см.: Хен. Анаб., VI, 4, 3 – 6; Крыжицкий, Буйских, Бураков, Отрешко, 1989, с. 98, рис. 35; Масленников, 1998 а, с. 184].

Характерные особенности типологии поселенческих структур Восточного Крыма и появление хорошо укрепленных городищ, вне всякого сомнения, свидетельствуют об определенных изменениях военно-политической обстановки на западных границах Боспорского государства. Вместе с этим появление на хоре своеобразных укрепленных микрорайонов и реконструкция в III в. до н. э. оборонительных стен в городах европейского Боспора, таких, как Мирмекий, Тиритака и Порфмий [см.: Виноградов Ю. А., 1987, с. 194; Масленников, 1992, с. 142] (рис. 56), очевидно, позволяют говорить о прекращении функционирования в это время общегосударственной системы обороны.

Неблагоприятная внешнеполитическая ситуация и вызванное этим сокращение населения в Восточном Крыму привели к определенным изменениям в структуре сельскохозяйственного производства. В частности, сокращение площадей обрабатываемой земли обусловило падение объемов производства зерна

и рост в хозяйстве сельского населения удельного веса виноградарства, скотоводства и рыболовства [Кругликова, 1975, с. 99; Сокольский, 1970, с.92; Шелов, 1970, с.34-35, 40].

Помимо укрепленных городищ, другим основным типом поселений, которые являлись характерной чертой развития в это время, были сельские усадьбы. В Крымском Приазовье – это Ново-Отрадное, Казантип-

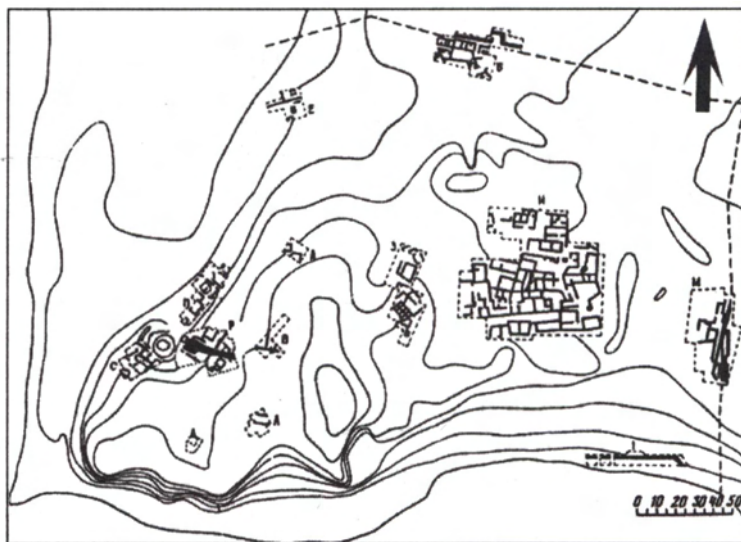

Рис. 56. Схематический план Мирмекия с указанием мест раскопок, по Ю. А. Виноградову.

западный, Казантип-восточный II, Полянка I [Кругликова, 1968, с. 207 – 210; 1998, с. 146; Масленников, 1989, с. 74; 1995, с. 93; 1998 а, с. 89 – 100, рис. 53], в окрестностях Пантикапея, Мирмекия и Нимфея – усадьба у дер. Андреевка, поселение близ Мирмекия и Героевка-1 [Гайдукевич, 1981, с. 55 – 75; Горончаровский, 1996, с. 24; Зинько, 1998, с. 89 – 93; 2003, с. 180 – 184], а в азиатской части Боспора – усадьбы, раскопанные на Семибратнем городище [Кругликова, 1975, с. 98] и у хутора Рассвет [Крушкол, 1968, с. 213 – 219; Кругликова, 1975, с. 134, рис. 70 – 71]. Таким образом, можно констатировать, что двум основным типам поселенческих структур, зафиксированным на хоре Боспора в эллинистические периоды, должны были соответствовать и разные формы землевладения.

Укрепленные городища, являвшиеся центрами определенных районов хоры, более или менее точно можно интерпретировать в качестве местожительства сельских общин, которые, скорее всего, являлись крепостями типа катойкий [Колобова, 1953, с. 68; Сапрыкин, 1992, с. 98]. В справедливости такого вывода убеждает характер строительных остатков и материальная культура населения, которые свидетельствуют о приблизительном имущественном и социальном равенстве их обитателей [Масленников, 1995, с. 93]. Наличие в материальной культуре значительного количества варварских черт [Масленников, 1995, с. 93] позволяет предполагать, что такие городища были населены этнически смешанным населением. Как и в других районах эллинистического мира [ср.: Голубцова, 1992, с. 64; Сапрыкин, 1992, с. 99], они располагались на царской земле, и их жители вследствие этого должны были не только нести военную службу, но и платить определенный форос в казну, то есть были зависимыми земледельцами.

Сложнее дело обстоит с атрибуцией поселений «усадебного» типа. В свое время исследователи отмечали, что производство сельскохозяйственной продукции в них строилось на использовании рабского труда [Кругликова, 1975, с. 98; ср.: Блаватский, 1953, с.182; Гайдукевич, 1966, с. 56]. Однако этот вывод был сделан не на основе изучения конкретного материала и источников, а в основном базировался на общетеоретическом положении о широком распространении в античном обществе классических форм рабовладения, которое уже давно пересмотрено [подр. см.: Зельин, Трофимова, 1969; Павленко, 1989; 1989 а, с. 161 – 183; 1990; 1996, с. 135 – 150]. Поэтому он не может быть в настоящее время безоговорочно принят и требует проверки на имеющемся конкретном материале.

Наиболее показательными в этом отношении являются остатки жилищно-хозяйственных построек площадью 2700 кв. м. близ Мирмекия, возникновение которых относится к рубежу IV – III вв. до н. э. [Гайдукевич, 1966, с.53 – 56; 1981, с. 55 – 75]. Первоначально здесь возводятся три типично греческие сельские усадьбы замкнутой планировки, которые прекращают свое существование в первой трети III в. до н. э. [Зинько, 1999, с.134 – 140] (рис. 32). Во второй половине III – начале II вв. до н. э. на месте прежних усадеб строятся две большие винодельни, изменяется планировка помещений и дворов [Зинько, 1999, с.141]. Исходя из имеющихся данных, основой хозяйства теперь стало виноделие, а не производство зерна [Гайдукевич, 1981, с. 71]. В. Ф. Гайдукевич предполагал, что хозяину усадьбы принадлежали земельные угодья, на которых выращивался виноград [Гайдукевич, 1966, с. 55]. По Катону и Варрону, для обработки 100 юрегов виноградника (чуть больше 25 га) требовалось около 16 рабов [Cato, XI, 1; Varro, I, 18, 1 – 7]. Это в свою очередь позволило говорить, что выращивание винограда и производство вина в таких усадьбах базировалось на рабском труде [ср.: Винокуров, 1999, с. 82 – 83].

Но отсутствие каких-либо твердо датированных следов размежевки эллинистического времени на Керченском полуострове [см.: Винокуров, Масленников, 1993, с. 39; Винокуров, 1998, с. 60 – 61] и, тем более, виноградных плантажей в окрестностях усадьбы, не позволяет даже приблизительно говорить о размерах земельных владений ее хозяина. Поэтому не исключено, что эта усадьба была не центром выращивания и переработки винограда, а лишь производства вина. Сырье для него поступало с близлежащих сельских поселений и, возможно, от населения небольших боспорских городов. Отсутствие на Боспоре следов крупных землевладений, и виноградников в частности, делает это предположение вполне вероятным. Так как при количественном преобладании мелкого землевладения и отмеченных изменениях в структуре сельскохозяйственного производства, связанных с увеличением удельного веса в хозяйстве виноградарства, строительство виноделен в небольших хозяйствах, которых было большинство, не было экономически оправданным. Если это так, то производство вина, носившее сезонный характер, требовало значительно меньшего объема трудовых затрат, а содержание более или менее значительного количества рабов было не эффективным. Ведь

доход от труда рабов должен был восстановить сумму, затраченную на их приобретение [Валлон, 1941. с. 82], а это вряд ли могло быть достигнуто при сезонном характере производства. Поэтому, скорее всего, в таких условиях использовался труд наемных работников [Винокуров, 1999, с. 83].

Наличие значительного количества виноделен в таких небольших городах, как, например, Мирмекий, Тиритака [см.:

Гайдукевич, 1966, с. 57; Виноградов Ю. А., 1994, с. 57],⁴⁰ Нимфей [Соколова, 1988, с. 218 – 220] и на сельских поселениях Крымского Приазовья [Винокуров, Масленников, 1993, с. 39 - 56; Масленников, Смекалова, 1997, с. 85 – 86; Винокуров, 1998 а, с. 47 – 55] (рис. 57), свидетельствует о том, что производство вина было достаточно выгодным занятием,⁴¹ а находки монет и специального мерного сосуда при раскопках усадеб близ Мирмекия позволяют говорить о его товарной направленности [см.: Гайдукевич, 1966, с. 54; ср.: Винокуров, 1999, с. 80 – 83]. Вероятно, не будет большим преувеличением предположить, что жилищно-хозяйственные комплексы, где были открыты винодельни [Винокуров, Масленников, 1993, с. 39; полную сводку на 1998 г. см.: Винокуров, 1999, с. 111 – 114], в первую очередь являлись центрами товарного производства вина в эллинистический период [ср.: Зубарь, 1993, с. 102] (рис. 58). В свою очередь развитие товарного виноделия привело к налаживанию производства амфор в боспорских керамических мастерских [Зеест, 1960, с. 26 – 27].

Рис. 57. Стационарные винодельни Боспора IV – I вв. до н. э., по Н. И. Винокурову.

⁴⁰ За всю историю раскопок в Мирмекии открыто четырнадцать виноделен, восемь из которых датируются эллинистическим временем [см.: Виноградов, 1994 а, с. 57].

⁴¹ По имеющимся данным, в V – IV вв. до н. э. в Афинах один медим зерна (51, 84 литра) стоил 4 – 5 драхм, а один метрит вина (38,38 литра) – 7 – 8 драхм, превысив в 4 раза стоимость меры ячменя [Чеченцев, 1992, с. 150]. Если исходить из этого, то производство вина было выгоднее, чем выращивание зерновых.

Вместе с этим находки ткацких грузил свидетельствуют, что, наряду с товарным производством вина, здесь существовало и домашнее производство, за счет которого покрывались потребности жителей [см.: Гайдукевич, 1966, с. 55; ср.: 1952 а, с. 409]. Особенно показательны в этом отношении находки ткацких грузил при раскопках жилых кварталов боспорских городов, которые свидетельствуют о довольно широком домашнем производстве тканей [ср.: Xenoph. Oec., VII, 6; IX, 7; X, 10; Plut. Legg. VII, 805; Lys. 208 D]. Видимо, как и в Греции [ср.: Xenoph., Oec. VII, 29 – 31, 37, 42], на Боспоре ткачеством в основном занимались женщины [Гайдукевич, 1952 а, с. 409].

С другой стороны, как сейчас твердо установлено, резкое увеличение производства вина на Боспоре произошло в III, а, может быть, даже в самом конце IV вв. до н. э. [ср.: Алексеева, 1997, с. 149; Винокуров, 1998 а, с. 19; 1999, с. 94, 101, 108].⁴² В. Ф. Гайдукевич полагал, что быстрому развитию виноделия в решающей степени способствовало ухудшение состояния боспорской хлебной торговли, что было обусловлено поступлени-

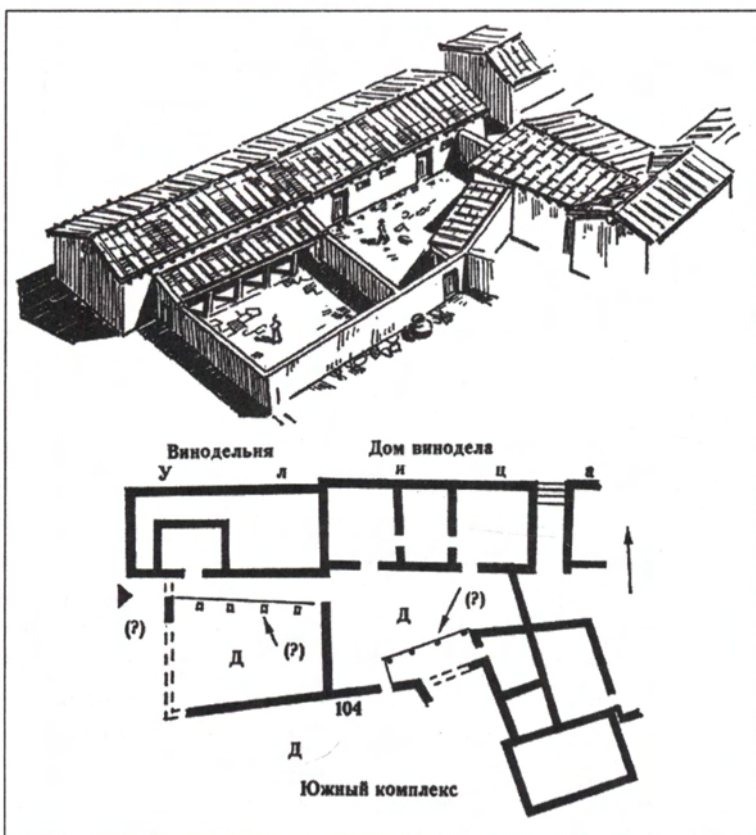

Рис. 58. Дом винодела в Тиритаке, по С. Д. Крыжицкому.

⁴²В настоящее время наиболее ранними на Боспоре являются две винодельни первой половины IV в. до н. э., раскопанные в 1972 г. в Нимфее. Но, судя по их конструкции, эти винодельни не были рассчитаны на производство товарного вина [Грач, 1979, с. 94, 99 – 100]. Винодельни IV вв. до н. э. открыты на поселении Генеральское – западное, однако их конструкция не позволяет говорить о производстве товарного вина уже в это время [Винокуров, Масленников, 1993, с. 39 – 46]. Производство вина с использованием монолитных винодельческих приспособлений изготовлялось, скорее всего, в основном для внутреннего потребления населения [ср.: Винокуров, 1999, с. 22].

ем на рынки Средиземноморья более дешевого египетского зерна [Гайдукевич, 1949, с. 76 – 87; 1958, с. 365; 1966, с. 58 – 59; ср.: Жебелев, 1953 а, с. 147 – 149; Блаватский, 1953, с. 10; 1964, с. 101 – 104; Шургая, 1974, с. 51 – 59; Сапрыкин, 1986, с. 163 и сл.]. Однако преувеличивать роль торговой конкуренции между Боспором и Египтом нет оснований, так как такое явление, как конкуренция в нынешнем ее понимании, была чужда докапиталистической стадии развития экономики [Трофимова, 1961, с. 46 и сл.; Шелов, 1970, с. 33 – 34, 36; Грач, 1984, с. 87; Трейстер, 1985, с. 138; Молев, 1994, с. 65; Виноградов Ю. Г., 1995, с. 27 – 28; 1997, с. 107; Виноградов, Крапивина, 1995, с. 75, 76; ср.: Will, 1966, р. 166 – 170].⁴³

Как уже говорилось, резкое сокращение вывоза хлеба с Боспора было связано главным образом с явлениями внешнеполитического порядка и лишь отчасти с климатическими изменениями, что в конечном итоге привело к постепенным структурным изменениям в сельскохозяйственном производстве и хозяйстве Боспора [ср.: Шелов, 1970, с. 32, 37 - 38; Кругликова, 1975, с. 99], в частности к росту удельного веса виноградарства и виноделия [Сокольский, 1970, с. 92; Винокуров, Масленников, 1993, с. 39; Винокуров, 1999, с. 101]. Более того, есть основания полагать, что денежный кризис, начавшийся в конце IV и продолжавшийся в III вв. до н. э., в значительной степени был обусловлен ухудшением скифо-боспорских взаимоотношений и существенными изменениями на хоре Боспорского государства. Сокращение посевов зерновых привело к росту производства вина, которое вывозилось не в Грецию, а в основном поступало к варварскому населению Северного Причерноморья и потреблялось на месте [Гайдукевич, 1958, с. 365], о чем свидетельствуют каменные давилы III - II вв. до н. э., открытые у поселения Золотое-восточное [Винокуров, Масленников, 1993, с. 39] (рис. 59). Торговля с варварами носила, как правило, меновый или натуральный характер, что отразилось на объемах поступления устойчивой валюты того времени на Боспор, роль которой в то время выполняли золотые монеты [Брабич, 1956, с. 6 - 68; Молев, 1994, с. 67; ср.: Загинайло, 1991, с. 53].

---

⁴³ Вряд ли в настоящее время можно признать в достаточной степени обоснованной точку зрения С. Ю. Сапрыкина о том, что уже с V в. до н. э. и особенно в эллинистический период роль государства становится решающей во внешней торговле греческих государств, что в свою очередь предполагает наличие конкуренции и борьбы за рынки сбыта [Сапрыкин, 1995, с. 139]. Торговля в докапиталистических обществах имела свою специфику и не была связана с производством. Причем при занятии крупной оптовой торговлей преследовалась цель не увеличения капитала, а накопление сокровищ, которые использовались главным образом в неприрожденной сфере [подр. см.: Штаерман, 1978, с. 144 – 148; Зубарь, 1993, с. 87 – 89 с литературой]. Поэтому основной доход, как показывают многочисленные аналогии, античные государственные образования получали за счет налоговой эксплуатации различных категорий населения и ограбления своих соседей [Зельин, Трофимова, 1969, с. 105; Штаерман, 1978, с. 155]. Значительная роль государства в развитии торговли предполагает развитые рыночные отношения, которых античный мир не знал. Таким образом, указанный вывод С. Ю. Сапрыкина грешит модернизмом, не учитывает специфических особенностей экономики докапиталистических обществ и, следовательно, не может быть принят [ср.: Штаерман, 1968, с. 638 – 671].

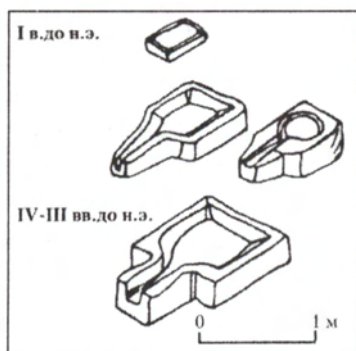

Рис. 59. Боспорские переносные тарапаны, по Н. И. Винокурову.

В таких условиях при отсутствии надежных источников вряд ли можно о государственной монополии на торговлю вином [подр. см. Винокуров, 1999, с. 98 – 99].

Все это самым непосредственным образом отразилось на состоянии экономики Боспора, так для переориентации большинства хозяйств потребовалось определенное время, и только со второй половины III в. до н. э. постепенно положение стабилизируется и оживляется торговля [Брабич, 1956, с. 68]. Сказанное хорошо иллюстрируется состоянием боспорской финансовой системы, для которой вплоть до времени правления Левкона II были

характерны кризисные явления [подр. см.: Шелов, 1956, с. 108 – 150]. Это свидетельствует о неустойчивом характере товарного производства на Боспоре. А в таких условиях сколько-нибудь широкое развитие рабовладельческих производственных отношений не могло получить значительного распространения [см.: Павленко, 1990, с. 127, 130].

Натуральный обмен между более развитыми и менее развитыми социально-экономическими структурами, как это имело место в отношениях боспорских греков с варварами Северного Причерноморья [Брашинский, 1980, с. 89; 1984, с. 183; ср.: Кругликова, 1972, с. 26; Онайко, 1966 а, с. 53, 55], не был равноценным, что позволяло одной из сторон получать максимум выгоды от таких операций [см.: Дьяконов, Якобсон, 1982, с. 7; ср.: Онайко, 1970, с. 82]. Иными словами, часть населения Боспора, занятая в торговых операциях с варварским населением, была вовлечена в специфическую форму его эксплуатации, которая базировалась не на крупной собственности на условия и средства производства, а на возможностях, которые открывал для этого неэквивалентный обмен [подр. см.: Зубарь, 1993, с. 90 – 91; Маринович, 2003, с. 51]. С одной стороны, увеличение торговых операций стимулировало развитие ремесла, что хорошо прослеживается на археологическом материале, а с другой, – в определенной степени способствовало усилению частнособственнической эксплуатации [Кошеленко, 1983, с. 239].

Сокращение населения Восточного Крыма вследствие ухудшения взаимоотношений со скифами неизбежно должно было привести к тому, что довольно значительные массы неполноправного населения покинули обжитые места и переселились в более спокойные районы царства. Часть этого населения осела в городах [Масленников, 1981, с. 75] (рис. 60), где увеличила тот слой свободного, но неполноправного населения, труд которого мог быть использован при расширении ремесленного производства и промыслов, в том числе и виноделия. Сейчас трудно говорить о конкретных формах эксплуатации этой категории населения в силу крайне ограниченного количества источников, но

колебания товарного производства не позволяют предполагать широкого и устойчивого развития в это время рабовладельческих форм эксплуатации. Напротив, как свидетельствуют аналогии, в периоды дестабилизации экономического развития в античном мире шел процесс освобождения рабов и илотов, которые, как правило, пополняли ряды свободного, но неполноправного населения [подр. см.: Зубарь, 1993, с. 66 – 68,

74 с литературой]. Именно эти социальные слои использовались на сезонных работах и являлись объектами частнособственнической эксплуатации в различных отраслях производства [ср.: Виноградов Ю. Г., 1997а, с. 551].

В боспорских некрополях зафиксирована количественно небольшая группа захоронений в скорченном положении, которая датируется VI – II вв. до н. э. [Масленников, 1976, с. 114 – 116]. Традиционно такие погребения рассматривались в качестве показателя присутствия в составе населения в целом греческих городов определенного процента выходцев с варварской периферии [Масленников, 1976, с. 112 – 113, 126 – 127; 1981, с. 75]. Хотя ряд авторов высказывал противоположное мнение и приводил аргументы в пользу греческой этнической принадлежности таких захоронений [Лалин, 1966, с. 213 – 217; Кадеев, 1973, с. 115 – 116; 1981, с. 118 – 119; Сударев, 2003, с. 339].

Вряд ли в настоящее время этнический подход к таким погребениям можно считать единственно возможным, ибо есть основания полагать, что захоронения в скорченном положении следует относить не столько к одному из варварских или греческому этносам, а к определенной социальной группе населения [см.: Блаватский, 1949, с. 147 и сл.; 1954, с. 48; Тереножкін, 1975, с. 10]. Сравнительный анализ таких погребений в греческих некрополях, и Херсонеса в частности, показал, что есть основания рассматривать их в качестве захоронений домашних рабов, труд которых использовался в хозяйстве зажиточных семей греков [ср.: Behren, 2005, p. S. 167 – 194]. Но, в отличие от рабов классического типа, они рассматривались не в качестве

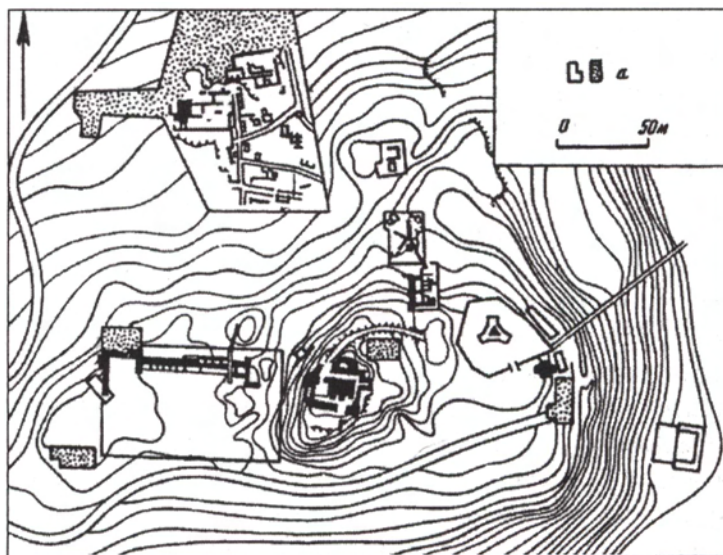

Рис. 60. Схематический план Пантикапея с указанием мест раскопок, по В. П. Толстикову.

А – раскопанные участки.

instrumentum vocate, а как младшие члены семьи хозяина [подр. см.: Зубар, 1995, с. 137 – 146]. Конечно, положение, сложившееся в Херсонесе, нельзя механически переносить на Боспор, однако сходные социально-экономические процессы, имевшие место в разных регионах Северного Причерноморья, делают такое сопоставление вполне вероятным и позволяют предполагать наличие некоторого числа домашних рабов в семьях более или менее зажиточных боспорян.

С другой стороны, говоря о захоронениях в скорченном положении, нельзя не учитывать, что такие захоронения, зафиксированные в некрополях античных центров Северного и Западного Причерноморья, могут являться показателем наличия пережитков более ранней практики обращения с телом, которая в классический и эллинистический периоды сохранялась как рудимент в греческом погребальном обряде. Поэтому скорченная поза погребенных может, вероятно, объясняться особенностями религиозных воззрений на погребальный культ, в которых на протяжении довольно длительного периода сохранялся очень древний пласт верований, связанных с жизнью и смертью. Захоронения в скорченном положении либо безынвентарные, либо сопровождались очень скромным набором погребального инвентаря. А это в свою очередь позволяет предполагать, что погребения в таком положении принадлежали представителям, если не зависимого населения, то небогатых слоев, в среде которых уже на новом месте очень долго сохранялись архаические по своей природе верования, которые были уже забыты в метрополии [подр. см.: Зубарь, 2005 г., с. 430 – 433].

Естественно, все сказанное вовсе не означает, что труд рабов классического типа вовсе не использовался владельцами более или менее крупных земельных владений и боспорскими тиранами. Но отмеченные особенности исторического и социально-экономического развития Боспора в конце IV – III вв. до н. э. свидетельствуют об отсутствии здесь необходимых предпосылок для широкого развития рабовладения классического типа. В лучшем случае рабовладение на Боспоре в это время существовало как один из укладов, что хорошо согласуется с практически полным отсутствием надежных источников о рабах [см.: Блаватский, 1954, с. 38 – 40]. А это в свою очередь позволяет предполагать наличие на Боспоре широкого спектра форм зависимости и эксплуатации, характерных и для других районов античного мира в эллинистический период [ср.: Зельин, Трофимова, 1969; Кузищин, 1986, с. 37 – 38].

Ремесленное производство. Изучение боспорского ремесла эллинистического периода началось давно и в настоящее время достаточно хорошо известны его основные виды и номенклатура изделий [подр. см. Шелов, 1984, с. 162 с литературой]. Однако особое значение имеет не наличие или отсутствие того или иного вида ремесленной деятельности, а характер производственных комплексов, их размеры и локализация. Дело в том, что, даже отделившись от земледелия, ремесло еще очень долго продолжало сосуществовать наряду с домашним производством и промыслами, технологическая база которых в подавляющем

большинстве случаев были близки. По вещественным находкам из раскопок не всегда достаточно четко можно различить продукцию домашнего производства и ремесла, как специализированного товарного производства. Поэтому, прежде всего, следует уточнить территорию распространения ремесленного производства и наличие или отсутствие специализированных мастерских, что позволяет, естественно, с известной долей вероятности, определить качественный уровень развития ремесла и степень его специализации [см.: Массон, 1970, с. 29; Сайко, 1973, с. 107]. Именно это, пусть и очень приблизительно, позволяет судить о характере производственных отношений в этой отрасли материального производства [ср.: Гайдукевич, 1934, с. 112].

Четкие следы ремесленного производства эллинистического времени, в первую очередь металлообработки и гончарного, пока зафиксированы только при раскопках крупных боспорских центров (Пантикапея, Нимфея, Фанагории, Горгииппии) [Марченко, 1957 а, с. 161; Сокольский, 1969, с. 67; Шелов, 1984, с. 167 – 170; Treister, 1987, р. 42 – 47; Трейстер, 1987 а, с. 7 – 13; 1999, с. 75 – 77]. Вряд ли это можно объяснять простой случайностью или же недостаточной археологической изученностью боспорских поселенческих структур. Напротив, скорее всего, такое положение обусловлено тем, что в относительно крупных античных центрах Боспора ремесленное производство было специализированным и носило товарный характер. Хотя, делая такой вывод, следует обратить внимание на то, что еще в IV в. до н. э. в Пантикапее процесс производства в металлообрабатывающих мастерских не был дифференцированным [Марченко, 1957, с. 164 – 169; Шелов, 1979, с. 5; Трейстер, 1987 а, с. 12]. В противоположность этому на территории сравнительно хорошо исследованного в археологическом отношении Мирмекия (рис. 56), например, помимо виноделен [Виноградов Ю. А., 1994, с. 56 – 57] (рис. 61), не зафиксировано каких-либо иных сколько-нибудь значительных производственных комплексов, а лишь обнаружены отдельные вещи, свидетельствующие о домашнем производстве бус [Пругло, 1965, с. 104 – 107]. Наряду со специализированными косторезными мастерскими [Петерс, 1986, с. 29 – 31], домашний характер в так называемых малых боспорских городах носило производство несложных костяных изделий [Кругликова, 1957 а, с. 175] и лепной керамики [Сокольский, 1969, с. 67; Кастанаян, 1981, с. 3].⁴⁴

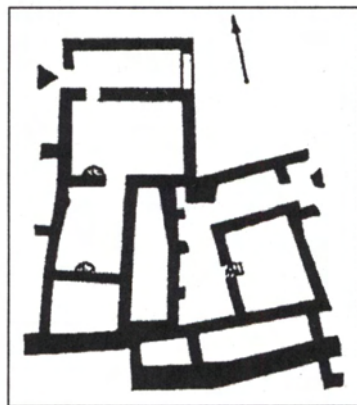

Рис. 61. План дома IV – III вв. до н. э. с винодельней в Мирмекии, по С. Д. Крыжицкому.

⁴⁴ Попутно следует отметить, что наличие лепной керамики в культурных слоях античных городов Северного Причерноморья нельзя рассматривать только в качестве показателя присут-

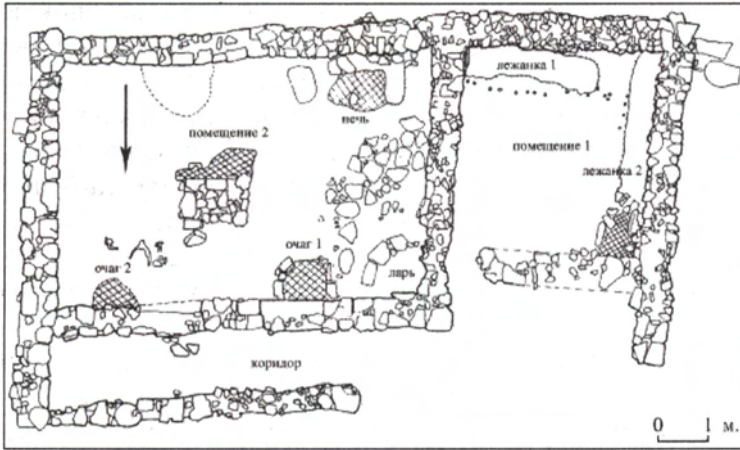

Рис. 62. План кузницы на поселении Южно-Чурубашское хоры Нимфея, по В. Н. Зинько.

Это, с одной стороны, свидетельствует о преимущественно аграрной основе хозяйства таких городков, а, с другой, — о том, что на их территории ремесленная деятельность населения редко выходила

за рамки простого домашнего производства, которое не являлось специализированным, и не было, как правило, связано с внешним рынком. Основной целью такого производства было удовлетворение потребностей обитателей ойкоса, в рамках которого производилось все или почти все необходимое [подр. см.: Зубарь, 1993, с. 37 – 38] (рис. 62). Даже в тех случаях, когда на территории малых городов Боспора открыты следы ремесленного производства, как, например, керамического в Кехах, оно было рассчитано на внутреннее потребление, а не на вывоз [Сокольский, 1969, с. 67].

Ярким примером такого хозяйства может служить сельское поселение, раскопанное под руководством В. Ф. Гайдукевичем близ Мирмекия (рис. 32), где, помимо винодельческих комплексов, производивших вино, видимо, на продажу, зафиксированы следы ткачества, которое, безусловно, носило домашний характер [Гайдукевич, 1966, с. 55; ср.: 1952 а, с. 409 – 410]. В связи со сказанным примечательно и то, что, судя по имеющимся материалам, на сельских поселениях Боспора ремесло не получило сколько-нибудь значительного развития на протяжении всей эллинистической эпохи [Кругликова, 1975].

Отмеченная тенденция была характерна не только для Боспора. Так, например, если в Херсонесе открыты следы специализированных ремесленных мастерских, в частности керамических, то на поселениях хоры государства в Севе-

ствия в составе их населения выходцев из варварской среды [см.: Кастанаян, 1981, с. 4 - 7; Марченко, 1988, с. 107 – 130]. Наряду с этнической принадлежностью, производство лепной керамики может рассматриваться в качестве показателя имущественного положения населения греческих городов на том или ином этапе их развития [Кругликова, 1951, с. 87 – 106]. Таким образом, результаты анализа лепной керамики могут быть использованы не только для изучения этнического, но и социального состава населения античных центров. Но до настоящего времени эта категория материальной культуры не была предметом специального исследования в этом чрезвычайно перспективном направлении.

верной и даже новаторской, то в настоящее время с выводом о безусловном преобладании труда рабов в ремесле безоговорочно согласиться трудно.

Сейчас установлено, что, судя по керамическим клеймам, в IV – III вв. до н. э. на Боспоре черепица изготовлялась не менее чем в 70 мастерских [Гайдукевич, 1958 а, с. 129 – 132; Шелов, 1984, с. 170; Веселов, 1962, с. 349 – 358; Анохин, 1999, с. 188-189]. Это уже само по себе предполагает, что керамические мастерские не были особенно большими и, следовательно, в них работало ограниченное количество рабочих. Даже если мастерские, принадлежавшие представителям царской семьи, которые выпускали, по некоторым данным, пятую часть всей черепицы [Гайдукевич, 1934 а, с. 277; Шелов, 1957, с. 221], были большими, чем эргастерии других собственников, это не меняет общей картины. Как свидетельствуют аналогии, даже при небольшом количестве рабочей силы производительность керамических мастерских была достаточно высока. Например, в первые века н. э. одна небольшая мастерская могла производить до одного миллиона керамических кирпичей в год [MacMullen, 1963, p. 28, note 21], а другая, в которой работало всего восемь рабов, изготовляла в день 1760 штук кирпича [Колосовская, 1973, с. 138 – 139].⁴⁵ Кроме этого несложная технология производства черепицы не требовала высокой квалификации мастера, а ведь хорошо известно, что в античном мире рабский труд быстрее проникал в те отрасли производства, где был необходим высокий профессиональный уровень работника [см.: Штаерман, 1978, с. 128]. В первую очередь труд высококвалифицированных мастеров, в том числе и рабов, на Боспоре требовался в мастерских, производивших предметы роскоши для варварской знати, расцвет которых приходится на IV в. до н. э. [Онайко, 1966, с. 169 – 174; 1966 а, с. 48; 1970, с. 51 – 54; Шелов, 1984, с. 164 – 165; Яковенко, 1985, с. 341 – 348]. Однако удельный вес таких мастерских в объеме ремесленного производства вряд ли был особенно велик.

Ремесленное производство, сосредоточенное в сравнительно небольших мастерских, было характерной особенностью не только Боспора, но и античного мира в целом [подр. см.: Burford, 1972, p. 79; Thompson, Wycherly, 1975, p. 185; Nealy, 1978, p. 184; Штаерман, 1978, с. 128 – 132; Hopper, 1979, p. 131; Кузнецов, 1986, с. 46]. В Греции в период наивысшего экономического расцвета в ремесленных мастерских использовался труд, как правило, не более 20 – 30 рабочих-рабов, а эргастерии, насчитывавшие сотни рабов, были исключительным явлением [см.: Herod., VII, 44; Aeschin, I, 97; Lys., XII, 19; Sargent, 1924, p. 107; Тюменев, 1935, с. 5 – 52, 57; Westermann, 1955, p. 14, 63; Глускина, 1963, с. 228 – 229; Кошеленко, 1983, с. 227; Strauss, 1986, p. 46 и др.].

⁴⁵ Стоимость пары кровельной черепицы лаконского типа в Аттике в классический период составляла 4 обола, а лист высококачественной коринфской черепицы 5 оболов [Кузнецов, 1989, с. 144]. Исходя из этих данных, можно говорить, что черепичное производство было достаточно прибыльным.

Рис. 63. Царские клейма на боспорской кровельной черепице, по В. А. Анохину.

В связи с этим весьма показательна наличие на боспорской черепице клейм не только с именами боспорских правителей, но и со штампами Βασιλική или Βασιλικός [Гайдукевич, 1934 а, с. 267 - 278; 1958 а, с. 125; Анохин, 1999, с. 199 - 200] (рис. 63). Часто в клеймах имя царя сочеталось еще с одним, как считается, либо мастера, либо управляющего мастерской [Гайдукевич, 1934 а, с. 279; 1947, с. 27]. Однако Д. Б. Шелов вполне обоснованно

предположил, что второе имя на такой черепице обозначало лицо, которому на откуп была передана эксплуатация черепичных мастерских, являвшихся собственностью боспорского правителя [Шелов, 1954, с. 126]. Наличие в керамических клеймах имен членов царской семьи или обозначения принадлежности продукции правящему дому позволяет заключить, что на Боспоре, как, впрочем, и в других эллинистических государствах, где отмечено подобное явление [см.: Гайдукевич, 1934 а, с. 279; 1947, с. 27; Цецхладзе, 1998, с. 91], правящая верхушка уже не считала нужным скрывать свое непосредственное участие в ремесленном производстве. В этом, видимо, следует видеть разницу в мировоззрения грека – полита и правителя эллинистической монархии, что является еще одним из показателей определенной трансформации духовных ценностей в античном мире [ср.: Штаерман, 1985, с. 22 - 105].

Черепица с царскими клеймами изготовлялась не только в Пантикапее, но и в Фанагории, а также в Горгиипии. Это твердо установлено не только по клеймам, но и на основании анализа глины указанной категории изделий [Шелов, 1954, с. 121 - 130; 1957, с. 225; Алексеева, 1997, с. 39]. А это в свою очередь позволяет говорить, что боспорские правители были не только крупными землевладельцами, но и собственниками целого ряда производственных комплексов в различных районах государства, которые сдавались в аренду или на откуп и приносили ощутимый доход. В связи с сокращением экспорта боспорского хлеба, контроль за производством керамических строительных материалов являлся одним из путей получения дополнительных средств в экономических условиях, складывавшихся на Боспоре [Шелов, 1970, с. 38].

Помимо царских и мастерских, которые, по-видимому, принадлежали частным лицам, на Боспоре обнаружены клейма, которые свидетельствуют о выпуске в конце III в. до н. э. черепицы от имени гражданских общин Пантикапея и Горгииппии [Шелов, 1954, с. 122; 1957, с. 221 – 216; Гайдукевич, 1958 а, с. 130 – 133; Веселов, 1962, с. 349 – 358; Алексеева, 1997, с. 47]. Это говорит о том, что на кровельную черепицу был устойчивый спрос, и доход от такого рода деятельности извлекали не только боспорские цари, но и иные слои населения боспорских городов, в том числе и гражданская община столицы. Поэтому можно согласиться с В. Ф. Гайдукевичем в том, что на Боспоре отсутствовала монополия на производство керамических строительных материалов [Гайдукевич, 1934 а, с. 296] (рис. 64). Это также можно рассматривать в качестве косвенного свидетельства в пользу заключения о сравнительно небольших размерах мастерских, в том числе и царских, изготовлявших такую продукцию [ср.: Гайдукевич, 1934 а, с. 244 – 245].

Увеличение объемов изготовления кровельной черепицы на Боспоре со второй половины IV и вплоть до II вв. до н. э. [Гайдукевич, 1958 а, с. 124 – 127], безусловно, было связано с расширением строительной деятельности [см.: Блаватский, 1957, с. 46 – 60] и увеличением населения в боспорских городах, в частности в Пантикапее [Блаватский, 1964, с. 108 - 109; Масленников, 1981, с. 75; ср.: Виноградов Ю. А., 2005, с. 285] (рис. 65). Причем изготовление значительного количества черепицы в царских эргастериях говорит не только о сокращении доходов от царского хлебного экспорта [Гайдукевич, 1934, с. 296], который был основной статьёй дохода боспорских правителей в более раннее время, но и об определенной перестройке хозяйства в целом.

Следует обратить внимание на то, что черепица с клеймами боспорских эргастериев обнаружена пока только в пределах Боспора [Гайдукевич, 1934 а, с. 298; Голенцов, Петерс, 1981, с. 216]. Следовательно, ее производство было направлено на удовлетворение потребностей внутреннего боспорского рынка [Голенцов, Петерс, 1981, с. 216, 221]. А наличие в культурных слоях боспорских городов определенного количества привозной черепицы, главным образом синопской и гераклеяской, говорит о том, что его потребности не могли быть полностью покрыты за счет собственного производства [ср.: Шелов, 1954, с. 120; 1957, с. 221].

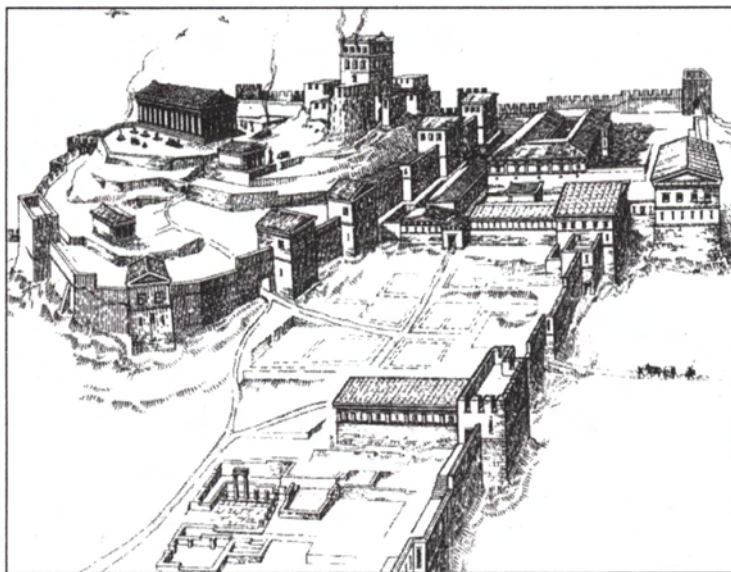

Рис. 64. Виктор Францевич Гайдукевич (1904 – 1966 гг.).

Увеличение выпуска кровельной черепицы, свидетельствующей о подъеме строительной деятельности в боспорских городах [Блаватский, 1957, с. 46–60; Грач, 1985, с. 340], хронологически совпадает с началом широкого развития виноделия на Боспоре [Винокуров, 1999, с. 101]. Поэтому можно предположить, что неблагоприятные тенденции на хоре и связанное с этим сокращение вывоза хлеба в Средиземноморье заставило население Боспора в своей хозяйственной деятельности переориентироваться на производство вина, которое теперь вывозилось преимущественно к варварскому населению Северного Причерноморья [Зеест, 1960, с. 27; Шелов, 1970, с. 34 – 35]. Возросшими доходами от такого рода деятельности, в которой, судя по остаткам виноделен, участвовало значительное количество боспорян, объясняется подъем строительной активности, что сделало рентабельным производство кровельной черепицы, и усилившаяся имущественная дифференциация боспорского общества [Блаватский, 1985 а, с. 61].

Таким образом, можно констатировать, что сокращение производства хлеба привело к увеличению удельного веса в экономике Боспора промыслов, в частности виноделия, товарная продукция которых была ориентирована на потребности варварского населения [см.: Брабич, 1956, с. 66; Гайдукевич, 1958, с. 365; Онайко, 1970, с. 81; Винокуров, Масленников, 1993, с. 55; Молев, 1994, с. 67]. Но такая перестройка хозяйства и основных экономических связей не прошла безболезненно, что наиболее ярко фиксируется в сфере денежного обращения Боспора, где кризисные явления прослеживаются на протяжении почти ста лет [ср.: Шелов, 1970, с. 37 – 38; Зубарь, 2003, с. 124 – 128].

Денежное обращение в конце III в. до н. э. В последней четверти III в. до н. э. боспорским царем Левконом II была осуществлена денежная реформа. В его

правление в обращении, наряду с монетами Пантикапея, была выпущена медь от его имени. Это была экстраординарная мера, так как, несмотря на ряд выпусков от имени боспорских царей, во второй половине III – II вв. до н. э. в основе денежного обращения лежала пантикапейс-

Рис. 65. Акрополь Пантикапея в III в. до н. э., реконструкция В. П. Толстикова.

кая монетная чеканка [Шелов, 1956, с. 155; ср.: Харко, 1952, с. 359; Фролова, 1997б, с. 144 – 145]. Наряду с царской, в начале четвертой четверти III вв. до н. э. на рынок поступает полновесная пантикапейская монета с изображением бородатой головы Сатира на лицевой стороне, лука и стрелы на оборотной [Голенко, 1955, с. 134; 1972, с. 147, 148; ср.: Шелов, 1981 а, с. 38 - 40; Фролова, 1997б, с. 144 – 145]. Это были первые полноценные монеты, которые после достаточно длительного периода кризиса появились на Боспоре (рис. 66).

Почти все исследователи признают, что выпуск царских монет так или иначе был связан с попыткой преодоления кризисного состояния боспорского денежного обращения [Карышковский, 1960 а, с.114; Шелов, 1953, с. 36 - 37; 1956, с.152; 1960, с. 212; 1981 а, с. 41; Анохин, 1986, с. 56, 58 и др.], хотя эта эмиссия и не имела решающего значения для стабилизации денежного обращения [см.: Шелов, 1981, с. 41 – 42].⁴⁶ Левкон II осуществил выпуск медных монет сразу трех номиналов – обола, тетраخالка и дихалка, что, безусловно, являлось мерой, направленной на стабилизацию именно внутреннего денежного обращения в государстве [Шелов, 1956, с. 153]. Левкон II, выпуская монеты от своего имени, гарантировал их устойчивость [Молев, 1994, с. 71]. Еще одним шагом в этом направлении была чеканка пантикапейского серебра [Шелов, 1956, с. 158; Куликов, 2001, с. 231], что также следует рассматривать в качестве логического продолжения финансовой политики Левкона II по выходу из денежного кризиса.

Рис. 66. Монеты царя Левкона II, по В. А. Анохину.

1 – 2 – Царские эмиссии; 3 – 4 – чеканка Пантикапея; 5 – Феодосия; 6 – Фанагория, по В. А. Анохину.

⁴⁶ Попутно следует отметить, что попытку Е. А. Молева [1994, с. 69] вслед за Д. Б. Шеловым [1950, с. 169 – 178; 1953, с. 37] отнести известную новеллу Полиена [VI, 9, 1] о надчеканке монеты ко времени правления Левкона II нельзя признать удачной. Как убедительно показал Ф. В. Шелов-Коведяев, новеллы Полиена и сообщение Псевдо-Аристотеля [Оес., II, 2, 8] следует относить к начальному периоду правления боспорского царя Левкона I [Шелов-Коведяев, 1985, с. 116 – 122].

С периода правления Левкона II, наряду с пантикапейской чеканкой, начинается выпуск монеты не только из меди, но и из драгоценных металлов от имени боспорских царей, который продолжался на протяжении всего II в. до н. э. [Шелов, 1956, с. 175 – 195]. Причины этого явления в нумизматике Боспора оценивались неоднозначно [см.: Молев, 1994, с. 68 – 69 с литературой]. Не претендуя на окончательное решение этого вопроса, следует указать, что царскую чеканку, вероятно, следует связывать с хронической нехваткой денег в казне [ср.: Pol., VI, 9, 1]. Ведь выпуск новой серии монет приносил ощутимый доход [Виноградов Ю. Г., 1989, с. 207 – 208 с литературой], а на Боспоре чеканка царских монет, помимо меди, осуществлялась из золота и серебра, что было более прибыльно. Следовательно, наличие царских клейм на кровельной черепице и выпуск боспорскими правителями специальных серий монет из драгоценных металлов необходимо рассматривать в качестве своеобразного показателя поиска новых путей финансирования государственной казны, поступления в которую значительно сократились вследствие гибели сельскохозяйственных поселений на хоре и резкого сокращения доходов от хлебного экспорта [ср.: Шелов, 1965, с. 38].

Сейчас установлено, что с первой четверти IV в. до н. э. и вплоть до времени правления Левкона II на Боспоре денежные эмиссии осуществлялись только от имени Пантикапея [Шелов, 1956, с. 152]. В последней четверти III в. до н. э. положение меняется. Именно в это время была отчеканена небольшая серия монет с названием Феодосии [Шелов, 1956, с. 172; Анохин, 1986, с. 58; Молев, 1994, с. 71 – 72; Мельников, 2000, с. 208 – 218] (рис. 66, 5), а несколько позже свою монету стали бить Фанагория и Горгиппия [Шелов, 1956, с. 137, 174 – 176; Анохин, 1986, с. 60; Алексеева, 1997, с. 191 – 193] (рис. 66, 6). Д. Б. Шелов считал, что это явление в нумизматике следует рассматривать в качестве показателя сепаратистских тенденций (Феодосия), возрождения полисных традиций (Фанагория, Горгиппия) и ослабления царской власти на Боспоре [Шелов, 1956, с. 137, 200 – 201; ср.: Анохин, 1986, с. 58; Молев, 1994, с. 72; Алексеева, 1997, с. 47].

Однако выпуск монет от имени Феодосии – второго по значению боспорского города, а несколько позже – Фанагории и Горгиппии, крупнейших экономических центров в азиатской части государства, осуществлялся непосредственно после начала на Боспоре чеканки монет от имени царя, но не в указанных центрах, а на монетном дворе Пантикапея [Голенко, 1960, с. 35 – 36; Фролова, 1992, с. 219; Анохин, 1999, с. 87 – 88]. Это позволяет предполагать, что эти монетные эмиссии были осуществлены в русле тех мер, которые предпринимались боспорской администрацией при проведении денежной реформы, начатой Левконом II [ср.: Куликов, 2003, с. 222 – 234].

Следовательно, в период правления Левкона II в финансовой политике Боспора был нарушен принцип централизованного выпуска монет, а эмиссии от имени указанных боспорских центров были не следствием ослабления царской власти или сепаратистских устремлений [ср.: Шелов, 1956, с. 200 – 201], а диктовались насущной потребностью экономического развития. Ведь фанагорийс-

военно-политической обстановкой в этом регионе Боспорского царства [Блаватская, 1959, с. 142, 150, 152, 154], падением объемов торговых операций и ростом натурализации хозяйства [Молев, 1994, с. 80], а преодолением последствий денежного кризиса и ростом цены денег, в результате чего сократилась и общая денежная масса, находившаяся в обращении.

Децентрализация монетного дела, очевидно, в какой-то мере позволила боспорскому государству укрепить положение ведущих боспорских торгово-ремесленных центров. Наличие автономной чеканки Фанагории, а несколько позже Горгииппии, вероятно, позволяет предполагать, что, в связи с ростом в хозяйстве роли промыслов и ремесла, в рамках единого Боспорского государства начинают формироваться определенные экономические районы, для развития которых была характерна своя специфика, обусловленная целым рядом как внешних, так и внутренних факторов [ср.: Дилигенский, 1961, с. 35; Колганов, 1962, с. 439]. Эти районы дополняли друг друга и в совокупности составляли одно целое, базировавшееся, впрочем, не на отраслевом, а на территориальном разделении труда [подр. см.: Зубарь, 1993, с. 104 – 105]. Показательно в этом отношении, что монеты фанагорийской чеканки конца III – II вв. до н. э. обнаружены в самой Фанагории, ее окрестностях и в Горгииппии, а в денежном обращении Пантикапея занимали весьма скромное место [см.: Шелов, 1965, с. 41; Фролова, 1997б, с. 144 – 145].

Сказанное в какой-то мере может объясняться тем, что в фанагорийской монетной чеканке прослеживается влияние Родоса [Шелов, 1956, с. 201 – 203], а при раскопках Фанагории обнаружено значительно больше родосских амфорных клейм, чем в Пантикапее и других боспорских центрах [Шелов, 1956, с. 204; 1984 а, с. 128, 133 – 149; Храпунов, Федосеев, 1997, с. 105; Фролова, 1997б, с. 147]. Родосские амфоры поступали главным образом в прибрежные греческие города и сравнительно редко встречаются в глубинных районах Прикубанья [Зеест, 1951, с. 108 – 109]. Все это позволяет говорить не только об определенной специфике экономических связей греческих центров азиатского Боспора, но и об отсутствии строгой регламентации их торговой активности со стороны правителей Боспорского государства во II в. до н. э.

Преодоление денежного кризиса в последней четверти III в. до н. э. свидетельствует, что к рубежу III – II вв. до н. э. на Боспоре в основном завершился процесс перестройки экономики, вызванный негативными внешнеполитическими явлениями конца IV – первой половины III вв. до н. э., и государство вступило в этап стабильного развития. Это привело к устойчивому поступлению в государственную казну налогов с территорий, находившихся под контролем боспорских царей, что хорошо иллюстрируется обильными выпусками пантикапейского серебра и началом чеканки золотой монеты [подр. см.: Шелов, 1956, с. 159 – 190].

Но стабилизация денежного обращения и увеличение объемов товарного производства не могли привести к качественным изменениям в экономике Боспора и преобладанию в ней товарных отношений. В сфере обмена и торговли не

Рис. 67. Остатки общественного здания на акрополе Пантикапея. Фото С. Д. Крыжицкого.

было вовлечено главное условие и средство производства – земля, верховным собственником и распорядителем которой оставался боспорский царь. Развитие товарного производства и товарно-денежных отношений на Боспоре продолжало базироваться на натуральной основе хозяйства, что являлось характерной особенностью социально-экономических отношений во всех докапиталистических обществах [подр. см.: Зубарь, 1993, с. 104 – 106].

Развитие торговли. Перестройка хозяйства Боспора, увеличение удельного веса в экономике производства вина и ремесла привели к активизации торговли. Но, если раньше внешняя торговля Боспора базировалась главным образом на вывозе значительных партий зерна, то после сокращения сельскохозяйственных площадей выросла роль экономических связей с варварским населением Северного Причерноморья, которое являлось основным потребителем вина и ремесленной продукции, производившейся на Боспоре. Доход, поступавший от реализации вина и ремесленной продукции, привел к активизации строительной деятельности в крупных боспорских городах (рис. 67).

С другой стороны, сокращение боспорского хлебного экспорта в силу указанных причин привело к увеличению в торговле с античными центрами Южного Причерноморья и Средиземноморья удельного веса продуктов скотоводства [Dem., 34, 10], рыбы [Athen., VII, 2] и, вероятно, рабов, о чем сообщают Страбон [VII, 3, 12; XI, 2, 12] и Полибий [IV, 38, 4] [Блаватский, 1959, с. 25 и сл.; 1962, с. 129 и сл.; Брашинский, 1984, с. 182; Braund, 2005, p. 24 – 45]. Но, судя по имеющимся источникам, масштабы вывоза рабов в Средиземноморье с территории Боспора и сопредельных территорий ни в коем случае нельзя преувеличивать [Гольденберг, 1953, с. 201 – 209; Блаватский, 1954, с. 41 – 47; Онайко, 1970, с. 81; Шелов, 1970, с. 39]. А сообщение Полибия [IV, 38, 4] и упоминания рабов северопричерноморского происхождения в эпитафических памятниках

островной и материковой Греции [Граков, 1939, №№ 91, 92, 108, 113, 114; Блаватский, 1969, с. 68 – 69; Виноградов Ю. Г., 1995, с. 40], свидетельствуют, что их вывоз с территории Боспорского царства в более или менее широких масштабах имел место лишь в эпоху позднего эллинизма [ср.: Блаватский, 1969, с. 69; Кузнецов, 2000, с. 30, 39]. Если это так, то есть все основания предполагать, что увеличение объемов работорговли следует связывать с ростом удельного веса товарно-денежных отношений в экономике и дальнейшими изменениями в структуре боспорского экспорта.

Отмеченные изменения в основных направлениях хозяйства боспорян хорошо иллюстрируются возникновением на территории Елизаветовского городища на Нижнем Дону (рис. 14), которое было крупным центром посреднической торговли между греками и варварами [Житников, 1997, с. 56], в конце IV - первых десятилетиях III вв. до н. э. двух последовательно сменивших друг друга греческих колоний. Их основной задачей была активизация торговли с варварами Нижнего Дона и Приазовья, а также, видимо, промысловая добыча ценных сортов рыбы [Лебедев, Лапин, 1954, с. 213; Марченко, 1990, с. 129 – 138; 1991, с. 53 – 61; Житников, 1992, с. 68 – 78].

Еще одним важным экономическим центром, через который осуществлялась торговля с варварами Прикубанья, была Фанагория [Strabo, XI, 2, 10]. Через Фанагорию античные товары поступали на Семибратнее (ст. Варениковская), Елизаветовское (окрест. Краснодара), Раевское (окрест. Анапы) городища, которые, как и Елизаветовское на Нижнем Дону, в IV – II вв. до н. э. являлись важными пунктами транзитной торговли с варварским населением региона [Зеест, 1951, с. 107 – 118; Анфимов, 1966; Долгоруков, 1984, с. 87; Онайко, 1984, с. 92]. Если на протяжении IV – III вв. до н. э. в торговле с населением Прикубанья ведущая роль принадлежала Семибратнему городищу, то с середины III и особенно во II вв. до н. э. в транзите античного импорта возрастает роль Елизаветовского городища, расположенного на значительном удалении от Фанагории [Зеест, 1951, с. 118; ср.: Малышев, 2000, с. 104 – 118; Ломтадзе, 2005, с. 11 – 19].

Говоря о расширении торговых связей Боспора с варварским населением Северного Причерноморья, исследователи главным образом обращали внимание на хорошо атрибутированную керамическую продукцию известных античных центров, обнаруженную в процессе раскопок [Зеест, 1951; Брашинский, 1980; Ломтадзе, Масленников, 2004, с. 124 – 161]. В результате этого складывается впечатление, что Боспор в это время выступал в качестве крупного центра транзитной торговли с варварским миром. Не отрицая этого в принципе, хотелось бы отметить, что расширение с III в. до н. э. объемов производства боспорского вина, которое, безусловно, носило товарный характер, и связанное с этим налаживание производства амфорной тары, а также подъем строительной активности в боспорских городах при сокращении производства зерновых, свидетельствуют о том, что довольно значительное место в торговле с варварским населением Северного Причерноморья занимали и товары собственно боспорского

производства [ср.: Гайдукевич, 1958, с. 365; Зеест, 1960, с. 27; Шелов, 1970, с. 41].⁴⁷ Естественно, это предположение нуждается в дополнительной аргументации на основе анализа массового археологического материала, но отмеченные тенденции экономического развития Боспора убеждают в его правомерности [ср.: Шелов, 1970, с. 34 – 35].

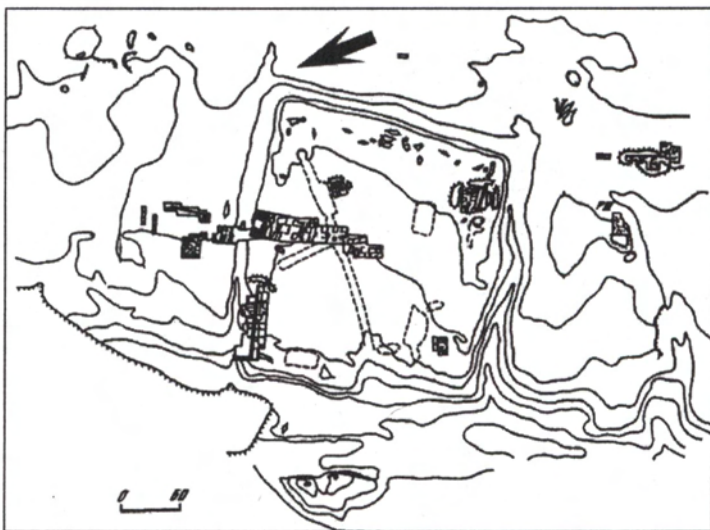

Рис. 68. Схематический план Танаиса, по Д. Б. Шелову.

В 70 – 60-х гг. III в. до н. э., в связи с активизацией сарматов, греческое поселение на территории Елизаветовского городища на Нижнем Дону гибнет [Марченко, 1990, с. 137; 1991, с. 59]. Однако изменение военно-политической обстановки не привело к полному прекращению хозяйственной активности боспорян в этом регионе. В непосредственной близости от Елизаветовского городища боспорскими греками в первой четверти III в. до н. э. был основан хорошо укрепленный Танаис [Гайдукевич, 1963, с. 299; Шелов, 1970, с. 15 – 23; 1989, с. 47] (рис. 68), который вплоть до позднеантичного периода оставался главным античным центром региона [Максименко, Бойко, 1996, с. 109 – 110]. Как считает Д. Б. Шелов, вплоть до времени правления Полемона I Танаис, основанный группой боспорских греков, был независимым от Боспора политическим организмом с этнически смешанным населением [Шелов, 1970, с. 233 – 234; 1989, с. 49 – 53] (рис. 69).⁴⁸ Имеющиеся в настоящее время материалы убеждают в том, что основной функцией Танаиса была торговля с варварским населением Приазовья и Подонья [Strabo, VII, 4, 5; XI, 2, 3; XI, 2, 11; Гайдукевич, 1963, с. 299; Шелов, 1989, с. 49]. Через Елизаветовское городище, а позднее Танаис и городища

⁴⁷ В связи со сказанным особый интерес для изучения механизма греко-варварской торговли имеют следы лавок греческих купцов середины IV в. до н. э., открытые на Елизаветовском городище [см.: Брашинский, Марченко, 1978, с. 207 – 214; Житников, Марченко, 1984, с. 167 и сл.; Яковенко, 1987, с. 83 – 91].

⁴⁸ Вряд ли можно согласиться с тем, что Танаис был основан благодаря целенаправленным действиям «правительства Спартока» [Молев, 1994, с. 42 – 43]. Несмотря на заинтересованность правящей верхушки Боспора в развитии торговли и получении доходов от нее, нельзя ей приписывать строгую регламентацию и государственное вмешательство в эту сферу экономической деятельности, так как это является модернизмом.

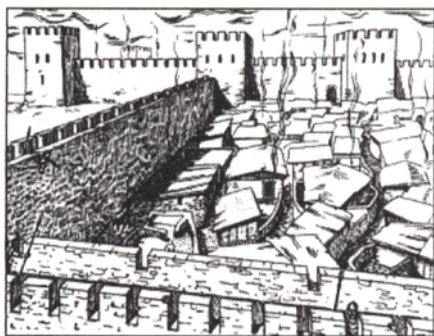

Рис. 69. Застройка Танаиса эллинистического периода. Реконструкция В. П. Толстикова.

Прикубанья, в обмен на продукцию античных центров на Боспор поступали не только традиционные товары кочевников, но и хлеб, который был необходим для количественно увеличившегося населения боспорских центров [см.: Блаватский, 1964, с. 108 – 109; Шелов, 1970, с. 34 – 35].⁴⁹

Учитывая осложнения боспорско-скифских отношений, начавшиеся с последней четверти IV в. до н. э., о чем уже говорилось, и на основании изучения керамической тары из раскопок Неаполя Скифского [Зеест, 1954, с. 71 – 77],⁵⁰ можно заключить, что с III в. до н. э. античный импорт с Боспора к скифскому населению Крыма и Среднего Поднепровья сокращается [Онайко, 1970, с. 79, 82], а главными – становятся северное (через Елизаветовское городища и Танаис) и восточное (Семибратнее и Елизаветовское городище на Кубани) направления торговых связей с варварским миром (рис. 1). Следовательно, не только в характере землепользования, развитии виноделия и боспорского ремесла, но и в направлениях экономических связей на рубеже IV – III в. до н. э. происходят определенные изменения.

Боспорское царство во II в. до н. э. На основании различных категорий источников, и в первую очередь нумизматических, сейчас можно говорить, что во II в. до н. э. для экономики Боспора был характерен если не подъем, то более или менее стабильное развитие [Журавлев, 2005, с. 235 – 248]. Достаточно сказать, что на протяжении всего II в. до н. э. в Пантикапее чеканилась золотая и серебряная монеты [Анохин, 1986, с. 68, табл. V], а в Фанагории и Горгиипии еще к предпоследнему десятилетию II в. до н.э. относится выпуск достаточно хорошего по качеству серебра [Шелов, 1956, с. 201; Фролова, 19976, с. 145] (рис. 70). Поэтому заключение о том, что Боспор во второй половине II в. до н.э. вступил в полосу тяже-

⁴⁹ Не исключено, что за счет зерновых, поступающих от варварского населения, боспорские правители периодически все-таки могли вывозить какую-то часть хлеба за пределы Боспора [см.: Шелов, 1970, с. 33].

⁵⁰ На основании анализа массового археологического материала И. Б. Зеест пришла к выводу о том, что во II – I вв. до н. э. в Неаполь Скифский в основном поступало косское и родосское вино в амфорах, количество находок которых на Боспоре и в Херсонесе невелико [Зеест, 1954, с. 74]. В Неаполе практически отсутствуют амфоры боспорского производства, а монеты Боспора единичны [Дашевская, 1991, с. 19, 21]. Это, вероятно, может в какой-то степени свидетельствовать не только о том, что в это время главным торговым контрагентом позднескифского царства являлась Ольвия [Онайко, 1970, с. 83, 86; Дашевская, 1991, с. 19; Зубарь, 1993, с. 51 с литературой], но и о характере взаимоотношений скифов Крыма с указанными античными государствами [Зубарь, 1996, с. 44 – 50].

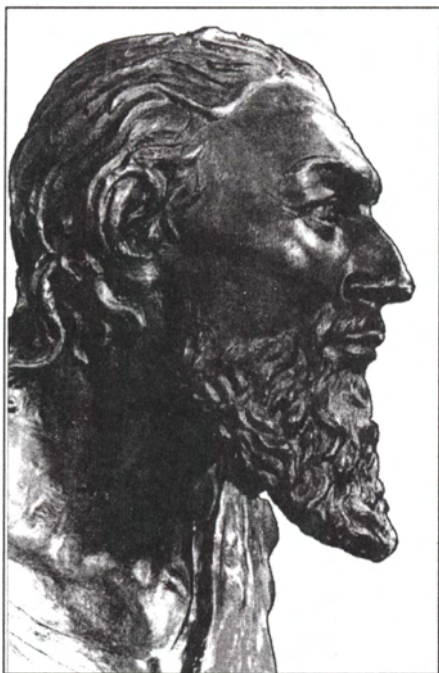

Рис. 71. Скилур. Реконструкция по черепу М. М. Герасимова.

(рис. 71). Но, если Ольвия попала под скифский военно-политический протекторат [Зубарь, 1996, с. 44 – 50; Русяева, 1996, с. 174 – 178], то отношения с более сильным в военном отношении Боспором строились на союзной основе, скрепленной династическими браками [подр. см.: Виноградов Ю. Г., 1987, с. 85 – 86]. Из северопричерноморских центров только Херсонес занимал в отношении позднескифского государственного объединения ярко выраженную враждебную позицию [подр. см.: Зубарь, 2005 в, с. 243 – 246].

Сейчас, ввиду отсутствия источников, трудно говорить, как конкретно сложилась обстановка на Боспоре, но, видимо, она была достаточно сложной, что и заставило последнего боспорского царя из династии Спартокидов – Перисада в ходе херсонесско-скифского противостояния и дипломатической активности понтийского стратега Диофанта передать верховную власть в Боспорском царстве Митридату VI Евпатору [подр. см.: Виноградов Ю. Г., 1987, с. 72 – 78; 1995, с. 38; Доманский, Фролов, 1995, с. 93 – 94; Сапрыкин, 1996, с. 141 – 144; Зубарь, 2005в, с. 256].

Вместе с этим сейчас есть ряд убедительных данных, которые позволяют говорить, что сближение Боспора с Понтийским царством началось до правления последнего Перисада [Молев, 1994, с. 108]. Об этом в первую очередь свидетельствует типология боспорских монет II в. до н.э. (рис. 70), в которой прослеживается достаточно четкое понтийское влияние [Шелов, 1956, с. 202 -- 203]. Об укреплении боспоро-понтийских экономических связей до времени правления Митридата говорят и находки на территории Боспора понтийских монет [Голенко, 1968, с. 39]. Тесные контакты двух государств были обусловлены, с одной стороны, экономическим расцветом южнопричерноморских греческих городов – традиционных экономических партнеров Боспора, которые находились в составе Понтийского царства [Максимова, 1956, с. 183, 185, 228; Шелов, 1965, с. 48; Брашинский, 1984, с. 182; Молев, 1994, с. 108 – 109; Saprykin, 2000 – 2001, р.91 – 100], а, с другой, – желанием боспорских правителей заручиться поддержкой могущественного союзника перед лицом сарматской угрозы. С. Ю. Сапрыкин даже предположил, что Митридат VI Евпатор в годы своего изгнания какое-то время жил при дворе последнего боспорского царя [Сапрыкин, 1996, с. 145]. Таким образом, передача власти Митридату, которая была осуществлена Диофантом, видимо, была подготовлена характером предшествующих боспоро-понтийских контактов (рис. 72).

Вслед за передачей власти Митридату VI Евпатору последовали события, связанные с деятельностью Савмака, которые в советской историографии под влиянием политических установок того времени [см.: Жебелев, 1993, с. 117; Виноградов Ю. А., 2000а, с. 109] долгое время рассматривалось в качестве революции рабов, и, пожалуй, главного источника по вопросу о широком развитии рабовладения на Боспоре [Жебелев, 1953 в, с. 105 - 115; Блаватский, 1954, с. 40; Гайдукевич, 1962, с.20, 23; 1967, с. 20 – 22; 1968, с. 89; Казакевич, 1963, с. 57 – 70; Лурье, 1968, с. 212 – 215; Немировский, 1978, с. 63 – 70; Молев, 1976, с. 40 – 42; Ломоури, 1979, с. 78 – 80; McGing, 1986, p. 53 и др.].⁵² Однако сейчас установлено, что Савмак был одним из представителей скифской знати, связанной династическими узами с боспорским правящим домом. После передачи власти Митридату VI Евпатору Перисадом он со своими приближенными совершил государственный переворот, надеясь захватить боспорский престол. Но, благодаря вмешательству Диофанта и херсонесских войск, Савмак был разбит, его сподвижники казнены, а сам руководитель переворота был отправлен в Понт [подр. см.: Виноградов Ю. Г., 1987, с. 70 – 83; ср.: Анохин, 1999, с. 100 – 102]. После этого власть над царством перешла к Митридату VI Евпатору, и Боспор был включен в состав его наследственных владений [Сапрыкин, 1996, с. 140 – 147, 186].

Несмотря на то, что в последнее время появилась и несколько иная реконструкция событий, связанных с деятельностью скифов под руководством Савмака [Гаврилов, 1992, с. 53 – 73], сейчас совершенно ясно, что нет оснований говорить о революции рабов на Боспоре в конце II в. до н. э. и на основании этого делать вывод о наличии на его территории значительных масс рабов. Сказанное хорошо согласуется с основными тенденциями социально-экономического развития Боспора на протяжении IV – II вв. до н. э.

Боспор под властью Митридата VI. К 90/89 г. до н. э. не только Боспор, но и прилегающие к нему территории, населенные дандариями [Plut. Luc.,16] и меотами

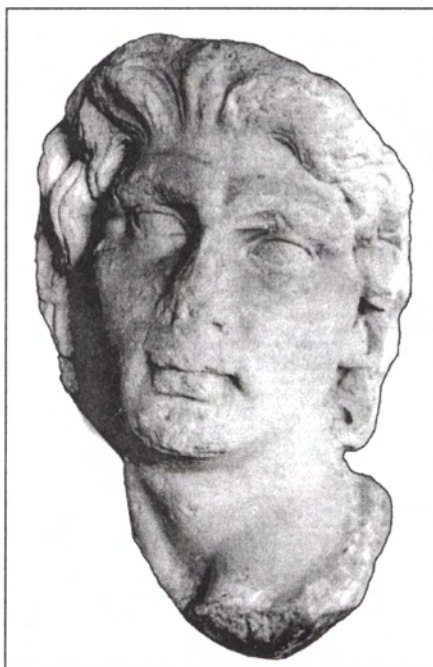

Рис. 72. Царь Понтийского царства Митридат VI Евпатор. Одесский археологический музей НАН Украины.

⁵² Во всех обобщающих работах по древней истории Северного Причерноморья и учебных пособиях Савмак однозначно рассматривался в качестве руководителя первого на нашей территории восстания рабов. Обзоры литературы, в том числе и западной, по этому вопросу также см.: Rubinsohn, 1980, p. 62 sq.; Nadel, 1976, p. 204 - 210.

Рис. 73. Монетная чеканка Пантикапея времени Митридата VI Евпатора, по В. А. Анохину.

[Mith. 15; 101; 102; Plut. Pomp. 35; Sulla.11], признали власть Митридата [Молев, 1994, с.114-133; Сапрыкин, 1996, с. 151; Анохин, 1999, с. 103 – 110] (рис. 72). О положении Боспора в составе Понтийской державы данных очень мало. Однако чеканка монет не от имени царя или его наместников, а от гражданских общих греческих городов, свидетельствует о том, что они формально рассматривались в качестве полисов [Шелов, 1985, с. 562; Сапрыкин, 1996, с. 172 – 173] (рис. 73). Хотя эта чеканка была квазиавтономной, она хорошо согласуется с филэллинской полити-

тикой Митридата VI Евпатора. Выпуски монет самыми крупными центрами Боспора способствовали повышению их экономической мощи [Сапрыкин, 1990, с. 211; 1996, с. 174; 1997, с. 198], что имело место на Боспоре и ранее.

Включение Боспора в состав Понтийского царства благоприятно отразилось на экономическом положении греческих центров [Кругликова, 1971, с. 99; Онайко, Дмитриев, 1982, с. 106, 110, 116 - 120; Виноградов Ю. Г., 1995, с. 41; Сапрыкин, 1996, с. 286 - 287; 1997, с. 198 – 199]. В первую очередь об этом свидетельствует улучшение качества боспорских монет, в сравнении с периодом правления последних Спартокидов [Шелов, 1985, с. 561] (рис. 74). Объясняется такое положение тем, что со времени Митридата VI Евпатора боспорские центры были включены в единое экономическое целое с городами Понта, что создало благоприятные условия для расширения торгово-экономических связей и оживления торговли с окружающим варварским населением. Южнопонтийские центры задолго до включения Боспора в состав Понта были главными торговыми контрагентами греческих городов Северного Причерноморья и находились в русле черноморской торговли [ср.: Максимова, 1956, с. 228; Шелов, 1965, с. 48]. Поэтому объединение Боспорского царства с Понтийской державой привело к его включению в единый экономический организм, о чем, в частности, можно говорить на основании свободного обращения,

например, в Горгиипии монет Понта и Пафлагонии [Шелов, 1965, с. 46; Фролова, 1997б, с. 147]. От этого, прежде всего, выиграли торгово-ремесленные круги боспорян. Поэтому, очевидно, можно согласиться с Д. Б. Шеловым, что вплоть до 80-х гг. до н. э. торгово-ремесленная верхушка греческих городов Боспора являлась опорой и проводником в жизнь политики Митридата VI Евпатора (Шелов, 1985, с. 570 – 571). Об этом красноречиво свидетельствует установка между 89/88 и 85 гг. до н. э. бронзовой статуи

Рис. 74. Монетная чеканка Фанагории (1 – 6) и Горгиипии (7 – 11) времени Митридата VI Евпатора, по В. А. Анохину.

царя в Нимфее [Виноградов, Молев, Толстикова, 1985, с. 595 – 598; Яйленко, 1985, с. 617 – 619; ср.: Молев, 1999а, с. 85 – 91].

Эллинофильская политика Митридата VI Евпатора по отношению к греческим полисам Боспора хорошо согласуется с предоставлением наиболее крупным боспорским городам-полисам права автономного самоуправления, а, следовательно, и контроля за земельными наделами, находившимися в коллективном владении гражданской общины, которая была освобождена от поземельного налога [Сапрыкин, 1996, с. 214]. Вместе с этим, царь оставался верховным собственником земли и вследствие этого им был принят закон о наследовании [Сапрыкин, 1991, с. 181 – 197], который в первую очередь отражал интересы мелких и средних землевладельцев, поддерживавших, наряду с торгово-ремесленными кругами, политику царя [подр. см.: Сапрыкин, 1996, с. 214 – 215; 1997 а, с. 203 – 208]. Таким образом, сейчас есть все основания говорить о наличии на Боспоре в период вхождения его в состав Понтийского царства полисного землевладения, которое, однако, находилось под контролем царской администрации.

Поощряя экономическое развитие Боспора, Митридат VI Евпатор, безусловно, преследовал собственные цели и в первую очередь использовал его богатейшие сырьевые ресурсы для подготовки войн с Римом. Насколько ресурсы Северного Причерноморья были значительны, позволяет говорить то, что с территорий Таврики и Синдики в распоряжение Митридата VI Евпатора в последний период его правления поступало 180 тыс. медимнов хлеба и 200 талантов

серебра [Strabo, VII, 4,6; Memn., XIX; LIV; Saprykin, 2000 – 2001, p. 96 – 97; Молев, 2001, с. 98; ср.: Гуленков, 2002, с. 308 – 309]. Такого количества хлеба было достаточно для питания 36 тыс. солдат [Сапрыкин, 1996, с. 267; 1997, с. 197]. Но поступление значительных средств и ресурсов не могло быть достигнуто только за счет доходов от ремесла и торговли, которые переживали на Боспоре подъем в это время, или роста городского хозяйства и полисного землевладения [Сапрыкин, 1996, с. 268 – 270]. Требовалось осуществить ряд широко-масштабных мероприятий по возрождению сельскохозяйственного производства на территории Боспора, где в конце II - I вв. до н. э. вследствие бурных событий боспорской истории количество сельских поселений значительно сократилось [Strabo, VII, 1, 5; Кругликова, 1975, с. 103; Масленников, Старовров, 1994, с. 170; Сапрыкин, 1996, с. 273].

Сейчас установлено, что в период правления Митридата VI Евпатора хора на территории европейского Боспора представлена сельскими усадьбами, располагавшимися в окрестностях Пантикапея (Аджимушкой, Темир-Гора, Октябрьское) и Нимфея (Героевка-1, Чурубашское), а также рядом поселений и городищ, удаленных от побережья Керченского пролива [Сапрыкин, 1996, с. 270; 1997, с. 199].⁵³ Если сельские усадьбы можно рассматривать в качестве центров сравнительно крупных землевладений и центров товарного производства, видимо, принадлежавших боспорской знати, то ряд весьма показательных материалов позволил сделать вывод, что городища являлись военно-хозяйственными поселениями (катойкиями), где жили военные поселенцы (катойки) [Сапрыкин, 1996, с. 272; 1997, с. 199; Saprykin, 2000-2001, p.98-99]. При этом следует подчеркнуть, что в I в. до н. э. на Боспоре фиксируются поселения и городища всех тех типов, которые существовали на сельской территории и в последующие столетия [Сапрыкин, 1996, с. 273; 1997, с. 201; ср.: 2003, с. 29] (рис. 75).

Аналогичная картина прослежена и в азиатской части Боспора. Недалеко от Кеп в период правления Митридата VI Евпатора были построена усадьба и прямоугольное поселение [Савостина, 1987, с. 58 – 61], а на рубеже II – I вв. до н. э. на Семибратнем городище строится укрепленное здание. Но, пожалуй, наиболее показательны в этом отношении являются «батарейки» на Фанталовском полуострове, начало существования которых есть основания относить уже к митридаатовскому времени [Сапрыкин, 1996, с. 276; Масленников, 1997 б, с. 88]. Не исключено, что сельские усадьбы функционировали и на аграрной территории

⁵³ С. Ю Сапрыкин и А. А. Масленников полагают, что в период правления Митридата VI Евпатора на берегу Кутлакской бухты была построена небольшая боспорская крепость [Сапрыкин, 1996, с. 273]. Однако результаты работ, проведенных на этом памятнике, свидетельствуют, что возникновение Кутлакской крепости следует относить к несколько более позднему времени, скорее всего, к периоду правления Асандра или Аспурга, так как массовый археологический материал, обнаруженный здесь, датируется в пределах второй половины I в. до н. э. – первой четверти I в. н. э. [подр. см.: Паршина, 1986, с. 288 – 289; Баранов, Ланцов, 1993, с. 7 – 8; Ланцов, 1997, с. 71 – 73].

Рис. 75. Военно-хозяйственные поселения на Боспоре на рубеже н. э., по С. Ю. Сапрыкину.

а - города; б - поселения.

Фанагории [Савостина, 1987, с. 58 – 61]. В то же время продолжают существовать усадьбы с наделами в районе Горгиппии, а между Горгиппией и Батами в I в. до н. э – I в. н. э. возводятся автономные жилищно-хозяйственные постройки с мощными стенами и оградами, расположенные в 3,5 – 5 км друг от друга (рис. 76), а также усадьбы у сс. Владимировка и Цемдолинское и др. [Онайко, Дмитриев, 1982, с. 106 – 110; Сапрыкин, 1996, с. 274; Алексеева, 1997, с. 52 – 53; Рогов, 1999, с. 153 – 157; Паромов, 2001, с. 79 – 85] (рис. 77).⁵⁴

Н. А. Онайко и А. В. Дмитриев совершенно справедливо полагали, что цепочка укрепленных поселений, протянувшаяся по линии Горгиппия – Раевское городище – Баты являлась единым оборонительным рубежом, возведенным с целью защиты юго-восточной границы Боспорского царства в период правления Митридата VI Евпатора (рис. 75). Причем исследователи отмечают их сходство с населенными пунктами Острова и области аспургин [Онайко, Дмитриев, 1982, с. 113 – 119]. Скорее всего, эти укрепления возникли в период борьбы Митридата VI Евпатора с ахейцами на восточных рубежах Боспора, в ходе которой он приступил к созданию поселений типа катойкий, где за царский счет

⁵⁴ Н. А. Онайко полагала, что постройку, раскопанную у с. Владимировка, следует интерпретировать не в качестве усадьбы, а как укрепление [Онайко, 1975, с. 85].

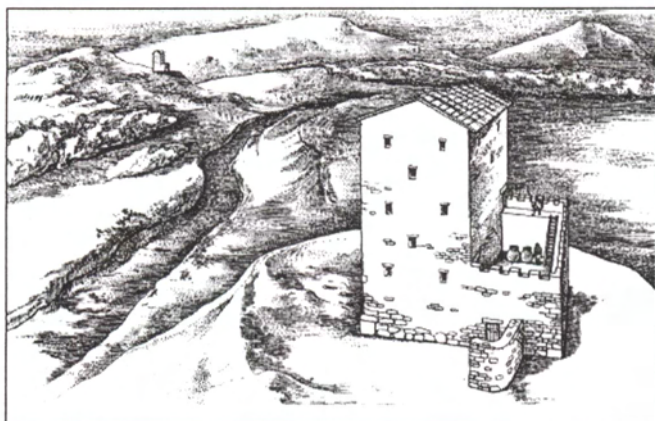
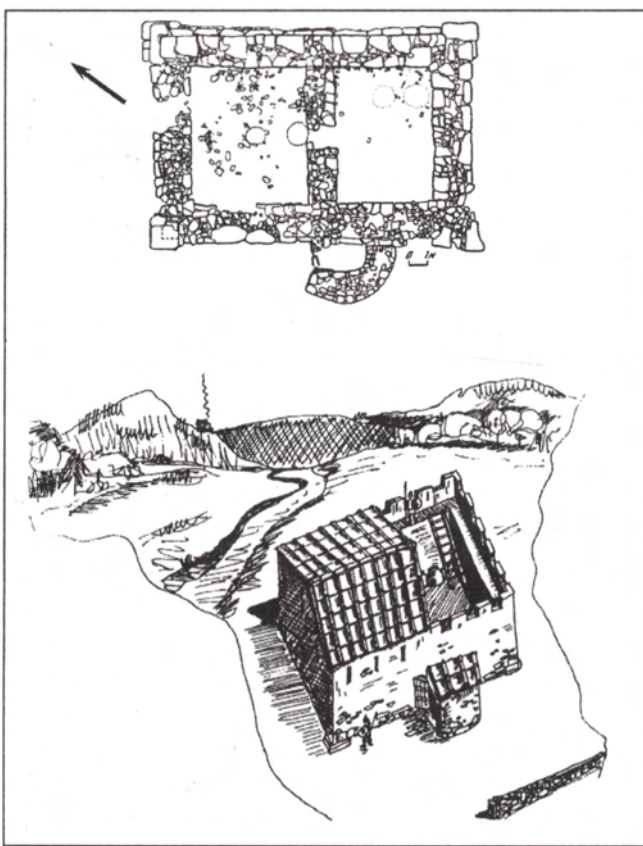

Рис. 76. Сторожевая башня на юго-восточной границе Боспора. Реконструкция А. А. Масленникова.

были расселены дружественные ему варвары [Сапрыкин, 1996, с. 275; ср.: Трейстер, Дмитриев, Малышев, 1998, с. 161 – 173].⁵⁵

Таким образом, можно заключить, что при Митридате VI Евпаторе как на европейском, так и на азиатском Боспоре идет возрождение хоры как полисной, так и царской [ср.: Сапрыкин, 2003, с. 29]. Однако характерной чертой этого процесса является то, что на сельскохозяйственных территориях возникает значительное количество военно-хозяйственных поселений типа катойкий, в которых жило преимущественно эллинизированное варварское население, находившееся на службе понтийского правителя [Сапрыкин, 1996, с. 285; 2003, с. 30]. Статус военных поселенцев обязывал их участвовать в военных мероприятиях царя, а также выплачивать определенную ренту - налог за пользование землей.

На основании краткого обзора положения на сельскохозяйственных террито-

Рис. 77. Усадьба у с. Цемдолинское, по Н. О. Онайко и А. А. Масленникову

⁵⁵ Возможно, археологическим свидетельством участия сарматов в военных предприятиях Митридата VI Евпатора и их тесных контактов с Боспором во второй половине I в. до н. э. является погребение, открытое на Южном Урале [Кропоткин, Обыденнов, 1985, с. 242 – 246].

Рис. 78. Боспорская монета наместника Махара, сына Митридата VI Евпатора, по В. А. Анохину.

недовольство торгово-ремесленной верхушки греческих городов, в том числе и на Боспоре. В ответ на это Митридат и его наместник на Боспоре Махар ужесточили меры контроля за полисами, что проявилось в прекращении чеканки квазиавтономной монеты [Сапрыкин, 1996, с. 179] (рис. 78). В 70-х годах до н. э. наиболее развитые в экономическом отношении южнопонтийские полисы отпали от Понтийской державы, а это привело к разрыву внутривосточных связей и ухудшению экономического положения

греческих центров Северного Причерноморья [Шелов, 1985, с. 572; Сапрыкин, 1996, с. 183]. Положение усугублялось и морской блокадой Крыма, которую осуществлял римский флот с тем, чтобы снизить до минимума подвоз из этого района войск и продуктов питания для армии Митридата [Plut., Pomp. 39; Гриневич, 1947, с. 228]. Но население греческих городов еще какое-то время продолжало поддерживать Митридата, несмотря на его отход от филэллинской политики [Сапрыкин, 1996, с. 181].

Положение кардинальным образом изменилось после очередного поражения и бегства в 67/66 г. до н. э. Митридата из Малой Азии. Укрепившись на Боспоре, Митридат стал активно привлекать на свою сторону вождей наиболее сильных в военном отношении варварских племен, намереваясь использовать их воинские контингенты в продолжавшейся борьбе с Римом [App. Mith., 57, 69, 108; Justin, XXVIII, 3, 7; Plut., Luc. XVI]. Оказавшись в очень сложном положении, Митридат стал набирать в войска население широкого правового спектра и, как считается, рабов [App. Mith., 107; Блаватский, 1954, с. 40].

Однако семантика термина *δοῦλος* не позволяет прямо отождествлять его исключительно с *instrumentum vocate*, то есть рабами классического типа, как это в свое время предполагал Я. А. Ленцман [Ленцман, 1951, с. 57 – 59; ср.: 1963, с. 60]. Как было показано Э. Л. Казакевич, термин *δοῦλος* является не групповым, а общим и им могли обозначаться различные социально зависимые группы населения [Казакевич, 1956, с. 120 – 121; Gschnitzer, 1976, S. 2 – 13]. Поэтому использование *δοῦλος* без каких-либо дополнительных данных необходимо рассматривать в качестве более или менее широкого понятия «несвободы», которое противопоставлялось понятию «свободы», но не обязательно рабству классического типа [Зельин, Трофимова, 1969, с. 41; Зубарь, 1996 а, с. 123; ср.: Ленцман, 1967, с. 49]. В правильности этого заключения убеждает не только анализ этого термина, но и археологический материал, охарактеризованный выше.

Разрыв экономических связей с южнопонтийскими центрами, римская блокада и все увеличивающиеся налоги на население Боспорского царства [Strabo, VII, 4, 6; App. Mith., 107], которое стало последним оплотом понтийского царя на заключительном этапе борьбы с Римом, в совокупности привели к росту антимиитридадовских тенденций [см.: Максимова, 1956, с. 275, 279 – 280; Виноградов Ю. А.,

способом отчуждения прибавочного продукта в Боспорском государстве, как и в большинстве сословно-классовых обществ, был потребительско-стоимостный или докапиталистический рентный, базировавшийся на сословной стратификации общества [подр. см.: Илюшечкин, 1986, с. 144 – 150].

Вместе с этим, если в IV – начале III вв. до н. э. в экономике Боспорского царства ведущую роль играла крупная торговля хлебом, то со второй половины III и во II вв. до н. э., в связи с увеличением в хозяйстве удельного веса производства вина и ремесленной продукции, в экономические связи преимущественно с окружающим варварским населением включаются широкие слои ремесленников и торговцев Боспорского царства. Причем есть основания полагать, что торговля с негреческим населением Северного Причерноморья была, как правило, неэквивалентной, а поэтому развитие экономических связей с варварской периферией следует рассматривать в качестве специфической формы эксплуатации, в которую было включено значительное количество боспорян [подр. см.: Зубарь, 1993, с. 90 – 91]. Это способствовало постепенному выходу экономики Боспора из экономического кризиса III в. до н. э., вызванного неблагоприятной военно-политической обстановкой, и привело к вовлечению в сферу товарно-денежных отношений населения главным образом крупных боспорских городов (Пантикапей, Феодосия, Фанагория, Горгиппия), которые в период правления Митридата VI Евпатора стали торгово-ремесленными центрами сравнительно обширных экономических районов в рамках единого Боспорского государства.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ БОСПОРСКОГО ЦАРСТВА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ I в. до н. э - ТРЕТЬЕЙ ЧЕТВЕРТИ III в. н. э.

Основные этапы истории Боспорского государства во второй половине I - третьей четверти III вв. Получив власть на Боспоре, Фарнак [63 – 47 гг. до н. э.] предпринял ряд мер, направленных на стабилизацию как внутреннего, так и внешнеполитического положения царства, экономика которого была истощена в ходе войн Митридата VI Евпатора с Римом (рис. 79). В азиатской части царства он решительно подавил сепаратизм местных племен, которые, воспользовавшись временным ослаблением центральной власти, решили выйти из подчинения Боспору [Strabo, XI, 2, 11]. Однако положение оставалось сложным, о чем свидетельствует отсутствие местной монетной чеканки начального периода правления Фарнака [Анохин, 1986, с. 76 – 77; 1999, с. 110 – 117; Frolova, 2002, р. 33; подр. см.: Сапрыкин, 2002, с. 14 – 54; Панов, 2003, с. 21 – 31].

Рис. 79. Монета Фарнака 53/52 г. до н. э. боспорской чеканки, по В. А. Анохину.

Распад триумvirата и начало гражданских войн в Риме в конце 50-х гг. I в. до н. э. вероятно породили у Фарнака иллюзии относительно возможности объединения под своей властью тер-

риторий, входивших ранее в состав царства его отца. Но, будучи реалистичным политиком, Фарнак не спешил. Когда к нему обратились сторонники Помпея с просьбой о помощи против Цезаря, Фарнак им отказал [Caes. Bell. Alex. 69; App. Bell. civ., II, 88; Suet. Caes., 63; Cass. Dio, XLI, 65; XLII, 6, 2]. Окончательно решение о реставрации державы Митридата VI он принял, когда, по его мнению, сложилась благоприятная ситуация. Прежде чем выступить против римлян, Фарнак осадил Фанагорию и ряд соседних с ней городов [App. Mith., 120], что свидетельствует об имевшей место оппозиции к нему в азиатской части Боспорского государства. Принудив Фанагорию дать заложников, после января 48 г. до н. э. он двинулся через Колхиду в Малую Азию, оставив вместо себя на Боспоре наместником Асандра, который в 49/48 г. до н. э. получил титул архонта [Карышковский, Фролова, 1990, с. 94; ср.: Navotka, 1992, р. 29, 34; Сапрыкин, 1999, с. 102 – 106]. Как свидетельствуют письменные источники, до этого Асандр был этнархом, т. е. вождем одной из племенных группировок

Рис. 80. Асандр. Изображение на монете, по В. А. Анохину.

[Cass. Dio, XLII, 46, 4; 47, 5; 48,4; App. Mith., 120; Strabo, XIII, 4, 3] (рис. 80).

Начав борьбу с римлянами, Фарнак относительно легко захватил Колхиду и Малую Армению, города в Каппадокии и Понте (Cass. Dio, XLII, 4). К концу 48 г. до н. э., казалось, он близок к своей конечной цели – воссозданию державы своего отца, тем более что Цезарь, занятый войной в Египте, не мог сразу вмешаться в события на Востоке [Cass. Dio, XLII, 46,1]. Но после окончания Александрийской войны и восстановления в правах Клеопатры, Цезарь форсированным маршем двинулся навстречу Фарнаку. Фарнак пытался заключить мир с Цезарем на любых условиях и даже предлагал ему в жены свою дочь, видимо, Динамию [App. Mith., 120; Bell. civ., II, 91; Cass. Dio, XLII,4, 6]. Но Цезарь отклонил эти предложения и в решающей битве при Зеле 2 августа 47 г. до н. э. наголову разбил армию Фарнака, который с тысячей всадников бежал в Синопу. Из Синопы он переправился на Боспор и, собрав своих сторонников, захватил Феодосию и Пантикапей, но осенью 47 г. до н. э. был убит в ходе вооруженного столкновения со сторонниками Асандра, который, видимо, опирался на население азиатской части царства, где до этого был этнархом [App. Mith., 120; подр. см.: Яйленко, 1990 б, с. 134].

С этого времени Асандр стал единоличным правителем Боспора. Но Цезарь не утвердил его на боспорском престоле и поручил своему другу Митридату Пергамскому, которому за помощь в Египте дал в управление Боспорское царство, двинуться против Асандра, захватившего без согласия римлян боспорский престол [App. Mith., 120; Strabo, XIII, 4, 3]. Однако попытка Митридата Пергамского захватить власть на Боспоре не увенчалась успехом, и он погиб, очевидно, в 46 г. до н. э. [Карышковский, Фролова, 1990, с. 95]. Цезарь, уехавший в Рим после битвы при Зеле, не смог вмешаться в эти события, и фактически боспорским правителем без согласия римской администрации остался Асандр.

Не добившись от Цезаря признания своих прав на престол, Асандр женился на Динамии, дочери Фарнака и внучке Митридата VI, и таким образом узаконил свое пребывание у власти. После этих событий на четвертом году своего архонтата в 45 – 44 гг. до н. э. начал чеканку золота, на котором уже именовался царем [Карышковский, Фролова, 1990, с. 95; Frolova, 2002, p. 34 – 47; ср.: Сопова, 1986, с. 64 – 77; Navotka, 1991 – 1992, p. 29 – 41; Фролова, 1997, с. 13 – 23; Сапрыкин, 1999, с. 102 – 106; Анохин, 1999, с. 117 – 122]. Утвердившись на боспорском престоле и юридически став продолжателем традиций ахеменидско-пантийской династии, Асандр осуществил ряд мер по укреплению границ своего царства, одержал ряд побед над пиратами и зарекомендовал себя в качестве сильного, энергичного правителя [Gajdukevič, 1971, S. 325 – 326]. Среди внешнеполитических мероприятий Асандра следует отметить его неудачную попытку захватить Херсонес [подр. см.: Зубарь, 1994, с. 15] (рис. 81).

Sherwin-White, 1984, p. 336]. По распоряжению Августа и Агриппы Динамия стала супругой Полемона, что придало его власти законный характер, а также закрепило объединение Боспора и Понта в единое политическое целое, как того добивался, посылая на Боспор Митридата Пергамского, еще Цезарь [Ростовцев, 1917, с. 116; Bowersock, 1965, p. 51 – 53; Heinen, 1994, p. 63 – 79; Сапрыкин, 2002, с.100 – 103] (рис.83).

Рис. 82. Статер царицы Динамии 21/20 г. до н. э., по В. В. Анохину.

В течение 13-12 гг. до н. э. Полемон правил Боспором совместно с Динамией [Парфенов, 1997, с. 126 – 135], а около 12 г. до н. э. женился на Пифодориде, дочери Пифодора из Тралл, внучке триумвира Марка Антония, и имел от нее трех детей [Сапрыкин, 1993, с. 31 – 34]. В период своего царствования Полемон совершил ряд военных походов против Танаиса, в Колхиду и, наконец, против аспургиан, в результате которого в 8 г. до н. э. погиб [Strabo, XI, 2, 3, 11, 18; Cass. Dio, LXII, 4; Болдырев, 2000, с. 11 – 18]. После этого Рим уже прямо не вмешивался в боспорские дела, хотя боспорские правители были тесно связаны с империей и находились в орбите римской политики [Панов, 2003, с. 67 – 88].

Дальнейшая история Боспорского царства конца I в. до н. э. – первой половины I в. н. э. до настоящего времени не может быть убедительно реконструирована на основании имеющихся источников. Отсутствие на боспорских монетах с конца правления Динамии и вплоть до Митридата VIII имен боспорских правителей, видимо, скрытых под монограммами,

Рис. 83. Царица Динамия. Бронзовый бюст.

и точно датированных эпиграфических источников вплоть до времени правления Аспурга привело к тому, что в настоящее время имеется несколько концепций, в соответствии с которыми реконструируется династическая история Боспора [см.: Гайдукевич, 1949, с. 314 – 322; Зограф, 1951, с. 191 – 196; Голубцова, 1951, с. 113 – 119; Фролова, 1978 а, с. 51 - 60; 1992, с. 229 – 231; Frolova, 2002, p. 52 – 63; Анохин, 1986, с. 82 – 90, табл. VIII; 1999, с. 130 – 131; Яйленко, 1990 б, с. 142 – 161; Виноградов Ю. Г., 1994, с. 152 – 154; Фролова, 1997, с. 41 – 53; Горончаровский, 2000, с. 229 – 230; Сапрыкин, 2002, с. 125 – 130]. Но отсутствие надежных источников не позволяет присоединиться ни к тому, ни к иному мнению, так как каждая из предложенных концепций в определенной мере базируется на допущениях и логических построениях, и, следовательно, может быть подвер-

гнута позитивной критике. Очевидно, пока не будут получены новые беспорные источники, которые подтвердят или опровергнут имеющиеся точки зрения, а, возможно, позволят ре-

Рис. 84. Статеры царя Аспурга, по В. А. Анохину.

шить проблему и вовсе по-новому, вопрос о династической истории Боспора в это время следует считать открытым [Блаватская, 1965, с. 2024; ср.: Фролова, 1997, с. 41 – 53; Сапрыкин, 2002, с. 55 – 124].

В 14 г. к власти на Боспоре пришел Аспург (рис. 84). Судя по имеющимся источникам, утверждению Аспурга на боспорском престоле предшествовала его поездка в Рим. Это позволяет предположить, что накануне его прихода к власти происходила борьба за власть, победителем в которой и вышел Аспург. Из его рескрипта гражданам Горгиипии следует, что в то время, когда он отправился к императору, на Боспоре имела место попытка государственного переворота, в ходе которого жители этого центра остались верны новому царю [Блаватская, 1965 а, с. 36; ср.: Heinen, 1999, S. 133 – 142; Сапрыкин, 2002, с. 156 – 176] (рис. 85). Если учесть, что в окрестностях Горгиипии жили аспургиане [Блаватская, 1965 а, с. 36; Сапрыкин, 1985, с. 65 – 78; Горончаровский, 2000, с. 231, 234], то не приходится сомневаться, что благодаря их поддержке он сохранил власть, и после возвращения на Боспор дал жителям Горгиипии ряд привилегий [Блаватская, 1965 а, с. 28 - 37; ср.: Функ, 1992, с. 83 – 84; Сапрыкин, 2002, с. 156 – 176; Попов, 2003, с. 205 – 209].

Рис. 85. Надпись времени правления Аспурга из Горгиипии.

Вероятно, обстановка на Боспоре во время прихода к власти Аспурга складывалась так, что он был вынужден искать поддержки в столице империи, так как не принадлежал к династической линии, которая правила ранее. Учитывая проримскую ориентацию своих предшественников, он вынужден был обратиться к римскому императору за помощью. Причем инициатором этой поездки был

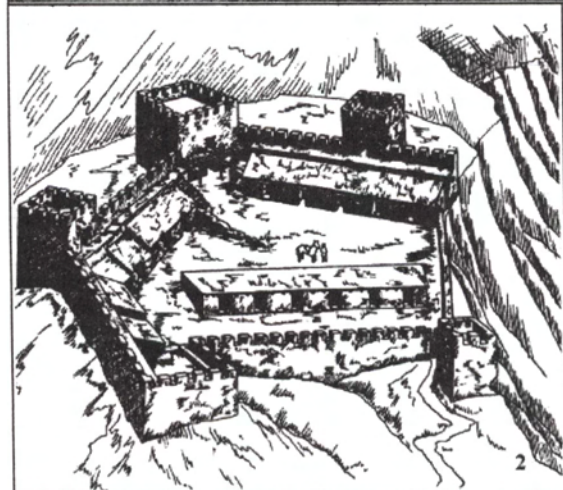
сам Аспург, рассчитывавший при личной встрече с императором получить не только подтверждение прав на боспорский престол, что в тех условиях было равносильно мощной дипломатической поддержке, но и, видимо, еще какие-то привилегии, о содержании которых пока можно только догадываться [Блаватская, 1965, с. 204 – 205; ср.: Сапрыкин, 2002, с. 177 – 203]. Во всяком случае, наличие в титулатуре Аспурга титула «друг римлян» позволяет согласиться с Т. В. Блаватской в том, что, находясь в Риме, он заключил с империей договор о дружбе, став союзником империи, а по сути дела признал себя вассальным империи царем [Блаватская, 1965, с. 198, 206 – 207; ср.: Надель, 1948, с. 212 – 214; Navotka, 1989, p. 328; Фролова, 1997, с. 64 – 73; Анохин, 1999, с. 131 – 134; Сапрыкин, 2002, с. 156 – 165].

Утверждение Аспурга царем в Риме позволяет предполагать, что в своей внешней политике он проводил согласованный с империей курс. В связи с этим заслуживает особого внимания тот исключительно важный факт, что он подчинил скифов и тавров, что, судя по имеющимся данным, это произошло, между 14/15 и 23 гг. [КБН, 39, 40]. Скорее всего, он совершил масштабную военную экспедицию в западном направлении и не только покорил указанные варварские народы, но и стал, как и ранее Спартокиды, именоваться царем не только Боспора, и Феодосии [подр. см.: Виноградов Ю. Г., 1994, с. 154 – 155; Сапрыкин, 2002, с. 174 – 177]. В. А. Горончаровский даже предполагал, что он посадил в Неаполе Скифском своего ставленника – царя Ходазра, сына Омсалака, что позволило укрепить скифо-боспорский союз [Горончаровский, 2000, с. 236].

Сейчас трудно сказать, как далеко на запад простирались границы Боспорского государства в период правления этого царя, но раскопки, проведенные на берегу Кутлакской бухты, свидетельствуют, что в правление Аспурга здесь, видимо, уже существовала небольшая боспорская крепость [Баранов, Ланцов, 1993, с. 7 – 8; Ланцов, 1997, с. 69 – 79; 1997 а, с. 185 – 189; 1999, с. 134; ср.: Зубарь, 2005в, с. 234, прим. 46] (рис. 86). Следовательно, по крайней мере, в первой трети I в. Боспор контролировал прибрежную полосу вплоть до крепости. Рельеф местности позволяет предполагать, что связь с ее гарнизоном поддерживалась в основном морем и его основная задача заключалась в охране морских коммуникаций от посягательств варваров-пиратов.

В конце 20-х – начале 30-х гг. I в. Аспург женился на Гипепии, от брака с которой у них родились два сына – Митридат и Котис, ставшие впоследствии боспорскими царями. Гипепия происходила из фракийского правящего дома, что позволило Аспургу с помощью этого брака стать законным наследником старинной боспорской династии Спартокидов [подр. см.: Сапрыкин, 1984, с. 152; 2002, с. 234 – 259; 2002а, с. 207 – 223; Яйленко, 1990 б, с. 170; Фролова, 1997, с. 74 – 80] (рис. 87).

До недавнего времени считалось, что после непродолжительного правления супруги Аспурга Гипепии (37/38 – 38/39 гг.) к власти на Боспоре пришел Митридат VIII (39/40 – 41/42 гг.) [Гайдукевич, 1949, с. 326; Голубцова,

Рис. 86. Кутлакская крепость. Фото (1) и реконструкция (2), по С. Б. Ланцову.

1951, с. 128; Фролова, 1976, с. 166 – 174; 1997, с. 80 – 86; Frolova, 2002, р. 70 – 71; Анохин, 1986, с. 96 – 97; 1999, с. 136 – 141; Абрамзон, 1997, с. 182; Сапрыкин, 2002, с. 125 – 155 и др.]. Но Ю. Г. Виноградов на основании ревизии херсонесской надписи в честь гражданина, возглавившего вспомогательный отряд, посланный царю Полемону II и наместнику Мезии, пришел к заклю-

чению, что, после дарования Калигулой боспорского престола, Полемон II в 39 – 40 гг. предпринял военный поход с целью овладеть боспорским царством. Однако, несмотря на участие в этой экспедиции римских и херсонесских войск, победу одержал Митридат VIII, что было ознаменовано выпуском золота с изображением Ники с венком [Виноградов Ю. Г., 1992, с. 130 – 139; 1994, с. 163 – 164; ср.: Сапрыкин, 1993, с. 34 – 42]. Только после этих событий император Клавдий, отменивший все распоряжения своего предшественника, утвердил на Боспоре Митридата, а Полемону II дал в управление область в Киликии [Cass. Dio, LX, 8, 2].

Митридат VIII, утвердившийся на боспорском престоле и получивший подтверждение своих прав от императора Клавдия, в своей политике пытался

Рис. 87. Монеты боспорской царицы Гиппирии, по В. А. Анохину.

проводить относительно независимый от империи курс, опираясь на соседние варварские племена [Тас. Ann., XII, 15 – 19; Cass. Dio, LX, 28, 7]. Но в то же время он хотел сохранить дружеские отношения с империей (рис. 88). С этой целью Митридат VIII послал своего младшего брата Котиса в Рим, где последний должен был по его замыслу укрепить позиции боспорского царя. Но Котис, напротив, выдал Клавдию планы брата и обвинил его в подготовке войны с Римом. В награду за измену Котис был провозглашен царем, и для его поддержки на Боспор были посланы римские войска под командованием Авла Дидия Галла. Это явилось началом римско-боспорского вооруженного конфликта, который потребовал от империи определенного напряжения сил [подр. см.: Гайдукевич, 1949, с. 326 – 328; Блаватский, 1954 а, с. 131 – 132; Цветаева, 1979, с. 16, 34; Шелов, 1981, с. 52 – 53, 61; Фролова, 1986, с. 55 – 58, прим. 20; Зубарь, Шмалько, 1993, с. 225 – 230; Сапрыкин, 2002, с. 247 – 252; Шевченко, 2003, с. 31; Зубарь, 2004, с. 45 – 49].

Рис. 88. Монеты Митридата VIII, по В. А. Анохину.

Благодаря вмешательству римских войск около 45/46 г., Митридат VIII был свергнут с престола, на который силой оружия был посажен его брат Котис I [Тас. Ann., XII, 15 – 21] (рис. 89). Митридат, бежавший к дандариям, не смирился с поражением и после ухода основных римских сил вновь начал борьбу за власть. Но в результате решительных действий боспорских войск, оставшихся верными Котису, и активной деятельности Г. Юлия Аквиллы, командовавшего римским отрядом, он снова был разбит и выдан римлянам царем аорсов Эвноном. Впоследствии Митридат был доставлен в Рим прокуратором провинции Вифиния-Понт Юнием Цилоном, где жил до 68 г. и был казнен за участие в заговоре против императора Гальбы (Тас. Ann., XII, 15 – 21). Этот заключительный этап римско-боспорской войны и выдачу Митридата Тацит относит к 49 г. [Тас. Ann., XII, 21; Зубарь, 1998 а, с. 7 – 36; 2004, с. 46].

Рис. 89. Монетная чеканка царя Котиса I, по В. А. Анохину.

Судя по данным нумизматики, в период правления на Боспоре Котиса I римская администрация ужесточила контроль за Боспорским царством [см.: Фролова, 1997, с. 87 – 103; Панов, 2003, с. 89 – 105]. Однако, видимо, можно согласиться с П. О. Карышковским и В. Ф. Гайдукевичем в том, что, несмотря на временное ограничение власти боспорского царя и более жесткую политику, проводимую Нероном, Боспорское царство все же оставалось союзным Риму государством и являлось самостоятельным политическим целым [Карышковский, 1953, с. 184; Гайдукевич, 1955, с. 130].

Ужесточение контроля за Боспорским царством со стороны Рима, что наиболее ярко прослеживается по нумизматическим данным [Frolova, 2002, р. 74 – 84], объясняется в первую очередь тем, что Котис I был посажен на престол силой римского оружия и, естественно, был вынужден проводить проримскую политику. С воцарением Котиса I к власти на Боспоре пришла боспорско-фракийская группировка, которая, в отличие от Митридата VIII и его окружения, опиралась в своей политике не на варварское население царства, а на жителей боспорских центров, преимущественно греков, и Рим [Масленников, 1990, с. 169]. Весьма показательны, что Котис I всячески старался подчеркнуть свою лояльность Риму, с чем связано появление именно со времени его правления в титулатуре боспорских царей должности архиерея - первосвященника императорского культа [КБН, 44; Блаватский, 1985 б, с. 192; Зубарь, 1995 а, с. 57 – 58].

В период правления Котиса I на Боспоре в римско-боспорских отношениях окончательно сложилась практика, согласно которой новый боспорский царь, утверждавшийся в Риме, получал титул «друг цезаря и друг римлян» и инсигнии, которые символизировали признание за боспорским правителем царского титула [Тас. Ann., IV, 26; XIII, 7; Голубцова, 1951, с. 130]. Одновременно с этим, к наследнику боспорского престола переходило родовое имя Тиберий Юлий, свидетельствовавшее, что он обладал правами римского гражданства и являлся законным продолжателем династии боспорских царей, основателем которой был Аспург.

После смерти Котиса I на престоле его сменил Рескупорид I (68/69 – 91/92 гг.), который, по мнению В. Д. Блаватского, в первой половине своего правления был полностью зависим от Рима [Блаватский, 1976, с. 61; ср.: Зограф, 1951, с. 201]. С этим нельзя не согласиться. Не подлежит сомнению и то, что Рескупорид I был утвержден на боспорском престоле не сразу, а лишь после окончания гражданской войны, когда императором в Риме стал Веспасиан, т. е. не позднее 70 г. [Kienast, 1990, S. 108]. Об этом свидетельствует надпись на постаменте статуи императора, поставленная Рескупоридом. В ней Веспасиан назван «господином всего Боспора», а сам боспорский царь – «другом цезаря и другом римлян» [КБН, 1047], что свидетельствует о статусе боспорского царя как союзника Рима. Причем нумизматический материал позволяет предполагать, что Рескупорид I получил от римской администрации значительно больший объем прав, чем его отец Котис. Это было обусловлено тем, что в это время основные силы империи были задействованы на дунайской границе и в Иудее. Поэтому для проведения своей восточной политики римская администрация нуждалась в союзниках, одним из которых и был Боспор.

В первой половине II в. Боспорское царство продолжало оставаться в русле римской политики. Об этом свидетельствует надпись на постаменте статуи Савромата I (93/94 – 123/124 гг.), поставленная декурионами Синопы в его честь, где царь назван «выдающимся другом императора и римского народа» [КБН, 46]. Примечательно и то, что каждый новый император, вступая на престол, подтверждал права боспорского царя на престол. В царствование Савромата I, которое хронологически совпадало с правлением Домициана, Нервы, Траяна и Адриана, изображение инсигний имелись на монетах, чеканившихся при последних трех [Анохин, 1986, с. 104 – 105; №№ 423 – 438, 458 – 468; 1999, с. 146 – 149; Фролова, 1997, с. 118 – 135] (рис. 90). После смерти Савромата I таким же образом римской администрацией были подтверждены права Котиса II (123/124 – 132/133 гг.) на престол [Анохин, 1986, с. 108 – 109; №№ 482 – 483, 493 – 495; Фролова, 1997, с. 135 – 142].

После активной экспансионистской политики Траяна (98 – 117 гг.) император Адриан (117 – 138 гг.) был вынужден перейти к политике обороны границ территориально разросшейся империи и подступов к ним. В этой связи следу-

Рис. 90. Монеты царя Савромата I с изображением инсигний – знаков царской власти, по В. А. Анохину.

ет рассматривать активизацию вассальных Риму боспорских царей против варварского населения Таврики. Об этом свидетельствуют боспорские надписи времени правления Савромата I и Котиса II, в которых говорится о победах над скифами [КБН, 32, 33; Фролова, 1978, с. 24 – 25; Сапрыкин, 1998, с. 200 – 203]. Вполне возможно, что военные действия боспорских царей хронологически совпадали с активизацией экспансии сарматских племен на территорию Таврики [Сапрыкин, 1998, с. 202]. С продвижением каких-то сарматских племен с востока связан поход Савромата I на азиатской стороне Боспора, который относится к 105 г. [Яйленко, 1990 а, с. 216 – 228; ср.: Фролова, 1978, с. 25; Сапрыкин, 1998, с. 202; Абрамзон, Фролова, Горлов, 2000б, с. 110 – 114]. Если это так, то военные действия боспорских царей против варваров в начале II в., угрожавших не только территории Боспора, но и границам Римской империи, проводились по согласованию с римским военным командованием.

В 131/132 – 132/133 гг. на Боспоре имел место параллельный выпуск монет от имени Котиса II и Ремиталка (131/132 – 153/154 гг.), который не был сыном Котиса II. В. А. Анохин указывал, что в это время был нарушен порядок престолонаследия. Объясняется это тем, что Реметалк и Евпатор были двоюродными братьями бездетного Котиса II. А последний решил передать власть младшему из них, сделав его еще при жизни соправителем, с чем связана их параллельная чеканка [Анохин, 1986, с. 110; 1999, с. 150 – 151; ср.: Фролова, 1972, с. 187 – 188; Фролова, 1997, с. 142 – 145]. Сейчас трудно сказать, как конкретно развивались события, но ряд данных позволяет предполагать, что передача власти Реметалку прошла при сопротивлении определенных кругов боспорской знати, во главе которой, по-видимому, стоял Евпатор. Но, несмотря на это, император Адриан все-таки утвердил на боспорском престоле Реметалка [КБН, 47; Зубарь, 1998 а, с. 37 – 87].

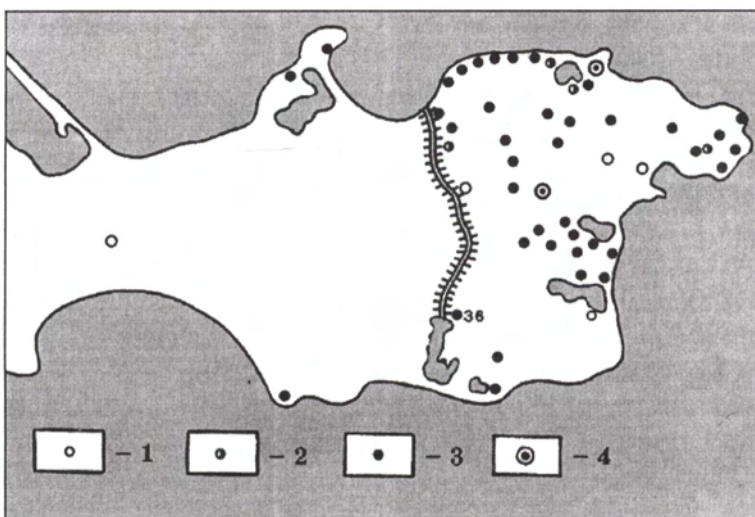
Но Евпатор не смирился с потерей власти и после смерти императора Адриана обратился к Антонину Пию с просьбой утвердить его царем Боспора [SHA, Nadr., 9, 8]. Но Антонин Пий решил дело в пользу Реметалка, а Евпатор занял боспорский престол лишь после его смерти [Гайдукевич, 1962 а, с. 485 – 489; Фролова, 1972, с. 191; 1997, с. 145 – 147; Анохин, 1986, с. 110; 1999, с. 152 – 153]. При этом он стал царем, несмотря на то, что у Реметалка, судя по эпиграфическим

памятникам [КБН, 1134, 1243, 1256], имелся законный наследник. Это позволяет предположить, что по согласованию с римской администрацией он правил царством до совершеннолетия наследника престола, известного под именем Савромата II.

Тиберий Юлий Савромат II пришел к власти на Боспоре в 174/175 г. и длительный период его правления был отмечен активной внешней политикой, направленной на укрепление границ царства и связей с Римской империей [ср.: Зубарь, 2003а, с. 42 – 45]. Судя по первым выпускам его монет с изображением инсигний и курульного кресла [Анохин, 1986, с. 116, 164, №№ 587 - 588, 591; 1999, с. 153 – 158; Фролова, 1997, с. 145 – 153], Савромат II был утвержден на престоле императором Марком Аврелием. Об этом, помимо монет, свидетельствует и постамент статуи императора, где последний назван благодетелем царя и всего царства [КБН, 52].

Ко времени правления Савромата II относятся сведения о Боспорской войне, которая произошла между 186 и 193 гг. В ходе этой войны Савромат II и римское военное командование осуществили в Таврике крупномасштабную военную акцию против варваров, угрожавших античным центрам региона. В результате совместных действий под контроль боспорского царя и римской администрации были взяты обширные районы в Юго-Западном и Восточном Крыму. Согласованность действий, а также участие в них римских и боспорских войск позволяют предполагать, что они были осуществлены в русле глобальной политики Рима времени правления императора Коммода, направленной на стабилизацию положения на границах империи после Маркоманнских войн. Но если на дунайской границе империи был предпринят ряд мер по укреплению лимеса, то в Таврике боспорский царь, херсонесские и римские войска осуществили наступательные действия, которые привели к стабилизации военно-политической обстановки не только в конце II в., но и в начале III в. [подр. см.: Зубар, 1991, с. 118 – 127; 1994, с. 110 – 112; 1998 а, с. 107 – 116; 1999а, с. 92 – 97; 2003б, с. 198 – 203; 2004 а, с. 168 – 171; Сапрыкин, 2005, с. 74].

Именно после этой войны под юрисдикцию царей Боспора на сравнительно продолжительный период времени попал Восточный Крым, о чем свидетельствуют надписи, обнаруженные в Судаке и Старом Крыму [КБН, 953; 954; Саприкин, Баранов, 1995, с. 137– 139]. На основании целого ряда источников И. Т. Кругликова пришла к выводу, что при Савромате II и его непосредственных преемниках восточная граница Боспора проходила где-то в районе Старого Крыма [Кругликова, 1966, с. 10, 11; ср.: Саприкин, Баранов, 1995, с. 138, 139], а С. Г. Колтухов полагает, что в конце II – первой половине III вв. на позднескифских городищах этого района наблюдается определенный подъем [Колтухов, 1991, с. 88]. Не исключено, что такое явление можно связывать с улучшением военной ситуации после побед Савромата II и присоединением к Боспору именно этой части Таврики.

Рис. 91. Сельские поселения Боспора в. I до н. э – III в., по А. А. Масленникову и В. Н. Зинько.

1 – II – III вв.; 2 – I до н. э.; 3 – I до н. э – III в.; 4 – I – III вв.

Но включение этого района в состав Боспорского государства носило чисто номинальный характер. Анализ топографии памятников на сельской территории европейского Боспора показал, что основная масса поселений конца II – начала III вв. располагалась к востоку от Узунларского вала и в районе Феодосии [Масленников, 1992, С. 82 – 83;

1993, с. 22 – 23] (рис. 91). А это в свою очередь позволяет предполагать, что операции боспорских войск против варваров велись вне пределов собственно боспорской территории и представляли собой упреждающий удар, который должен был обезопасить сельскохозяйственную округу от набегов. Наличие надписей с упоминанием боспорских царей в Судаке и Старом Крыму позволяет говорить не только о переносе границы к западу, но и размещении боспорских гарнизонов в указанных пунктах для контроля за территориями, отошедшими к боспорским правителям в Восточном Крыму [Гайдукевич, 1949, с. 338; Саприкин, Баранов, 1995, с. 139].

Говоря о расширении территории, которые контролировались Боспорским царством в западном направлении, следует обратить внимание на почитательную надпись времени правления Савромата II, обнаруженную в 1907 г. у с. Фрунзенское (быв. Партенит) [КБН, 955; Сапрыкин, 1986 а, с. 71]. На месте находки надписи были зафиксированы следы поселения первых веков [Махнева, 1972, с. 150 – 151] и найдены три иудейских надгробия II – III вв. [Хвольсон, 1884, с. 140]. Надпись времени правления Савромата II и особенно иудейские надгробия этого времени, характерные для территории именно Боспорского царства [Даньшин, 1993, с. 59 – 69], позволяют предполагать, что боспорскими правителями контролировалась береговая полоса Южной Таврики, а на территории современного с. Фрунзенское выходцами с Боспора было основано поселение. Не исключено, что этот район был взят под контроль боспорской администрацией в связи с комплексом мер, направленных на борьбу с пиратами в Черном море, о чем сообщает еще одна боспорская

надпись [КБН, 1237]. В этом же районе зафиксированы следы варварского святилища, среди материалов которого обнаружены монеты от времени правления Септимия Севера (193 – 211 гг.) до Диоклетиана (284 – 305 гг.) [Мыц, Жук, Лысенко, Татарцев, Тесленко, 1997, с. 202 – 204].

После смерти Савромата II боспорский престол занял его сын Тиберий Юлий Рескупорид (211/212 – 228/229 гг.), который в наследство от отца получил не только Боспорское царство, но и земли в Восточном Крыму [Анохин, 1986, с. 118; 1999, с. 159 – 160; ср.: Фролова, 1980, с. 17 – 37; 1997 а, с. 3 – 19]. В одной из боспорских надписей он прямо назван царем всего Боспора и окрестных племен [КБН, 54], а во второй – тавро-скифов [КБН, 1008]. Это позволяет заключить, что в царствование этого правителя Боспор существовал в границах, сложившихся еще при Савромате II, и представлял собой значительную силу в Северном Причерноморье. За годы своего правления Рескупорид провел ряд успешных войн против соседних варваров, о чем свидетельствует изображение трофея и пленника на боспорских монетах, отчеканенных в 218 г. [Фролова, 1980, с. 21].

Как и его отец, Рескупорид поддерживал тесные связи с провинцией Вифиния-Понт и покровительствовал развитию торговли с этим районом Римской империи. Именно этим объясняется то, что через своих послов города Амастрия и Пруса в 221 - 223 гг. поставили в честь Рескупорида II статуи [КБН, 54, 55, 953; Гайдукевич, 1949, с. 338]. Но экономическое положение государства в правление этого царя стало постепенно ухудшаться. Об этом свидетельствует увеличение объема чеканки и снижение содержания золота в монетах (Фролова, 1980, с. 26; Анохин, 1986, с. 118), хотя каких-либо катастрофических последствий пока не наблюдалось.

Судя по нумизматическим данным, еще при жизни Рескупорида II его преемником стал сын Котис III (227/228 -233/ 234 гг.) (рис. 92) , который совместно

Рис. 92. Боспорская чеканка Котиса III, по В. А. Анохину.

Рис. 93. Монетная чеканка Инифимей, по В. А. Анохину.

с отцом правил два года [Анохин, 1986, с. 120; 1999, с. 160 – 161; ср.: Фролова, 1980, с. 17; 1997а, с. 20 – 25]. Сейчас трудно сказать, с чем это связано. Однако вся последующая династическая история Боспора свидетельствует, что институт соправительства с этого времени становится обычной практикой. Скорее всего, это объясняется наличием в это время нескольких претендентов на боспорский престол и для того, чтобы не дестабилизировать ситуацию еще при жизни правящего царя определялся его преемник. Как убедительно показала Н. А. Фролова, монеты соправителей чеканились на одном монетном дворе, что предполагает добровольный раздел власти между ними [Фролова, 1973, с. 54; 1973 а, с. 37 – 38]. Причем не исключено, что старший соправитель правил в Пантикапее, а младший – в азиатской части царства [ср.: Зограф, 1951, с. 208]. Вместе с этим не вызывает сомнений и то, что такое положение свидетельствует об ослаблении в первой половине III в. царской власти, чем и было вызвано к жизни такое явление, как соправительство.

В дальнейшем соправителем Котиса III стал Савромат III (229/230 – 231/232 гг.), Рескупорида III (233/234 – 234/235 гг.) – Инифимей (234/235 – 238/239 гг.) (рис. 93), а у Рескупорида IV (242/243 – 276/277 гг.) было три последовательно

сменявшихся соправителя. Он правил совместно с Фарсанзом (253/254 – 254/255 гг.), Савроматом IV (275/276 г.) и Тейраном (275/276 – 278/279 гг.) [Фролова, 1980 а, с. 58 – 76; 1997 а, 25 – 40; Анохин, 1986, с. 122 – 126; 1999, с. 162 – 164]. Имеющиеся источники не всегда позволяют проследить родство боспорских царей со своими предшественниками. Но если Рескупорид IV в двух надписях назван происходящим от предков-царей (КБН, 59, 60), то родственные отношения в правящей династии Савромата III, Рескупорида III и Инифимея пока неясны (рис. 94). Однако наличие в титулатуре Рескупорида III и Инифимея родового имени Тиберий Юлий [КБН, 1249, 1250, 1285], обычного для боспорских царей более раннего периода, позволяет говорить, что они были представителями правящей династии, хотя и не обязательно прямыми наследниками [Анохин, 1986, с. 121; ср.: Яценко, 1997, с. 154]. Вероятно, после смерти Котиса III (233/234 г.) и вплоть до начала правления Рескупорида III (242/243 г.) по неизвестным причинам практика перехода царской власти от отца к сыну была нарушена, и в течение девяти лет боспорский престол занимали представители боковых ветвей правящей династии. Косвенно в пользу сказанного свидетельствует имя царя Инифимея, необычное для представителей боспорского правящего дома.

Несмотря на скудную источниковую базу, все же можно говорить, что в первой половине III в. почти все цари, находившиеся на боспорском престоле, проводили проримскую политику. Об этом свидетельствует не только родовое имя Тибериев Юлиев, но и то, что Котис III, Рескупорид III, Инифимей и Рескупорид IV именовались в эпитафических памятниках «друзьями цезаря и друзьями римлян» [КБН, 1230, 1247, 1249, 1250, 1283, 1285, 1288] и помещали изображения правящих императоров на реверсах своих монет. В этом отношении показательно, что, по крайней мере, вплоть до 249 г. боспорские правители не были враждебны империи. Именно этим годом датируется установка статуи римского всадника Аврелия Родона, сына Лолея, который был известен Августам, и выполнял на Боспоре обязанности наместника царской резиденции, а также являлся хилиархом [КБН, 58]. Аврелий Родон был крупным боспорским чиновником, входившим в ближайшее окружение царя, а это уже само по себе свидетельствует, что Рескупорид IV был лояльно настроен по отношению к империи. В противном случае вряд ли его статуя была бы поставлена в 250 г. благочестивым Юлием Телесином «из храмоблустительной Гераклеи на Понте» [КБН, 59]. Вероятно, римская администрация оказывала Боспору определенную помощь специалистами, о чем можно говорить на основании упоминания в надписи из Танаиса време-

Рис. 94. Монеты царя Рескупорида III, по В. А. Анохину.

ни правления Ининфимея архитектора Аврелия Антонина, который восстановил ворота [КБН, 1252].⁵⁶

Результаты археологических исследований свидетельствуют, что в 30-х гг. III в. юго-восточная граница Боспорского царства подверглась вторжению извне (рис. 95). При раскопках Горгииппии прослежены следы пожаров и разрушений. На основании комплексного анализа источников исследователи относят гибель этого центра ко времени после 239 г. [Кругликова, 1966, с. 12, 40; 1982, с. 117 – 149; Кругликова, Фролова, 1980, с. 104; Алексеева, 1982, с. 2 – 116; 1988, с. 83; 1997, с. 75 – 76, 115; 2003, с. 23 – 26; Трейстер, 1982, с. 150 – 162].⁵⁷ Характер строительных остатков, которые могут быть отнесены к более позднему времени, свидетельствует о том, что жизнь после разгрома на месте Горгииппии возродилась в более позднее время, но в сравнительно меньших масштабах [Кругликова, 1966, с. 6; Алексеева, 1988, с. 83 – 84; 1997, с. 114; Фролова, 1997, с. 149]. С вторжением варваров И. Т. Кругликова связывает новую волну сокрытия кладов, самые поздние монеты из которых датируются 30-ми гг. III в. [1966, с. 187].

Но в это время не все античные центры азиатского Боспора пострадали. Например, при раскопках Кеп следов пожаров и разрушений, которые можно было бы связывать с событиями 30-х гг. III в., не отмечено [Кругликова, 1966, с. 43]. Города и поселения европейского Боспора также вплоть до начала 70-х гг. III в. существовали без каких-либо серьезных потрясений [Кругликова, 1966, с. 14, 57]. Таким образом, можно заключить, что в 30-х гг. III в.

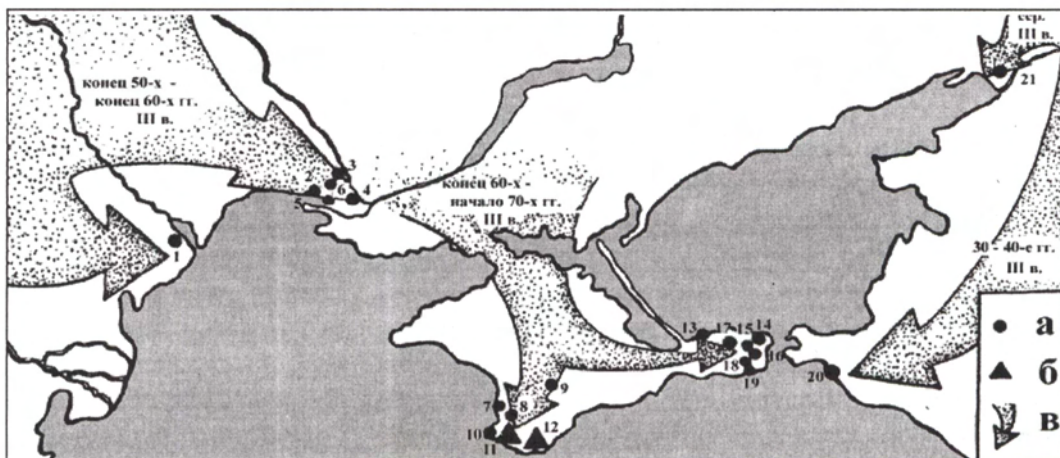

Рис. 95. Направления походов варваров в Северное Причерноморье в III в. н. э.

а – города и поселения; б – могильники с трупосожжением; в – направления походов варваров.

1 – Тира; 2 – Ольвия и городища округи; 7 – Усть-Альминское городище; 8 – городище Алла-Кермен; 9 – Неаполь Скифский; 10 – Херсонес; 11 – Инкерманская долина; 12 – Харакс; 13 – 19 – города и поселения Боспора; 20 – Горгииппия; 21 – Танаис.

⁵⁶ О высших воинских должностях Боспора этого времени см.: Сидоренко, 2001, с. 137 – 145.

⁵⁷ Показательно, что в Горгииппии совершенно отсутствуют монеты боспорского царя Фарсана (253/254 – 254/255 гг.) [Фролова, 1997, с. 148].

лишь Горгиппия подверглась нашествию варваров. Другие же районы Боспорского государства, за исключением Танаиса, не пострадали.

И. Т. Кругликова полагала, что разгром Горгиппии и изменение ситуации на юго-восточных границах Боспора следует связывать с установлением гегемонии аланов в степях Приазовья и Северного Кавказа [1966, с. 6, 13; ср.: Болгов, 1996 а, с. 27]. Однако возможен и иной путь решения вопроса о том, кем были варвары, разгромившие Горгиппию. Из сообщения Иордана известно, что в 30-х – 40-х гг. III в. готы, двигавшиеся с севера Европы, разделились на западных и восточных, которые и пришли в район Меотиды [Буданова, 1990, с. 77; ср.: Храпунов, 2003, с. 346]. Повествуя о расселении готов, Иордан пишет, что третье место расселения готов было «на Понтийском море с другой стороны Скифии» [Ior. Get., № 38; Буданова, 1982, с. 156]. Исходя из этого, можно предположить, что готы обитали не только на северном берегу Меотиды, но и где-то на юго-восточной границе Боспора, примыкавшей к Черному морю. Поэтому Горгиппия первой среди боспорских городов могла подвергнуться нашествию коалиции варварских народов, во главе которых стояло одно из германских племен, пришедших с севера [ср.: Яценко, 1997, с. 157]. Об этом в какой-то степени свидетельствует обнаруженный в 1987 г. при раскопках этого центра клад, который включал не только боспорские монеты, но и монеты Херсонеса и Тиры. Его мог спрятать на территории разрушенной Горгиппии один из пришедших сюда с запада варваров [Фролова, 1993, с. 87 – 90; 1996, с. 44 – 72; 1997б, с. 149].

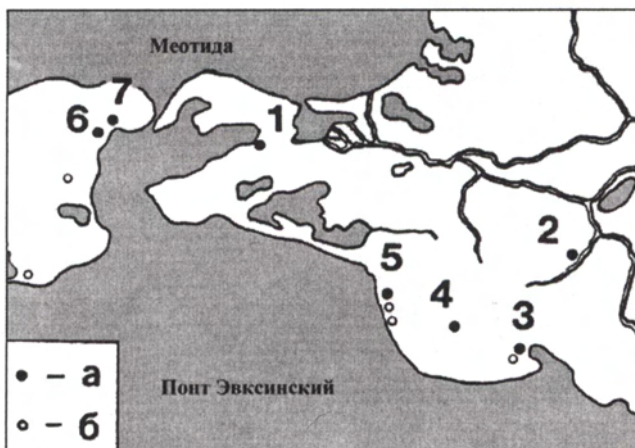
В этом отношении показательны находки варварских подражаний римским денариям, самые ранние из которых датируются серединой III в. [Казаманова, Кропоткин, 1961, с. 133]. Сейчас установлено, что эти монеты принадлежали не местному населению, а племенам, пришедшим на Боспор с запада, так как их основной ареал совпадает с территорией распространения черняховской культуры [Казаманова, Кропоткин, 1961, с. 133, табл. V; ср.: Яценко, 1997, с. 156]. Помимо районов, занятых носителями черняховской культуры, варварские подражания обнаружены на сравнительно ограниченной территории азиатской части Боспора, в Пантикапее, Тиритаке и на Северном Кавказе [Казаманова, Кропоткин, 1961, с. 129, табл. III; Анисимов, 1992, с. 339; ср.: Малашев, 1994, с. 52; Болгов, 1996 а, с. 42 – 43] (рис. 96). Причем следует подчеркнуть, что такие монеты обнаружены именно в районе Горгиппии [Онайко, 1967, с. 52 – 53; Салов, 1975, с. 172 – 175], где они, судя по совместной находке с боспорскими монетами в кладах, находились в обращении наряду с последними [см.: Нестеренко, 1981, с. 87].

Все сказанное с известной долей риска позволяет предполагать, что в 30-х гг. III в. часть готов достигла Кубани и разгромила Горгиппию. Концентрация в этом районе варварских подражаний римским денариям свидетельствует, что пришельцы разрушили не только ранее цветущий город, но и осели здесь на

сравнительно продолжительный отрезок времени.⁵⁸ Косвенно в пользу такого заключения свидетельствуют и клады с монетами более позднего времени, обнаруженные на территории Горгииппии [Нестеренко, 1981, с. 87; Фролова, 1997б, с. 149], а также некоторые археологические материалы [см.: Болгов, 1996 а, с. 60].⁵⁹ Греческое население в ходе этого нашествия, вероятно, было частично уничтожено, а частично переселилось в Пантикапей и район Феодосии, о чем можно судить по результатам анализа просопографического материала [Даньшин, 1990, с. 56]. Конечно, этот вывод нуждается в дополнительной аргументации и должен быть подкреплён бесспорным археологическим материалом.

Но, учитывая хорошо известный факт, что готы, двигаясь на юг, под воздействием других народов постепенно теряли присущие им этнографические черты, выделение собственно германских памятников на археологическом материале сопряжено с определенными трудностями [Щукин, 1977, с. 83 – 84, 88 – 89; ср.: Nachmann, 1970, S. 279]. Во всяком случае, до появления нового материала высказанные соображения нельзя игнорировать [Зубарь, 1998 а, с. 136 – 138].

Ранее считалось, что Танаис был разрушен варварами между 244 г. и концом 40-х гг. III в. [Кругликова, 1965, с. 6; 1966, с. 40; Шелов, 1972, с. 300 – 302; Блаватский, 1985 в, с. 245]. Д. Б. Шелов полагал, что в этих событиях главную роль сыграли герулы, которых он считал одним из сарматских племен Приазовья, двигавшихся с востока на запад [1972, с. 304]. Но находки статеров Рескупорида IV

Рис. 96. Клады и отдельные находки варварских подражаний римским денариям, по Л. П. Казамановой, В. В. Кропоткину, Н. А. Онайко, Н. Д. Нестеренко, А. И. Салову и А. И. Анисимову.

а – отдельные монеты; *б* – клады;

1 – Фанагория; *2* – ст. Крымская; *3* – Новороссийск; *4* – ст. Раевская; *5* – р.-н. Горгииппии; *6* – Тиритака; *7* – Пантикапей.

⁵⁸ Трудно согласиться с В. Ю. Малашевым в том, что «варварские» подражания римским денариям являлись собственной чеканкой населения Центрального Предкавказья [1994, с. 50; ср.: Яценко, 1997, с. 156]. Подавляющее количество находок таких монет зафиксировано в пределах Боспорского царства, а две находки в Центральном Предкавказье, на что указывает В. Ю. Малашев, могут быть легко объяснены, если учесть, что в середине III в. и начале IV вв. варвары совершали походы вдоль Восточного побережья Черного моря и в страну лазов, когда монеты и могли попасть к населению этого района.

⁵⁹ Вполне возможно, что варвары обосновались на территории Раевского городища, где найдены две серебряные монеты – варварские подражания, но вследствие плохой сохранности верхних слоев этого памятника, об этом можно говорить лишь предположительно [см.: Онайко, 1965, с. 129].

Рис. 97. Монеты Фарсанза, по В. А. Анохину.

в слое пожара позволили отнести разгром этого центра ко времени не ранее 251 – 254 гг. [Анисимов, 1987, с. 86 - 88; 1989, с. 128 – 130; Яценко, 1997, с. 157; ср.: Анохин, 1999, с. 165]. Видимо, как и несколько ранее из Горгииппии, часть населения Танаиса после этих событий переселилась на европейскую территорию Боспора [Даньшин, 1990, с. 55 – 56].

Новая датировка разгрома Танаиса позволяет связать это событие с появлением на боспорском престоле Фарсанза, который чеканил свою монету в 253 и 254 гг. [Анохин, 1986, с. 171, №№ 723, 724; 1999, с. 166; Фролова, 1997а, с. 52 – 66] (рис. 97). Сейчас трудно с уверенностью сказать, чем объясняется одновременная чеканка монет от имени Рескупорида IV и Фарсанза [Анохин, 1986, с. 123].

Но наличие пяти кладов монет на территории как европейского, так и азиатского Боспора, самые поздние монеты в которых датируются 251 – 254 гг. [Анисимов, 1989, с. 130], позволяет предполагать определенную дестабилизацию военно-политической обстановки на территории царства. Поэтому, вероятно, можно предположить, что Рескупорид IV под нажимом уступил власть над частью Боспорского царства Фарсанзу [Блаватский, 1964, с. 206; ср.: Кругликова, 1965, с. 8], который начал бить свою монету на том же монетном дворе, что и законный боспорский правитель. Во всяком случае, типология, метрология и металлографическое единство статов Рескупорида IV и Фарсанза свидетельствуют именно об этом [Фролова, 1980 а, с. 67]. Учитывая следы разрушений в Горгииппии и Танаисе, можно предполагать, что Фарсанз утвердился не в европейской части Боспора, как думал В. Д. Блаватский, а в его азиатской части. Вполне возможно, что именно после разгрома Танаиса, что было своеобразной демонстрацией силы, Рескупориду IV и пришлось пойти на признание власти Фарсанза, а также чеканку его монет на монетном дворе Пантикапея.

Недолгий период чеканки монет Фарсанза говорит в пользу того, что его соправительство с Рескупоридом было всего лишь эпизодом, и последний при первой же возможности прекратил чеканку монет Фарсанза. Не исключено, что это произошло в связи с первым походом готов вдоль восточного побережья Черного моря 255 (256) г. [Блаватский, 1964, с. 206; Хайрединова, 1994 – 1995, с. 517 – 519; Болгов, 1996 а, с. 30 – 31; Яценко, 1997, с. 158 – 159; Анохин, 1999, 165] (рис. 98), в результате которого Фарсанз утратил свою власть, хотя настаивать на этом сейчас вряд ли можно.

Единственным источником по этому походу является сообщение Зосима о том, что варвары, взяв у боспорян суда, направились к Питиунту и, разграбив его, вернулись обратно [Zosim., I, 31 – 35]. Зосим не указывает, откуда был начат этот поход. Поэтому, скорее всего, участие в нем могли принять готы и другие

варвары, осевшие на азиатской стороне Боспора, которой, вероятно, управлял Фарсанз. Само направление этого похода, как, впрочем, и следующего, 257 г. (рис. 98), показывает, что участвовавшие в нем варвары были хорошо осведомлены о размерах добычи, которую можно было получить при захвате таких городов, как Пителиунт, Фазис и Трапезунт. А это в свою очередь может служить косвенным аргументом в пользу того, что в указанных походах основную роль играли именно варвары, в 30-х гг. III в. разгромившие Горгиппию и осевшие в юго-восточных пределах Боспорского царства [Зубар, 1998 г, с. 148 – 150].

На основании имеющихся источников можно констатировать, что вплоть до середины III в. Боспор оставался в орбите Римской империи, а его цари проводили в целом проримскую политику. Только в середине III в., когда царь Рескупорид IV уступил власть над частью царства Фарсанзу, вследствие варварских походов с территории Боспора, дружественные отношения царства с Римом, сложившиеся в предшествующий период, были нарушены. В конечном итоге это привело к изменению политики римской администрации по отношению к Боспорскому государству [Зубарь, 1998 а, с. 139 – 141].

Землевладение и землепользование. Как уже говорилось, с середины I в. до н. э. начинается новый этап в истории Боспорского царства, который рядом весьма существенных черт отличался от эллинистического периода. Для него характерным является уменьшение общего количества поселений на сельскохозяйственных территориях царства в Восточном Крыму. По данным И. Т. Кругликовой, из 276 известных ей памятников к первым векам нашей эры относится только 76 [Кругликова, 1975, с. 103]. Они концентрировались в трех основных

Рис. 98. Варварские походы с территории Боспора в Северо-Восточное Причерноморье, по В. П. Будановой.

1 – 255 (256) гг.; 2 – 257 г.; 3 – 275 г.; 4 – предполагаемый район концентрации варваров перед походом.

районах: к востоку от Узунларского вала, на м. Казантип, который со стороны Керченского полуострова был защищен валом и рвом [Масленников, 1983, с. 16, рис. 1, IV], а также к востоку и северу от Феодосии [Кругликова, 1984, с. 75, карта; Масленников, 1998 а, с. 100 – 175, рис. 68]. Судя по некоторым особенностям погребального обряда, в окрестностях Феодосии вплоть до II в. сохранилась какая-то этническая группа населения, жившая здесь до бурных событий митридатского времени. Это позволило Е. А. Катюшину предположить, что хора Феодосии по неясным пока причинам дольше сохранила свой традиционный облик [Катюшин, 1996, с. 28].

Для европейского Боспора с середины I в. до н. э. наиболее характерными, становятся поселенческие структуры, представленные памятниками двух типов [Масленников, 1992, с. 82]. Это отдельно стоящие башни или форты, которые сконцентрированы в непосредственной близости от Узунларского вала, и хорошо укрепленные поселения с компактной застройкой нескольких видов [Масленников, 1989, с. 74 – 76; 1992, с. 82 – 83; Зубарев, 1997, с. 40; Винокуров, 1998, с. 57].

Страбон в своем труде сообщает, что боспорский царь Асандр укрепил европейские границы своего государства оборонительной стеной с башнями [Strabo, VII, 4, 6]. Результаты разведок и раскопок, проведенных на Узунларском валу, позволяют заключить, что это долговременное сооружение, построенное значительно раньше [Сокольский, 1957, с. 92 – 93; Мосейчук, 1983, с. 74 – 77; Шелов-Коведяев, 1985, с. 117], во второй половине I в. до н. э. было усилено

системой башен, которые располагались через каждые 10 стадий [Блаватский, 1954 а, с. 155; Масленников, 1983, с. 16; 1990, с. 71; 1994, с. 183; 1988 б, с. 117 – 120; 1998 а, с. 224 – 230; 2003, с. 36 – 113; ср.: Вдовиченко, Колтухов, 1986, с. 154 – 155] (рис. 99). Следовательно, сообщение Страбона есть все основания связывать именно с

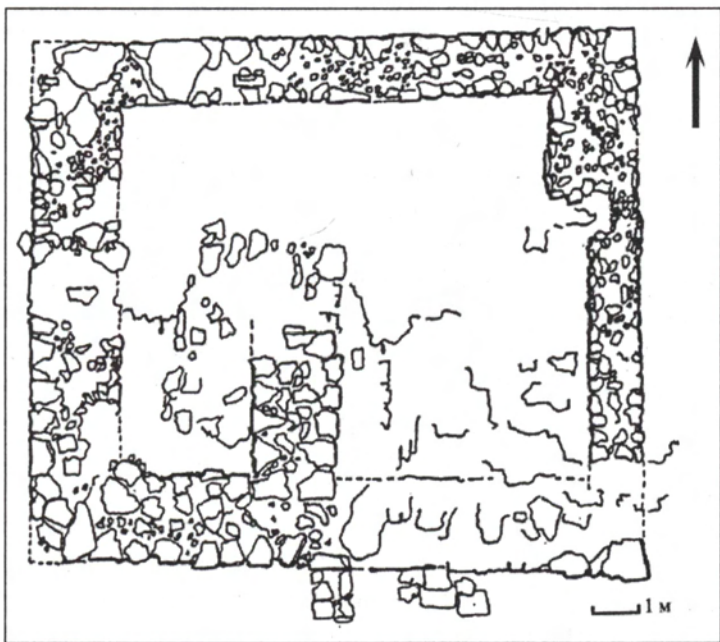

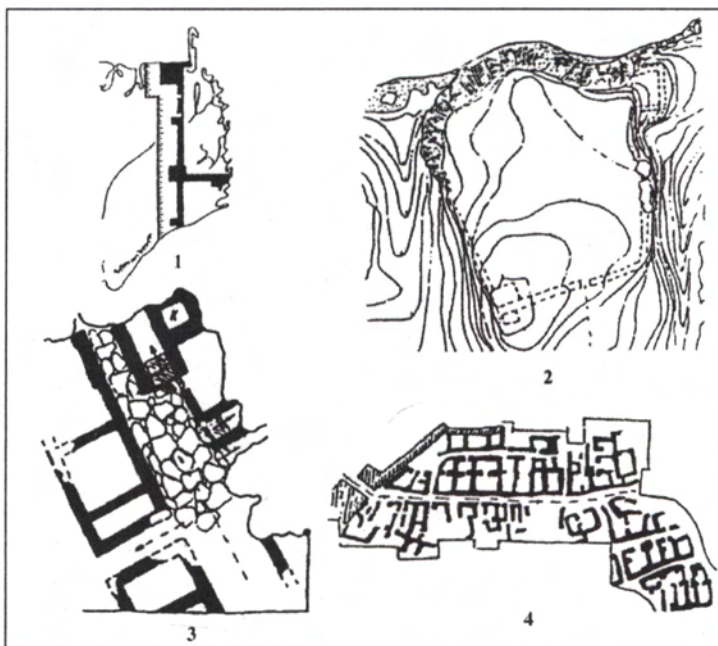
Рис. 99. План башни, раскопанной на Узунларском валу, по А. А. Масленникову.

Рис. 100. Планы поселений с компактной застройкой, по С. Ю. Сапрыкину.

1 – Опук; 2 – Куль – Тепе; 3 – Саланчак; 4 – Семеновка.

Узунларским валом [ср.: Масленников, 1998 а, с. 224 – 230].

Помимо системы башен или, как считает А. А. Масленников, фортов, в непосредственной близости от вала, и особенно в Крымском Приазовье, в середине I в. до н. э. существуют укрепленные поселения с компактной застройкой

[Масленников, 1992, с. 72 – 74; 1998 а, с. 100 – 175; Винокуров, 1998, с. 57]. Как правило, такие поселения были хорошо укреплены, а некоторые имели цитадели [Масленников, 1989, с. 74]. Они возникают на Боспоре еще в конце III в. до н. э., но окончательно формируются на рубеже I в. до н. э. – I в. н. э. [Масленников, 1992, с. 82] (рис. 100). Несмотря на то, что некоторые башни и поселения в силу различных обстоятельств бурной боспорской истории периодически разрушались и гибли [Масленников, 1994, с. 183], в своей основе эта система поселенческих структур просуществовала на территории европейского Боспора вплоть до середины – третьей четверти III в. [Кругликова, 1975, с. 159; Масленников, 1992, с. 83; 1993, с. 23; 1997, с. 46; 1998 а, с. 262]. А. А. Масленников не без оснований полагает, что эти городища можно рассматривать в качестве местожительства военных поселенцев, на которых боспорскими правителями была возложена охрана границ Боспорского государства [Масленников, 1992, с. 82; 1997, с. 46; 1998 а, с. 260 – 262].

Концентрация укреплений отмечена исследователями и в окрестностях Нимфея. Роль укрепленного пункта здесь играло поселение Чурубашский маяк-3, которое с запада прикрывало освоенные сельскохозяйственные территории. С рубежа и в первые века жизнь возрождается на поселениях Героевка, Тобечик-1, Чурубашское, а также осваиваются территории к юго-западу от Чурубашского озера [Зинько, 1996, с. 17; 2003, с.185 – 190]. Здесь, вблизи небольшого сельского поселения Ивановка эллинистического периода, возводится мощная крепость Илурат (рис. 101). Политическое развитие Боспора, а также система военных поселений, основанных боспорскими правителями в Восточном Крыму,

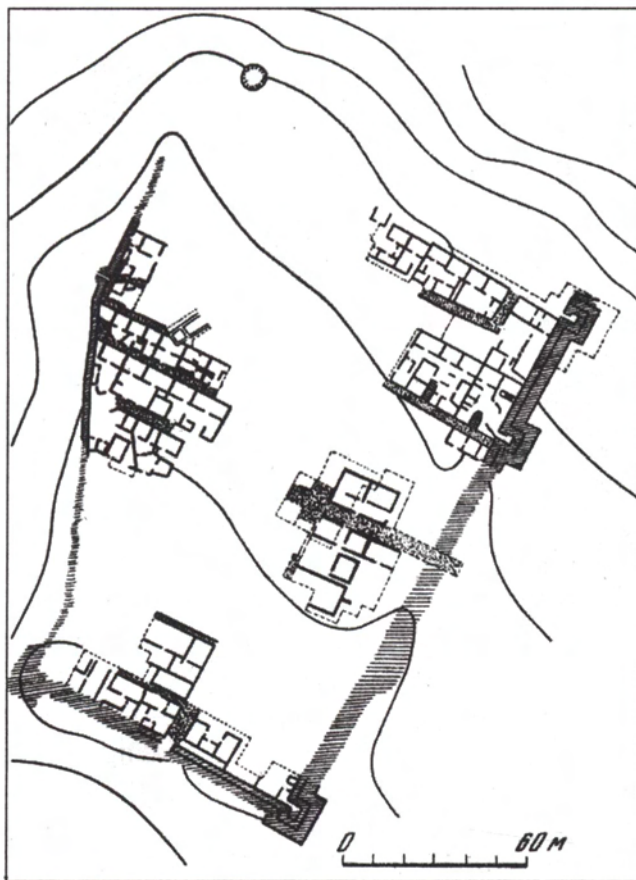
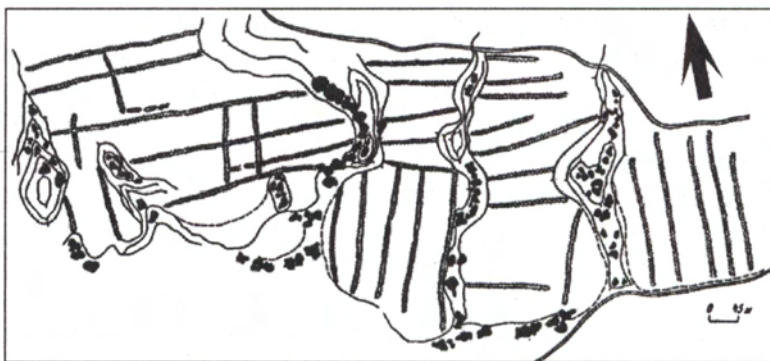

Рис. 101. План боспорской крепости Илурад, по И. Г. Шургая.

не позволяет рассматривать этот новый укрепленный район к юго-западу от Чурубашского озера в качестве земельных владений, принадлежавших гражданской общине Нимфея. Скорее напротив, характер поселенческих структур, зафиксированных в этом районе Боспора, с большей уверенностью позволяет говорить о том, что здесь, как и в Крымском Приазовье, была расселена какая-то группа военных поселенцев, и, следовательно, эти земли находились под юрисдикцией боспорского царя [ср.: Масленников, 1997, с. 46]. Центром этого района, вероятно, была крепость Илурад, возведенная в I в. н. э. [Гайдукевич, 1958 а, с. 140; Шургая, 1984, с. 70].

Военные поселенцы, набравшиеся из среды эллинизованного варварского населения, очевидно, не имели гражданского статуса [Масленников, 1981, с. 74; Сапрыкин, 1985, с. 73]. Как и в других районах античного мира, они получали от царя в свое владение небольшие наделы и, судя по археологическому материалу, занимались, помимо сельскохозяйственной, промысловой и ремесленной деятельностью [Сапрыкин, 1985, с. 71]. Размеры наделов, которые археологически зафиксированы в Крымском Приазовье (рис. 102), в настоящее время с уверенностью позволяют говорить, что они были небольшими, и, следовательно, военных поселенцев на территории европейского Боспора необходимо рассматривать в качестве мелких держателей царской земли [Масленников, 1997, с. 46]. Естественно, размеры участков военных поселенцев, площадь которых в среднем составляла около 3 га [Масленников, Безрученко, 1991, с. 38; Масленников, 1992, с. 82; Безрученко, Усачева, 1996, с. 96 – 97; ср. Винокуров, 1998, с. 59 – 61], не позволяют предполагать, что для их обрабатывали какие-либо социально зависимые слои населения или рабы. Они использовались для посевов в основном зерновых и обрабатывались самими военными поселенцами и членами их семей [Масленников, Безрученко, 1991, с. 42; Безрученко, Усачева, 1996, с. 97 – 99;

Рис. 102. Размежевка земли в Крымском Приазовье, по А. А. Масленникову и И. М. Безрученко.

Зубарев, 1997, с. 40].
Причем материалы археологических исследований со всей очевидностью свидетельству-

ет о невысоком и приблизительно равном социальном статусе основной массы жителей таких поселений [Кругликова, 1970, с. 80; Масленников, Безрученко, 1991, с. 44; Зубарев, 1997, с. 40].

Следовательно, можно заключить, что одной из основных категорий населения на территории европейского Боспора были военные поселенцы, которые, кроме чисто военных функций, занимались разносторонней хозяйственной деятельностью [Гайдукевич, 1958 а, с. 141 – 142; Кругликова, 1975, с. 160; Масленников, Безрученко, 1991, с. 42; Зубарев, 1997, с. 40; Ланцов, 1997 а, с. 189; Винокуров, 1998, с. 57]. Об этом, в частности, свидетельствует чрезвычайно развитая жилищно-хозяйственная функция домов, открытых на поселениях этого типа [Крыжицкий, 1982, с. 105 – 106].

Население европейского Боспора, жившее на указанных поселениях, располагавшихся на царской земле, не только целиком зависело от правящей верхушки боспорского государства, но и являлось его военной опорой на западных границах государства. Именно это население, расселенное к востоку от Узунларского вала, должно было защищать наиболее густонаселенную и экономически развитую часть царства [ср.: Зубарев, 1997, с. 40; Масленников, 1997, с. 46; Винокуров, 1998, с. 57].

Таким образом, сейчас более или менее уверенно можно говорить, что во второй половине I в. до н. э. на западной границе Боспорского царства начала складываться достаточно сложная система сторожевых башен и приграничных укрепленных поселений, основную массу населения которых составляли военные поселенцы – эллинизованные выходцы из среды варварского окружения, посаженные на землю боспорскими царями [Гайдукевич, 1958 а, с. 142; Сапрыкин, 1985, с. 72 – 73; Сапрыкин, 1997, с. 199 – 201; Масленников, 1990, с. 83, 97; 1992, с. 82 – 83; 1993, с. 22 – 23; 1997, с. 46; 1998 а, с. 260 – 262; Зубарев, 1997, с. 40].

Сейчас трудно сказать, когда было положено начало созданию здесь системы укрепленных пунктов, так как археологический материал не дает точных хронологических привязок, а письменные и эпиграфические источники по этому вопросу отсутствуют. Однако тот исключительно важный факт, что уже в I в. до н. э. на Боспоре фиксируются поселения и городища всех тех типов,

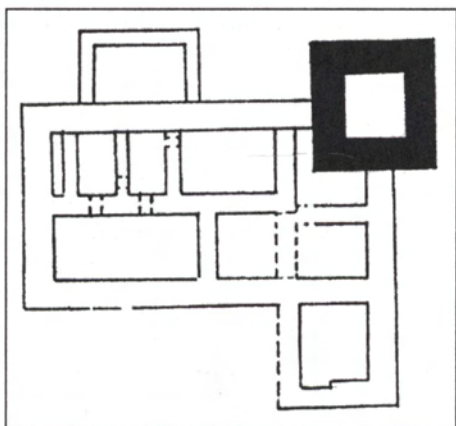

которые существовали на сельской территории и в последующие столетия [Сапрыкин, 1996, с. 272 – 273], видимо, свидетельствует о том, что военно-хозяйственные поселения (катоикии), где жили военные поселенцы (катоики), начали создаваться еще в период подчинения Боспора Митридату VI Евпатору [Масленников, 1997, с. 46; Сапрыкин, 1997, с. 199 – 201; Saprykin, 2000 – 2001, p. 98 – 99]. О справедливости такого заключения косвенно свидетельствуют элементы аналогичной системы городищ и укрепленных пунктов, археологически прослеженной на территории азиатского Боспора митридатовского времени [Сапрыкин, 1985, с. 73; 1996, с. 274, 276; ср.: Савостина, 1987, с. 58 – 61; Онайко, 1959, с. 103; Онайко, Дмитриев, 1982, с. 106 – 119]. С. Ю. Сапрыкин полагает, что строительство крепостей-катоикий Митридатом VI Евпатором особенно активно началось после его отхода от филэллинской политики в 80 гг. до н. э. [Сапрыкин, 1996, с. 278] (рис. 75).

Вместе с этим, исходя из сообщения Страбона о том, что на территории европейского Боспора царь Асандр построил стену, укрепленную башнями, можно заключить, что создание системы защиты границ государства с запада, в которую был включен и Узунларский вал, завершилось в период правления именно этого царя, где-то между 50/49 и 22/21 гг. до н. э. [ср.: Масленников, 1994, с. 183]. Впоследствии эта система укреплялась и дополнялась новыми опорными пунктами. Об этом в частности свидетельствует возведение в первой половине – середине I в., вероятно, в правление боспорского царя Аспурга (14/15 – 37/38 гг.), хорошо укрепленной крепости Илурат [Гайдукевич, 1958 а, с. 140; Шургая, 1984, с. 70; Сапрыкин, 2002, с. 177 – 202].

Система защиты западной границы Боспорского царства, которая окончательно сложилась во второй половине I в. до н. э., достаточно близка укреплениям Рецийского и Германского лимесов [Масленников, 1998 а, с. 230, 236; 1999, с. 54]. Остатки прямоугольных построек, зафиксированных на Узунларском валу и в непосредственной близости от него, на основании аналогий можно атрибутировать в качестве сторожевых башен (Wachttürm), вероятно, построенных из камня. Как правило, на римских лимесах такие башни строились в высоких местах на расстоянии от 300 до 1000 м. друг от друга и были соединены первоначально земляным валом, а позднее – каменной стеной [Baatz, 1965, S. 35 – 42; 1976, S. 35 – 45].

По мнению В. Д. Блаватского, на Узунларском валу расстояние между такими башнями было 10 стадий или чуть больше полутора километров [Блаватский, 1954 а, с. 155; Масленников, 1990, с. 71], хотя в центральной части вала они строились через каждые 100 – 300 м [Масленников, 1994, с. 183; 1998 а, с. 224 – 230; 2003, с. 36 – 117] (ср.: рис. 76). Основная задача гарнизонов таких сторожевых башен на римских лимесах состояла в своевременном оповещении световыми или дымовыми сигналами о приближении основных сил противника, которые дислоцировались в более крупных лагерях на определенном удалении от линии границы. После получения сигнала римские войска

Рис. 103. Укрепленная усадьба I в. до н. э. – I в. н. э. у с. Ново-Отрадное, по С. Ю. Сапрыкину.

двигались навстречу противнику и вступали с ним в бой [Baatz, 1975, S. 43 – 47, Abb. 27].

Аналогичная система, судя по топографии поселенческих структур, существовала и на территории европейского Боспора. Причем если сторожевые башни и небольшие опорные пункты располагались непосредственно на границе государства, которая проходила в это время по линии Узунларского вала, то основные контингенты боспорских войск, состоявших в основном из военных поселенцев, концентрировались в «узловых» укрепленных пунктах, среди которых в первую очередь следует указать Генеральское-восточное, Илурат, Савроматий [Масленников, 1993, с. 22 – 23; ср.: Сапрыкин, 1985, с. 72 – 73].

Но, проводя параллель между системой укреплений в Восточном Крыму и римскими лимесами, естественно, нельзя ставить между ними знак равенства и предполагать, что при создании пограничных укреплений на территории Боспорского царства использовались типично римские приемы защиты территории государства [ср.: Цветаева, 1979, с. 47 – 48]. В отличие от Херсонеса, где в середине II в. на границах сельскохозяйственной территории по римскому образцу и с помощью римских войск была возведена система сторожевых башен и кастелей [Зубар, 1997 а, с. 165 – 174], в Восточном Крыму аналогичная система начала складываться еще в период правления Митридата VI Евпатора, что не позволяет связывать ее строительство с влиянием исключительно римского фортификационного искусства [ср.: Масленников, 1998 а, с. 261]. Напротив, определенное сходство в организации защиты границ Боспорского царства и Римской империи позволяет заключить, что при создании лимесов римлянами был творчески использован опыт, накопленный античным фортификационным искусством предшествующего времени, что в конечном итоге и позволило создать на границах собственно Римского государства столь совершенную оборонительную линию, которая вошла в историю под названием «лимес».

В свое время И. Т. Кругликова полагала, что, кроме рассмотренных поселенческих структур, на археологическом материале можно выделить, как тип, укрепленные усадьбы, к которым в ряде случаев примыкали поселения. К ним исследовательница отнесла строительные остатки, исследованные у сс. Ново-Отрадное, Либкнехтовка, Михайловка, Темир-гора, Октябрьское и др. [Кругликова, 1975, с. 113 – 126; 1984, с. 76 – 77; 1988, с. 151 – 159] (рис. 103). А. А. Масленников, исходя из типологической близости, отнес эти памятники к типу укрепленных домов башенного типа, оставив в стороне их функциональное назначение

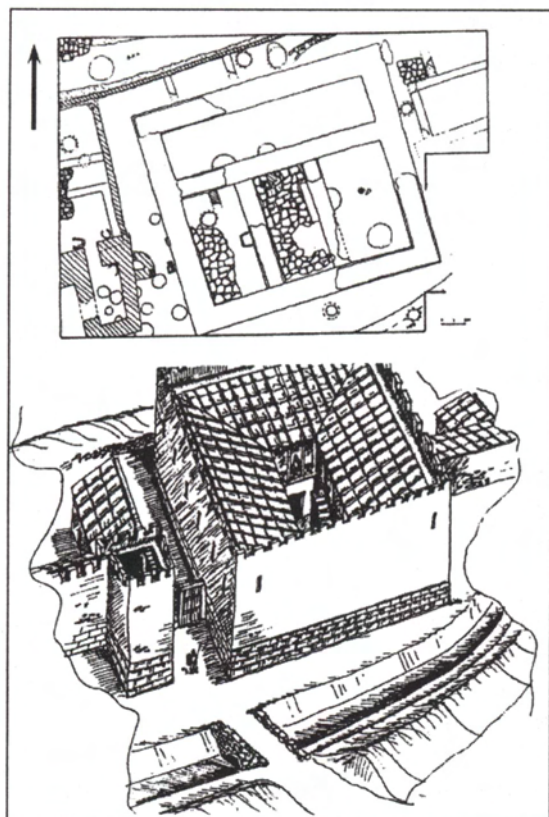

Рис. 104. Укрепленная усадьба близ озера Чокрак, по А. А. Масленникову.

[1992, с. 71, 82, рис. 13]. А раскопанную постройку на Чокракском мысу считал укрепленной усадьбой, которая являлась центром крупного землевладения [1995 б, с. 158 – 159] (рис. 104). Строительные остатки, исследованные в XIX в. на Темир-горе, он рассматривает не в качестве усадьбы, а как укрепленное поселение [Масленников, 1989, с. 74 – 75] (рис. 105).

Говоря об этом типе памятников, следует обратить внимание на то, что четыре из них (у сс. Ново-Отрадное, Либкнехтовка, Михайловка и Чокракский мыс) (рис. 103, 104, 106), а, возможно, и ряд других [подр. см.: Масленников, 1992, рис. 13; 1998 а, с. 100 – 175], расположены не в окрестностях боспорских городов, а в непосредственной близости от Узунларского вала. Например, постройка, раскопанная у с. Ново-Отрадное, располагалась всего в 1,5 км. от северной его оконечности [Кругликова, 1975, с. 125]. Для всех этих памятников характерны сравнительно небольшая площадь (соответственно 800, 850, 1300, 400 кв. м.), наличие достаточно мощных укреплений в сочетании с ярко выраженными хозяйственными функциями, свидетельствующими о том, что их обитатели занимались сельским хозяйством [Кругликова,

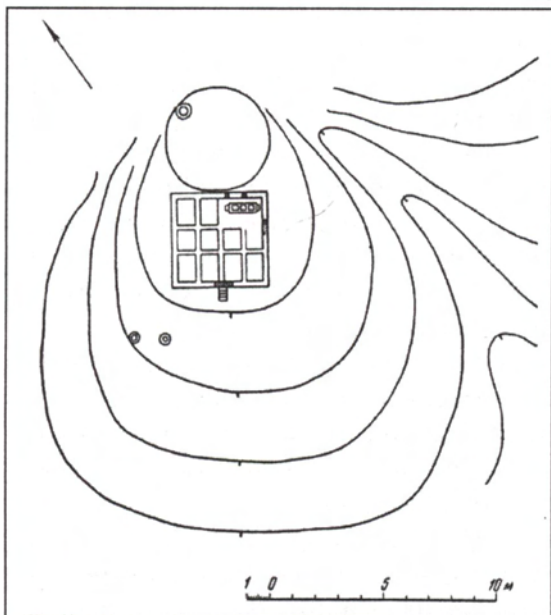

Рис. 105. Схематический план сооружений, открытых на Темир-горе в 1870 г.

1975, с. 113 – 126, 130; 1984, с. 76 – 77; 1998, с. 157 – 162]. И. Т. Кругликова подчеркнула, что эти хорошо укрепленные памятники значительно отличаются от сельских усадеб, изображения которых сохранились на мозаиках из Северной Африки [1975, с. 126]. А наличие укреплений на сельских усадьбах исследовательница склонна объяснять соображениями безопасности на случай волнений рабов [Кругликова, 1975, с. 130].

Но с таким однозначным выводом согласиться трудно. Во-первых, в настоящее время уже нельзя утверждать, как это делалось ранее, что в позднееллинистический период в сельскохозяйственном производстве европейского Боспора в сколько-нибудь широких масштабах применялся рабский труд и что рабы якобы принимали участие в так называемом восстании Савмака. Во-вторых, сейчас установлено, что во второй половине I в. до н. э. – первой половине I в. н. э. на западной границе Боспорского государства была возведена фортификационная система, которая включала укрепленные пункты нескольких типов. Поэтому функциональное назначение рассматриваемых усадеб по И. Т. Кругликовой или укрепленных домов башенного типа по А. А. Масленникову нельзя рассматривать вне контекста мероприятий боспорских царей, осуществлявшихся в Восточном Крыму.

Если укрепления на Узунларском валу и в непосредственной близости от него можно атрибутировать в качестве сторожевых или сигнальных башен, а укрепленные поселения в качестве «узловых» пунктов, где были сконцентрированы основные силы военных поселенцев [Масленников, 1995 б, с. 162], то так называемые укрепленные усадьбы, располагавшиеся на незначительном удалении от передовой линии, вероятно, следует интерпретировать как резиденции боспорских должностных лиц, на которых был возложен контроль за

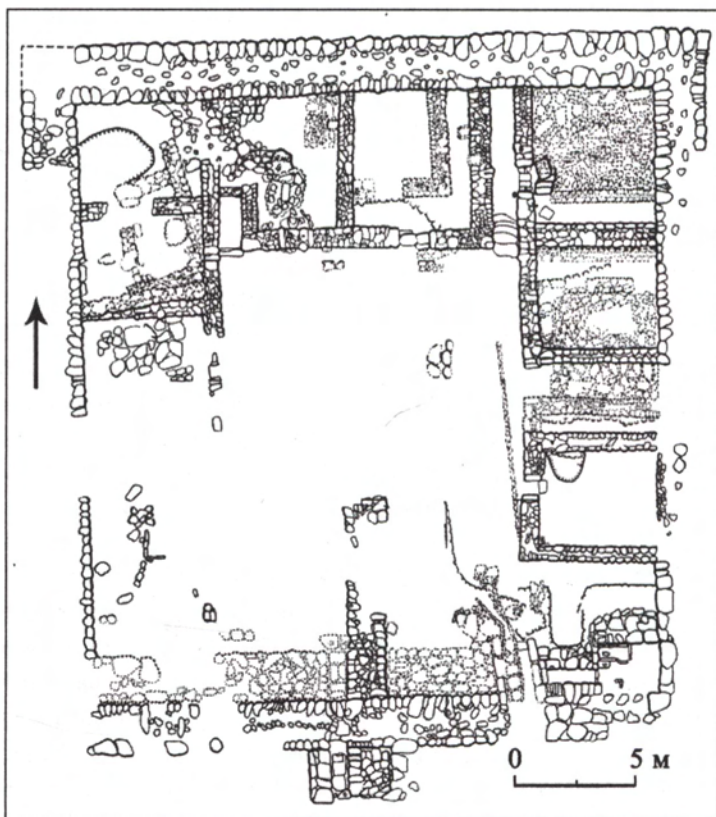

Рис. 106. Укрепленная усадьба у с. Михайловка, по Б. Г. Петерсу.

поддержанием надежного функционирования пограничной оборонительной системы и прилегающих к ней административных районов Боспорского государства [ср.: Масленников, 1998 а, с. 126 – 127]. В пользу этого заключения свидетельствует топография таких памятников, сравнительно небольшая их площадь и отнюдь не рядовой материал, который был обнаружен при раскопках, например, укрепления у дер. Ново-Отрадное [Кругликова, 1975, с. 118 – 119; 1998, с. 156 – 162], а также определенное их сходство с резиденцией Хрисалиска, исследованной на Таманском полуострове [ср.: Сокольский, 1976, с. 89 – 110].

Уже говорилось о том, что есть весьма веские основания рассматривать поселение Генеральское-западное в качестве резиденции одного из чиновников боспорского царя в IV – III вв. до н. э., на которого была возложена обязанность контроля за сельскохозяйственными территориями в Крымском Приазовье и сбором φόρου, который вносился за пользование царской землей. Следовательно, если предложенный ход рассуждений верен, то, как и Генеральское-западное в IV – III вв. до н. э., рассмотренные памятники можно интерпретировать в качестве τὸ φρούριον или τὸ χωρίον [см.: Сапрыкин, 1996, с. 223, 226; ср.: Xen. Anab., IV, 7, 2; V, 4, 31]. Они являлись резиденциями должностных лиц, на которых боспорскими правителями был возложен не только контроль за сельскохозяйственной территорией в этой части царства, но и функции военного командования.

В случае вторжения неприятели должностные лица, жившие в рассматриваемых укрепленных пунктах, могли координировать действия военных поселенцев и осуществлять руководство по отражению агрессии извне. Причем, как и ранее, обитатели этих административных центров успешно сочетали государственную деятельность с занятием сельским хозяйством. Не исключено, что таким наместникам в окрестностях их резиденций царской администрацией выделялся определенный земельный фонд, и они в условиях Боспора могут рассматриваться в качестве сравнительно крупных земельных собственников. Используя свое положение, они вполне могли привлекать для обработки земли какую-то часть военных поселенцев, которые находились в их подчинении.

Анализ поселенческих структур, проведенный по археологическим материалам, позволяет сделать вывод о количественном преобладании в Восточном Крыму держателей сравнительно небольших земельных наделов, которые были расселены на землях, являвшихся собственностью боспорского царя, в качестве военных поселенцев [Гайдукевич, 1958 а, с. 142; Сапрыкин, 1985, с. 73; Масленников, 1995 б, с. 162; 1997, с. 46; 1998 а, с. 177, 180 - 181; Зубарев, 1997, с. 40]. Однако в настоящее время все же есть основания говорить о процессе концентрации земли, который имел место на территории европейского Боспора в первые века, хотя его масштабы, как и в других античных государствах и Северного Причерноморья [подр. см.: Зубарь, 1993, с. 19 - 24; 31 – 34], не следует преувеличивать.

На территории европейского Боспора, у пос. Октябрьское и поселения Чурубашское, археологически зафиксированы сравнительно крупные земельные

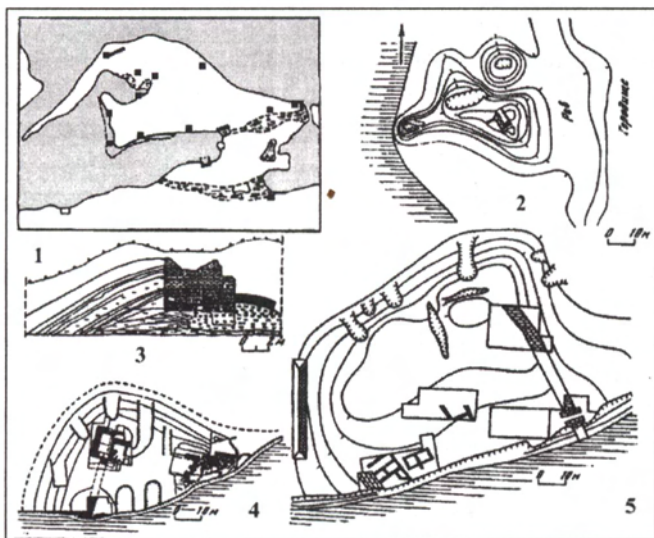
наделы, площадь которых составляла соответственно 13,95 и 29,4 га [Кругликова, 1975, с. 127, 131]. Но, если в районе с. Октябрьское земельный надел можно более или менее уверенно связывать с сельской усадьбой, то в районе Чурубашского он обрабатывался либо обитателями нескольких усадеб, либо жителями самого поселения [Кругликова, 1975, с. 128, 130].

Сейчас трудно с уверенностью сказать, кому принадлежали эти сравнительно крупные земельные владения. Однако их наличие в густо заселенной части Керченского полуострова, в непосредственной близости от крупных боспорских центров, позволяет предположительно атрибутировать их в качестве владений крупных боспорских чиновников, приближенных царя (ἀριστοπλεῖται) [Никитина, 1966, с. 182], который, как и ранее, являлся верховным собственником земли.

Но, говоря о наличии относительно крупных земельных наделов, которые возникают на месте мелкого землевладения предшествующего периода [Кругликова, 1975, с. 127; Масленников, 1992, с. 82], следует еще раз подчеркнуть, что, судя по имеющимся в настоящее время данным, на территории европейского Боспора в количественном отношении все-таки преобладали держатели небольших участков земли, которые на определенных условиях были переданы им в пользование боспорскими царями. За это ее держатели должны были нести определенные повинности в пользу боспорского правящего дома и участвовать в вооруженной защите государства. Этот слой населения, значительную часть которого составляли эллинизированные варвары [ср.: Масленников, 1990, с. 97], и являлся основной производящей силой в сельскохозяйственном производстве в первые века н. э.

Характер землевладения и землепользования на азиатской стороне Боспора имел определенную специфику. Поэтому, вероятно, на этом вопросе следует остановиться специально и проанализировать сложившееся там положение на рубеже и в первые века н. э. В первую очередь особое внимание необходимо уделить стратегически важному району, расположенному на Фанталовском полуострове, где в 60-х гг. XX в. под руководством Н. И. Сокольского была изучена целая система крепостей.

Долгое время считалось, что Фанталовский полуостров, занимающий в настоящее время северо-западную часть Таманского полуострова, в древности был одним из островов архипелага и лежал на пути кораблей, следовавших из Меотиды в Понт. С юга его омывал Таманский залив, который через протоку соединялся с Азовским морем [Толстикова, 1992 а, с. 41 – 44, рис. 1; Абрамов, Паромов, 1993, с. 44 – 45]. Однако недавно было установлено, что в эллинистический период рукав р. Кубань, который отделял Фанталовский полуостров от южной части Таманского, высох [Горлов, Лопанов, 1995, с. 135 – 137]. Вероятно, вследствие этого в южной части Фанталовского полуострова, там, где он сушей соединялся с Фанагорийским полуостровом, был построен так называемый Киммерийский вал, который затруднял проникновение на его территорию [Сокольский, 1976, с. 111; Толстикова, 1992 а, с. 45, рис. 2].

Рис. 107. Боспорские крепости на Фанталовском полуострове, по Ю. М. Десятчикову.

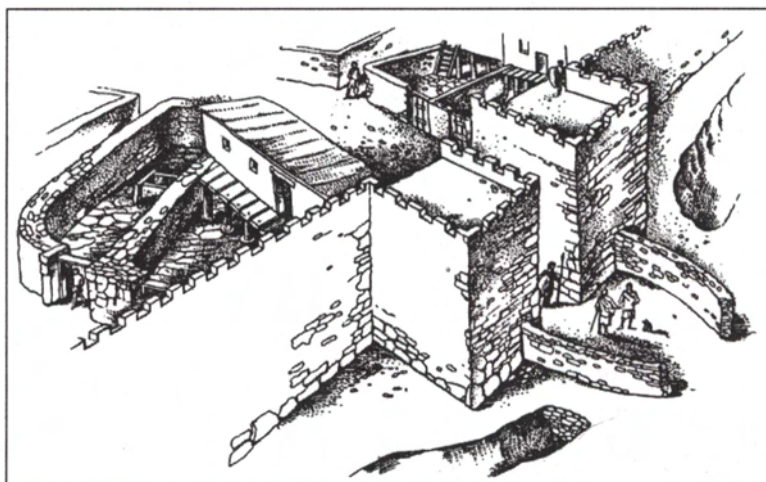
1 – схема расположения крепостей; 2 – Каменная батарея, план; 3 – Батарея I, разрез оборонительной стены и вала; 4 – Батарея I, план сохранившейся части крепости; 5 – Патрей, план крепости.

К югу от Фанталовского полуострова были расположены города Фанагория и Кепы. А далее к югу Фанагорийский полуостров одним из рукавов р. Кубани был отделен от другого острова, на котором находились Гермонасса и святилище Афродиты [Толстикова, 1992 а, с. 41 – 44, рис. 1; Абрамов, Паромов, 1993, с. 44 – 45]. Таким образом, современный Таманский полуостров не представлял собой в древности единой территории, а состоял из двух обширных островов, что, естественно, не могло не отразиться на исторических судьбах его населения (рис. 1; 46 – 48).

Если реконструкция древнего ландшафта современного Таманского полуострова, предложенная Ю. В. Горловым и Ю. А. Лопановым, верна, то в античную эпоху он состоял не из трех, как считалось ранее, а из двух островов и, следовательно, Островом, известным по боспорским эпитафическим памятникам [КБН, 40], следует считать современные Фанталовский и Фанагорийский полуострова. На территории современного Фанталовского полуострова сейчас локализовано и частично исследовано 12 крепостей, «батареек», которые входили в единую оборонительную систему и были построены одновременно [Толстикова, 1992 а, с. 44 с литературой] (рис. 107). Начало строительства крепостей на Фанталовском полуострове было начато еще во время Митридата VI Евпатора [Сапрыкин, 1985, с. 71; 1996, с. 277; 1996 а, с. 224; Масленников, 1997 б, с. 88], а завершилось в период правления Асандра, когда этот район стал особой административной единицей Боспорского царства во главе с неким Хрисалиском [Сокольский, 1976, с. 107; Сапрыкин, 1985, с. 69; Толстикова, 1992 а, с. 50].⁶⁰

Не отрицая вывода о том, что Фанталовская система крепостей была построена по последнему слову тогдашнего фортификационного искусства и играла важную роль в обороне восточных границ Боспорского государства [Толсти-

⁶⁰ К сожалению, пока некрополи населения, обитавшего на Фанталовском полуострове, не раскопаны [см.: Масленников, 1990, с. 72]. Поэтому что-то определенное об этническом составе их жителей сказать трудно.

Рис. 108. Въезд на городище у дер. Семеновка. Реконструкция А.А. Масленникова.

ков, 1992 а, с. 44 – 50; Рогов, 1999, с. 153 – 157], следует обратить внимание на наличие рядом с крепостями синхронных неукрепленных поселений [Сокольский, 1976, с. 112; Сапрыкин, 1985, с. 71], а также следов межевой системы, которые свидетельствуют о том, что жившее здесь население активно занималось сельским хозяйством, в частности выращиванием зерновых [Десятчиков, Долгоруков, Алексеева, 1984, с. 89; Горлов, Лопанов, 1995, с. 131 – 135]. Иными словами, расселение здесь определенной группы населения, статус которого может быть определен как военных поселенцев, предполагал не только строительство системы крепостей, но и сельскохозяйственное освоение всего этого района. Причем Митридат VI Евпатор, при котором началось строительство крепостей в Восточном Крыму и на Фанталовском полуострове, на территории Понтийского царства также проводил активную политику возведения на царской земле военно-хозяйственных поселений, куда привлекались для несения военной службы поселенцы-катоики [Сапрыкин, 1996, с. 228].

В литературе пока еще окончательно не решен вопрос о том, выплачивали ли военным поселенцам боспорские цари более или менее регулярно какое-либо денежного содержание [Масленников, Безрученко, 1991, с. 42] или же, напротив, эта категория населения должна была вносить какую-то плату за пользование землей [Кругликова, 1975, с. 160]. Но статус военных поселенцев, как это было, например, в Понтийском царстве, обязывал их участвовать не только в военных мероприятиях царя, но и выплачивать определенный налог за пользование землей [Сапрыкин, 1996, с. 233, 235]. Поэтому не исключено, что клады монет, обнаруженные на поселениях Полянка и Семеновка [Голенко, Масленников, 1987, с. 51 – 52; Масленников, 1998, с. 210 – 211; Кругликова, 1963, с. 108; Фролова, 1994, с.53-65, 1998 а, с. 151] (рис. 108), а также на Фанталовском

полуострове [Кропоткин, 1961, с. 40, № 7; Абрамзон, Флолова, Горлов, 2000, с. 60 – 68; 2000а, с. 68 – 72], могли быть предназначены не только для выплаты военным поселенцам [Масленников, Бузрученко, 1991, с. 42; Масленников, 1998 а, с. 128 – 133], но и деньгами, приготовленными в качестве платы в казну боспорского государства и спрятанными в момент военной опасности [ср.: Болгов, 1996 а, с. 67].

Количественное преобладание на сельской территории Боспора во второй половине I в. до н. э. – I в. н. э. типов поселений, которые следует рассматривать в качестве местожительства военных поселенцев [Масленников, 1993, с. 18; 1995 б, с. 162], вероятно, уже само по себе свидетельствует о том, что собираемая с них рента-налог за пользование землей должна была стать существенным источником пополнения государственной казны [ср.: КБН, 1050]. Контроль за ее сбором должен был осуществляться специальными уполномоченными боспорского царя, на которых была возложена обязанность руководства определенными административными районами государства [Сапрыкин, 1985, с. 69; 1996, с. 282]. В правление Асандра одним из них, вероятно, был упоминавшийся Хрисалиск, а при Аспурге – Менестрат, сын Менестрата, начальник Острова [КБН, 40; Сокольский, 1976, с. 107 – 108; ср.: Никитина, 1966, с. 184; Сапрыкин, 1996, с. 282; Масленников, 1997 б, с. 88].

К югу от Фанагории существовал еще один административный округ Боспорского государства. Им, как свидетельствует надпись времени правления Тейрана (275/276 - 278/279 гг.), руководил хилиарх, который одновременно был и начальником аспургиан [КБН, 36; ср.: 1248; Никитина, 1966, с. 193; Сапрыкин, 1985, с. 69], резиденция которого, вероятно, находилась в Фанагории (Никитина, 1966, с. 184). Если исходить из сообщения Страбона о том, что аспургиане жили на пространстве в 500 стадий между Фанагорией и Горгиппией [Strabo, XI, 2, 11] (рис. 47), то Фанталовский полуостров или Остров в этот округ не входил (ср.: Масленников, 1990, с. 80 – 82; Болгов, 1996 а, с. 81), а подчинялся непосредственно царю [ср.: Сапрыкин, 1985, с. 69]. Контроль за Фанагорией, получившей после восстания против Митридата VI Евпатора автономию и городское самоуправление, осуществлялся представителем центральной власти, который, по аналогии с Танаисом, мог называться пресбитом царя [Сокольский, 1976, с. 112; ср.: КБН, 1242, 1248; Никитина, 1966, с. 188]. Далее на юго-восточных границах Боспорского государства находился еще один административный округ, центром которого была Горгиппия, где находился ὁ ἐπί της Γοργυππείας [КБН, 1115; 1129; 1134; Никитина, 1966, с. 189; Сокольский, 1976, с. 112; Сапрыкин, 1985, с. 69; Алексеева, 1997, с. 61 – 62; Смирнов, 2001, с. 237 – 253; Попов, 2003, с. 205 – 209] (рис. 109).

Таким образом, строительство системы крепостей в Восточном Крыму и на Фанталовском полуострове, которое окончательно завершилось при Асандре, с одной стороны, способствовало укреплению вооруженных сил царства, а, с другой, – было источником пополнения государственного бюджета.

О других формах землевладения на азиатской стороне Боспора данных пока очень мало. В ходе археологических раскопок на территории Синдики под руководством В. Д. Блаватского были исследованы неукрепленные сельские поселения у хут. Яхнова, 10 и 12 километр, которые существовали здесь до конца античной эпохи, но, судя по археологическому материалу, наиболее интенсивно функционировали в I в. до н. э. - I в. н. э. [Блаватский, 1955, с. 92 - 95; 1957 а, с. 119, 120; Де-

Рис. 109. Остатки жилых кварталов Горгиппии, по Е. М. Алексеевой.

сятчиков, Долгоруков, Алексеева, 1984, с. 88]. Однако что-то конкретное о социальном статусе их населения сказать трудно. Можно лишь предположить, что обитатели этих поселений, вероятно, расположенных на царской земле, были организованы в общины и за пользование землей должны были выплачивать в казну форос. Но, естественно, настаивать на этом преждевременно, так как этот вопрос требует дальнейшего специального изучения.

Следует обратить внимание и на материалы, полученные при раскопках поселения первых веков Водопроводное, расположенное в 5 км к югу от Фанагории. Здесь был зафиксирован комплекс помещений, примыкавших к одной длинной стене, что, по мнению Э. Я. Николаевой, типологически сближает его с некоторыми поселениями европейского Боспора, в частности у дер. Семеновка [Николаева, 1973, с. 101]. Но на материалах раскопок этого еще недостаточно исследованного поселения строить какие-либо далеко идущие выводы рискованно, так как оно является пока единственным более или менее изученным памятником такого рода, расположенным вдали от моря [Николаева, 1973, с. 102].

Еще одним районом, где известны памятники на сельскохозяйственной территории, были окрестности Горгиппии [Алексеева, 1997, с. 151; Saprykin, 2001, р. 663]. Вплоть до начала второй половины I в. продолжала существовать система пограничных постов между Горгиппией и Батами, которая была построена

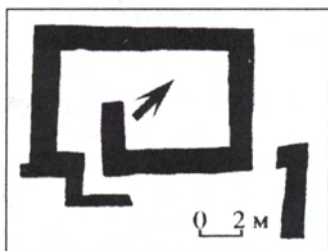

Рис. 110. План постройки на виноградниках совхоза «Джемете», по С. Ю. Сапрыкину.

еще на рубеже II - I вв. до н. э. [Онайко, 1975, с. 84 – 85; Онайко, Дмитриев, 1982, с. 114 – 119; Онайко, 1984 а, с. 91 – 92; Saprykin, 2001, р. 663] (рис. 47). На побережье Черного моря, в пределах, защищенных этой линией постов, известны и другие памятники первых веков [Онайко, 1970 а, с. 73 – 80; 1973, с. 94 – 96; 1983, с. 82 – 86; Дмитриев, Малышев, Шишлов, Федоренко, 1994, с. 141 – 152], но ввиду их плохой сохранности что-то определенное о них сказать трудно.

Недалеко от Горгииппии, в районе станицы Натухаевская, на виноградниках совхоза «Джемете» (рис. 110), между поселками Красный Курган и

Красная Скала, на Уташе и в Су-Псехе, вплоть до III в. продолжала существовать система земельных наделов, которая возникла здесь еще в IV в. до н. э. Археологически они представлены остатками нескольких десятков отдельно стоящих домов, удаленных друг от друга на 50 – 100 м (Десятчиков, Долгоруков, Алексева, 1984, с. 90; Алексева, 1997, с. 151; ср.: Новочихин, 1994, с. 172; Паромов, 2001, с. 79 – 85). Такое расположение построек свидетельствует о том, что в характере землевладения в этом районе в сравнении с предшествующим эллинистическим периодом не произошло кардинальных изменений, и здесь преобладали наделы сравнительно небольшой площади [Алексева, 1997, с. 151]. На рубеже I в. до н. э. – I в. н. э. возникло сельское поселение у станицы Анапская, где раскопана монументальная постройка, вокруг которой концентрировалось несколько неукрепленных домов [Десятчиков,

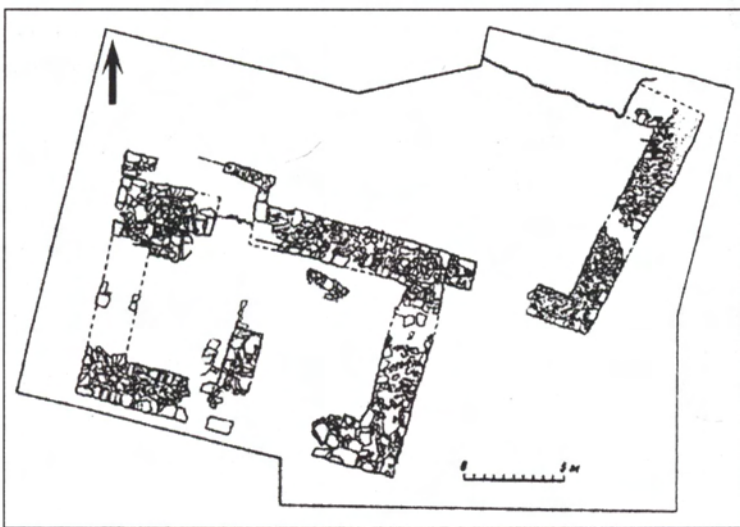

Рис. 111. План укрепления у ст. Анапской, по Е. М. Алексеевой.

Долгоруков, Алексева, 1984, с. 90; Алексева, 1997, с. 52 – 53] (рис. 111).

Не исключено, что постройки усадебного типа, раскопанные на месте Семibrатнего городища, у хут. Рассвет, у станицы Натухаевской и некоторых других местах свидетельствуют о теоретической возможности наличия здесь в I в. достаточно крупных землевладений

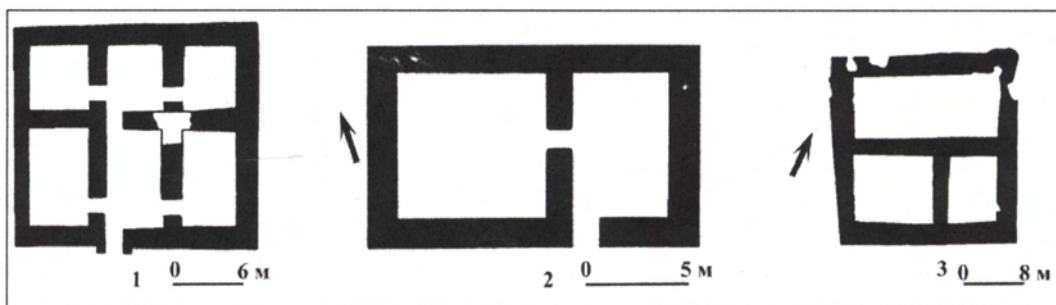

Рис. 112. Планы построек башенного типа на Семибратнем городище (1), у хутора Рассвет (2) и у с. Юбилейное (3), по С. Ю. Сапрыкину.

[Кругликова, 1975, с. 133 – 134; Онайко, 1984, с. 92] (рис. 112). Но их типологическое сходство с домами башенного типа, раскопанными на Керченском полуострове, а также на территории между Горгиппнией и Батами не позволяет безоговорочно атрибутировать такие постройки как центры крупных землевладений [ср.: Онайко, 1975, с. 85]. Вероятно, как и на Керченском полуострове, постройки на территории Семибратнего городища, у хутора Рассвет, станции Натухаевская в 22 км к востоку от Горгиппнии и других местах следует атрибутировать в качестве укреплений, которые являлись составной частью системы защиты восточной и юго-восточной границ Боспорского государства. Косвенно в пользу этого свидетельствует погребение I в., открытое у Новороссийска, которое могло принадлежать воину из дружины аспургиан [Малышев, Трейстер, 1994, с. 70 – 71; ср.: Дмитриев, 1996, с. 66 – 67; Малышев, Розанова, Терехова, 1997, с. 203 – 217].

Итак, возникновение военно-хозяйственных поселений на Боспоре, которые в количественном отношении преобладают над иными типами памятников, вероятно, следует рассматривать в качестве решающего фактора стабилизации социально-экономического и политического положения государства в период правления Асандра [Gajdukevič, 1971, S. 325 – 326; Сапрыкин, 2002, с. 83]. Именно регулярные поступления в казну позволили возвести в Пантикапее мощную цитадель, строительство которой связывается с деятельностью царя Асандра в 40-х гг. I в. до н. э. [Толстикова, 1984, с. 51], и способствовали устойчивому развитию Боспора в дальнейшем.

Но, если система военных поселений и крепостей в Восточному Крыму в целом просуществовала вплоть до середины – третьей четверти III в. [Масленников, 1997, с. 46], то судьба укреплений на Фанталовском полуострове сложилась по-другому. Материалы археологических исследований свидетельствуют, что в середине I в. здесь имели место военные действия, которые есть основания связывать с событиями войны 44 – 45 гг. между сыновьями Аспурга Котисом и Митридатом [Сокольский, 1976, с. 113]. Но для Фанталовского укрепленного района это не было катастрофой, и вскоре крепости были восстановлены.

Окончательную их гибель Н. И. Сокольский относит к более позднему времени и датирует началом II в., временем, когда у власти на Боспоре находился царь Савромат I (93/94 – 123/124 гг.) [Сокольский, 1976, с. 113; Десятчиков, Долгоруков, Алексева, 1984, с. 90].

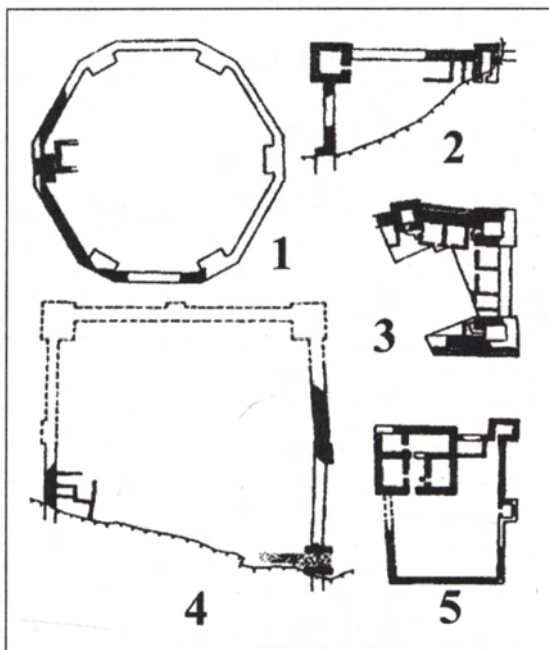
В. П. Толстикова, основываясь на анализе монетной чеканки времени правления Савромата I, проведенном Н. А. Фроловой, и используя результаты археологических исследований, предположил, что между 102 и 108/109 гг. этот боспорский царь начал проводить самостоятельную внешнюю политику и даже сделал попытку установить политические контакты с Дакией и Парфией – врагами Римской империи. Но в результате активных действий римских войск, которыми был разрушен Пантикапей и укрепления Фанталовского полуострова, Савромат I был покорен, а между Боспором и Римом был заключен новый договор о дружбе [Толстикова, 1992 а, с. 52 – 62; ср.: Трейстер, 1993, с. 50 – 74]. Тем самым Рим в результате решительных военных действий укрепил свои позиции на Боспоре и поставил боспорцев «под римскую власть» [Eut., VIII, 3; Fest. Brev., XX; Ior. Roman, 267].

Однако легко убедиться, что выводы В. П. Толстикова построены на косвенных данных и предположениях, поэтому не могут считаться бесспорными. Если обратиться к боспорской нумизматике, то действительно около 108/109 гг. после перерыва на монетах начинается чеканка бюста императора, что, вне всякого сомнения, связано с определенными изменениями во взаимоотношениях с империей [Фролова, 1968, с. 142]. Но о прямом вмешательстве в боспорские дела на основании этих данных все же говорить не приходится. Ведь хорошо известно, что в 45 – 49 гг., когда римские войска действительно находились на Боспоре, здесь последовала смена правящего царя. Это нашло отражение и в нумизматике, и в письменных источниках. Поэтому сомнительно, что после широкомасштабной карательной операции на Боспоре император Траян оставил на престоле прежнего царя, уличенного в измене и закулисных переговорах с врагами Рима.

Вероятно, следует обратить внимание на то, что появление на медных боспорских монетах изображения императора хронологически совпадает с инспекторской поездкой Траяна на Восток и началом подготовительных мероприятий к войне с Парфией [Бокщанин, 1966, с. 232 – 234]. К этому же времени относятся письма Плиния Младшего императору Траяну, в которых сообщается о направленном к последнему курьера Савромата I [Plin. Ep. ad Traj., 63, 64, 67]. Следовательно, к одному и тому же времени относятся изменения в монетных типах и дипломатическая активность Рима в отношении Боспора, что вряд ли можно объяснять простой случайностью. Аналогичное явление имело место и несколько ранее, когда Домициан начал активно заниматься укреплением римских позиций на Востоке [Фролова, 1968, с. 135 – 137]. Кроме этого, усиление военной активности Савромата I против варваров, судя по имеющимся данным, хронологически совпадает с активизацией римской политики на Востоке при Домициане и Траяне [Фролова, 1978, с. 25; ср.: Сапрыкин, 1998, с. 200 – 203].

Рис. 113. Планы укреплений на Фанталовском полуострове, по С. Ю. Сапрыкину.

1 - Красноармейское; 2 - Батарейка I; 3 - Батарейка II; 4 - Патрей; 5 - усадьба Хрисалиска и крепость аспургиан.

Приведенные факты позволяют говорить не о какой-то карательной экспедиции императора Траяна против Савромата I или известном сепаратизме этого царя [ср.: Сапрыкин, 1998, с. 203 – 204], а о том, что во время подготовки войны с Парфией роль Боспорского царства в римской политике на Востоке возросла, что и нашло отражение в монетной чеканке. Не исключено, что в ходе подготовки этой войны Боспор был поставлен под более жесткий римский контроль и должен был, как союзник, оказывать империи разностороннюю помощь в подготовке к боевым действиям.

А изображение на монетах курульного кресла и бюста Траяна символизировало не заключение нового союза, а подтверждение Траяном более раннего договора или дарование иных полномочий боспорскому царю, о чем свидетельствует активное участие Плиния Младшего в римско-боспорских контактах. Ведь еще М. И. Ростовцев полагал, что император Траян дал Савромату I самые широкие полномочия по охране берегов Понта [Ростовцев, 1917, с. 129].

Исходя из сказанного, точка зрения В. П. Толстикова не может быть принята. Следует отметить, что пока о причинах гибели укреплений на Фанталовском полуострове можно только догадываться. Хотя не исключено, что крепости в этом районе были разгромлены активизировавшимися варварами, против которых, видимо, был направлен один из походов Савромата I [Яйленко, 1990 а, с. 216 - 228; Яценко, 1992, с. 48; Сапрыкин, 1998, с. 200 – 203; 2005, с. 60]. Этим, очевидно, следует объяснять и то, что все укрепления в указанном районе, судя по археологическому материалу, погибли внезапно [Толстиков, 1992 а, с. 57 – 59] (рис. 113).

Около середины II в. на ряде памятников восстанавливаются жилища внутри сохранившихся укреплений, и жизнь здесь продолжается вплоть до позднеантичного периода. Как и ранее, население здесь занималось сельским хозяйством и производством вина [Десятчиков, Долгоруков, Алексеева, 1984, с. 89 – 90]. Следовательно, и после гибели Фанталовской системы крепостей этот район продолжал находиться в составе Боспорского царства, и в административном отношении был подчинен одному из наместников царя.

Определенным земельным фондом владела какая-то часть жителей боспорских городов, но пока применительно к первым векам об этом с уверенностью говорить нельзя [Масленников, 1992, с. 82; 1995 б, с. 160; 1997, с. 45]. Вероятно, в это время весь земельный фонд на территории Боспорского царства находился в собственности царя, и население большинства греческих центров, занимавшееся производством сельскохозяйственной продукции, за пользование своими участками должно было выплачивать определенный форос в государственную казну [Блаватская, 1965, с. 198; Алексеева, 1997, с. 56 – 57; Сапрыкин, 2002, с. 156 – 176]. Хотя ряд косвенных данных все же позволяет говорить о том, что в первые века н. э. на Боспоре существовало не только царское, но и гражданское землевладение.

В почетных надписях из Агриппии (Фанагории) конца I в. до н. э. и первой половины II в. упоминаются Совет и Народ агриппейцев [КБН, 979, 982, 983]. В Горгиппии также функционировали органы городского самоуправления [Никитина, 1966, с. 188 – 189; Сапрыкин, 1986 а, с. 74 – 75; 1990, с. 210; 1991, с. 181 – 197; 2006, с. 234; Алексеева, 1997, с. 55 – 56]. Гражданская организация существовала и в Пантикапее, о чем можно говорить на основании источников более раннего времени и некоторых надписей [Diod., XX, 22 – 26; Колобова, 1953, с. 63; 1954, с. 84 – 85; 1958, с. 197; Каллистов, 1963, с. 328 – 329; Никитина, 1966, с. 185 – 186]. Особый статус в составе царства имела Феодосия, в которой находился наместник царя [КБН, 36; Никитина, 1966, с. 187], а также Танаис, контроль за которым осуществлялся специально назначенным пресбивтом [Шелов, 1972, с. 263 264; ср. Никитина, 1966, с. 189 – 191; Сапрыкин, 2006, с. 235]. Приведенные данные свидетельствуют, таким образом, что перечисленные крупные города Боспорского царства, а, возможно, и некоторые другие [см.: Болгов, 1996 а, с. 90], обладали правами автономии, но контроль за деятельностью их гражданских общин осуществлялся специальными лицами царской администрации.

Наличие в крупных боспорских центрах специальных царских чиновников ($\delta \epsilon \pi \lambda \iota \tau \eta \varsigma \beta \alpha \sigma \iota \lambda \epsilon \acute{\iota} \alpha \varsigma$), которые осуществляли контроль не только за жизнью городов, но и царским земельным фондом [Болтунова, 1958, с. 113 и сл.; Никитина, 1966, с. 182 – 184; Шелов, 1972, с. 263 – 264; Болгов, 1996 а, с. 77 – 78; Алексеева, 1997, с. 61 – 62], позволяет заключить, что таким городам, расположенным на царской земле, в частности Горгиппии, верховной властью было дарована автономия и самоуправление [Сапрыкин, 1990, с. 204; 2006, с. 235; ср.: Попов, 2003, с. 205 – 209]. В этих юридических рамках членам гражданских общин царем было предоставлено право владеть в округе городов землей, хотя ее верховным собственником по-прежнему оставался царь [Никитина, 1966, с. 181; Сапрыкин, 1985, с. 69]. При Аспурге горгиппийцы были освобождены от уплаты поземельной подати пропорционально урожаю [Блаватская, 1965, с. 198; ср.: Алексеева, 1997, с. 56; Heinen, 1999, S. 133 – 142; Попов, 2003, с. 205 – 209], что свидетельствует об укреплении городской казны, куда, очевидно, вносилась плата за пользование землей [Сапрыкин, 1990,

с. 210; ср.: КБН, 1050]. В ряде случаев гражданским организациям предоставлялись и другие финансовые льготы [КБН, 1134; Сапрыкин, 1990, с. 210; ср.: Алексеева, 1997, с. 57]. Судя по наличию в Танаисе должности просодика (*ὁ προσοδικός*) [Шелов, 1972, с. 267], в боспорских городах, наряду с царскими фискальными чиновниками [Болтунова, 1986, с. 72 – 75; Сапрыкин, 2006, с. 235], существовали специальные выборные должностные лица, не связанные с царской администрацией, которые ведали их финансами.

Итак, суммируя, следует еще раз подчеркнуть, что в первые века н. э., как и ранее, на Боспоре верховным собственником земельного фонда оставался царь, вследствие чего в обеих частях государства во второй половине I в. до н. э. – I в. н. э. продолжала проводиться политика создания военных поселений (катойкий), начатая еще Митридатом VI Евпатором [Сапрыкин, 2006, с. 234]. Несмотря на то, что организация сельскохозяйственной территории и характер землевладения на Боспоре в середине I в. до н. э. – третьей четверти III в. изучены еще далеко не полностью, все же можно говорить, что в основе сельскохозяйственного производства, являвшегося ведущей отраслью экономики, продолжало оставаться мелкое землевладение. В количественном отношении здесь преобладали держатели наделов, выделенных из царского земельного фонда, которые за пользование землей должны были нести военную службу по охране границ государства и выплачивать определенную ренту-налог в государственную казну.

Наряду с этим имеется достаточно много косвенных данных, свидетельствующих о наличии на Боспоре более или менее крупных землевладений. Но пока нельзя говорить о значительном числе крупных вилл, где применение в широких масштабах рабского труда было экономически оправдано. В крупных хозяйствах, как и на царской земле, в основном использовался труд населения широкого правового спектра. Основным эксплуататором сельского населения в первые века выступали не частные собственники, а в первую очередь государство, которое при помощи развитого административного аппарата отчуждало в виде ренты-налога определенную часть материальных благ, создававшихся в сельском хозяйстве. Причем военные поселенцы и зависимое сельское население иных категорий, видимо, выплачивали ренту-налог в различных пропорциях. Именно эта рента-налог, которая поступала в казну от населения, обрабатывавшего царскую землю на определенных условиях, являлся залогом более или менее стабильного развития Боспорского царства с рубежа н. э. и вплоть до середины третьей четверти III в.

В связи со сказанным особый интерес представляет надпись 151 г., в которой сказано, что боспорский царь Тиберий Юлий Реметалк передал богине в Финансах ранее принадлежавшие ей земли вместе с обрабатывавшими ее пелатами [КБН, 976; Блаватский, 1953, с. 50]. Это, с одной стороны, свидетельствует о наличии на Боспоре, в частности в его азиатской части, храмового землевладения, а, с другой, – позволяет говорить о системе эксплуатации сельского

населения на храмовых землях. Пелатов, упомянутых в этой надписи, следует рассматривать в качестве арендаторов земли, которая, судя по «Афинской политике» Аристотеля [Arist. Ath. Pol. 2, 2], передавалась им на условиях выплаты шестой части урожая храму [ср.: Доватур, 1980, с. 10]. Но это не были свободные арендаторы. Из содержания боспорской надписи следует, что в данном случае пелаты были прикреплены к земле [ср.: Гайдукевич, 1949, с. 363; Блаватский, 1953, с. 50 – 51]. Поэтому есть все основания рассматривать эту категорию сельского населения в качестве крепостных [ср.: Павленко, 1989 а, с. 176], которые обрабатывали землю, принадлежавшую храму, и выплачивали ему в качестве ренты-налога, видимо, шестую часть урожая.

Помимо военных поселенцев и зависимого населения, которые за пользование землей вносили в царскую казну определенную ренту-налог, часть земельного фонда была передана гражданским общинам крупных боспорских городов, верховный контроль за которой осуществляла царская администрация. Но в ряде случаев плата за пользование землей вносилась не в царскую, а в городскую казну, и эти средства в основном шли на нужды гражданской общины. Таким образом, как и ранее, весь земельный фонд подразделялся на земли (χώρα βασιλική), доход с которых шел в царскую казну, и полисные земли (χώρα πολιτική) [ср.: Масленников, 1997, с. 46; Зубарев, 1997, с. 40; Сапрыкин, 2006, с. 238]. Верховная собственность на все категории земли в Боспорском царстве принадлежала царю, что, как и разветвленный бюрократический аппарат [Никитина, 1966, с. 195; Блаватский, 1985 в, с. 244; Болгов, 1996 а, с. 76 – 80], позволяет говорить о сохранении на Боспоре в первые века н. э. основных элементов, характерных для социально-экономического развития большинства эллинистических монархий более раннего времени [Сапрыкин, 1985, с. 69; 2006, с. 241-242].

Промыслы. Как и в предшествующий период, важной отраслью переработки продукции сельского хозяйства было производство вина. Исследования последнего десятилетия показали, что винодельческие комплексы концентрировались не только в округе боспорских городов (Кругликова, 1966, с. 118, 119; 1975, с. 189), но и на сельских поселениях европейского Боспора. Винодельни и следы производства вина открыты на м. Зюк (Зенонов Херсонес), пос. Ново-Николаевка (Савроматий), Темир-горе, поселении Сиреневая бухта, городище Артезиан и пос. Туркмен [Винокуров, Масленников, 1993, с. 39, 40, рис. 1; Винокуров, 1997, с. 62 – 65; 1999, с. 7, рис. 1].

Если в эллинистический период винодельни концентрировались только в европейской части государства, то, начиная с I в., производство вина фиксируется и на его азиатской территории [Кругликова, 1984 а, с. 157]. Винодельни открыты в Фанагории, Кехах, Патрее, на Пятиколодезном городище, на городищах Батарейка I – II [Сокольский, 1970, с. 75 – 92] и в Горгиппии [Алексеева, 1997, с. 152 – 167]. Здесь их известно приблизительно в два раза больше, чем на Керченском полуострове [Сокольский, 1970, с. 92], и в них производилось боль-

ше сортов вина, чем в европейской части государства [Долгоруков, 1976, с. 83; Сапрыкин, 2006, с. 223 – 224]. Исходя из этих количественных показателей, можно согласиться с Н. И. Сокольским в том, что с I в. именно этот район Боспорского царства становится ведущим в производстве вина [Сокольский, 1970, с. 92]. Неудивительно поэтому, что в Патрее и на городище Батарейка II было налажено

производство амфор для его транспортировки [Сокольский, 1970, с. 91].

В отличие от эллинистического периода, когда на Боспоре в количественном отношении преобладали тарапаны, а также винодельни с одной давяльной площадкой и одним резервуаром, в первые века основным становятся винодельческие комплексы с несколькими давяльными площадками и резервуарами [Кругликова, 1984 а, с. 157 – 158; Винокуров, 1998а, с. 17 – 29, 41 – 45; 1999, с. 35 – 42]. В среднем, судя по их размерам, в таких винодельнях могло одновременно производиться около 4 – 6 тыс. литров вина [Кругликова, 1984 а, с. 158; Коровина, 1987, с. 61; Алексеева, 1997, с. 151; Винокуров, 1998 а, с. 30 – 34] (рис. 114).

К сожалению, в отличие от Гераклейского полуострова и Северо-Западного Крыма [Колесников, 1998, с. 125 – 142], на территории Боспора не выявлено бесспорных следов виноградных плантажей [см.: Кругликова, 1984 а, с. 157; Винокуров, 1998, с. 59 – 61]. Поэтому о том, какая часть сельскохозяйственных угодий отводилась под виноградники,

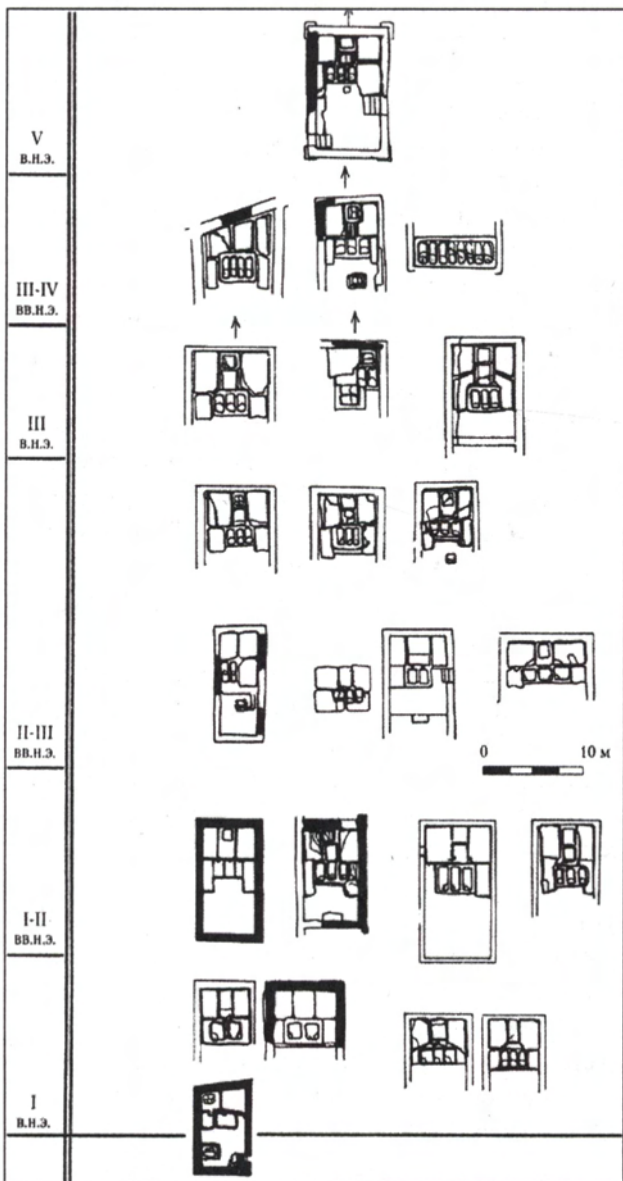

Рис. 114. Планы стационарных боспорских виноделен первых веков н. э., по Н. М. Винокурову.

пока можно говорить только на основании винодельни предшествующего периода, которая была открыта у с. Партизаны в окрестностях Пантикапея внутри участка, который был обнесен стенами [Гайдукевич, 1958, с. 360, 369 – 371], и объемов резервуаров виноделен.

По подсчетам В. Ф. Гайдукевича, урожай с одного гектара виноградника давал 2 – 5 тонн вина [1958, с. 365; ср.: Винокуров, 1999, с. 75 – 79]. Если исходить из этих цифр, в каждой боспорской винодельне первых веков могло за один раз производиться вино с одного – двух гектаров [ср.: Алексеева, 1997, с. 151]. А ведь производственные мощности таких виноделен в сезон могли использоваться несколько раз [Гайдукевич, 1958, с. 396; Винокуров, 1998а, с. 31 – 34]. Исходя из этого, а также, учитывая отмеченные конструктивные особенности виноделен первых веков н. э., при всей относительности наших подсчетов, можно заключить, что, в сравнении с предшествующим периодом, объемы производства вина на Боспоре значительно выросли, и в сельскохозяйственном производстве увеличился удельный вес выращивания винограда [Винокуров, 1999, с. 75 – 79, 86 – 91].

Об организации производства вина на Боспоре сейчас сказать можно немного. В первую очередь следует обратить внимание на то, что винодельческие комплексы первых веков открыты не только на территории сельских поселений и небольших аграрных городков, как это было ранее [Виноградов, Масленников, 1993, с. 39; Горончаровский, 1985, с. 89 – 92], а и в достаточно крупных городах, даже столичном Пантикапее [Марченко, 1962 а, с. 315 – 318]. Так, например, в Фанагории открыто восемь виноделен [Сокольский, 1970, с. 77; Долгоруков, 1976, с. 78 – 83], а в Горгиппии – 12, большинство которых относится ко II – первой половине III [Алексеева, 1995, с. 7; 1997, с. 152 – 167; Винокуров, 1998 а, с. 35 – 36]. Винодельни, как правило, были составной частью жилищно-хозяйственных комплексов этих городских центров [Долгоруков, 1976, с. 82; Алексеева, 1995, с. 8 – 9; 1997, с. 167], как, впрочем, и небольших аграрных городков европейского Боспора [Крыжицкий, 1982, с. 102]. Это, наряду с увеличением в винодельческих комплексах количества давяльных площадок и резервуаров [ср.: Винокуров, 1999, с. 80 – 82], свидетельствует не только о росте объемов производства в этой отрасли переработки сельскохозяйственной продукции, но и определенной хозяйственной специализации.

Концентрация виноделен в крупных городах позволяет предполагать, что владельцы таких комплексов непосредственно не участвовали в выращивании винограда, а могли либо скупать виноград для его дальнейшей переработки, либо перерабатывать его за часть урожая [Винокуров, 1999, с. 77]. Сказанное косвенно подтверждается наличием склада амфор в подвале частного дома, расположенного рядом с винодельней в Горгиппии, владелец которого мог не только производить, но и продавать вино [Алексеева, 1995, с. 12 – 13]. Винодельни группировались в определенных районах городов и поселений, что позволило предполагать наличие здесь каких-то пока неясных профессиональных объединений виноделов [Сокольский, 1970, с. 91; ср.: Винокуров, 1999, с. 100 – 106].

Увеличение удельного веса виноградарства в сельском хозяйстве и связанного с этим производства вина привело к тому, что в этой отрасли производства участвовали не только частные лица. А. К. Коровина на основании того, что в Гермонассе винодельня II - III вв. входила в состав культового или общественного комплекса, пришла к заключению, что доход от переработки винограда в данном случае шел на его нужды [Коровина, 1987, с. 65 – 66; ср.: Винокуров, 1999, с. 104 – 106]. В пользу того, что ряд винодельческих комплексов был собственностью не частных лиц, а гражданской общины свидетельствует и находка в Горгиипии гири для взвешивания винограда с надписью «народное достояние» [Алексеева, 1995, с. 14]. Винодельни, открытые на городище м. Зюк (Зенонов Херсонес) и в Илурате, по-видимому, использовались не членами определенной семьи, а всеми жителями этих небольших сельских населенных пунктов [Масленников, 1992 а, с. 168]. В первые века переработка винограда носила специализированный характер, в пользу чего свидетельствует отсутствие в целом ряде раскопанных винодельческих жилищно-производственных комплексов складских помещений, где должно было храниться произведенное вино [Гайдукевич, 1958, с. 396; Крыжицкий, 1982, с. 102].

Характер раскопанных на Боспоре виноделен позволяет рассматривать их в качестве сравнительно небольших производственных комплексов. В хозяйствах работал ограниченный круг лиц, и пока нет оснований говорить о концентрации в этой отрасли производства значительного количества рабов. В винодельческих комплексах, где производительная деятельность носила сезонный характер, труд сколько-нибудь значительного количества рабов не был рентабельным, и здесь процесс производства вина мог осуществляться силами семьи хозяина с привлечением весьма ограниченного числа работников [ср.: Винокуров, 1999, с. 82 – 83]. Сезонный характер загрузки таких производственных комплексов позволяет предполагать, что именно в винодельческих хозяйствах наиболее оправданным было применение наемного труда, который не являлся определяющим в сфере производственных отношений античного мира [см.: Сюзюмов, 1958, с. 137; Finly, 1959, р. 148, прим. 13; Колганов, 1962, с. 285; Илюшечкин, 1986 а, с. 53].

Таким образом, увеличение объемов производства вина свидетельствует о росте в экономике Боспора удельного веса товарного производства [Винокуров, 1999, с. 79]. Увеличение количества виноделен в II - III вв. в боспорских центрах хронологически совпадает с ростом объемов выпуска амфор местными керамическими мастерскими [Зеест, 1960, с. 37; ср.: Винокуров, 1998 а, с. 35]. Причем тот исключительно важный факт, что амфоры, изготовлявшиеся в Фанагории и Горгиипии, обнаружены в основном на территории азиатского Боспора [Зеест, 1960, с. 37], свидетельствует о потреблении произведенного здесь вина главным образом на месте. Увеличение выпуска амфор местного производства с первой четверти IV до второй четверти II вв. до н.э. и во второй четверти II - третьей четверти III вв. [Зеест, 1960, с. 46, рис. 2] хронологически совпадает с ростом производства вина. Это следует рассматривать в качестве

Рис. 115. План Тиритакки с указанием мест проведения археологических работ, по В. Н. Зинько.

наиболее четкого показателя пиков уровня развития товарного производства и боспорской экономики в целом [ср.: Вонцович, 1997, с. 263].

Еще одним видом производственной деятельности населения была рыбозасолка. Рыболовный промысел на Боспоре известен с очень раннего времени [Куликов, 1998, с. 186 – 201], а вывоз соленой рыбы в амфорах из Пантикапея письменными источниками зафиксирован уже для IV в. до н. э. [Dem., XXXVI, 31, 34]. Есть основания предполагать, что одной из целей выведения боспорской колонии в дельту Дона в конце IV – первых десятилетиях III вв. до н. э. была добыча ценных сортов рыбы [Марченко, 1990, с. 129 – 138; 1991, с. 53 – 61; Житников, 1992, с. 68 – 78]. Но рыбозасолочные цистерны здесь, как и в Херсонесе, появляются

только в первые века [Кругликова, 1984 а, с. 159; ср.: Кадеев, 1970, с. 12; Романчук, 1973, с. 45; 1977, с. 18]. Однако, если для Херсонеса были характерны цистерны большого объема, располагавшиеся по одной, реже по две-три [Кадеев, 1970, с. 13], то на Боспоре открыты комплексы меньших по объему ванн [Кругликова, 1984 а, с. 15]. Объясняется это, скорее всего, тем, что, если в Херсонесе основной промысловой рыбой была хамса, из которой изготавливались различные соусы, то на Боспоре одновременно осуществлялась засолка нескольких промысловых сортов рыбы [Кадеев, 1970, с. 14; ср.: Марти, 1941 а, с. 93 – 94; Лебедев, Лапин, 1954, с. 213].

В настоящее время на Боспоре открыто около 59 рыбозасолочных цистерн в Тиритакке, восемь – в Мирмекии, две – в Горгиппии и, вероятно, одна или две в Пантикапее (Кругликова, 1984 а, с. 159; Макарова, 1991, с. 140 – 141; Зинько А., 2005, с. 106). Наиболее интенсивно рыбозасолочные цистерны функционировали во II – III вв. [Кругликова, 1984 а, с. 159]. На территории Мирмекии и Тиритакки

жилищно-производственные комплексы, в которые входили такие цистерны, концентрировались у оборонительных стен на окраинах этих небольших боспорских городков [Марти, 1941 б, с. 11 – 24; Гайдукевич, 1952 б, с. 133; 1952 в, с. 218; Сапрыкин, 2006, с. 224 – 225].

О производительности рыбозасолочных комплексов можно судить по Тиритаке (рис. 115). Здесь один такой комплекс включал 16 цистерн общей емкостью 204 куб. м, что позволяло одновременно засолить 1 600 центнеров рыбы [Гайдукевич, 1949, с. 356]. И. Т. Кругликова, вслед за В. Ю. Марти, полагает, что на протяжении года они использовались до восьми раз, и в них можно было засолить 12 800 центнеров рыбы (Кругликова, 1984 а, с. 159; ср.: Марти, 1941 а, с. 94].

Но такая цифра представляется завышенной, так как наиболее интенсивно лов рыбы велся во время весенней и осенней путины, а в другое время года вряд ли уловы были особенно значительны [см.: Кадеев, 1970, с. 9 – 10]. Следовательно, реальная производительность тиритакского комплекса была ниже (рис. 116).

По мнению В. Ф. Гайдукевича, подъем рыбозасолки на Боспоре в первые века было обусловлено развитием боспорского экспорта рыбы, которая, в частности, предназначалась для снабжения римских войск, расквартированных в близлежащих районах, в том числе и на границах с Парфией [Гайдукевич, 1949, с. 352; 1952, б, с. 133; ср.: Вонцович, 1997, с. 264 – 266]. С этим нельзя не согласиться, но следует подчеркнуть, что боспорскую соленую рыбу потребляли не только солдаты, но и другие категории населения Римской империи, так как рыба была излюбленным лакомством римлян, а некоторые сорта рыбных соусов стоили очень дорого [см.: Кадеев, 1970, с. 19; Армичева, 1985, с. 125]. Причем, по мнению А. Вонцович, из античных центров Северного Причерноморья вывозился не гарум, а тарихос или тарихе понтика [Вонцович, 1997, с. 265].

Рис. 116. Рыбозасолочные цистерны на территории Тиритаки. Раскопки В. Н. Зинько.

Развитие в боспорских городах во II - III вв. рыбозасолки, как и производство вина, свидетельствует об интенсификации хозяйства и безусловном увеличении его товарной направленности [Вонцович, 1997, с. 266]. Вместе с этим небольшие боспорские рыбозасолочные комплексы обслуживались несколькими работниками, а такие крупные, как тиритакский, - не менее 12-15 [Марти, 1941, с. 94; Кругликова, 1984 а, с. 159]. Однако, учитывая сезонный характер массовой засолки рыбы, нет оснований предполагать исключительно рабский статус лиц, труд которых использовался в этой отрасли производства.

Ремесленное производство. В первые века на Боспоре продолжало развиваться ремесленное производство. В ходе археологических исследований городов и поселений отмечены следы наличия металлообработки, производства керамики, ювелирных украшений, стеклоделия, деревообработки, косторезного, кожевенного, ткацкого, строительного и других ремесел, обычных для античных центров того времени [Кругликова, 1966, с. 131 – 184; Шелов, 1984, с. 162 – 173; Макарова, 1991, с. 138 – 139; Сапрыкин, 2006, с. 222 – 223, 225 – 229]. Но для рассматриваемой темы главным является не наличие или отсутствие того или иного вида ремесленной деятельности, а его территориальное распространение в пределах античных населенных пунктов, качественный уровень развития и степень его специализации [см.: Массон, 1970, с. 29; Сайко, 1973, с. 107]. Ибо только анализ характера ремесленной деятельности позволяет выявить специфику его организации, а также особенности производственных отношений и те социальные группы населения, которые в нем были заняты.

Важной отраслью ремесленного производства оставалась металлообработка [Шелов, 1963, с. 127 – 128, рис. 9; 1972, с. 93 – 94; Кругликова, 1966, с. 162; Макарова, 1991, с. 139 – 140; Сапрыкин, 2006, с. 222 – 223]. Вплоть до конца античной эпохи на Боспоре существовали кузнечно-литейные мастерские смешенного характера [Шелов, 1984, с. 163]. Это свидетельствует не только о невысокой степени специализации, но, видимо, и о преобладании в этой отрасли производства сравнительно небольших мастерских [ср.: Макарова, 1991, с. 138 – 139]. Например, мастерская по обработке цветных металлов в Танаисе располагалась в черте городских кварталов и, видимо, была тесно связана с лавкой, где продавалась готовая продукция [Шелов, 1972, с. 96; 1984, с. 164]. Иными словами, в металлообработке преобладало мелкотоварное производство, продукция которого, однако, не только обеспечивала потребности населения боспорских городов, но и вывозилась за пределы государства [Шелов, 1972, с. 95 – 96; 191, 204; 1984, с. 164].

Значительный удельный вес в ремесле занимало изготовление разнообразной керамической продукции [Шелов, 1984, с. 167 – 170; Сапрыкин, 2006, с. 222]. Характерной особенностью этого вида производства было то, что оно получило достаточно широкое развитие не только в городах, но и на сельских поселениях в обеих частях царства [Сокольский, 1968, с. 265 Сапрыкин, 2006, с. 222 – 223; 1969, с. 66; Шелов, 1984, с. 167; Арсеньева, 1985, с. 77; Алексе-

ва, 1997, с. 168 – 179]. Керамическое производство в относительно крупных боспорских центрах было рассчитано не только на потребление их населением, но и на сбыт. Этим в немалой степени следует объяснять изготовление в боспорских мастерских керамической продукции по привозным образцам [Кастанаян, Арсеньева, 1984, с. 231].

В противоположность этому номенклатура керамической продукции мастерских, работавших на небольших боспорских поселениях, была значительно беднее. Несмотря на то, что есть основания предполагать изготовление уже с I в. до н. э. здесь краснолаковой керамики [Шелов, 1953 а, с. 162, 164; 1955, с. 36], такие керамические производства были рассчитаны главным образом на внутреннее потребление [Сокольский, 1969, с. 61, 67]. Это позволяет говорить, что гончарное производство в боспорских городах преимущественно было товарным, а на сельских поселениях носило натуральный характер и не отличалось значительным уровнем специализации. В рамках отдельных хозяйств изготавлилась и лепная посуда, которая в значительных количествах встречается при раскопках слоев первых веков н. э. боспорских городов [Кастанаян, 1981, с. 118 - 119; Тарасова, 1996, с. 144 – 145].

Увеличение количества такой посуды в быту нельзя связывать исключительно с варваризацией населения боспорских городов. Ряд форм лепных сосудов является подражанием античной гончарной керамике [Кастанаян, Арсеньева, 1984, с. 233; ср.: Диамант, Левина, 1991, с. 91, рис. 2, 32 – 36; Власов, 2005, с. 88 – 89], что в первую очередь свидетельствует о невысоком социальном положении лиц, пользовавшихся такой посудой вместо покупной гончарной. Причем производство лепной посуды носило домашний, натуральный характер и только в очень редких случаях, в небольших количествах, такая керамика изготавливалась для продажи [Арсеньева, 1969, с. 174].

Наряду с изготовлением лепной керамики, в основном домашним было пряжение и ткачество, о чем свидетельствуют многочисленные находки пряслиц и ткацких грузил на территории всех без исключения боспорских городов и поселений [Гайдукевич, 1952, с. 403, 409 и сл.]. Хотя нельзя исключить и того, что иногда производство тканей могло носить и мелкотоварный характер.

Керамические печи для обжига гончарной керамики археологически зафиксированы в Пантикапее, Горгииппии, Патрее, Кехах, Гермонассе и на ряде других поселений [Шелов, 1984, с. 169; Алексеева, 1997, с. 168 – 179] (рис. 117). Их можно считать универсальными, так как в них обжигались амфоры, пифосы, столовая посуда и др. [Шелов, 1984, с. 169]. Это свидетельствует не только о невысокой специализации, но и о преобладании в этой отрасли производства сравнительно небольших мастерских. Поэтому в данном случае, видимо, нельзя говорить о значительном уровне специализации керамического производства на Боспоре и о высокой квалификации мастеров, что являлось важным условием широкого применения рабского труда в ремесле [см.: Штаерман, 1978, с. 128, 130]. Вместе с этим на Боспоре существовали и узкоспециализированные керамические мастерские,

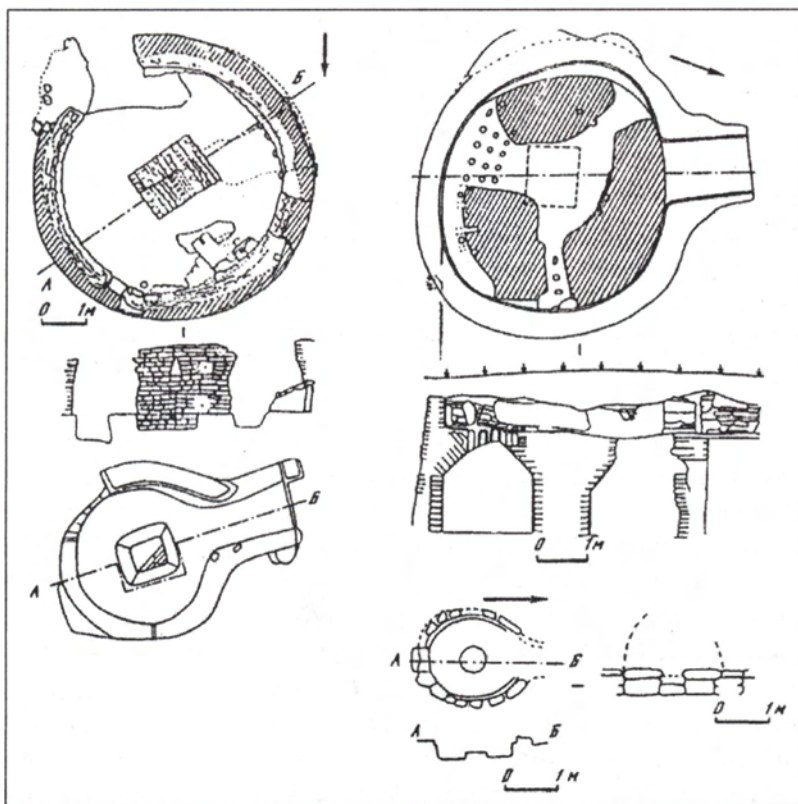

Рис. 117. Боспорские гончарные печи, по Д. Б. Шелову.

как, например, коропластов, раскопанные в Пантикапее и Фанагории. Но производство в этих мастерских велось в достаточно ограниченных масштабах, вероятно, силами членов семьи хозяина с привлечением ограниченного круга лиц со стороны [Кобылина, 1949, с. 107 и сл.; 1958, с. 178 и сл.; 1961, с. 47 и сл.].

Сказанное хорошо подтверждается результатами исследований квартала ремесленников II - III вв., раскопанного на окраине Горгиипии (рис. 109). Здесь обнаружены остатки гончарных печей, формы для изготовления терракот и светильников, скопления изделий гончарного производства и др. Характер археологического материала показывает, что в этом районе города жили не только гончары, но и металлурги [Кругликова, 1985, с. 70 - 76; Алексеева, 1997, с. 90 - 91], а также стеклоделы [Сорокина, Алексеева, 1997, с. 49]. Аналогичная концентрация гончарных печей отмечена на окраинах Пантикапея и Фанагории [Гайдукевич, 1934, с. 3; Керамическое, 1966, с. 102, табл. 22, 1]. Остатки металлообрабатывающего, керамического и стеклоделательного производств,⁶¹ от-

⁶¹ В настоящее время на Боспоре следы производства стекла зафиксированы в Пантикапее, Танаисе, Фанагории и Горгиипии [Сорокина, Алексеева, 1997, с. 49; Кунина, 1997, с. 39 - 40].

крытые в крупных боспорских центрах, свидетельствуют, что ремесленные мастерские, как и в предшествующий период, были небольшими. Это, наряду с отсутствием крупных специализированных мастерских, не позволяет предполагать использования в них труда рабов классического типа в сколько-нибудь широких масштабах, ибо в условиях Боспора это не было экономически оправдано [подр. см.: Зубарь, 1993, с. 85 – 86].

Следует также обратить внимание на замечание Д. Б. Шелова, который, не отри-

цая в принципе использования труда рабов, полагал, что в боспорском ремесле в основном было занято лично свободное население государства [1972, с. 87; 1984, с. 173]. Мелкотоварный характер боспорского ремесленного производства, которое во II - III вв. переживало подъем, позволяет говорить, что в этой отрасли производительной деятельности могли участвовать представители самых широких слоев населения. Ограничение прав гражданских общин крупных боспорских городов и широкое развитие царского землевладения, характерное как для эллинистического периода, так и для первых веков н. э., позволяет предполагать, что морально-этическое отношение к ремесленному труду было несколько иным, чем в полисах классической Греции, и в ремесленном производстве на территории Боспорского царства были заняты не только беднейшие слои населения, но и часть граждан [подр. см.: Зубарь, 1993, с. 86 – 87].

Говоря об организации ремесленного производства, следует обратить внимание на группу керамических кирпичей с клеймом в виде тамги, которые неоднократно встречались при раскопках Горгиппии [Гайдукевич, 1947, с. 26, № 4; Цветаева, 1975, с. 99 – 100] (рис. 118, 1). Эти кирпичи квадратной формы, небольшой толщины, изготовлены из горгиппийской глины и хорошо обожжены. Типологически горгиппийским наиболее близки кирпичи, которые изготавливались в местах дислокации римских войск [Цветаева, 1975, с. 99 – 100]. По условиям находки и близости тамги на кирпичах отдельным элементам сарматских знаков на памятниках II в., Г. А. Цветаева датировала их тем же временем и предположила, что массовое производство этого типа строительной керамики по римским образцам было начато

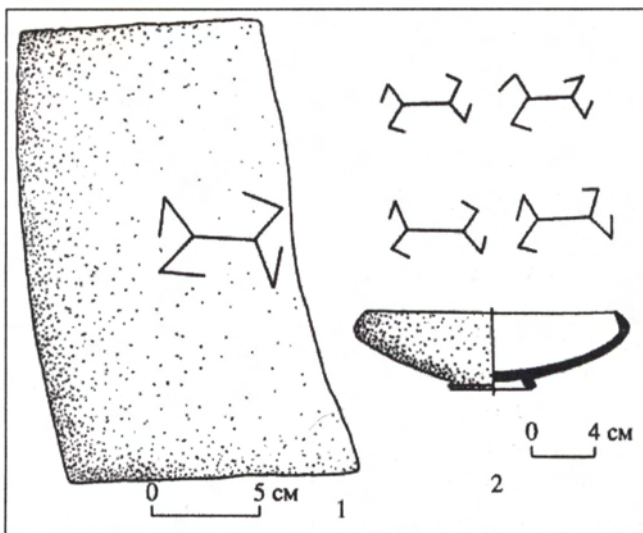

Рис. 118. Тамга Аспурга.

1 - на черепице из раскопок Горгиппии; 2 - на мисках из раскопок поселения у с. Владимировка

либо в царских эргастериях, либо эргастериях наместника Горгииппии [Цветаева, 1975, с. 99 – 100].

Однако в настоящее время нельзя согласиться с Г. А. Цветаевой в том, что полные аналогии тамге на кирпичках неизвестны [Цветаева, 1975, с. 100]. По форме тамга на кирпичках тождественна аналогичному знаку на лицевой стороне одного типа боспорских медных монет, где тамга расположена слева от головы Ареса. Согласно единодушному мнению специалистов, этот выпуск монет следует относить к периоду правления на Боспоре царя Аспурга, а точнее - к 14/15 - 37/38 гг. [Голенко, Шелов, 1963, с. 12 - 14; Карышковский, 1973, с. 15 - 16; Анохин, 1986, с. 94, 150, № 318, табл. 40, 46]. Исходя из этого, имеются весьма веские основания датировать рассматриваемый тип кирпичей первой половиной I в. [Зубарь, 2001, с. 146 – 149; ср.: Анохин, 1999, с. 200, № 156], а не эллинистическим временем [Гайдукевич, 1947, с. 26, № 4].

В настоящее время считается, что после гибели царя Полемона I в столкновении с аспургианами где-то между Фанагорией и Горгииппией [Strabo, XI, 2, 11; XII, 3, 29; Масленников, 1995 б, с. 159 – 167] и кратковременного правления внушки Митридата VI Евпатора - Динамии, два года (8/9 - 9/10 гг.) на Боспоре находился неизвестный правитель, который чеканил монеты с монограммой КЛЕ [Анохин, 1986, с. 89, табл. 10, №№ 284, 285]. В 10/11 г., судя по нумизматическим данным, к власти пришел Аспург, который, однако, первоначально именовался не царем, а первым архонтом или политархом. Титул царя он принял в 14/15 г. после поездки в Рим, где был утвержден на престоле римским императором [Анохин, 1986, с. 92 - 93; ср.: Виноградов Ю. Г., 1994, с. 154]. Именно к периоду между 14/15 и 37/38 гг. В. А. Анохин относит монеты с головой Ареса и тамгой на лицевой стороне [Анохин, 1986, с. 94, 150, № 318, табл. 40, 46].

В 16 г. Аспург, уже являясь боспорским царем, издал в отношении горгииппийцев рескрипты, в которых даровал им ряд льгот за то, что они «соблюди себя в полном спокойствии» [Блаватская, 1965, с. 198; ср.: Попов, 2003, с. 205 – 209] (рис. 86). Это позволяет предполагать, что до прихода к власти он был тесно связан с Горгииппией, где он, возможно, занимал пост царского наместника ($\delta \epsilon \lambda \iota \tau \eta \varsigma$ Горυιππείας) [КБН, 1115, 1134]. Аспург не был легитимным наследником боспорского престола [Виноградов Ю. Г., 1992, с. 154] и, судя по имени [подр. см.: Сапрыкин, 1985, с. 67], скорее всего, происходил, подобно Хрисалиску, из среды варварской знати, возможно, сарматского происхождения, которая активно стала привлекаться на боспорскую военную службу еще со времени Митридата VI Евпатора [App. Mith., 57; 69; 119; Justin, XXVIII, 3, 7; Plut., Luc. XVI; Сапрыкин, 1985, с. 73 - 75; 1996, с. 287 - 278, 282]. Это, очевидно, позволяет говорить, что верховную власть на Боспоре он мог захватить, опираясь на вооруженную помощь населения азиатского Боспора, может быть, аспургиан, которые являлись этнически смешенными военными поселенцами [см.: Сапрыкин, 1985, с. 70 – 75].

Сказанное хорошо согласуется с чрезвычайно интересной находкой на поселении Владимировка, расположенном в 11 км к северо-западу от Новороссийс-

ка и погибшем в пожаре в I в., сероглиняных мисок с процарапанными тамгообразными знаками двух типов (рис. 118, 2). Один из них тождественен тамге, которая имела на монетах Аспурга и на рассматриваемой горгиппийской черепице [Онайко, 1984 а, с. 91, табл. L, 9 – 13]. Если учесть, что именно в этом районе жили аспургиане, и располагалась цепь военных поселений [Онайко, Дмитриев, 1982, с. 117], рассмотренный факт может служить дополнительным аргументом в пользу вывода не только о сарматском происхождении основателя новой боспорской династии - Аспурга, но и о том, что он был выходцем именно из района Горгиппии [ср.: Сапрыкин, 2002, с. 136, рис. 4].

Но, предполагая наличие в Горгиппии керамической мастерской, которая, судя по клеймам в виде тамги, принадлежала Аспургу, все же нельзя ее рассматривать в качестве достаточного крупного царского эргастерия, так как, в отличие от эллинистического времени, в первые века н. э. царские керамические мастерские на Боспоре не известны. Учитывая ограниченное количество кирпича с такими клеймами, обнаруженного пока только при раскопках Горгиппии [Гайдукевич, 1947, с. 26, № 4; Цветаева, 1975, с. 99 - 100], эту мастерскую, как и подавляющее большинство аналогичных, следует рассматривать в качестве небольшого предприятия по выпуску керамических строительных материалов, которые в основном использовались на месте. С известной степенью риска можно предположить, что изготовление кирпича велось в домашнем хозяйстве семьи Аспурга еще до того, как он стал боспорским царем [Зубарь, 2001, с. 146 – 149; ср.: Алексеева, 1997, с. 178].

Следует обратить внимание на то, что в первые века для жилой архитектуры боспорских городов весьма характерной становится хорошо развитая хозяйственная функция городских домов, о чем свидетельствуют не только квартал ремесленников, раскопанный в Горгиппии [Кругликова, 1985, с. 70 - 76; Алексеева, 1997, с. 90 – 91], но и дом винодела II -III вв. в Мирмекии (рис. 119), а также мукомольный комплекс того же времени в Танаисе

Рис. 119. План дома винодела II -III вв. в Мирмекии, по А. Н. Карасеву и С. Д. Крыжицкому.

[Шелов, 1972, с. 79 - 80; Крыжицкий, 1982, с. 68, 101 – 110]. Аналогичное явление прослежено в архитектуре и других северопричерноморских центров. Например, в Херсонесе раскопан хозяйственно-жилой комплекс с рыбозасолочной ванной [Крыжицкий, 1982, с. 99 – 100]. Безусловно, в крупных античных центрах это явление следует связывать с увеличением в экономике, особенно во II - первой половине III вв., удельного веса товарного производства промыслов и ремесла, которые приносили в это время устойчивый доход.

В противоположность городам, несколько иную картину имеет жилая архитектура сельских населенных пунктов европейского Боспора. Изучение застройки поселения у дер. Семеновки и Илурата показали, что жители этих населенных пунктов сочетали занятие сельским хозяйством, скотоводством и рыболовством с производством керамики и ткачеством [Гайдукевич, 1958 а, с. 143 - 144; Сокольский, 1969, с. 67; Кругликова, 1966, с. 127 - 130; 1970, с. 80; Крыжицкий, 1982, с. 133]. Но, несмотря на определенную степень участия в товарно-денежных отношениях, о чем свидетельствуют находки монет на сельских поселениях [Кругликова, 1972, с. 29; ср.: Гайдукевич, 1958 а, с. 140], жители этих и подобных им сельских городищ в целом вели натуральное хозяйство. В немалой степени это было, очевидно, связано с различным правовым положением основной массы населения боспорских городов, ряд которых имел права внутреннего самоуправления, и жителями военно-хозяйственных поселений, расположенных на царской земле и плативших налог-ренту верховному собственнику земли.

Заканчивая обзор главных боспорских промыслов и характерных особенностей ремесленного производства, следует подчеркнуть, что, если в эллинистический период производство вина было сосредоточено главным образом на сельских поселениях, небольших боспорских городках (Нимфей, Мирмекий, Тиритака) и окрестностях Пантикапея, то в первые века винодельни фиксируются в пределах наиболее крупных городов (Пантикапей, Фанагория, Горгиппия). Здесь же наблюдается значительная концентрация ремесленных мастерских, а такие небольшие городки, как Тиритака и Мирмекий, наряду с виноделием, становятся центрами рыбозасолки. Все это позволяет говорить о постепенном изменении функций городов на территории Боспорского царства. Из преимущественно общественных и религиозных во II - III вв. они превращаются в центры переработки сельскохозяйственной продукции и ремесла, что следует рассматривать в качестве одной из характерных особенностей развития городских центров в это время. Во II - III вв. боспорские города были уже не только центрами концентрации и перераспределения сельскохозяйственной продукции, но и ее переработки, а также концентрации различных ремесленных производств, которые располагались, как правило, на окраинах. В хозяйственной жизни боспорских центров, особенно крупных, растет удельный вес товарного производства и товарного обращения, что вело к более быстрому, чем это было ранее, развитию в них собственно городских социально-экономических структур [подр. см.: Зубарь, 1993, с. 118 – 120]. А это

предполагает увеличение в составе жителей лиц, которые не являлись землевладельцами или землепользователями и не принимали непосредственного участия в сельскохозяйственном производстве [ср.: Андреев, 1987, с. 18], что не могло не сказаться на социальном составе их населения.

Торговля и денежное обращение. Стабилизация военно-политической обстановки вокруг Боспора, что привело к подъему сельского хозяйства, промыслов и ремесленного производства в I – II вв., не могло не отразиться на объемах торговли с античными центрами и варварским окружением. В первые века н. э. с Боспора и близлежащих территорий в античные центры экспортировались продукты земледелия, скотоводства и соленая рыба. В частности, по эпиграфическим памятникам известно, что из Горгииппии на рубеже II – III вв. вывозились достаточно крупные партии зерна [КБН, 1134]. Из античных центров на Боспор и далее в Северное Причерноморье привозились высококачественные вина и оливковое масло в амфорах, краснолаковая столовая посуда, производившаяся в Пергаме и на Самосе, стеклянные сосуды из Сирии, Египта, западных римских провинций и др. Все эти товары поступали преимущественно через античные центры Южного Причерноморья, которые со времени вхождения Боспора в состав Понтийской державы Митридата VI Евпатора оставались основными торговыми партнерами северопричерноморских центров [Кругликова, 1966, с. 205 – 218; Берзина, 1979, с. 112 – 114; Брашинский, 1984, с. 182 – 183; Сапрыкин, 2006, с. 229 – 230].

Наряду с понтийской торговлей, продолжали развиваться экономические связи с варварским миром. Судя по сообщениям древних авторов и археологическим источникам, в Восточном Крыму самым крупным торговым центром оставался как и ранее Пантикапей, а на азиатской стороне Боспора – Фанагория и Горгииппия [Strabo, VII,4, 5; Брашинский, 1984, с. 183; Алексеева, 1997, с. 207 – 208]. В торговле с варварами особую роль играл располагавшийся в дельте Дона Танаис [Сапрыкин, 2006, с. 235, 237]. Страбон следующим образом характеризует его: «Это был общий торговый центр азиатских и европейских кочевников, с одной стороны, и прибывающих на кораблях в Озеро (Азовское море – В. З., В. З.) с Боспора, с другой; первые привозят рабов, кожи и другие предметы, которые можно найти у кочевников, последние доставляют в обмен одежду, вино и все прочие принадлежности культурного обмена» [Strabo, XI, 2,3; пер. Г. А. Стратановского].

Эти слова древнего географа полностью подтверждаются данными, полученными в ходе археологических исследований. Результаты раскопок жилых кварталов Танаиса свидетельствуют, что одной из характерных особенностей жилищно-хозяйственных комплексов этого центра являются глубокие подвалы под домами. Такие подвалы использовались в качестве складских помещений, в которых могло храниться зерно, поступавшее в город, и амфоры с вином и оливковым маслом, провозившиеся в обмен на товары кочевников [Шелов, 1963, с. 122]. В ходе раскопок Танаиса зафиксированы подвалы со значительным

скоплением амфор [Шелов, 1972, с. 17 – 53]. Аналогичные подвалы первых веков н. э. открыты при раскопках Горгиппии [Алексеева, 1997, с. 92 – 93].

В силу специфики археологических источников, основные направления торговых связей прослеживаются главным образом по находкам амфор и другой античной продукции, привозившейся из античных центров. Но недостаточная изученность центров производства амфорной тары и другой продукции античного ремесла первых веков н. э. в сравнении с предшествующими периодами не позволяет пока говорить об удельном весе в торговле с Боспором того или иного центра [Шелов, 1963, с. 119; 1972, с. 116 - 125; Алексеева, 1997, с. 201 – 207]. Поэтому сейчас можно констатировать лишь, что через античные центры, и, в первую очередь, Пантикапей, Фанагорию, Горгиппию и, конечно, Танаис, античные товары в амфорах поступали к поздним скифам Крыма, населению Поднепровья, Прикубанья и Нижнего Дона [Брашинский, 1984, с. 186; ср.: Зеест, 1960, с. 67 - 68; Кропоткин, 1970, с. 151 - 165, рис. 4 - 30; Шелов, 1972, с. 174 – 231]. Активизация внешнеполитической деятельности боспорских царей в западном направлении, начатая еще Аспургом, привела к развитию в I - II вв. торговых контактов с поздними скифами [Зеест, 1954, с. 76 – 77], в которых ведущую роль играл Пантикапей.

Через Фанагорию и Горгиппию в сферу экономической деятельности Боспора было включено население Прикубанья и Предкавказья, а через Танаис - Поднепровья и Подонья. Значительное количество вина в амфорах боспорского производства поступало к сарматам [Зеест, 1960, с. 66] и, видимо, в Ольвию и ее окрестности [Крапивина, 1993, с. 152]. Хотя, учитывая, что в первые века н. э. большие красноглиняные амфоры боспорского производства использовались для хранения зерна и других припасов [Шелов, 1972, с. 75 – 76], в Ольвию они могли поступать и в качестве тары, с продукцией боспорского сельскохозяйственного производства или соленой рыбой [Крапивина, 1993, с. 152].

Итак, можно заключить, что в первые века к варварскому населению Северного Причерноморья поступали товары не только изготовленные в античных центрах Южного Причерноморья, но и в боспорских городах и поселениях. Стабилизация военно-политической обстановки вокруг Боспора и развитие торговли не только с античным миром, но и варварским населением привели к подъему местного сельскохозяйственного производства, промыслов и ремесла.

Характерной особенностью торговых отношений с варварским населением Северного Причерноморья в первые века является использование боспорских и римских монет в качестве эквивалента, чего ранее не было. Об этом можно судить по находкам монет на нижнедонских городищах, располагавшихся в окрестностях Танаиса [Шелов, 1972, с. 192 – 194], что свидетельствует о наличии здесь товарно-денежного обмена. Этот археологически засвидетельствованный факт позволяет говорить о тесных и достаточно развитых экономических контактах варварского населения с Танаисом, что неизбежно вело к увеличению степени его эллинизации. Отмеченный процесс имел место и в окрестностях Херсонеса, где

обмен с варварским населением в первые века н. э. частично был построен на использовании денег [см.: Сорочан, 1981, с. 32]. Такое же явление отмечено Тацитом для Германии, где деньгами пользовались преимущественно германцы, обитавшие близ границ с империей [Тас. Гер., 5; см.: Колосовская, 1997, с. 100 – 106].

О степени вовлечения варварского населения в товарно-денежный обмен, который в первую очередь был характерен для населения ближней варварской периферии боспорских центров, свидетельствует резкое увеличение в это время монетных кладов [см.: Кропоткин, 1961]. Однако это, в отличие от находок единичных монет, не позволяет говорить о росте удельного веса в экономике варварских социумов монеты как средства платежа, а является лишь четким показателем того, что монета в варварской среде ценилась и использовалась преимущественно в качестве средства накопления [Брашинский, 1984, с. 184].

На основании имеющихся археологических источников, и в первую очередь остатков производственных комплексов, можно говорить о подъеме в I - первой половине III вв. не только внешней, но и внутри боспорской торговли, которая пока, к сожалению, практически не изучена. Хотя есть основания предполагать, что в связи с широким развитием мелкого товарного производства в первые века н. э. торговые лавки и торгово-ремесленные ряды концентрировались не только на рынках, но и на улицах более или менее крупных городов [ср.: Сорочан, 1997, с. 65].

Вместе с этим, систематизация нумизматических находок первых веков н. э., обнаруженных при раскопках Тиритаки и Мирмекия, показала, что их общее количество значительно меньше, чем монет эллинистического периода [Харко, 1952, с. 362]. С другой стороны, количественный анализ находок монет, обнаруженных при раскопках Китея, не позволяет говорить о существенных изменениях в денежном обращении в сравнении с предшествующим периодом [Молев, Молева, 1996, с. 75 - 81; ср.: Молев, 1994, с. 63 – 94].

Сейчас трудно что-то определенное сказать о причинах отмеченного явления. Но, вероятно, данные нумизматики более или менее верно отражают неравномерное экономическое развитие боспорских городов (в данном случае Мирмекия, Тиритаки, с одной стороны, и Китея, - с другой), а также различный уровень развития в них товарно-денежных отношений и товарного производства, а, следовательно, и внутреннего рынка. Но об этом пока можно говорить лишь в предположительном плане, так как, в отличие от более раннего времени [Шелов, 1965; Молев, 1994, с. 63 – 94], денежное обращение Боспора в первые века н. э. изучено еще недостаточно.

Характерной его особенностью является то, что в товарно-денежный обмен было включено не только население крупных боспорских городов, но и сельской периферии. Исследования И. Т. Кругликовой и А. А. Масленникова показали, что, если находок монет на сельских поселениях IV - II вв. до н. э. сравнительно немного [ср.: Куликов, 2003, с. 152 – 159], то с I в. до н. э. и особенно в первые века н. э. их количество на сельских поселениях резко увеличивается [Кругликова, 1972, с. 27 - 29, табл. 1; Масленников, 1998, с. 208 – 212;

Сапрыкин, 2006, с. 235]. Причем хронология монетных выпусков свидетельствует о неодинаковой интенсивности монетного обращения на сельской территории Боспора, что А. А. Масленников связывает с изменениями в политико-экономическом развитии Боспорского государства [Масленников, 1998, с. 213]. Вместе с тем следует указать, что помимо этого хронология монетных находок на сельской территории европейского Боспора свидетельствует и об увеличении или падении в определенные периоды боспорской истории удельного веса товарного производства, в которое было вовлечено население не только городов, но и сельской местности. А с другой стороны, учитывая, что именно на хоре европейского Боспора жила основная масса военных поселенцев, которые должны были платить царской администрации определенную ренту-налог за пользование земель, рост количества монетных находок говорит в пользу предположения об ее выплате в денежном выражении. Если это так, то роль товарно-денежных отношений в боспорском обществе первых веков н. э. в сравнении с эллинистическим периодом выросла не только в городах, но и на сельской периферии [Зубарь, 1999б, с. 105].

К сожалению, в силу специфики археологических источников в настоящее время о состоянии экономики Боспора на том или ином этапе исторического развития в первые века наиболее ярко свидетельствуют только данные нумизматики. В силу значительного развития товарно-денежных отношений только нумизматика позволяет в самых общих чертах наметить время подъемов и спадов в экономике.

Исследователями неоднократно отмечалось, что денежное обращение Боспора несло на себе печать римского влияния [Зограф, 1951, с. 203; 1955, с. 159 - 169; Кругликова, 1966, с. 185 - 218; Фролова, 1992, с. 236]. Например, утверждение боспорского царя в Риме со времени правления Котиса I отражалось на монетах изображением инсигний (рис. 89). Но в боспорской нумизматике находили отражения не только события политической истории, на которые в первую очередь обращается внимание, но и те изменения, которые происходили в экономическом положении государства. Им в данном контексте и нужно уделить основное внимание.

Вслед за М. И. Ростовцевым, прекращение золотой чеканки Боспора в 62/63 гг. объясняется обычно тем, что именно в это время Нерон собирался предпринять какие-то действия, направленные на превращение Боспорского царства в римскую провинцию [Ростовцев, 1915, с. 1 - 6; ср.: Зограф, 1951, с. 200; Фролова, 1976, с. 108 - 110; Анохин, 1977, с. 64; 1999, с. 143; Цветаева, 1979, с. 16; Дьячков, 1992, с. 86]. Не вдаваясь в детальное рассмотрение этого вопроса, хотелось бы лишь подчеркнуть, что в пользу этого нет прямых и надежных источников. Поэтому прекращение боспорской золотой чеканки может быть объяснено и иными причинами.

Финансовое положение империи в период правления Нерона было достаточно сложным. Безудержные траты императора и его приближенных истощили казну и привели к тому, что Нерон с целью ее пополнения не останавливался

даже перед прямым грабежом сограждан [Suet. Nero, 30 - 32, 45]. С середины 60-х годов I в. был понижен вес ауреусов, а в руках императора был сконцентрирован не только выпуск золота и серебра, но и медной монеты, которая до этого выпускалась от имени Сената [Mattingly, 1976, p. 21; Burnett, 1977, p. 52, 62]. Все эти мероприятия в сфере финансов должны были обеспечить пополнение государственной казны, которая уже не могла безболезненно покрывать все возрастающие траты императорского двора. Если все это соотносить с прекращением чеканки золота, изменением типологии и веса медных монет на Боспоре [Зограф, 1951, с. 198 – 200], а также отсутствием чеканки монет Херсонеса и Тире, то напрашивается вывод о тесной взаимосвязи этих явлений.

Тацит сообщает, что в правление Нерона денежные поборы опустошили не только Италию и провинции, но и коснулись союзных народов и государств, которые именовались «свободными» [Tac. Ann., XV, 45]. Исходя из этого, следует полагать, что и Боспор не остался в стороне от этого процесса, который нашел отражение в нумизматике [Зограф, 1951, с. 200; Анохин, 1986, с. 98]. Видимо, Боспорское царство было обложено значительной данью, которая формально взималась как плата за защиту от варваров. На такую возможность косвенно указывает сугубо проримская ориентация Котиса I [Зубарь, 1999б, с. 107] (рис. 89).

В прямой связи со сказанным стоит вопрос о римских финансовых субсидиях Боспору. Рассматривая монетную чеканку времени правления Савромата I (93/94 - 123/124 гг.), В. А. Анохин полагал, что наличие на боспорских монетах, в первую очередь, золоте дополнительного знака в виде «точки» свидетельствует об их выпуске за счет римских субсидий [Анохин, 1986, с. 105 – 109]. В свое время М. И. Ростовцев, говоря о взаимоотношениях Савромата I с Римом в период правления Траяна, отметил, что на администрации провинции Вифиния лежала обязанность выплачивать боспорским царям субсидии. Полагая, что такая практика существовала со времени Траяна, он со ссылкой на Лукиана писал о приезде в Вифинию специальных боспорских уполномоченных, которые якобы получали их от администрации этой провинции [Ростовцев, 1917, с. 129 - 130; ср.: Доватур, 1959, с. 38]. Такой вывод был повторен современными исследователями и прочно вошел в работы, посвященные римско-боспорским взаимоотношениям [Дьяков, 1942, с. 32; Гайдукевич, 1949, с. 333; 1971, S. 348; Кругликова, 1966, с. 23; Цветаева, 1979, с. 16 - 17, 18, 50; Шелов, 1981 б, с. 60 - 62; Масленников, 1986, с. 179; Дьяков, 1992, с. 89; Абрамзон, Фролова, Горлов, 2000, с. 62; Сапрыкин, 2006, с. 232]. Это устоявшееся в литературе мнение в определенной степени повлияло и на В. А. Анохина, хотя он нигде и не ссылается ни на М. И. Ростовцева, ни на других исследователей, разделявших эту точку зрения. Учитывая первостепенное значение правильного решения этого вопроса, не безынтересным будет вновь вернуться к анализу источников по этому вопросу, что позволит избежать ряда неясностей при характеристике римско-боспорских взаимоотношений в финансовой сфере.

Исходя из сказанного, сейчас нельзя утверждать, что уже со времени правления Траяна империя оказывала Боспору помощь денежными субсидиями [ср.: Sherwin-White, 1966, P. 648]. Напротив, статус союзного царства накладывал на боспорских царей определенные обязанности, в том числе и выплату трибута, который доставлялся наместнику Вифинии. В этом отношении показательным еще одно более позднее свидетельство. Аммиан Марцеллин пишет, что в 362 г. боспорцы направили посольство к императору Юлиану с просьбой, чтобы за внесение ежегодной дани он разрешил им жить спокойно в пределах родной земли [Amm. Marc., XXII, 7, 10]. Эта просьба, скорее всего, отражала попытку возобновить традиционные отношения с империей, когда Боспор, являясь союзником Рима, выплачивал Римской империи ежегодный трибут.

Показательно, что в Херсонесе часть проституционной подачи шла на нужды римского гарнизона [IOsPE, I², 404; Ростовцев, 1916, с. 63 – 69], а в одной ольвийской надписи прямо говорится об отсрочке платежей в провинцию [IOsPE, I², 54]. Если такие центры, как Херсонес и Ольвия, выплачивали определенные суммы римской администрации, то сомнительным представляется, что Боспорское царство, неизмеримо более сильное в экономическом отношении [ср.: Сапрыкин, 2006, с. 221], во II в., напротив, получало ежегодные субсидии, тем более что в пользу такого заключения нет бесспорных данных.

Вслед за М. И. Ростовцевым Н. А. Фролова полагает, что отсутствие золотой чеканки царя Евпатора в 171 - 173 гг. и ухудшение качества золотых монет этого царя во второй половине 60-х гг. II в. можно связывать с временным прекращением предоставления римских субсидий Боспорскому царству [Ростовцев, 1918, с. 164; Фролова, 1971, с. 66, 69; ср.: Зограф, 1951, с. 203] (рис. 120). Но говорить о финансовой помощи Боспору в настоящее время нет оснований. Поэтому отмеченное с 165 г. сокращение выпуска золота и меди нельзя связывать с прекращением римских субсидий. В противном случае нужно будет признать, что вся финансовая система царства и благосостояние его жителей решающим образом зависели от финансовой помощи империи, без которой Боспор испытывал определенные затруднения. Но это плохо согласуется с тем, что известно об экономическом развитии царства и не может быть доказано, исходя из других категорий источников.

Н. А. Фролова, вероятно, права в том, что положение, сложившееся в денежном обращении Боспора во второй половине 60-х - начале 70-х гг. II в., тесно связано с истощением финансов империи [Фролова, 1971, с. 69]. Военная активность Рима на Востоке и Маркоманские войны на Западе требовали от империи значительного напряжения сил, что в конечном итоге привело к почти полному истощению государственной казны [SHA, M. Aug., 12; Бокщанин, 1966, с. 268 – 277]. В таких условиях римской администрацией, видимо, были предприняты меры по увеличению сумм, которые поступали от союзников. Учитывая, что Тиберий Юлий Савромат был союзным Риму царем, можно предположить, что в период осложнения финансового положения империи, связанного с войнами, Боспорское царство было вынуждено

Рис. 120. Монетная чеканка времени Евпатора, по В. А. Анохину.

увеличить размеры сумм, которые выплачивались в качестве трибута. Этим, скорее всего, и объясняются изменения в количестве и качестве монет, которые чеканились в заключительный период правления Евпатора. Такое положение в конечном итоге привело к истощению золотого запаса Боспора и прекращению чеканки статеров между 170/171 – 173/174 гг. [Фролова, 1971, с. 62; Анохин, 1986, с. 112 – 113].

В 174/175 гг. к власти на Боспоре пришел Тиберий Юлий Савромат II, длительный период правления которого был отмечен активной внешней политикой, направленной на укрепление границ царства. Однако прежде, чем перейти к активным военно-политическим акциям около 186 г. он провел денежную реформу, в результате которой в обращение был выпущен ряд новых монетных типов [Зограф, 1938, с. 303 – 305; 1951, с. 204 – 205; ср.: Карышковский, 1964, с. 144]. Как уже отмечалось, выпуск каждой новой серии даже медных монет приносил значительный доход казне и на короткое время улучшал финансовое положение государства [Виноградов Ю. Г., 1989, с. 207 – 208 с литературой]. В данном случае основные закономерности монетного дела Боспора времени правления Савромата II, прослеженные А. Н. Зографом, убеждают в том, что денежная реформа этого царя была главным образом направлена на покрытие возросших военных расходов [Зограф, 1951, с. 205]. Выпуск Савроматом золотых монет из бледного золота в годы, предшествовавшие реформе, свидетельствует об ухудшении экономического положения цар-

Рис. 121. Монетная чеканка царя Савромата II, по В. А. Анохину.

ства в сравнении с периодом правления Евпатора [Зограф, 1951, с. 204]. Следовательно, можно полагать, что неблагоприятные тенденции в экономике Боспора начали проявляться уже при Савромате II. Однако они не носили катастрофического характера и были, видимо, замедлены после проведения денежной реформы 186 г. (рис. 121).

В период правления наследника Савромата II - Рескупорида II экономическое положение Боспора ухудшилось, о чем можно судить по увеличению объемов чеканки и дальнейшему снижению содержания золота в монетах [Фролова, 1980, с. 26; 1997, с. 148; Анохин, 1986, с. 118], хотя вряд ли можно говорить о начале экономического кризиса, вызванного внутриэкономическими

факторами.⁶² Хронологически с этим совпадает появление на боспорском престоле царей-соправителей, что в период после правления Рескупорида становится обычной практикой [Фролова, 1980, с. 17; Анохин, 1986, с. 120]. Введение института соправительства, вне всякого сомнения, свидетельствует об ослаблении в первой половине III в. царской власти, связанном в первую очередь с неблагоприятными тенденциями в экономике царства [ср.: Болгов, 1996 а, с.71].

Вероятно, только к этому или несколько более позднему времени следует относить сообщение Зосима о римских субсидиях (δῶρα) [Zosim, I, 32, 2], которые выделялись римской администрацией боспорским правителям для укрепления экономического и военного положения государства. Ведь вплоть до середины III в. боспорские цари именовались «друзьями цезаря и друзьями римлян» и помещали изображения правящих императоров на своих монетах. Не исключено, что субсидии боспорским царям стали регулярно выплачиваться после разгрома Горгииппии и оседании на юго-восточных границах Боспора военных дружин варваров.

Если сравнить данные имеющихся источников, то можно констатировать, что, несмотря на безусловный подъем, который имел место на Боспоре на протяжении I - II вв., экономическое положение государства на протяжении всего этого времени не было устойчивым и стабильным. Периоды подъемов сменялись спадами, причем боспорская администрация предпринимала меры по предотвращению обесценивания статеров. Наиболее четко это прослеживается пока только по характеру монетных выпусков и денежному обращению [Зограф, 1940, с. 60]. И только применительно к первой половине III в. на основании данных нумизматики можно говорить о первых серьезных признаках кризиса [Блаватский, 1964, с. 204; ср.: Фролова, 19976, с. 147]. Однако имеющиеся материалы не позволяют видеть его причины исключительно в области экономики [Блаватский, 1964, с. 204]. Это в первую очередь было связано с все увеличившимися тратами боспорских царей, которые не только содержали огромный бюрократический аппарат [Блаватский, 1964, с. 210 - 213; 1985 в, с. 244; Болгов, 1996 а, с. 76 - 80], но и вынуждены были значительные средства направлять на укрепление обороноспособности государства в связи с существенными изменениями военно-политической обстановки на границах, которые были вызваны передвижениями варварских племен [Сидоренко, 2001, с. 137 - 145].

Нарушение устоявшихся экономических связей, возросшие военные расходы, наконец, разгром Горгииппии и оседание в ее окрестностях нового, видимо, пришедшего с севера населения, а также начало так называемых «скифских» походов против римских провинций в комплексе явились основной причиной по-

⁶² В этом отношении показательно, что в археологических слоях и кладах Горгииппии обнаружено 59 монет Савромата II, а ко времени правления его сына Рескупорида относится уже 233 монеты [см.: Фролова, 1997, с. 146].

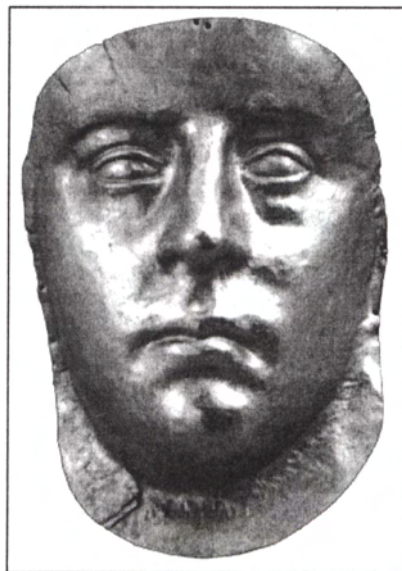
Рис. 122. Золотая маска из боспорской царской гробницы. III в. Государственный Эрмитаж. С. – Петербург.

лосы глубокого экономического кризиса, в который вступило Боспорское царство в середине III в. Но главной из них была гибель сельскохозяйственных поселений на территории хоры, ибо основой экономики Боспора продолжало оставаться сельское хозяйство. Негативные процессы, происходившие в этой отрасли производства, являлись определяющими для всей экономической системы Боспора.

Социальный состав населения. Основные тенденции экономического развития Боспора во второй половине I в. до н. э. - третьей четверти III вв. позволяют в общих чертах охарактеризовать социальный состав боспорского общества.

Боспорский царь продолжал оставаться верховным собственником земли, которая являлась основным условием и средством производства. Этим было обусловлено то, что царскую семью, его приближенных и государственный аппарат, который осуществлял политику на местах, следует рассматривать в качестве привилегированного слоя общества. Боспорское государство в лице царя по праву обладания государственной властью выступало в качестве крупного собственника, который отчуждал значительную часть прибавочного продукта в форме налога-ренты с земледельческого населения (рис. 122). А это в свою очередь позволяет предполагать значительный удельный вес государственно-редистрибутивного сектора в экономике Боспора [см.: Илюшечкин, 1986, с. 167; Павленко, 1989 а, с. 174]. В таких условиях объем прав различных слоев населения фиксировался по сословно-правовому признаку, и сословное деление общества способствовало имущественному неравенству.

Представители боспорской знати, приближенной к царю, и чиновники государственного аппарата, опиравшиеся на вооруженные отряды боспорской армии (рис. 123), выступали в качестве слоя эксплуататоров основной массы населения государства. В качестве резиденций таких государственных чиновников можно предположительно рассматривать так называемые укрепленные усадьбы, как, например, укрепление у дер. Ново-Отрадное и дом Хрисалиска (рис. 103). Боспорские должностные лица, проживавшие здесь, очевидно, сочетали государственную деятельность с занятием сельским хозяйством. Этим должностным лицам в окрестностях их резиденций царской администрацией выделялся определенный земельный фонд, и они в условиях Боспора могут рассматриваться в качестве сравнительно крупных землевладельцев (рис. 124).

В настоящее время можно говорить о концентрации земли на Боспоре в первые века, но в целом это явление не характерно для сельскохозяйственной территории Боспорского государства. Локализация крупных землевладений в непосредственной близости от крупных городских центров позволяет предполагать, что их следует рассматривать в качестве владений боспорских чиновников, приближенных или придворной знати царя (ἀριστολυεῖται), которые освобождались от уплаты налогов. Не исключено, что представители привилегированного слоя боспорского общества активно участвовали в крупной морской

и посреднической оптовой торговле, которая приносила наибольшую прибыль. Но об этом ввиду отсутствия источников можно говорить лишь предположительно на основании письменных источников и аналогий из других районов античного мира [подр. см.: Зубарь, 1993, с. 87–88].

Значительный удельный вес государственно-редистрибутивного сектора экономики Боспорского государства в первые века н. э. предполагает, что его нормальное функционирование было возможно только при наличии

Рис. 123. Надгробные рельефы с изображением тяжеловооруженного конного боспорского воина (вверху) из Танаиса и легковооруженных всадников, по КБН (альбом).

Рис. 124. Портретная мраморная статуя знатного жителя Пантикапея. Вторая половина I в. Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Москва.

значительного слоя населения, выплачивавшего земельную ренту-налог. В условиях Боспора это были держатели небольших участков земли, которая им передавалась из царского фонда в условное владение. За пользование землей ее держатели должны были нести определенные повинности в пользу боспорского правящего дома и участвовать в вооруженной защите государства [ср.: Сапрыкин, 2006, с. 233 – 234]. Именно этот слой населения Боспора, значительную часть которого составляли эллинизированные варвары, и являлся основной производящей силой в сельскохозяйственном производстве. Статус указанной группы населения может быть определен как военных поселенцев, а имеющиеся данные позволяют утверждать, что такая система отношений на хоре Боспора начала складываться еще в позднеэллинистический период и просуществовала в своей основе вплоть до третьей четверти III в. (рис. 125).

Суммируя, следует заключить, что одной из самых многочисленных категорий сельского населения Боспора в первые века н. э. были военные поселенцы, которые, помимо хозяйственной деятельности, охраняли границы государства и являлись опорой боспорского царя. Но наряду с этим, за пользование землей они, вероятно, вносили в казну определенный налог-ренту, которая была главным источником пополнения казны и способствовала нормальному функционированию Боспорского государства. Контроль за сбором ренты-налога осуществлялся специальными уполномоченными боспорского царя, на которых была возложена обязанность руководства определенными административными районами государства. Возникновение военно-хозяйственных поселений, которые в количественном отношении преобладают над иными типами памятников, вероятно, следует рассматривать в качестве решающего фактора стабилизации социально-экономического и политического положения Боспорского государства в первые века н. э.

Неукрепленные сельские поселения, зафиксированные на территории азиатского Боспора, которые существовали здесь до конца античной эпохи,

1

2

Рис. 125. Пешие боспорские воины.

1. *Фрагмент росписи погребального склепа, по М. И. Ростовцеву.*

2. *Изображение на надгробии, по КБН (альбом).*

рассматривать в качестве категории населения, близкой римским колонам [ср.: Блаватский, 1985 в, с. 243] или крепостным.

Говоря о зависимых слоях населения Боспора в первые века н. э., нельзя не остановиться на манумиссиях, которые появляются здесь в I в. Манумиссий, т. е. эпиграфических документов об отпуске рабов на волю, сейчас известно около полутора десятков [Блаватский, 1953, с. 186 - 190; 1954, с. 40 - 41; Блаватская, 1958, с. 91 - 96; КБН, 69 - 72, 74; 985, 986, 1123- 1128; Кругликова, 1965, с. 9, прим. 32; Даньшин, 1993, с. 59 - 64], наиболее ранняя из которых датируется 16 г. [КБН, 985], а самая поздняя - периодом правления Савромата II (174/175 - 210/211 гг.) [КБН, 74].

свидетельствуют о том, что на территории Боспора жили и иные категории сельского населения. Вполне возможно, что обитатели этих поселений, расположенных на царской земле, были организованы в общины и за пользование землей должны были также выплачивать определенную ренту-налог.

Сейчас нет убедительных данных, которые бы позволяли говорить о наличии на Боспоре крупных латифундий, где применение в широких масштабах рабского труда было экономически оправдано. Вероятно, в крупных хозяйствах, как и на царской земле, в основном использовался труд населения широкого правового спектра. Об этом, в частности, свидетельствует 151 г. с упоминанием пелатов, которых следует рас-

течений, ставших особенно популярными в первые века н. э. Как свидетельствуют тексты манумиссий, одним из основных условий отпуска на волю был переход вольноотпущенников в разряд адептов иудейской религии или почитателей Бога Высочайшего [Даньшин, 1993, с. 64; Болгов, 1996 а, с. 102].

В связи с этим интересно, что во всех манумиссиях, за исключением одной [КБН, 73], речь не идет об отпуске на волю каких-то групп рабов, а лишь одного раба или рабыни. Это позволяет достаточно уверенно говорить, что боспорские манумиссии отражают отпуск на волю рабов, в своей массе занятых в домах своих хозяев, а не в сфере материального производства. Такое заключение хорошо согласуется с тем, что в манумиссиях для обозначения отпускаемых на волю рабов использован термин *θρεπτός* [КБН, 70, 71, 74, 985, 1021, 1123 – 1125], которым обозначались рабы, выросшие в доме своих хозяев. Поэтому в настоящее время манумиссии не могут рассматриваться в качестве надежного источника по вопросу о наличии на Боспоре развитого рабовладения и его кризиса, а в первую очередь являются показателем определенных изменений, которые происходили не только в этническом составе, но и в идеологии населения Боспорского государства [Зубарь, 1997, с. 77 – 78].

Еще один социальный слой населения Боспора представляли жители боспорских городов. Какая-то их часть, безусловно, владела определенным земельным фондом [ср.: Сапрыкин, 2006, с. 235], но, так как верховным собственником земли на Боспоре был царь, население большинства греческих центров за пользование своими участками, вероятно, должно было выплачивать определенный форо́с в государственную казну. В ряде случаев плата за пользование землей по распоряжению царя вносилась не в государственную, а городскую казну, и эти средства в основном шли на нужды гражданской общины.

Имущественное положение населения больших и малых боспорских городов было разным. Среди него были и зажиточные люди, лица среднего достатка и бедняки. Однако все они были подданными боспорского царя и в силу этого должны были платить налоги. Развитие ремесла, в котором количественно преобладали сравнительно небольшие мастерские, и локализация их в черте городских кварталов, где они были тесно связаны с лавками, свидетельствуют, что в боспорских городах в ремесленном производстве были в основном заняты лично свободные слои населения, которые, как правило, не использовали рабский труд или труд лиц со стороны. Мелкотоварный характер боспорского ремесленного производства позволяет говорить, что в этой отрасли производительной деятельности могли участвовать представители самых широких слоев населения.

В крупных боспорских центрах это явление следует связывать с увеличением в экономике, особенно во II - первой половине III вв., удельного веса товарного производства ремесла, которое приносило в то время устойчивый доход. Это в свою очередь вело к увеличению количества лиц, которые не являлись землевладельцами или землепользователями и не принимали непосредственного участия в сельскохозяйственном производстве.

БОСПОР В ТРЕТЬЕЙ ЧЕТВЕРТИ III - ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ VI вв.

С третьей четверти III в. в истории Боспора и античных государств Северного Причерноморья в целом начинается новый этап развития. Если раньше он тесно увязывался с социально-экономическим кризисом в Римской империи [Сергеев, 1996, с. 184 – 185; 1997, с. 48; 1999], то теперь основное внимание должно быть уделено последствиям варварских нашествий, получивших название «готских» или «скифских» войн [подр. см.: Хайрединова, 1994 – 1995, с. 517 – 527; Айбабин, 1999, с. 32 – 33, 36; Зубарь, Хворостяный. 2000, с. 5 – 19], ибо их результаты не могли не отразиться на особенностях социально-экономического и политического развития Боспорского государства.

Историческое развитие. Между концом 50 и концом 60-х гг. III в. были разрушены Тира и Ольвия, а несколько позже, около середины 60-х гг., по территории Крыма прокатилась волна варваров, которые разгромили не только позднескифские городища Таврики, но и населенные пункты европейского Боспора [Кругликова, 1966, с. 40; 1975, с. 136 – 137; 1988, с. 159 – 162]. На Боспор они вторглись с запада, так как античные поселения, расположенные на Таманском полуострове, не пострадали [Блаватский, 1964, с. 208; Кругликова, 1966, с. 178 – 188, 220] (рис. 95).

С продвижением варваров на европейский Боспор следует связывать целый ряд кладов, самые поздние монеты из которых датируются 267 г. [Фролова, Шургая, 1982, с. 91 – 94; Фролова, 1980а, с. 73; 1989, с. 198], и временное прекращение боспорской монетной чеканки в 268 г. [Анохин, 1986, с. 124; ср.: Айбабин, 1999, с. 37; 2003, с. 10]. Это, наряду с археологическим материалом, свидетельствует о силе нашествия и о плачевных его последствиях для боспорской экономики [Гайдукевич, 1949, с. 449, 454; Айбабин, 1999, с. 37]. Существует мнение, что варваров не интересовали малые города и поселения Боспора [Айбабин, 1999, с. 33], но вторжения не прошли и для них бесследно. Об этом, в частности, свидетельствует прекращение функционирования во второй половине III в. в Мирмекии и Тиритаке крупных комплексов по переработке рыбы [Гайдукевич, 1952 б, с. 208 – 211; 1958 а, с. 68 – 69; Зинько А., 2005, с. 106 – 110].

Вполне возможно, что к этому времени относится надпись царя Хедосбия, датирующаяся по шрифту второй половиной III в. [КБН, 846; Гайдукевич, 1949,

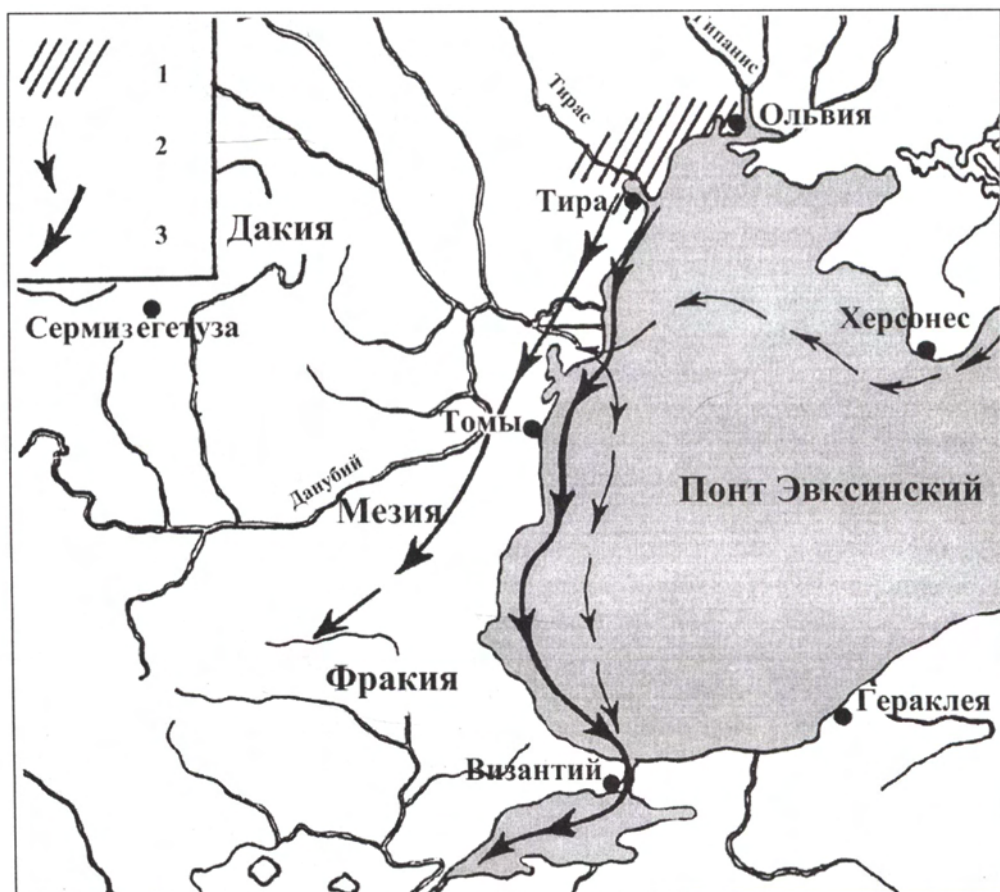

Рис. 126. Походы варваров вдоль побережья Западного Причерноморья Черного моря, по В. П. Будановой.

1 – район концентрации сил варваров перед походами; 2 – поход 267 – 268 гг.; 3 – поход 269 – 270 гг.

с. 452; Блаватский, 1964, с. 209].⁶³ Этот царь мог стоять во главе вторгшихся на Боспор варваров и, захватив на какое-то время власть в Пантикапее, осуществил подготовку и проведение морского похода 267 – 268 гг. против римских провинций [ср.: Gajdukevič, 1971, S. 475 – 476; Abb. 21; Фролова, 1992, с. 106; подр. см.: Буданова, 1984 а, с. 35; Хайрединова, 1994, с. 517 – 527] (рис. 126).

Если до рубежа 60-х – 70-х гг. III в. для взаимоотношений Римской империи и «готов» были характерны вооруженные конфликты, то после 269 г. римская

⁶³ Н. Н. Болгов предположил, что время правления царя Хедосбия следует относить к 280 – 283 гг. [Болгов, 1996 а, с. 33]. Однако этот вывод, к сожалению, недоказуем, а варварское имя и отсутствие монетной чеканки этого царя до появления нового бесспорного материала говорит, скорее, в пользу отнесения времени его правления к периоду готских войн.

администрация стала практиковать расселение их части, в частности германцев, вдоль правого берега Дуная на правах союзников империи [Cătănciu, 1981, p. 55]. Это ослабило нажим на империю, и со времени правления Аврелиана (270 – 275 гг.) на дунайской границе положение постепенно стабилизируется [Буданова, 1990, с. 105, 100 – 101]. Результатом этого стало появление в Северо-Западном Причерноморье постантичных раннеполитических структур, в состав которых были включены бывшие античные центры, которые следует рассматривать в качестве политико-редистрибутивных центров обширной варварской конфедерации [Павленко, Сон, 1991, с. 9, 11, 14].

Становление раннеклассового варварского государственного объединения в Северо-Западном Причерноморье не было локальным, и, как свидетельствует сравнительный материал, его следует рассматривать в качестве глобального евразийского явления определенной ступени социально-экономического развития варварской периферии античного мира [Павленко, Сон, 1991, с. 7; Павленко, 1994, с. 267 – 273].

До недавнего времени считалось, что после разгрома Танаиса в середине III в. жизнь на его территории возродилась только во второй половине IV в. [Шелов, 1972, с. 326 – 328; Арсеньева, Науменко, 1995, с. 47]. Но относительно недавно была высказана интересная мысль о том, что новое поселение на месте Танаиса могло возникнуть уже в конце III – начале IV вв. [Безуглов, Захаров, 1989, с. 61 – 62]. В ходе раскопок Танаиса в слоях, которые относятся ко времени после середины III в., обнаружен материал, свидетельствующий о продолжении жизни на месте бывшего античного города. В частности, наличие в верхних слоях Танаиса нескольких групп лепной керамики, типологически близкой черняховской, и других предметов материальной культуры позволили Д. Б. Шелову сделать вывод о проникновении сюда с запада ее носителей [Шелов, 1972, с. 319 – 325; 1978, с. 86; ср.: Арсеньева, 1965, с. 180 – 186, табл. XII; Арсеньева, Науменко, 1995, с. 48; Болгов, 1996 а, с. 57 – 58; Беттгер, 1996, с. 120 – 122; Казанский, 1997, с. 49 – 50; Магомедов, 2001, с. 246 – 249]. Вторая половина III в. представлена в Танаисе плохо. Но имеющиеся данные все же позволяют говорить, что возрождение жизни на территории города произошло не позднее конца III в., и в этом решающую роль сыграли варвары Северного Причерноморья, этнически близкие группам населения, обитавшего на развалинах античных Тиры и Ольвии [см.: Арсеньева, 1977, с. 151; Безуглов, Захаров, 1989, с. 60 – 63; Казанский, 1997, с. 49 – 50]. Не исключено, что определенный процент в составе жителей таких центров составляли греки или их потомки, которые после прихода «готов» продолжали жить на развалинах античных городов [Беттгер, 1996, с. 120 – 122].

Конечно, сделанное заключение нуждается в дополнительной аргументации, которая может быть получена только в ходе дальнейшего целенаправленного исследования верхних слоев Танаиса и публикации всех неизданных пока материалов из раскопок этого центра. Но уже сейчас можно говорить об

нельзя объяснять социальной или какой-то иной борьбой. Статеры Савромата IV на оборотной стороне имели изображение бюста римского императора и чеканились на том же монетном дворе, что и монеты Рескупорида IV [Фролова, 1983, с. 26 – 27]. Скорее всего, сложившееся положение объясняется тем, что в преддверии угрозы варварского вторжения Рескупорид IV укрылся на азиатской стороне Боспора, где отсутствуют следы пожаров и разрушений этого времени. А после возвращения в Пантикапей сделал своим соправителем одного из пользовавшихся авторитетом в этой части государства вельмож, который получил имя Савромата IV при вступлении на престол [ср.: Фролова, 1980а, с.74] (рис. 128). Учитывая, что еще в 30-х гг. III в. на азиатской стороне Боспора осела какая-то часть варваров, можно предположить, что он происходил из среды сильно варваризованного населения этого района. Вероятно, соправительство было оговорено с представителями социальной верхушки населения азиатской территории Боспора еще раньше, как плата за убежище, предоставленное Рескупориду.

Хронологически с появлением на боспорском престоле Савромата IV совпадает очередной поход припонтских племен в малоазийские провинции Римской империи [SHA, Tacit, 13, 2 - 3; Хайрединова, 1994, с. 523]. Участие в этом походе и боспорских кораблей [Ременников, 1964, с. 133] позволяет говорить о том, что это были варвары, хорошо знакомые с результатами предыдущих походов вдоль восточного побережья Черного моря (рис. 98).

Рис. 128. Монеты Савромата IV, по В. А. Анохину.

В 275 г., достигнув Фазиса, они вторглись в провинцию Понт и двинулись в глубь Малой Азии. Пройдя Понт и Вифинию, варвары дошли до Каппадокии [Zonar., XII, 28; Ременников, 1964, с. 133; Буданова, 1990, с. 102]. Навстречу им выступили две римские армии, которые нанесли варварам несколько поражений. После этого, вероятно, на кораблях, курсировавших где-то у берегов Южного Понта, они пытались отступить, но у Боспора Киммерийского были разгромлены преследовавшим их римским флотом [SHA, Tacit, 13, 3; Zosim, I, 64, 2]. За победу в этой войне император Тацит (275-276 гг.) получил титул Готского и Понтийского, а Проб (276 - 282 гг.) - Готского [Буданова, 1990, с. 101 – 102].

Поход 275 г. против римских провинций плохо согласуется с проримской политикой боспорских царей, которую они проводили после готских войн конца 60-х гг. III в. Поэтому можно согласиться с А. М. Ременниковым, что вар-

Рис. 129. Монетная чеканка Тейрана, по В. А. Анохину.

вары с территорий, прилегавших к Боспору, которые, вероятно, первоначально являлись союзниками империи, были направлены боспорским царем в распоряжение Аврелиана для участия в войне с персами. Однако после смерти этого императора нужда в них отпала, и дружины, не желая возвращаться без обещанной добычи, по собственной инициативе вторглись в малоазийские провинции, грабя все на своем пути [Ременников, 1964, с. 131 – 143]. Их мог возглавлять Савромат IV, известный только по монетам 275/276 г. и, вероятно, погибший в ходе одного из столкновений с римскими войсками.

Вслед за этим последовало появление на боспорском престоле нового соправителя Рескупорида IV. – Тиберия Юлия Тейрана (275/276 – 278/279 гг.), который после смерти первого правил еще два года самостоятельно [Анохин, 1986, с. 122, 171 – 172; 1999, с. 167 – 168; ср.: Фролова, 1991, с. 103 – 114; 1997а, с. 73 – 75; Болгов, 1996 а, с. 32 – 33] (рис. 129). Судя по всему, Тейран, имя которого Л. Згуста считает иранским, если и не принадлежал к боспорской династии Тибериев Юлиев, то стремился, чтобы так считали [Масленников, 1990, с. 167]. Но, как бы не решался вопрос относительно происхождения Тейрана, особенно важно, что в период его правления была одержана весьма крупная победа, в ознаменование которой в Пантикапее был воздвигнут памятник «богам небесным, Зевсу Спасителю и Гере Спасительнице, за победу и долголетие царя Тейрана и царицы Элии» [КБН, 36] (рис. 130). В. Ф. Гайдукевич совершенно справедливо полагал, что эта победа, судя по надписи, по своему значению была равносильна спасению государства [Gajdukevič, 1971, с. 474]. В этом отношении показательно, что памятник поставлен от имени высшей знати Боспорского государства [Гайдукевич, 1949, с. 453 – 454; ср. Хайрединова, 1994, с. 523; Айбабин, 1999, с. 38], а после имени Тейрана стоял титул «друг цезаря и друг римлян», свидетельствующий о проримской ориентации царя.

Конечно, сейчас трудно говорить, с каким конкретно событием боспорской истории связан памятник. Но, если вспомнить, что до времени правления Тейрана власть боспорских царей в определенной мере была ограничена и они предоставляли корабли варварам, с известной долей риска это событие можно связывать с победой над последними и восстановлением юрисдикции боспорского монарха на всей территорией государства [Ременников, 1964, с. 135; Болгов, 1996 а, с. 32; Айбабин, 1996, с. 298]. Упоминание в надписи на памятнике наместника Феодосии и начальника аспургиан, как представляется, говорит в пользу именно такого предположения.

Очевидно, воспользовавшись поражением варваров, нанесенным римским флотом, Тейран возглавил борьбу с оставшимися участниками похода 275 г. и в результате решительных действий не только обезопасил государство, но и подчинил их власти боспорского царя. В конкретно-исторических условиях развития Боспора середины 70-х гг. III в. только такая победа и возвращение к про-римской ориентации, а, может быть, и восстановление реального союза с империей, были равносильны спасению государства. Косвенно это подтверждается и стабилизацией взаимоотношений Боспора с империей после 275 г. и активным строительством в Пантикапее, которое исследователи относят именно к этому времени [Кругликова, 1966, с. 18].

После победы Тейрана над варварами ситуация на Керченском полуострове стабилизируется, и правители Боспорского царства контролировали прежнюю территорию [Айбабин, 1999, с. 45]. Нашествия варваров не привели к заметному изменению этнического состава населения европейской части Боспорского царства, но вызвали его

перемещения [Айбабин, 2003, с.11], которые, видимо, выразились в переселении части боспорян из Танаиса и Горгии в Пантикапей и в Феodosию [Даньшин, 1990, с.53-56].

История античных государств Северного Причерноморья конца III - IV вв. очень фрагментарно освещена источниками. Поэтому особое значение для ее реконструкции имеет 53 глава труда Константина Багрянородного «Об управлении империей» [Константин Багрянородный. 1989], написанная на основании херсонесских хроник, датирующихся временем не позднее V в. [Харматта, 1967, с. 205]. Сейчас, несмотря на беллетристический характер изложения, не вызывает

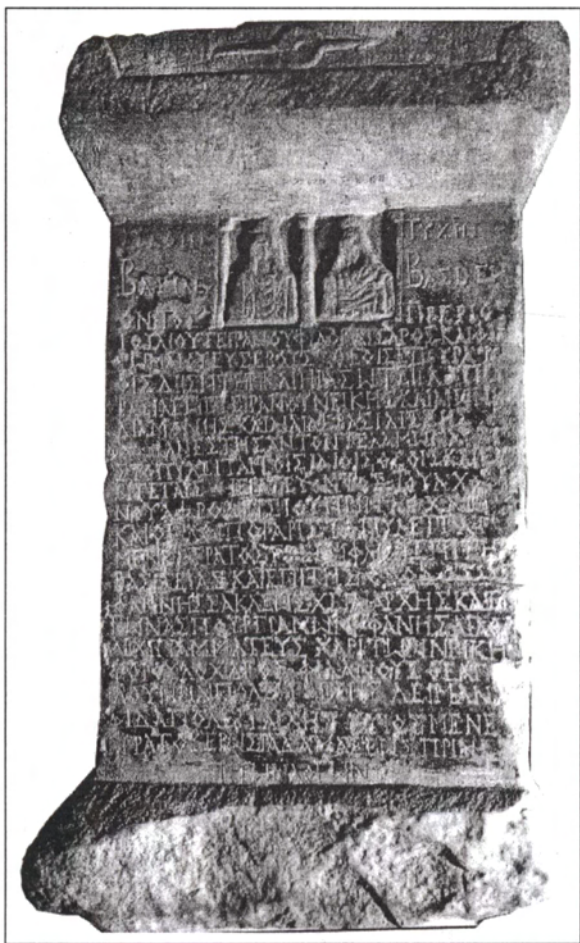

Рис. 130. Памятник из Пантикапея с посвящением богам небесным, Зевсу Спасителю и Гере Спасительнице, за победу и долголетие царя Тейрана и царицы Элии, по КБН (альбом).

Рис. 131. Монеты Фофорса, по В. А. Анохину.

– 266], что позволяет связать его с событиями первой херсонесско-боспорской войны. Кроме того, говоря о завершении войны с Савроматом, Константин Багрянородный сообщает, что Констант был отмечен императором Диоклетианом, что хорошо согласуется с получением им титула *Sarmaticus Maximus* в 294 г. [Barnes, 1982, p. 255, tabl. 5; Kienast, 1990, S. 277]. Исходя из этих, хотя и косвенных, данных рассматриваемые события следует отнести к промежутку времени между 291 и 293 гг. [ср.: Болгов, 1996 а, с. 35 – 38; Зубарь, 1998а, с. 155; Зубарь, Сорочан, 2004, с. 509].⁶⁸

Если указанные события происходили между 291 и 293 гг., то поход варваров в страну лазов и Малую Азию следует связывать с боспорским царем Фофорсом (285/286 – 308/309 гг.), которого Я. Харматта отождествлял с Савроматом Константина Багрянородного [1967, с. 205; ср.: Гайдукевич, 1949, с. 461]. Фофорс, сменивший на престоле Тейрана, вероятно, был выходцем из сармато-аланской среды, о чем свидетельствуют изображения тамги на реверсе его монет [Зограф, 1951, с. 211; Анохин, 1986, с. 126 – 127; 1999, с. 170 – 175; Исанчурин, Исанчурин, 1989, с. с. 73; ср.: Фролова, 1984, с. 51] (рис. 131). В 292/293 г. в чеканке Фофорса имелся перерыв [Анохин, 1986, с. 127; Фролова, 1989, с. 199], который предположительно можно связывать с перипетиями римско-боспоро-херсонесской войны 291 – 293 гг.

Сейчас нельзя ничего определенного сказать о том, каким путем он пришел к власти, но, судя по всему, Фофорс не принадлежал к исконно боспорской правящей династии, а был ставленником местной сарматизированной знати [Блаватский, 1964, с. 217 – 218; Масленников, 1990, с. 167], роль которой все более возрастала на Боспора. Его появление на престоле ознаменовало резкий поворот от проримской политики Тейрана к действиям, направленным против интересов империи. Поход на Кавказ и в Малую Азию был своеобразной реминисценцией морских набегов более раннего времени и, естественно, вызвал противодействие со стороны римской администрации.

⁶⁸ Н. А. Фролова [1984, с. 47 – 52] относит эту войну к более позднему периоду.

Поражение, которое потерпел Савромат - Фофорс, не привело к смене царей на боспорском престоле, но повлекло за собой изменения в его политике. В 294/295 г., наряду с выпуском монет без дифферентов, Фофорс начинает чеканить монеты с «трезубцем» и парой дифферентов «три точки-три точки» [Анохин, 1986, с. 127]. Сейчас трудно сказать, с чем связаны эти изменения, но возвращение к практике помещения указанных дифферентов на монетах, характерное для нумизматики Боспора предшествующего времени, можно предположительно связывать с уступками царя проримски настроенной оппозиции [Блаватский, 1964, с. 218].

Ко времени правления Фофорса относится два эпитафических памятника. В надписи Аврелия Валерия Сога сказано, что он был наместником Феодосии, известен Августам и отмечен Диоклетианом и Максимином. Кроме этого, он, видимо, продолжительное время находился на службе где-то на территории римских провинций [КБН, 64]. Вторая надпись была поставлена в честь Марка Аврелия Андроника, наместника царской резиденции, архонтами Агриппии и Кесарии [КБН, 1051]. Но ни в той, ни в другой надписи правящий боспорский царь не упоминается. Это позволило заключить, что в это время на Боспоре существовала оппозиция царю [Блаватский, 1964, с. 218; 1985 в, с. 248; Болгов, 1996 а, с. 38].

Но, возможно, и иное решение этого вопроса. Поражение Савромата-Фофорса, вероятно, привело к ограничению его власти. В пользу такого вывода свидетельствуют обе упомянутые надписи. Учитывая, что Аврелий Валерий Сог был тесно связан с римской администрацией, можно предположить, что он поставлен наместником Феодосии не боспорским царем, а римской администрацией, заинтересованной в укреплении сил, противодействовавших антиримской деятельности Фофорса [Nadel, 1977, p. 104; ср.: Петрова, 1991 а, с. 103 – 104; 2001, с. 44 – 45]. Упоминание в надписи Марка Аврелия Андроника, помимо римских названий главных городов Боспора, их архонтов свидетельствует о предоставлении гражданским общинам этих центров, видимо, под нажимом римлян, определенных льгот, что позволяет предполагать формальное возрождение тех полисных свобод, которыми гражданские общины пользовались ранее [см.: Сапрыкин, 1986 а, с. 73 - 75; 1990, с. 211 – 213]. Во всяком случае, в надписи времени правления Тейрана архонты не упоминаются [КБН, 36]. Это позволило В. Д. Блаватскому связать возрождение такой должности с политикой, проводившейся римской администрацией в отношении Фофорса [1964, с. 219; 1985 в, с. 247 – 248].

На основании приведенных соображений можно констатировать, что Фофорс на начальном этапе своего правления проводил антиримскую внешнюю политику. Но после поражения в римско-боспоро-херсонесской войне 291 – 293 гг. римская администрация предприняла ряд мер по поддержке проримски настроенных слоев столичных боспорских центров, в результате чего власть боспорского царя была ограничена и на время предотвращена угроза империи, исходящая со стороны варваризованного населения Боспорского государства.

Рис. 132. Статер Радамсада, по В. А. Анохину.

между 323 и 337 гг. [Garnett, 1897, p. 105; Nadel, 1977, p. 99; Анохин, 1977, с. 92].

Однако на основании данных Зосима можно предположить, что в данном случае римские войска и херсонесское ополчение на Истре встретились с северопричерноморскими варварами, во главе которых стоял, скорее всего, бывший боспорский царь [Зубарь, 1994, с. 122 – 123; 1998а, с. 157; ср.: Zosim, II, 21; Буданова, 1990, с. 112]. Боспорский царь Радамсад (Радампсаний), которому созвучно имя предводителя варваров – Равсимод, судя по монетной чеканке, правил на Боспоре в 309/310 – 319/320 гг. [КБН, 65, 66; Гайдукевич, 1949, с. 459; Анохин, 1986, с. 128; 1999, 174 – 175; Исанчурун, Исанчурун, 1989, с. 53 – 96] (рис. 132). Радамсад и близкие ему по конструкции имена Л. Згуста относит к иранским [Zgusta, 1955, №№ 189, 190, 191; ср.: КБН, 947, 1262, 1277, 1278], что позволяет видеть в нем выходца из среды сармато-аланского населения Приазовья [Исанчурун, Исанчурун, 1989, с. 71]. Вероятно, в связи с какими-то не ясными для нас внутренними неурядицами, Радамсад был отстранен от власти Рескупоридом V [см.: КБН, 66], после чего и возглавил поход варваров на дунайскую границу империи [ср.: Харматта, 1967, с. 206]. Конечно, настаивать на этом сейчас нельзя, но, как гипотеза, эта точка зрения вполне имеет право на существование [Зубарь, 1998а, с. 157; ср.: Болгов, 1996 а, с. 39 – 40].

После событий на Истре, согласно повествованию Константина Багрянородного, на протяжении какого-то времени Херсонес ведет еще две войны с Боспором, в результате которых граница между этими государствами была установлена у Кафы, а затем перенесена к Киммерику [Const. Porhp. De adm. imp., 53]. Если две первые войны можно относительно точно датировать по времени правления римских императоров, то выяснение хронологии дальнейших событий сопряжено с определенными трудностями. Константин Багрянородный пишет, что новое военное столкновение с Херсонесом состоялось, когда на боспорском престоле находился «Савромат, внук Савромата, бывшего сыном Крискорона, воевавшего Лазику» (Константин Багрянородный, 1989, с. 255). Иными словами, со времени войны в Лазике на боспорском престоле находился уже третий царь, судя по монетам, скорее всего, Рес-

купорид V⁶⁹, так как римско-боспоро-херсонесскую войну на Кавказе и Малой Азии следует относить ко времени правления Феофора.

В связи с этим интересны результаты анализа кладов первой половины IV в. из Восточного Крыма. Р. А. и Е. Р. Исанчурины установили, что четыре из 15 кладов, содержащие монеты позднебоспорских царей, относятся ко времени не ранее 328 – 329 гг. Они обнаружены в европейской части Боспора, а два из четырех найдены в районе Судака и Феодосии [Исанчурин, Исанчурин, 1989, с. 90 – 92]. Именно там, где, по словам Константина Багрянородного, прошла граница между Херсонесом и Боспором. Все сказанное позволяет относить эту херсонесско-боспорскую войну ко времени правления Рескупорида V и связывать с нею клады, спрятанные на территории европейской части Боспора, а также прекращение массового выпуска монет этим царем [Анохин, 1986, с. 129; Исанчурин, Исанчурин, 1989, с. 92; Болгов, 1996 а, с. 40 – 41].

Не исключено, что после этой войны Рескупорид V покинул Пантикапей и обосновался на азиатской стороне Боспора. В пользу этого, видимо, косвенно может свидетельствовать прекращение массовой чеканки, значительное ухудшение изображений и ошибки на монетах последних лет его правления [Анохин, 1986, с. 131 – 133; 1999, с. 175 – 176]. Такое положение в монетном деле может объясняться изменением производственной базы, которая не позволяла возобновить выпуск монеты в прежних объемах и качестве. Показательно и то, что надпись о постройке стены 335 г. была найдена на Таманском полуострове [КБН, 1112], а последние монеты в ряде кладов на азиатской стороне Боспора датируются 336 г. [Исанчурин, Исанчурин, 1989, с. 90 – 92], т. е. следующим годом после возведения укреплений. Это, с известной долей вероятности, позволяет предполагать, что Рескупорид V, перенесший свою резиденцию на Таманский полуостров, мог быть свергнут насильственным путем, и на боспорском престоле утвердился новый царь, с которым связана последняя херсонесско-боспорская война.

Сейчас трудно отнести события этой войны, о которой сообщает Константин Багрянородный, к какому-то конкретному хронологическому отрезку времени. Учитывая, что она произошла через некоторое время после предыдущего конфликта, уже «при другом Савромате», ее, видимо, следует относить ко времени после отстранения от власти Рескупорида V, монетная чеканка которого прекратилась около 341/342 г. [Фролова, 1992, с. 195 – 197, 234; 1997а, с. 94; Фролова, Куликов, Смекалова, 2001, с. 64; ср.: Анохин, 1986, с. 133] (рис. 133). Во всяком случае, в географическом тексте Исторического музея, который датируется 360 – 386 гг., Херсонес упоминается вместе с Кафой и Символоном [Шангин, 1938, с. 252 – 255]⁷⁰, что хорошо согласуется с данными, имеющимися в труде Константина Багрянородного.

⁶⁹ Н. А. Фролова относит время правления этого царя к 314 – 341/242 гг. [1985, с. 56; 1989, с. 199; 1992, с. 234], а В. А. Анохин к 318/319 – 336/337 гг. [1986, с. 129; 1999, с. 175 – 176].

⁷⁰ В своей статье К. Цукерман в примечании пишет о том, что этот текст не может датироваться временем ранее написания труда Константина Багрянородного «Об управлении империей» [Цу-

Рис. 133. Статеры Рескупорида V, по В. А. Анохину.

В связи с прекращением боспорской монетной чеканки и незначительным количеством эпиграфических памятников IV в., что-то определенное о дальнейшей истории Боспора сказать трудно. Видно,

можно констатировать лишь то, что в результате херсонесско-боспорских войн, в которых ведущую роль играли варварские элементы, экономика государства была подорвана, но, судя по археологическим материалам, жизнь на территории боспорских населенных пунктов продолжалась. Именно в IV в. в состав их населения усилился приток варварских элементов, которые в значительной степени изменили не только культуру, но и облик боспорских городов [Блаватский, 1964, с. 203 и сл.; Кругликова, 1966, с. 22; ср.: Даньшин, 1993, с. 69; Айбабин, 1999, с. 45; 2003, с. 12, 13].

Однако сообщение Аммиана Марцеллина о том, что в 362 г. к императору Юлиану (360 – 363 гг.), наряду с другими послами из северных стран, прибыли боспорцы с просьбой разрешить им спокойно жить в пределах своей земли и платить империи дань [Амм. Марс., XXII, 7, 10], весьма показательна. Конечно, нельзя преувеличивать значения этого факта [ср.: Гайдукевич, 1949, с. 468; Блаватский, 1964, с. 221 – 222], но он все же в какой-то степени говорит о наличии на Боспоре и после серии херсонесско-боспорских войн определенных сил, заинтересованных в установлении более тесных контактов с империей. Именно с представителями этих слоев, к которым, прежде всего, следует относить потомков греков-боспорян, связаны два серебряных блюда с изображением Констанция II (337 – 361 гг.), изготовленные в 343 г. и, вероятно, подаренные проримски настроенным представителям правящих кругов Боспора того времени [Гайдукевич, 1949, с. 467; Амброз, 1992, с. 54; Засецкая, 1968, с. 54; 1994 – 1995, с. 225 – 237; Блаватский, 1985 в, с. 250; Болгов, 1996 а, с. 41 – 42] (рис. 134).

О наличии на Боспоре в это время каких-то государственных чиновников свидетельствует надгробие, поставленное между 342 и 353 гг. Стораной, женой Ада, сыну, который был принкипом [КБН, 744], т. е. командиром одного из подразделений боспорской армии [ср.: КБН, 666; Блаватский, 1985 в, с. 250; Болгов, 1996 а, с. 86]. Тот факт, что должность принкипа упомянута в ряде более ранних надписей [КБН, 35, 666; ср.: 811], говорит в пользу вывода о сохранении на Боспоре вплоть до середины IV в. аппарата государственного управления, тесно связанного с традициями предшествующего времени [Болгов, 1996 а, с. 43; 1998, с. 18 – 24; Сидоренко, 2001, с. 140 – 145]. Анализ имен магистратов в надписи на памятнике в честь Тиберия Юлия Тейрана позволяет утверждать,

керман, 1994, с. 560, прим. 47]. Однако никакой аргументации в пользу этого не приводит. Ср.: Болгов, 1996 а, с. 25 – 26. Подроб. критику концепции К. Цукермана см.: Піоро, 1997, с. 123 – 128.

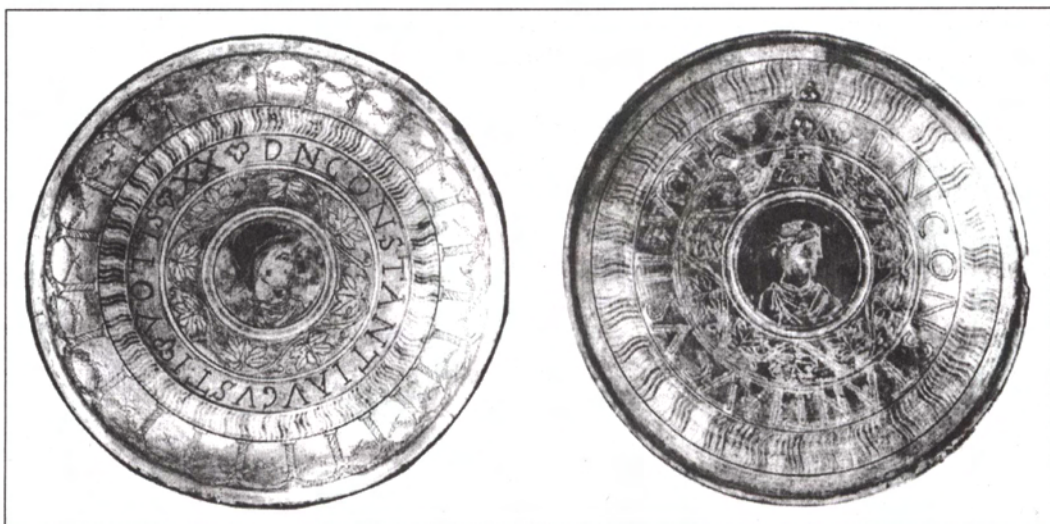

Рис. 134. Серебряные блюда с изображением Констанция II (337 – 361 гг.) из некрополя Пантикапея.

что на Боспоре имелся разветвленный бюрократический аппарат, включавший наместника царства, хилиарха (командира тысячи), начальника аспургиан, главного секретаря, начальников отрядов, градоначальников, начальника отчетов, личного секретаря царя и секретаря [Айбабин, 2003, с. 14].

Ранее считалось, что в связи с гуннским нашествием заканчивается античная история Боспора [Гайдукевич, 1949, с. 480 – 483; 1971, S. 513; Блаватский, 1964, с. 214; Кобылина, 1978, с. 30 – 35; Шелов, 1978, с. 85, 86; Блаватский, 1985 в, с. 251 и др.]. Однако раскопки, проведенные в последние десятилетия, позволили не только пересмотреть этот вывод, но и прийти к заключению, что он был сделан на основании ошибочной датировки культурных слоев боспорских городов и обнаруженного массового археологического материала. Датировка комплексов из раскопок Ильичевского городища на Таманском полуострове, исследовавшегося под руководством Э. Я. Николаевой, показала, что слои, ранее датированные IV – V вв., следует относить ко времени не ранее второй четверти VI в. [Сазанов, Иващенко, 1989, с. 84 – 102; Сазанов, 1989, с. 41 – 60; ср.: Амброз, 1992, с. 52 – 54]. А это в свою очередь позволило расширить хронологические рамки истории античного Боспора и по-новому осветить его историческое развитие в конце IV – первой половине VI вв. [Сазанов, 1991, с. 16 – 26; ср.: Болгов, 1996 а, с. 43 – 46; 1997 а, с. 21 – 26; 1998, с. 18; Масленников, 1997 г, с. 42 – 43; Фролова, 1998, с. 247 – 262].

На основании имеющихся данных история античных государств Северного Причерноморья реконструируется следующим образом. Разгромив аланский союз племен и раннеклассовое государственное образование Германариха, гунны ушли на Запад к границам Римской империи, а города Боспора в результате

гуннского нашествия серьезно не пострадали [ср.: Ермолова, 1997, с. 39; 1990, с. 49 – 54; Айбабин, 1999, с. 79; 2003, с. 15; Зубарь, Хворостяный, 2000, с. 20 – 21]. Гунны ограничились лишь их военно-политическим подчинением, так как эти центры не представляли для них серьезной угрозы. Основная масса гуннов появилась в Северном Причерноморье позднее, не ранее первой половины – середины V в., когда после битвы на Каталаунских полях в 451 г., смерти Атиллы и сражения на р. Надао в 454 г. гуннское раннеклассовое образование в Подунавье распалось [Айбабин, 1993, с. 209; 1996, с. 299; Айбабин, Герцен, Храпунов, 1993, с. 215]. Однако и на этот раз античные центры Северного Причерноморья не были разрушены. Гунны лишь влились в состав их населения [подр. см.: Яйленко, 2002, с. 303 – 333], о чем свидетельствуют погребения с вещами полихромного стиля, которые были обнаружены при раскопках некрополя Пантикапея-Боспора на Госпитальной улице г. Керчи и, видимо, некоторые комплексы херсонесского некрополя [см.: Якобсон, 1959, с. 267 - 272; Зубар, Магомедов, 1981, с. 75 - 76; Сазанов, 1991, с. 23 - 24; Амброз, 1992, с. 71 - 73; Засецкая, 1993, с. 23 - 105; Болгов, 1996 а, с. 47 - 48, 50 - 54; 1997 а, с. 24 - 25; 1998, с. 18 - 24; Айбабин, 1999, с. 57]. Вещи V – начала VI вв. найдены в Тиритаке, Мирмекии, Илурате, Китее, на Зеноновом Херсонесе и на других поселениях [Масленников, 1992 а, с. 156 – 167]. Общепринятое мнение о запустении городских кварталов Боспора, как стал теперь называться Пантикапей, на горе Митридат после 376 г. [Блаватский, 1962 а, с. 51, 64] опровергают материалы из раскопанного верхнего слоя, где содержалась керамика V-VI вв. [Сазанов, 1989, с. 41-60]. А в обнаруженных в верхних горизонтах этого слоя плитовых могилах самыми ранними были пряжки, фибулы и поясной набор VII в. [Айбабин, 1990, с. 15, 69].

А. И. Айбабин, опираясь на уточненную хронологию захоронений кочевников, боспорских городов и поселений, предполагает, что гунны появились на Боспоре на рубеже IV – V вв. [Айбабин, 1999, с. 73, 77]. Но их основная масса пришла в Северное Причерноморье позднее, когда гуннское раннеклассовое образование в Подунавье распалось [Айбабин, 1993, с. 209; 1996, с. 299; Айбабин, Герцен, Храпунов, 1993, с. 215]. Какая-то часть гуннов вместе с готами-тетракситами обосновалась на Таманском полуострове [Васильев, 1921, с. 44; Масленников, 1997 г, с. 43].

В период правления Юстина I (518 - 527 гг.) Боспор освободился от власти гуннов и начал вновь укреплять связи с Византией. Ранее считалось, что именно к этому времени относится надпись боспорского царя Тиберия Юлия Дуптуна, обнаруженная в Пантикапее, в которой говорится о строительстве башни [КБН, 67]. А. Л. Якобсон, вслед за Ю. Кулаковским, отнес надпись к 522 г. и связал ее с распространением власти византийского императора на Боспор [Якобсон, 1958, с. 460, прим. 4; 1964, с. 7; ср.: Васильев, 1927, с. 182; Кругликова, 1966, с. 22, прим. 80; Амброз, 1992, с. 71; Блаватский, 1985 в, с. 254 - 255; Болгов, 1996 а, с. 46 - 47, 114]. Это заключение, казалось, хорошо согласовалось с упоминанием в памятнике традиционного титула боспорского царя «друг цезаря и друг рим-

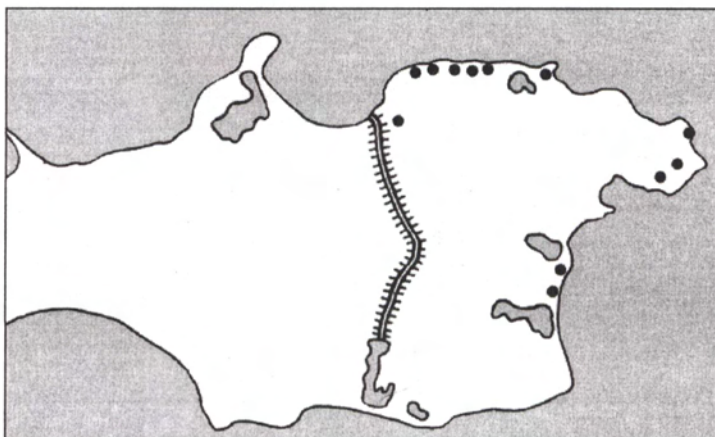
Рис. 135. Император Юстиниан. Фрагмент мозаики из церкви св. Виталия в Равенне.

косяки, зафиксированные в процессе раскопок [Сазанов, 1991, с. 22], были разгромлены боспорские города и поселения. Хронологически это событие предшествовало подчинению Боспора Юстиниану (527-565 гг.), которое произошло не позднее 534 г. [Масленников, Чевелев, 1981, с. 82 - 84; Сазанов, 1991, с. 24; Амброз, 1992, с. 71; Масленников, 1992 а, с. 167] (рис. 135).

Таким образом, в результате уточнения хронологии археологических комплексов, происходящих из целого ряда боспорских городов и поселений, сейчас установлено, что античная история Боспора не заканчивается гунским нашествием в конце IV в. В свою очередь это позволило в истории Боспорского государства выделить позднеантичный период, который хронологически охватывает время с третьей четверти III в. до второй четверти VI в. [Сазанов, 1991, с. 25; ср.: Фролова, 1998, с. 247 - 262; Зубарь, 1998 а, с. 142-166; Зубарь, Хворостяный. 2000, с. 36].

Экономическое развитие. Исходя из археологических материалов, сейчас можно констатировать, что после бурных событий третьей четверти III в. жизнь продолжалась, как на территории городов и сельских населенных пунктов европейского Боспора (Пантикапей, Тиритака, Китей, Зенонов Херсонес, Зеленый мыс, Сиреневая бухта, Генеральское-восточное, Саланчак, Героевка - 2, Салачик, Золотое-восточное в бухте, Заморское, Белинское, Куль-Тепе, у мыса Варзовки, горы Опук и др.) (рис. 136), так и в азиатской части государства (Фанагория, Кепы, Гермонасса, Патрей, Ильичевское городище, Батарейка I и II, Красноармейская батарейка), а, возможно, и Танаиса [Сокольский, 1963, с. 110 - 114; Корпусова, 1973, с. 27 - 45; Сазанов, 1989, с. 56 - 58; 1991, 16 - 21; 1994 - 1995, с. 406; 1995, с. 185 - 186; Сазанов, Иващенко, 1989, с. 84 - 102; Молев, Сазанов, 1991, с. 63; Сазанов, Мокроусов, 1996, с. 88 - 107; Айбабин, 1990, с. 69; Амброз, 1992, с. 6 - 86; Абрамов, 1993, с. 9; Атавин, 1993, с. 167; Масленников, 1993, с. 24, 27, 40 - 41; 1997 а, с. 56; 1997 г, 3, 44; 1998, с. 212; 1998 а, с. 175 - 177, 263 - 269, рис. 128; Зинько, Соловьев, 1994, с. 159 - 160; Болгов, 1996 а, с. 55 - 61; Голенко; Клюкин, 1997, с. 79 - 80; Фролова, Николаева, 1978, с. 173 - 179; Фролова, Масленников, 1996, с. 19 - 20; Фролова, 1998, с. 247 - 262; Журавлев, 1999, с. 28 - 32; Зинько, 2003, с. 191 - 195 и др.]. При этом передатировка

Рис. 136. Сельские поселения Боспора на Керченском полуострове позднеантичного периода, по А. А. Масленникову и В. Н. Зинько.

слоев III - IV вв. концом IV - второй четвертью VI вв. в целом ряде населенных пунктов [Сазанов, 1989, с. 56 - 58; 1991, с. 16 - 21; Сазанов, Иващенко, 1989, с. 84 - 102], с известной долей вероятности, позволяет

предполагать, что и в других местах, где зафиксированы слои III - IV вв., жизнь в позднеантичный период не прекратилась. К таким памятникам могут быть отнесены поселения у дер. Семеновки, Ново-Отрадное и ряд населенных пунктов в азиатской части Боспора [Болгов, 1996 а, с. 59; ср.: Кругликова, 1975, с. 135 - 145; 1998, с. 162 - 163; Масленников, 1997 г, с. 3; 1998, с. 212].

Топография археологических памятников, при раскопках которых обнаружен материал конца III - второй четверти VI вв., свидетельствует, что в позднеантичный период жизнь более активно протекала в отдельных городах (Пантикапей, Тиритака, Китей), а также на сельских поселениях на берегах пролива, в Крымском Приазовье и азиатской части Боспора [Блаватский, 1985 в, с. 245; Болгов, 1996 а, с. 67; Масленников, 1997 г, с. 3, 44; Зинько, 2003, с. 191 - 192], не затронутой передвижением варваров в ходе готских войн. Но и здесь, судя по имеющимся материалам, идет постепенное уменьшение сельскохозяйственного населения в сравнении с предшествующим периодом [Кругликова, 1975, с. 137 - 145]. Если к III в. на островах Таманского архипелага исследователи относят 140 сельских поселений, то к IV - V вв. - только 35 [Воронов, Паромов, 1989, с. 29 - 31].

А. И. Айбабин на основании анализа материала из слоев с керамикой V - VI вв., зафиксированных при раскопках на горе Митридат, выделил два хронологических этапа в жизни позднеантичной столицы. Это конец III - первая половина IV вв., когда агора находилась в районе порта, реконструируются жилые кварталы, строятся общественные здания и наблюдается некоторое оживление экономики. Второй - охватывает конец IV - последнюю четверть VI вв. [Айбабин, 1999, с. 47-50]. Следовательно, Боспор и в VI в. продолжал оставаться сравнительно крупным центром, служившим местом сбыта продуктов скотоводства и земледелия, которые привозили из прилегающих регионов. В развитии таких связей было заинтересовано как оседлое население Восточной Таврики, так и кочевавшие в Приазовье гунны.

Рис. 137. Позднеантичные строительные комплексы на территории Тиритаки. Раскопки В. Н. Зинько.

Сейчас ни у кого не вызывает сомнений, что в результате неблагоприятной военно-политической ситуации третьей четверти III в. сельское хозяйство, являвшееся основой экономики Бос-

пора на протяжении всей античной эпохи, было подорвано [Масленников, 1993, с. 24; Болгов, 1996 а, с. 67]. Наиболее ярко это прослеживается по сравнительно лучше изученным в археологическом отношении памятникам Керченского полуострова [Блаватский, 1985 в, с. 245; Кругликова, 1966, с. 87; 1975, с. 134 – 137]. С третьей четверти III и вплоть до второй четверти VI вв. жизнь продолжалась на ряде городищ в Крымском Приазовье и на берегах Керченского пролива, но она носила очаговый или локальный характер [Масленников, 1993, с. 24, 27, 40 - 41; 1997 г, с. 3, 44; Болгов, 1996 а, с. 59 – 60; Зинько, 2003, с. 191, сл.]. Судя по погребальным памятникам, не исключено, что в Крымское Приазовье и в район Китея приток населения мог идти из крупных боспорских городов, которые в первую очередь подвергались угрозе со стороны варваров [Масленников, 1997 а, с. 56].

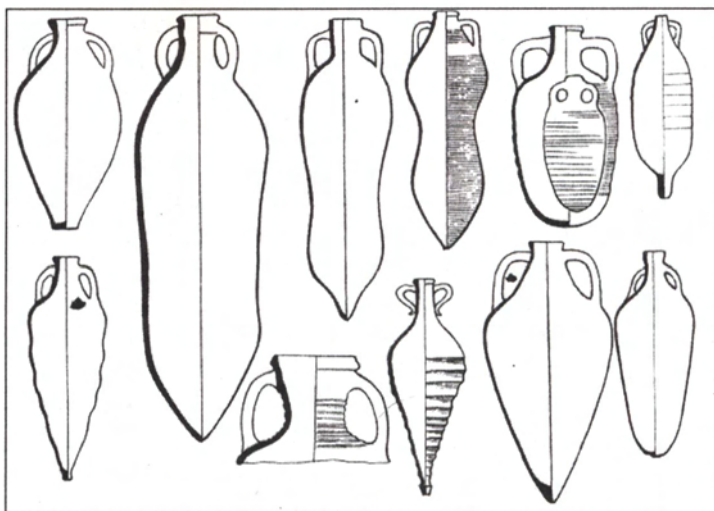
Все это не могло не сказаться не только на положении Боспорского государства, но и на облике городов. Сельское население, среди которого значительный процент составляли выходцы из варварской среды, концентрируется в городах и крупных населенных пунктах [Масленников, 1990, с. 219 - 221, Болгов, 1996 а, с. 65]. Города, и в первую очередь столичный Пантикапей, из крупного общественного и ремесленно-торгового центра постепенно превращается в аграрно-ремесленный центр, где объемы торговых операций резко падают (Кругликова, 1965, с. 9). Археологическим свидетельством такого положения является значительный рост количества зерновых ям и хозяйственных комплексов на территории жилых кварталов боспорской столицы [Блаватский, 1964, с. 213 – 214; Кругликова, 1966, с. 127 – 130].

Наряду с сельским хозяйством, в позднеантичный период продолжали существовать и промыслы, в частности рыбозасолка, о чем свидетельствуют рыбозасолочные цистерны, открытые в Тиритаке [Зинько А., 2006, с. 177 – 186; 2006а, с. 129 – 132]. Однако масштабы этого промысла значительно сократились [Болгов, 1996 а, с. 66; ср.: Виноградов Ю. Г., 1998, с. 238, 240] (рис. 137).

Судя по материалам раскопок на территории Фанагории и поселения Батарейка I, в азиатской части Боспора, наряду с сельским хозяйством, продол-

Рис. 138. Амфоры позднеантичного периода из раскопок боспорских городищ и поселений.

жает существовать достаточно развитое керамическое производство [Кобылина, 1970, с. 69 - 72; Десятчиков, Долгоруков, Алексеева, 1984, с. 89; ср.: Кругликова, 1966, с. 131 - 184]. Ремесленное производство в это время было тесно связано с сельским хозяйством и

было ориентировано не на экспорт, а преимущественно на удовлетворение потребностей в основном внутреннего рынка и ближайшей округи [Блаватский, 1964, с. 220; Болгов, 1996 а, с. 66].

Говоря о керамическом производстве в позднеантичный период, следует обратить внимание на то, что во II - IV вв. на Боспоре было налажено производство амфор достаточно крупных размеров [Болгов, 1996 а, с. 65] (рис. 138). Но это не позволяет говорить о резком увеличении экспортных возможностей боспорских центров. Такие амфоры, наряду с пифосами, широко использовались для хранения различных запасов [Кругликова, 1966, с. 148 - 154; Сокольский, 1969, с. 66 - 67; Шелов, 1972, с. 75 - 76], чем, вероятно, и объясняется продолжение их производства в позднеантичный период, когда объемы внешней торговли Боспора значительно снизились.

Помимо керамического, на Боспоре существовали ювелирные мастерские. В первой половине V в. по дунайским образцам в боспорских мастерских стали изготавливаться полихромные изделия нового стиля [Амброз, 1992, с.72; Засецкая, 1993, с. 34; Болгов, 1996 а, с. 66]. Это связывается с тем, что знать Боспора у соседних гуннов заимствовала возникшую на Дунае моду на такие украшения [Айбабин, 2003, с.15]. Продолжало развиваться стеклоделие, следы которого для IV - V вв. отмечены в Горгиппии и на Ильичевском городище [Николаева, 1991, с. 50; Кунина, 1997, с. 40]. В позднеантичный период в ремесленном производстве значительно увеличился удельный вес небольших семейных мастерских [Болгов, 1996 а, с. 65 - 66], в которых применение труда зависимых работников не было экономически целесообразно.

Неблагоприятные тенденции в экономике и падение в ней роли товарно-денежных отношений хорошо иллюстрируется состоянием монетного дела. Статеры последних боспорских царей выпускались из низкопробного металла в

огромных количествах, а около 341/342 гг. их чеканка и вовсе была прекращена [Кругликова, 1966, с. 185 - 204; Фролова, 1992, с. 195 - 197, 234; 1997 а, с. 75 - 94; ср.: Зограф, 1951, с. 212; Анохин, 1986, с. 133; Фролова, Куликов, Смекалова, 2001, с. 64]. Но, если в середине III в. перерывы в выпуске боспорских монет по времени совпадали с прекращением чеканки в провинциально-римских городах [Фролова, 1992, с. 236], то полное прекращение выпуска боспорских монет есть все основания связывать с глубоким экономическим кризисом Боспорского государства [Кругликова, 1965, с. 9; 1966, с. 185 - 204; ср.: Анохин, 1986, с. 214; Болгов, 1996 а, с. 73], и в первую очередь с резким сокращением поступлений в казну, связанным с гибелью системы сельских поселений в Восточном Крыму [см.: Масленников, 1993, с. 23 - 24].

Но прекращение боспорской чеканки нельзя рассматривать в качестве показателя полного сворачивания товарно-денежных отношений. Теперь они, хотя и в меньшем объеме, обслуживались боспорскими статерами более раннего времени, продолжавшими оставаться в обращении, и римскими монетами, среди которых в наибольшем количестве представлены выпуски времени правления Лициния (308 - 324 гг.) и Константина Великого (306 - 337 гг.) [Зограф, 1951, с. 212; 1940, с. 60; 1955, с. 163]. Опубликованные результаты изучения нумизматических находок из раскопок Китея, свидетельствуют об использовании монеты на внутреннем рынке этого центра, а, следовательно, и об определенном уровне развития товарно-денежных отношений в IV - начала VI вв. [Молев, Молева, 1996, с. 75 - 76; ср.: Фролова, 1998, с. 258; Масленников, 1998, с. 212]. А это в свою очередь позволяет предполагать, что прекращение боспорской чеканки свидетельствует не только о сложном экономическом положении Боспорского государства, но и в какой-то степени о падении роли товарного производства в экономической жизни.

Сокращение объемов торговых операций, с чем связано уменьшение производства ремесленной продукции, и увеличение в экономике удельного веса сельского хозяйства, а также стирание резкой грани между боспорскими городами и сельскими поселениями принято связывать с процессом натурализации хозяйства и называть рустификацией, являвшейся наиболее характерной чертой экономического развития Боспора в позднеантичный период [Блаватский, 1964, с. 219; 1985 в, с. 251; Кругликова, 1963 а, с. 71; 1965, с. 9; 1966, с. 127 - 130; Болгов, 1996 а, с. 67; Масленников, 1997 г, с. 45].

Не отрицая этого в принципе, хотелось бы отметить, что в своей основе экономика всех без исключения докапиталистических обществ на протяжении всей их истории была натуральной. Поэтому применительно к таким обществам можно говорить лишь об увеличении или падении удельного веса товарного производства и товарно-денежных отношений, что было связано с конкретно-историческими условиями развития на том или ином этапе, а не о кардинальных изменениях в экономике. Подъем внутренней и внешней торговли, а, следовательно, расширение сферы товарных отношений, не могли привести к каче-

говорить о наличии на Боспоре не только крупной земельной собственности [см.: Масленников, 1993, с. 40], но и вообще крупных производственных комплексов. В сложившихся условиях возросла роль сравнительно небольших автаркичных хозяйств, которые становятся основными ячейками боспорской экономической системы конца III - второй четверти VI вв. Роль товарного производства в таких хозяйствах отошла на второй план, и на ограниченном внутреннем рынке могли продаваться лишь излишки [ср.: Кузищин, 1973, с. 48 – 49]. Одним из результатов этого была активность византийских, а не местных купцов на Боспоре в конце IV в., о чем сообщает Фемистий [Them., XXVII, р. 336 d]. Судя по археологическим находкам, в V- VI вв. на Боспор привозились продукция и вино, изготовлявшееся даже в Александрии Египетской [Берзина, 1979, с. 114; Зубарь, Хворостяный, 2000, с. 39].

Следствием такого положения стало развитие дезинтегративно-центробежных тенденций [подр. см.: Илюшечкин, 1986, с. 123], и на Боспоре начинают формироваться сравнительно замкнутые в экономическом отношении территориально-хозяйственные районы [Болгов, 1996 а, с. 113 – 114]. Облегчалось это тем, что и до этого Боспорское государство состояло из ряда районов, дополнявших друг друга и составлявших в совокупности одно экономическое целое, базировавшееся, однако, в силу натуральной основы сельскохозяйственного производства, не на отраслевом, а на территориальном разделении труда [подр. см.: Зубарь, 1993, с. 104 – 105]. Поэтому падение роли товарного производства и привело к усилению центробежных тенденций в экономике.

На территории Боспора выделены административно-хозяйственный центр государства, куда входили Пантикапей и Тиритака, Крымское Приазовье, Илурат, Китей, возможно, также Танаис, а на азиатской стороне - Фанталовский район, Фанагория, Синдика и Горгиппия, в управлении которыми, вероятно, возросла роль общественного самоуправления во главе с зажиточными представителями варваризованных родов [Болгов, 1996, с. 84 - 86; 1996 а, с. 113 - 114; 1997, с. 37]. Следствием значительного ослабления центральной власти и начавшегося распада Боспорского государства на территориально-хозяйственные районы стало быстрое и бескровное подчинение его в конце IV в. гуннами, которые, установив свой протекторат, ушли дальше на Запад [Сазанов, 1991, с. 23; ср.: Болгов, 1996 а, с. 109; 1997а, с. 21 – 29]. Только после распада гуннского раннеклассового образования на Дунае в середине V в. какая-то часть гуннов влилась в состав населения боспорских городов, где, судя по материалам некрополя Пантикапея того времени, составила привилегированную верхушку общества [Сазанов, 1991, с. 24; Амброз, 1992, с. 6 - 86; Засецкая, 1993, с. 23 – 105]. Хотя полученные в последнее время данные неопровержимо свидетельствуют о том, что во второй половине V в. на Боспоре функционировал государственный аппарат, должностные лица которого по византийскому образцу именовались епархами, комитами и протокометами [Виноградов, 1998, с. 233 – 246; Зубарь, Хворостяный, 2000, с. 40].

Социальная структура населения. К сожалению, сейчас источники не позволяют ничего определенного сказать о социальной структуре жителей Боспора. Но можно предполагать, что кризис в экономике привел к упрощению социального состава населения в сравнении с предшествующим периодом [Блаватский, 1953, с. 194; Болгов, 1996, с. 82] и росту тех слоев, которые либо полностью, либо частично были лишены средств существования. Разгром системы военных поселений, а вместе с этим исчезновение царского землевладения, которое было ведущей формой на протяжении первых веков, а также ослабление центральной власти должны были привести к увеличению количества мелких производителей, которые теперь лишь номинально зависели от центральной власти (ср.: Масленников, 1997 г, с. 46). А это в свою очередь привело к кризису устоявшейся системы сбора налогов. Вместе с этим из эпиграфических источников следует, что и в позднеантичный период представителями сельских округов назначались специальные уполномоченные (протокометы) [Виноградов Ю. Г., 1998, с. 246], хотя круг их должностных обязанностей остается неясным.

Скорее всего, население Боспорского государства в это время эксплуатировалось преимущественно путем сбора налога-ренты в натуральной форме, который осуществлялся специальными уполномоченными царя при поддержке военных отрядов, состоявших из варваров [Болгов, 1996 а, с. 76]. Такая система эксплуатации была обусловлена тем, что боспорский царь традиционно являлся верховным собственником земли, и даже полисное землевладение было опосредствовано правом царской собственности [Сапрыкин, 1991, с. 190, прим. 38]. Поэтому не только каждый держатель земли, но и коллектив таких держателей в целом, в роли которого, скорее всего, выступала сельская или городская община, должны были за ее пользование в той или иной форме платить царю. Причем применительно к позднеантичному периоду можно говорить о росте удельного веса внеэкономического принуждения на Боспоре, которое в значительной степени было обусловлено разрушением ранее существовавшей здесь фискальной системы, базировавшейся на административном делении государства [Зубарь, Хворостяный, 2000, с. 40 – 41].

Н. Н. Болговым была предложена схема социальной структуры населения Боспора в позднеантичный период. Исследователь, вслед за М. И. Ростовцевым и В. Д. Блаватским, выделяет привилегированный слой населения, к которому, с его точки зрения, принадлежали знатные роды преимущественно сарматского происхождения, имевшие на царской земле укрепленные усадьбы и составлявшие тяжеловооруженную кавалерию царства. Второй социальный слой представлен населением городов и включал купечество, объединенное в корпорации, ремесленников, мелких торговцев и ряд других категорий населения, которые составляли гражданское ополчение. И, наконец, третий слой - это пелаты и свободные держатели земли, среди которых были как греки по происхождению, так и выходцы из варварского населения [Болгов, 1996 а, с. 88 - 89; ср.: Блаватский, 1985 в, с. 251].

Однако, исходя из основных тенденций экономического развития, и в первую очередь гибели системы царского землепользования в результате бурных событий третьей четверти III в., социальная стратификация населения Боспора в позднеантичный период должна была стать более простой [ср.: Болгов, 1996 а, с. 112, 113]. К тому же, говоря о правовом статусе населения этого времени, вряд ли уместно использовать такое понятие как «гражданство». В первые века подавляющее большинство жителей Боспорского царства являлось подданными царя, а употребление в надписях названий полисных институтов не более чем дань традиции [Болгов, 1996 а, с. 91 – 92]. С другой стороны, эволюция античной формы собственности не только на Боспоре, но и на территории собственно Римской империи [Штаерман, 1973, с. 3 – 14] привела к постепенной трансформации полита-гражданина в подданного, что наиболее ярко проявилось в области идеологии [ср.: Штаерман, 1985]. В это время грань между гражданином и негражданином стирается, а на первое место выступает задача расширения налоговой базы государства [ср.: КБН, 1050]. Ведь именно в значительной степени фискальными целями объясняется эдикт Каракаллы (Constitutio Antoniniana) 212 г., которым права римского гражданства были дарованы подавляющему большинству свободного населения Римской империи.

Следовательно, более правомерно делать вывод об упрощении социальной структуры населения Боспора в конце III - второй четверти VI вв. Гибель большинства поселений, расположенных на царской земле, сокращение удельного веса товарного производства в экономике и свертывание внешнеэкономических связей, что хорошо прослежено на археологическом материале, позволяют говорить, что в боспорском обществе должна была существовать количественно небольшая группа знати, приближенных верховного правителя и его военной опоры⁷¹, с одной стороны, и подавляющей массы населения сравнительно невысокого достатка, занятого в сельскохозяйственном производстве, ремесле и мелкой торговле, - с другой [Зубарь, Хворостяный, 2000, с. 41].

В социальном плане в силу сложившихся обстоятельств этот слой был достаточно однороден, и именно он являлся объектом эксплуатации правящей верхушки боспорского общества. При этом следует особо подчеркнуть, что имеющиеся сейчас источники не позволяют говорить о наличии на Боспоре в позднеантичный период не только сколько-нибудь значительного количества рабов, но и близких им по положению групп зависимого населения, в том числе и пелатов [ср.: Блаватский, 1985 в, с. 248, 251].

Необходимо обратить внимание и на то, что, судя по увеличению количества богатых погребений в пантикапейском некрополе, в середине V в. идет

⁷¹ К представителям этого слоя населения второй половины V в. в первую очередь следует отнести епарха Исгудия, комитов Спадина и Савага, а также протокомета Кимирия, сына Агафуса [подр. см.: Виноградов, 1998, с. 235 - 236, 245 – 246].

Рис. 139. Фрагмент раннехристианской росписи погребальной камеры склепа некрополя Пантикапея. Раскопки Е. А. Зинько.

погребения в склепах, открытые не только в некрополе Пантикапея, но и Киття [Болгов, 1996, с. 86].

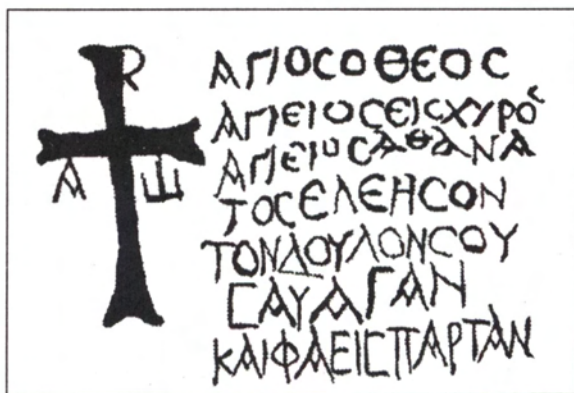
На протяжении всей античной эпохи, на Боспоре, как и в других районах, помимо государственных институтов, общинная

организация и различные сообщества, объединявшие людей не только по профессиональному, но и религиозному признаку, играли чрезвычайно важную роль в общественной и частной жизни [Блаватский, 1985 в, с. 244; Свенцицкая, 1985, с. 43 - 61; Ручинская, 1997, с. 47 - 48]. Поэтому именно в это время в самоуправлении отдельных общин и территориально-хозяйственных районов выросла роль представителей христианской церкви [Болгов, 1996, с. 86], которые объединяли вокруг себя самые широкие слои населения (рис. 139). В период значительного ослабления центральной власти объединение вокруг христианской церкви какой-то части населения способствовало сохранению Боспора как единого политического целого и его ориентации на Византию [Зубарь, Хворостяный, 2000, с. 42].

Сложным экономическим положением Боспора во второй половине III в. и бедственным положением основной массы боспорян не в последнюю очередь следует объяснять начавшийся здесь процесс распространения христианской идеологии [подр. см. Зубарь, Хворостяный, 2000, с. 104 - 131]. Именно ко второй половине - концу III в. относится перстень с сердоликовой вставкой, на котором были вырезаны крест удлиненной формы и две рыбы [Арсениева, 1970, табл. 12, 10]. Началом IV в. датируется первое христианское надгробие с эпитафией Евтропия, стела Трифона, на которой был вырезан крест, и христианский амулет с побережья Азовского моря, а также ряд других материалов [Масленников, 1997 г, с. 27; Зинько Е., 2003, с. 85]. В первой четверти IV в. на Боспоре уже существовала епархия, во главе которой стоял епископ Кадм, который поставил свою подпись под документами I Вселенского (Никейского) собора 325 г. [Кубланов, 1958, с. 57 - 68; Блаватский, 1985 в, с. 249; Диатроптов, 1988, с. 4 - 8; Диатроптов, Емец, 1995, с. 7 - 40; Зубарь, 1997, с. 19 - 20; Хршановский, 1997, с. 20 - 21].

Однако, несмотря на это, специальные христианские культовые сооружения этого времени на Боспоре пока неизвестны [Зинько О., 2004, с.70]. В качестве раннехристианского культового комплекса была использована погребальная ка-

Рис. 140. Христианская надпись на стене пантикапейского склепа 1890 г., по Ю. А. Кулаковскому.

мера Царского кургана (рис. 24), на стенах которой были вырезаны кресты, которые по форме могут быть отнесены именно к IV в. [Шалькевич, 1976, с. 160 – 164]. Все сказанное говорит в пользу заключения о том, что уже в IV в. христианство начало распространяться в среде населения Боспора, но

вплоть до VI в. не стало господствующей религией [Зубарь, Хворостяный, 2000, с. 130 – 131; ср.: Болгов, 1996, с. 85 – 86], хотя царь Дуптун, судя по его надписи, был уже христианином [Виноградов Ю. Г., 1998, с. 245] (рис. 140).

С периода правления Юстиниана и вплоть до тюркского разгрома 576 г. Боспор находился в составе Византии, о чем свидетельствует наличие на Таманском полуострове крепости у с. Ильич, гарнизон которой являлся федератами империи [Николаева, 1981, с. 88 - 93; Сазанов, 1991, с. 25; ср.: Васильев, 1927, с. 183]. Но и тюркское нашествие 576 г. не привело к окончательной гибели Боспора [Масленников, 1997 г, с. 38]. События, происшедшие позднее, свидетельствуют, что после распада Тюркского каганата, Византия снова распространила свое влияние на Боспор. Судя по надписи 589 или 590 г., он был подчинен должностным лицам византийской администрации, местом пребывания которых был Херсон [Латышев, 1896, с. 105 – 109; Васильев, 1927, с. 185 – 186; Зубарь, Хворостяный, 2000, с. 32]. Со второй половины VI – рубежа VI–VII вв. Боспор вступает в эпоху раннего средневековья [ср.: Сазанов, 1991, с. 24 – 26; Болгов, 1994, с. 116 – 118; 1996 а, с. 62 – 63; 1997а, с. 26]. Однако анализ основных тенденций социально-экономического развития этого времени является уже темой отдельного специального исследования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Включение в ходе Великой греческой колонизации греками в зону своих миграций берегов Боспора Киммерийского привело к появлению здесь в первой половине VI в. до н. э. значительного количества первоначально небольших населенных пунктов, основным занятием жителей которых было сельское хозяйство.

Подавляющую массу населения боспорских городов в VI – V вв. до н. э. составляли греки-колонисты, которые являлись членами гражданских общин. В состав общин входили первopоселенцы и эпойки, которые прибыли на Боспор несколько позже и, как в других районах греческой колонизации, в силу этого не обладали всей полнотой политических прав. Отсутствие следов крупного землевладения и незначительный уровень развития товарного хозяйства не позволяет говорить о наличии в ранний период истории на Боспоре сколько-нибудь значительной группы несвободного населения, в том числе и рабов. Социальный состав первopоселенцев был достаточно однороден, о чем, в частности, свидетельствует наличие здесь землянок и сравнительно скромных наземных построек. Только постепенно на Боспоре начали развиваться ремесло и торговля, с чем следует связывать начало чеканки первых монет.

Около 480/479 г. до н. э. перед лицом скифской угрозы на территории Боспора вокруг особо почитаемого ионийскими греками храма Аполлона Иетроса возник добровольный союз (симмахия) ряда греческих полисов, который первоначально не ограничивал сколько-нибудь значительно политическую и экономическую свободу входивших в него центров. Эту симмахию возглавил верховный жрец храма Аполлона Иетроса, который происходил из аристократического рода Археанактидов, связанного своими корнями с Милетом. В период отражения скифской агрессии на него могли быть возложены функции стратега-автократора.

После проведения в жизнь комплекса мер по укреплению коллективной безопасности, которыми руководил один из Археанактидов, должность басилевса – верховного царя и жреца культа Аполлона Иетроса, вероятно, занимал по традиции представитель этого рода, одновременно являвшийся главой симмахии боспорских городов. В 438/437 г. до н. э. Спарток отстранил от управления Археанактидов и путем государственного переворота захватил власть, что привело к распаду симмахии. Это событие положило начало созданию на Боспоре

Часть земель из этого фонда дарилась или передавалась на определенных условиях «друзьям» царя, о чем свидетельствует появление в это время сравнительно крупных усадеб, а также греческим переселенцам из других районов античного мира, как это было в случае с каллатийцами. Однако нет оснований говорить о преобладании на Боспоре крупной земельной собственности и, соответственно, об увеличении удельного веса рабского труда в системе производственных отношений.

Земли в окрестностях крупных античных центров являлись собственностью их гражданских общин, хотя с уверенностью об этом можно говорить лишь применительно к Пантикапею и Феодосии, а с рядом оговорок, видимо, к Фанагории и Нимфею. Следовательно, характер землевладения на Боспоре в IV – первой половине III вв. до н. э. был близок тому положению, которое сложилось в других эллинистических монархиях.

Изменение военно-политической обстановки вокруг Боспора в конце IV – первой половине III в. до н. э., связанное с передвижением кочевых племен в степной зоне Северного Причерноморья, привело к кризисным явлениям в экономике. Но к последней четверти III – рубежу III – II вв. до н. э. кризис был преодолен, и на Боспоре в основном завершился процесс перестройки экономики, вызванной негативными внешнеполитическими явлениями. Боспорское государство вступило в новый этап более или менее стабильного развития. Это привело к устойчивому поступлению в государственную казну налогов с территорий, находившихся под контролем боспорских царей. Причем если в IV в. до н. э. экономика Боспора в значительной степени базировалась на производстве и вывозе в другие античные центры зерна, то, с середины III в. до н. э., начинается значительный рост местного ремесленного производства и производства вина, что явилось мощным стимулом развития боспорской торговли с варварским населением Северного Причерноморья.

Увеличение в хозяйстве удельного веса производства вина и ремесленной продукции привело к тому, что в экономические связи с окружающим варварским населением включаются широкие слои ремесленников и торговцев Боспорского царства. Торговля с негреческим населением Северного Причерноморья носила, как правило, неэквивалентный характер, поэтому развитие экономических связей с варварской периферией следует рассматривать в качестве специфической формы эксплуатации, в которую было включено значительное количество боспорян. Это, с одной стороны, способствовало постепенному выходу экономики Боспора из экономического кризиса III в. до н. э., а, с другой, – привело к вовлечению в сферу товарно-денежных отношений населения главным образом крупных боспорских городов (Пантикапей, Феодосия, Фанагория, Горгиппия), которые несколько позднее стали торгово-ремесленными центрами сравнительно обширных экономических районов в рамках единого Боспорского государства.

Не отрицая того, что труд рабов классического типа использовался в крупных хозяйствах товарной направленности, сейчас все же нельзя настаивать на

значительном удельном весе рабовладельческих отношений в экономическом развитии Боспорского государства на протяжении второй половины IV – середины I вв. до н. э. Хотя есть основания предполагать, что на Боспоре сравнительно долго продолжало существовать домашнее рабство, которое, однако, нельзя рассматривать в качестве важной социально-экономической категории.

На протяжении всего эллинистического периода основные материальные блага создавались главным образом лично свободным населением широкого правового спектра, а основным эксплуататором выступало Боспорское государство в лице правящей династии, являвшейся верховным собственником земли и опиравшейся на количественно небольшой слой высшей знати, а также на наемную армию. Отчуждая в натуральной форме налог-ренту, правящая династия получала средства, необходимые для содержания государственного аппарата, армии, широкой строительной деятельности и проведения внешнеполитических мероприятий.

В первые века н. э. положение существенным образом не изменилось. Как и ранее, на Боспоре верховным собственником земельного фонда продолжал оставаться царь, вследствие чего в обеих частях государства во второй половине I в. до н. э. – I в. н. э. проводилась политика создания военных поселений, начатая еще Митридатом VI Евпатором. В основе сельскохозяйственного производства, являвшегося ведущей отраслью экономики, продолжало оставаться мелкое землевладение. В количественном отношении здесь преобладали держатели наделов, выделенных из царского земельного фонда, которые за пользование землей должны были нести военную службу по охране границ государства и выплачивать определенную ренту-налог в казну. Именно этот слой населения Боспора, значительную часть которого составляли эллинизированные варвары, и являлся основной производящей силой в сельскохозяйственном производстве. Имеющиеся в настоящее время данные позволяют утверждать, что такая система отношений на хоре Боспора начала складываться еще в позднеэллинистический период и просуществовала в своей основе вплоть до третьей четверти III в.

Военные поселенцы не имели гражданского статуса, но их нельзя рассматривать в качестве лично зависимого населения, которое эксплуатировалось методами исключительно внеэкономического принуждения. Они получали от царя небольшие наделы и, наряду с сельским хозяйством, занимались промысловой и ремесленной деятельностью. Небольшие размеры наделов земли, передававшихся военным поселенцам на территории Боспора, не позволяют предполагать, что для их обработки привлекались какие-либо социально зависимые слои населения или рабы. Они обрабатывались самими военными поселенцами и членами их семьи, социальный статус и имущественное положение которых были приблизительно одинаковыми.

За пользование землей военные поселенцы вносили в казну определенную ренту-налог, которая была весьма существенным источником пополнения казны Боспорского государства. Контроль за сбором ренты-налога осуществлялся специальными уполномоченными боспорского царя, на которых была возло-

жена обязанность руководства определенными административными районами государства. При этом необходимо подчеркнуть, что военно-хозяйственные поселения на территории Боспорского государства в количественном отношении преобладают над иными типами памятников второй половины I в. до н. э. – третьей четверти III в. Именно создание разветвленной системы военно-хозяйственных поселений было решающим фактором стабильного социально-экономического и политического положения Боспорского государства в это время.

Существовали на Боспоре и сравнительно крупные землевладения. Но сейчас нельзя говорить о наличии здесь крупных латифундий, где применение в широких масштабах рабского труда было экономически оправдано. В крупных хозяйствах, как и на царской земле, в основном использовался труд населения широкого правового спектра, в том числе и крепостных (пелатов). Главным эксплуататором сельского населения в первые века н. э., как и ранее, выступали не частные собственники, а в первую очередь государство, которое при помощи развитого административного аппарата отчуждало в виде ренты-налога определенную часть материальных благ, создававшихся в сельскохозяйственном производстве. Причем военные поселенцы и зависимое сельское население иных категорий, вероятно, выплачивали ренту-налог в различных пропорциях. Именно эта рента-налог, поступающая в значительных объемах от населения сельских территорий, являлась залогом развития Боспорского царства со второй половины I в. до н. э. вплоть до середины-третьей четверти III в.

Мелкотоварный характер боспорского ремесленного производства позволяет говорить, что в этой отрасли производительной деятельности могли участвовать представители самых широких слоев населения. Ограничение прав гражданских общин крупных боспорских городов и широкое развитие царского землевладения, характерное как для эллинистического периода, так и для первых веков н. э., позволяют предполагать, что в ремесленном производстве Боспора были заняты не только беднейшие слои населения, но и часть граждан. При этом следует подчеркнуть, что если в эллинистический период производство вина было сосредоточено главным образом на сельских поселениях, в небольших боспорских городках (Нимфей, Мирмекий, Тиритака) и окрестностях Пантикапея, то в первые века н. э. винодельни фиксируются в пределах наиболее крупных городов Боспора (Пантикапей, Фанагория, Горгиппия).

В этих же центрах наблюдается значительная концентрация ремесленных мастерских, а такие небольшие городки, как Тиритака и Мирмекий, наряду с виноделием, становятся центрами рыбозасолки. Это позволяет говорить о постепенном изменении функций городов на территории Боспорского царства. Из преимущественно общественных и религиозных крупные боспорские города во II – III вв. превращаются в центры переработки сельскохозяйственной и изготовления ремесленной продукции. В их хозяйственной жизни растет удельный вес товарного производства и товарного обращения, что обусловило более быстрое, чем ранее, развитие собственно городских социально-экономических

структур. Это способствовало увеличению в составе жителей лиц, которые не являлись землевладельцами или землепользователями и не принимали непосредственного участия в сельскохозяйственном производстве, что, естественно, отразилось на социальном составе населения городов.

Представители правящей боспорской династии продолжали оставаться верховными собственниками земли. В силу этого царскую семью, ее приближенных и государственный аппарат следует рассматривать в качестве привилегированного слоя общества. Боспорский царь выступал в качестве наиболее крупного собственника и в силу этого отчуждал значительную часть ренты-налога с земледельческого населения. Поэтому можно сделать вывод о значительном удельном весе государственно-редистрибутивного сектора в экономике Боспора на протяжении всей античной эпохи. В таких условиях объем прав различных слоев населения фиксировался по сословно-правовому признаку, а сословное деление способствовало имущественному неравенству в обществе.

Представители боспорской знати, из среды которых в своем большинстве происходили чиновники, выступали в качестве слоя эксплуататоров основной массы населения государства. Но, вероятно, боспорские должностные лица сочетали государственную деятельность с занятием сельским хозяйством и в конкретно-исторических условиях Боспора могут также рассматриваться в качестве сравнительно крупных земельных собственников.

В настоящее время есть основания говорить об относительной концентрации земли на Боспоре в первые века н. э., но это явление в целом не характерное для сельскохозяйственной территории этого государства. Крупные земельные участки в окрестностях боспорских городов, видимо, можно рассматривать в качестве условных владений боспорских чиновников, приближенных царя или придворной знати (ὀριστολυεῖται). Не исключено, что представители привилегированного слоя боспорского общества активно участвовали в крупной морской и посреднической оптовой торговле, которая приносила наибольшую прибыль.

Одним из основных социальных слоев населения Боспора были жители боспорских городов. Какая-то их часть в первые века н. э. владела определенным земельным фондом, но так как верховным собственником земли на Боспоре был царь, население большинства греческих центров за пользование своими участками, вероятно, должно было выплачивать определенный форо́с. В ряде случаев плата за пользование землей по распоряжению царя вносилась не в государственную, а городскую казну. Эти средства в основном шли на нужды гражданской общины.

Таким образом, как и ранее, весь земельный фонд подразделялся на земли (χώρα βασιλική) и полисные земли (χώρα πολιτική). Но верховная собственность на все категории земли в Боспорском царстве принадлежала царю, что, как и разветвленный бюрократический аппарат, позволяет говорить о сохранении на Боспоре в первые века н. э. целого ряда черт, характерных для социально-экономического развития предшествующего эллинистического периода.

Развитие ремесла, в котором количественно преобладали сравнительно небольшие мастерские, и локализация их в черте городских кварталов, где они были тесно связаны с лавками, свидетельствуют о том, что в боспорских городах в первые века н. э. в ремесленном производстве были в основном заняты лично свободные слои населения, которые, как правило, не использовали рабский труд или труд лиц со стороны. В этой отрасли производственной деятельности могли участвовать представители самых широких слоев населения.

Социальная структура населения Боспорского царства во второй половине I в. до н. э. - третьей четверти III в., как и ранее, достаточно близка тому положению, которое было характерно для всего древнего мира. В силу конкретно-исторических условий политической жизни, сложившейся на Боспоре, здесь в экономике преобладал государственно-редистрибутивный или царский сектор, который базировался на натуральном и полунатуральном хозяйстве мелких производителей достаточно широкого правового спектра. Поэтому на Боспоре, особенно во второй половине I в. до н. э. – третьей четверти III в., в количественном отношении преобладала не частнособственническая, а налоговая эксплуатация подавляющего большинства жителей государства и на определенных этапах – данническая эксплуатация покоренных соседних племен.

Частнособственническая эксплуатация, как торговая и ростовщическая, также существовала на Боспоре, но ее, видимо, нельзя считать ведущей. На Боспоре только принадлежность к высшему сословию, из представителей которого формировался строго иерархический и разветвленный государственный аппарат, в условиях сравнительно ограниченного внутреннего рынка давала возможность участвовать не только в распределении ренты-налога, но и получать во владение крупную собственность. Ведь только такая собственность была непременным условием частнособственнической эксплуатации тех или иных групп населения и личного обогащения.

В системе производственных отношений Боспорского царства во второй половине I в. до н. э. – третьей четверти III в. труд рабов классического типа не мог и не стал господствующей формой эксплуатации в сфере материального производства. В сложившихся условиях он в сравнительно ограниченных масштабах использовался в домашнем хозяйстве царя, его приближенных и какой-то части зажиточных боспорян. Основной же производящей силой на Боспоре были различные категории лично свободного, но в той или иной мере зависимо от государства разноэтничного населения, занятого в сельском хозяйстве, ремесле и мелкой торговле, которые являлись подданными боспорского царя.

В позднеантичный период в социально-экономическом развитии Боспора произошли существенные изменения. Следствием этого стало развитие дезинтегративно-центробежных тенденций и формирование на Боспоре замкнутых в экономическом отношении территориально-хозяйственных районов. Обусловлено это было тем, что экономика Боспорского государства базировалась на натуральном в своей основе сельском хозяйстве, не на отраслевом, а на террито-

знанию. В период гуннского протектората основная масса населения Боспора выплачивала ей дань, видимо, не только продуктами сельского хозяйства, но и предметами ремесла. При этом гунны, скорее всего, сохранили не тронутыми формы общественной организации боспорского населения, сложившиеся здесь до их прихода, и основы существовавшей здесь ранее фискальной системы.

Таким образом, анализ основных тенденций социально-экономического развития Боспорского царства на протяжении всей античной эпохи свидетельствует, что здесь, как и в большинстве аналогичных сословно-классовых обществ, ведущим способом отчуждения прибавочного продукта был не рабовладельческий, а потребительско-стоимостный или докапиталистический рентный, базирующийся на сословной стратификации общества [подр. см.: Илюшечкин, 1986, с. 144 – 150; 1986 б, с. 45 – 67]. Из этого и следует исходить в дальнейшем при анализе множества сложных и нерешенных еще вопросов социально-экономического, политического и культурного развития Боспорского государства, история которого насчитывает более тысячи лет.

Заканчивая изложение, хотелось бы подчеркнуть, что тема особенностей социально-экономического развития античного Боспора не исчерпана, а, скорее, только поставлена и предпринята попытка осмыслить имеющийся материал под определенным углом зрения. Изучение комплекса поднятых в книге вопросов, безусловно, должно быть продолжено, в первую очередь на основе анализа конкретного археологического материала, часть которого еще должна быть введена в широкий научный оборот или получена в ходе целенаправленных полевых исследований. Но этот очень важный этап научно-исследовательской работы не должен рассматриваться как самоцель, ибо конечной задачей всякого историко-археологического исследования являются широкие исторические обобщения. Именно таких обобщений сегодня так не хватает для изучения основных закономерностей исторического и социально-экономического развития Боспора в античную эпоху на качественно новом уровне. Думается, что уже назрела необходимость на основе накопленного материала, преодолев теоретические ошибки недавнего прошлого, приступить к созданию многотомного академического труда, посвященного истории и культуре Боспорского государства, в котором будет подведен итог всему сделанному к концу XX в. и намечено то, что необходимо еще сделать в XXI в. К этой работе должны быть привлечены все без исключения исследователи, которые посвятили себя изучению различных аспектов «Боспорского феномена» как в поле, так и в тиши научных кабинетов.

V.M. Zubar, V.N. Zin'ko

THE CIMMERIAN BOSPOR IN ANCIENT EPOCH

Essay in social-economic history

Summary

Including the Cimmerian Bospore shores in the area of Greek migrations during the Great Greek colonization resulted in the appearance of significant number of small settlements in the first half of the 6th century BC and agriculture was the main occupation of their countrymen.

The overwhelming majority of population of Bosporean cities between the 6th and the 5th centuries BC were Greek colonists, who were civil communities' members. Pioneers and *epoiches*, which arrived to Bospore later and did not have all political rights, were members of the communities. Lack of evidence of large estates and insignificant level of the merchandise development in the early period of Bosporean history gives no basis for telling about any important group of powerless population including slaves. Social position of pioneers was similar enough and presence of dugouts and relative simple ground structures in particular is evidence of it. Handicraft and commerce began to develop gradually in Bospore and this process should be connected with coining of early money.

About year 480\ 479 BC in the face of Scythian menace a voluntarily alliance (*symmachia*) of several *poleis*, that originally did not limit any considerable political and economic freedom of its associates, appeared on Bospore territory around the temple of Apollo the Healer especially esteemed by Ionic Greeks. The alliance was headed by a supreme priest of the temple of Apollo the Healer who was descended of the aristocratic dynasty of *Archenactids* related to Miletus. After repulsing of Scythian aggression he could be entrusted with the function of a strategist – autocrat.

After elaboration of the comprehensive plan for strengthening of collective security under the leadership of one of *Archenactids*, the position of basileus – the position of a supreme king and a priest of the cult of Apollo the Healer - was traditionally fulfilled by a representative of that dynasty, who was the head of the alliance of Bosporean *poleis*. In 438\ 437 year BC *Spartoc* discharged ruling *Archenactids* and usurped the power by means of coup d'état, that resulted in the disintegration of the *symmachia*. The event initiated the formation of a centralized territorial state being headed by *Spartocids* dynasty. In Bospore this state was structurally formed once and for all within the first and the second quarter of the 4th century BC. That state formation incorporated formerly independent Greek *poleis* and neighbor barbarian peoples as well.

Integrative-centralizing tendencies were not conditioned by objective reasons of socio-economic development. They were imposed to Greek population by certain social forces at the head of Bosporean tyrants, who annexed them to the Bosporean Kingdom by means of

ОБЩАЯ И СПЕЦИАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Абрамзон М. Г.* Медный чекан Гипепирии и некоторые проблемы политической истории Боспора // ПИФК. - 1997. - Т. 4. - Вып. 1.
- Абрамзон М. Г., Горлов Ю. В.* Два «синдских» диобола, найденные в Фанагории // РА. - 1998. - № 3.
- Абрамзон М. Г., Фролова Н. А., Горлов Ю. В.* Клад золотых боспорских статеров II в. н. э. с Краснобатарейного городища //ВДИ. - 2000. - № 4.
- Абрамзон М. Г., Фролова Н. А., Горлов Ю. В.* Клад золотых боспорских статеров II – III вв. н. э. из станицы Казанской //ВДИ. - 2000а. - № 4.
- Абрамзон М. Г., Фролова Н. А., Горлов Ю. В.* Клад боспорских монет конца в. до н. э. – в. н. э. //РА. - 2000б. - № 3.
- Абрамов А. П.* Новые данные о торговых связях Боспора в VI - V вв. до н. э. // Очерки археологии и истории Боспора. - М., 1992.
- Абрамов А. П.* Античные амфоры. Периодизация и хронология // БС. - 1993. - Вып. 3.
- Абрамов А. П., Масленищев А. А.* Амфоры V в. до н. э. из раскопок поселения на мысе Зюк // СА. - 1991. - № 3.
- Абрамов А. П., Паромов Я. М.* Раннеантичные поселения Таманского полуострова // БС. - 1993. - Вып. 2.
- Айбабин А. И.* Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. - 1990. - Т. 1.
- Айбабин А. И.* Погребения кочевнической знати в Крыму конца IV - VI вв. // МАИЭТ. - 1993. - Т. 3.
- Айбабин А. И.* Население Крыма в середине III – V вв. // МАИЭТ. - 1996. - Т. 5.
- Айбабин А. И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. - Симферополь, 1999.
- Айбабин А. И.* Крым в середине III - начале VI века // Археология. Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV-XIII века. - М., 2003.
- Айбабин А. И., Герцен А. Г., Храпунов И. Н.* Основные проблемы этнической истории Крыма // МАИЭТ. - 1993. - Т. 3.
- Алексеев В. П.* Религиозная политика ранних Спартокидов по нумизматическим данным // Старожитності Причорномор'я. - 1995. - Вып. 1.
- Алексеева Е. М.* К изучению сельских поселений вокруг Горгиппии // Горгиппия. - 1980. - Вып. 1.
- Алексеева Е. М.* Юго-восточная часть некрополя Горгиппии // Горгиппия. - 1982. - Вып. 2.
- Алексеева Е. М.* Поселения в районе Фанагории и Горгиппии // Археология СССР. АГСП. - М., 1984.

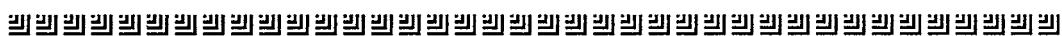
- Алексеева Е. М.* Горгиппия в системе Боспорского царства в первые вв. н. э. // ВДИ. - 1988. - № 2.
- Алексеева Е. М.* Греческая колонизация Северо-Западного Причерноморья. - М., 1991.
- Алексеева Е. М.* Виноделие Горгиппии // БС. - 1995. - Вып. 6.
- Алексеева Е. М.* Античный город Горгиппия. - М., 1997.
- Алексеева Е. М.* Анапа. Динамика развития центральной части античного города (VI в. до н. э. - III в. н. э.) // ДБ. - 2003. - Т. 6.
- Амброз А. Е.* Проблемы раннесредневековой хронологии Боспора // СА. - 1971. - № 2
- Амброз А. К.* Боспор. Хронология раннесредневековых древностей // БС. - 1992. - Вып. 1.
- Андреев Ю. В.* Античный полис и античные города // Античный полис. - Л., 1979.
- Андреев Ю. В.* Ранние формы урбанизации // ВДИ. - 1987. - № 1.
- Андреев Ю. В., Марченко К. К.* Основные теоретические и методологические аспекты проблемы греко-варварских контактов в Северном Причерноморье скифской эпохи // Греки и варвары Северного Причерноморья в античную эпоху. - К., 2005.
- Андрух С. И.* Нижнедунайская Скифия в VI - начале I в. до н. э. - Запорожье, 1995.
- Анисимов А. И.* О продвижении готов в Северо-Восточное Приазовье // Проблемы охраны и исследования памятников в Донбассе. - Тезисы докл. - Донецк, 1987.
- Анисимов А. И.* О продвижении готского союза племен в Северо-Восточное Приазовье в середине III в. (по нумизматическим данным) // Скифия и Боспор. - Тезисы докл. - Новочеркасск, 1989.
- Анисимов А. И.* Монеты из раскопок Пантикапея 1977 - 1986 гг. // Сообщения ГМИИ. - 1992. - Вып. 10.
- Анохин В. А.* Относительная стоимость золота и серебра в Ольвии и на Боспоре в конце IV в. до н. э. // НС. - 1971. - Вып. IV.
- Анохин В. А.* Монетное дело Херсонеса (IV в. до н. э. - XII в. н. э.). - К., 1977.
- Анохин В. А.* Монетное дело Боспора. - Киев, 1986.
- Анохин В. А.* Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья. - К., 1989.
- Анохин В. А.* История Боспора Киммерийского. - К., 1999.
- Антипина Е. Е., Назаров В. И., Маслов С. П.* Насекомые из колодца на винодельне поселения «Чайка» // Памятники раннего железного века в окрестностях Евпатории. - М., 1991.
- Анфимов Н. В.* Денежное обращение на Елизаветовском городище - эмпории Боспора на Средней Кубани // ВДИ. - 1966. - № 2.
- Анфимов Н. В.* Меоты и их взаимоотношения с Боспором в эпоху Спартокидов // Античное общество. - М., 1967.
- Армичева В. И.* Ремесленное производство в Испании в период ранней империи // ВДИ. - 1985. - № 3.
- Арсеньева Т. М.* Лепная керамика Танаиса // Древности Нижнего Дона. - МИА. - 1965. - № 127.
- Арсеньева Т. М.* Лепная керамика Танаиса // Античные древности Подонья - Приазовья. - М., 1969.
- Арсеньева Т. М.* Могильник у дер. Ново-Отрадное // МИА. - 1970. - № 155.
- Арсеньева Т. М.* Некрополь Танаиса. - М., 1977.
- Арсеньева Т. М.* Две группы краснолаковых сосудов из Танаиса // КСИА. - 1985. - Вып. 182.

- Арсеньева Т. М., Науменко С. А.* Танаис IV - V вв. н. э. (по материалам раскопок 1989 - 1992 гг.) // БС. - **1995.** – Вып. 6.
- Атавин А. Г.* Краснолаковая керамика IV - VI вв. из Фанагории // БС. - **1993.** – Вып. 2.
- Баранов И. А., Лапцов С. Б.* Исследования Кутлакской крепости в Юго-Восточном Крыму // Археологічні дослідження в Україні 1991 р. - Луцьк, **1993.**
- Березин Я. Б., Виноградов В. Б.* Центральное Предкавказье во второй половине I тыс. до н. э. // Проблемы сарматской археологии и истории. - Тезисы докл. - Азов, **1988.**
- Безрученко И. М., Усачева О. Н.* Земельные наделы античного Казантипа // Археологія. - **1996.** - № 1.
- Безуглов С., Захаров А.* Богатые погребения позднеримского времени близ Танаиса // Известия Ростовского областного музея краеведения. - **1989.** - Вып. 6.
- Берзин Э. О.* Синдика, Боспор и Афины в последней четверти V в. до н. э. // ВДИ. - **1958.** - № 1.
- Берзин Э. О.* Горгиппийский агонистический каталог // СА. - **1961.** - № 1.
- Берзин Э. О.* Некоторые вопросы возникновения раннеклассовых формаций // Общее и особенное в историческом развитии стран Востока. - М., **1966.**
- Берзина С. Я.* Александрийская тара в Северном Причерноморье // Ж. Ф. Шомпольон и дешифровка египетских иероглифов. - М., **1979.**
- Бессонова С. С., Бунятян Е. П., Гаврилюк Н. А.* Акташский могильник скифского времени в Восточном Крыму. - Киев, **1988.**
- Беттгер Б.* Новые результаты раскопок позднеантичного Танаиса // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. - Тезисы докл. - Ростов - на - Дону, **1996.**
- Блаватская Т. В.* Горгиппийская манумиссия 67 г. н. э. // СА. - **1958.** - Т. 28.
- Блаватская Т. В.* Очерки политической истории Боспора V - IV вв. до н. э. - М., **1959.**
- Блаватская Т. В.* Рескрипты царя Аспурга // СА. - **1965.** - № 2.
- Блаватская Т. В.* Аспург и Боспор в 15 г. н. э. // СА. - **1965 а.** - № 3.
- Блаватская Т. В.* Посвящение Левкона I // РА. - **1993.** - № 2.
- Блаватская Т. В., Розов В. Н.* Граффити зенонитов // Эпиграфические памятники древней Малой Азии и античного Северного и Западного Причерноморья как исторический и лингвистический источник. - М., **1985.**
- Блаватский В. Д.* Киммерийский вопрос в Пантикапее // Вестник МГУ. - **1948.** – Вып. 8.
- Блаватский В. Д.* Рец.: Белов Г. Д. Херсонес Таврический. - Л., 1948 // ВДИ. - **1949.** - № 3.
- Блаватский В. Д.* Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. - М., **1953.**
- Блаватский В. Д.* Рабство и его источники в античных государствах Северного Причерноморья // СА. - **1954.** - Т. 20.
- Блаватский В. Д.* Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. - М., **1954 а.**
- Блаватский В. Д.* Третий год работ в Синдике // КСИИМК. - **1955.** - Вып. 58.
- Блаватский В. Д.* Строительное дело Пантикапея по данным раскопок 1945 - 1949 и 1952 - 1953 гг. // МИА. - **1957.** - № 56.
- Блаватский В. Д.* Четвертый год работ в Синдике // КСИИМК. - **1957 а.** - Вып. 70.
- Блаватский В. Д.* Об этническом составе населения Пантикапея в IV - III вв. до н. э. // СА. - **1958.** - Т. 28.

- Блаватский В. Д. Процесс исторического развития античных государств в Северном Причерноморье // ПИСПАЭ. - М., 1959.
- Блаватский В. Д. О вывозе понтийской рыбы в Афины // Историко-археологический сборник. - М., 1962.
- Блаватский В. Д. Отчёт о раскопках Пантикапея в 1945-1949, 1952 и 1953 гг. // МИА. - 1962а. - 103.
- Блаватский В. Д. Пантикапей. Очерки истории столицы Боспора. - М., 1964.
- Блаватский В. Д. О рабах -меотах // КСИА. - 1969. - Вып. 116.
- Блаватский В. Д. О Рескупориде Первом // СА. - 1976. - № 4.
- Блаватский В. Д. О происхождении боспорских Археанактидов // Античная археология и история. - М., 1985.
- Блаватский В. Д. Об имущественном положении боспорцев в VI - II вв. до н. э. // Античная археология и история. - М., 1985 а.
- Блаватский В. Д. О культуре римских императоров на Боспоре // Античная археология и история. - М., 1985 б.
- Блаватский В. Д. Боспорское царство в позднеантичное время // Античная археология и история. - М., 1985 в.
- Блаватский В.Д., Кошеленко Г.А., Кругликова И.Т. Полис и миграция греков //Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. - Тбилиси, 1979.
- Бокцагин А. Г. Парфия и Рим. - М., 1966.
- Болгов Н. Н. Боспор византийский: очерк истории // ПИФК. - 1994. - Вып. 6.
- Болгов Н. Н. К проблеме локальных территориально-хозяйственных комплексов позднего Боспора (IV - V вв.) // ПИФК. - 1996. - Т. 3. - Вып. 1.
- Болгов Н. Н. Закат античного Боспора. Очерки истории Боспорского государства позднеантичного времени (IV - VI вв.). - Белгород, 1996 а.
- Болгов Н. Н. Территориально-хозяйственная структура позднего Боспора // Проблемы истории и археологии Украины. - Тезисы докл. - Харьков, 1997.
- Болгов Н. Н. О характере отношений Боспора с гуннами в IV - VI вв. // Боспор и античный мир. - Нижний Новгород, 1997 а.
- Болгов Н. Н. Позднеантичное государство на Боспоре: угасание или расцвет? // Боспорское царство как историко-культурный феномен. - СПб., 1998.
- Болдырев С. И. О характере пребывания Полемона на Боспоре //ДБ. - 2000. - 3.
- Болдырев С. И. Монеты АПОЛ Храмовый ли чекан? //Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища. - СПб., 2002. - 1
- Болтунова А. И. Надпись под статуей из Горгиппии // СА. - 1958. - Т. 28.
- Болтунова А. И. Надписи Горгиппии // ВДИ. - 1986. - № 1.
- Борисова В. С. Проблема государственного устройства городов Боспора в доархеанактидовый период //Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. - Керчь, 2003.
- Борисова В. С. Боспорские Археанактиды в отечественной историографии // Из истории античного общества. - Нижний Новгород, 2003 а. - Вып. 3.
- Брабич В. М. Особенности денежного обращения в III в. до н. э. // КСИИМК. - 1956. - Вып. 66.
- Брашинский И. Б. Торговые пошлины и право беспошлинности на Боспоре (IV в. до н. э.) // ВДИ. - 1958. - № 1.

- Брашинский И. Б.* Греческий керамический импорт на Нижнем Дону. - Л., **1980**.
- Брашинский И. Б.* Греки и варвары на Нижнем Дону и в Северо-Восточном Приазовье в VI - IV вв. до н. э. // ДСПШВГК. - Тбилиси, **1981**.
- Брашинский И. Б.* Торговля // Археология СССР. АГСП. - М., **1984**.
- Брашинский И. Б.* Черноморская торговля в эпоху эллинизма // Причерноморье в эпоху эллинизма. - Тбилиси, **1985**.
- Брашинский И. Б., Марченко К. К.* Строительные комплексы Елизаветовского городища на Дону // СА. - **1978**. - № 2.
- Брашинский И. Б., Марченко К. К.* Елизаветовское городище на Дону - поселение городского типа // СА. - **1986**. - № 1.
- Бруяко И. В.* Рец.: Полин С. В. От Скифии к Сарматии. - Киев, 1992 // СА. - **1995**. - № 1.
- Буданова В. П.* Передвижения готов в Северное Причерноморье и на Балканах в III в. / ВДИ. - **1982**. - № 2.
- Буданова В. П.* Готы в эпоху Великого переселения народов. - М., **1990**.
- Буйских А. В.* Еще раз о херсонесском гекаторюге // РА. - **1998**. - № 1.
- Буйских А. В.* Некоторые полемические заметки по поводу становления и развития Борисфена и Ольвии в VI в. до н. э. // ВДИ. - **2005**. - № 2. С. 146 - 164.
- Буйских С. Б.* Земляночное домостроительство эпохи колонизации Северного Причерноморья (на примере Нижнего Побужья) // БИ. - **2005а**. - Вып. 9.
- Бунятян Е. П.* К вопросу о материально-технической базе кочевых обществ // Фридрих Энгельс и проблемы истории древних обществ. - К., **1984**.
- Бунятян К. П., Бессонова С. С.* Про етнічний процес на європейській частині Боспору в скіфський час // Археологія. - **1990**. - № 1.
- Бутягин А. М.* Некоторые проблемы изучения архаического Мирмекия // V Міжнародна археологічна конференція студентів та молодих вчених. - Наукові матеріали. - К., **1997**.
- Бутягин А. М.* О переходе к каменному домостроительству на городище Мирмекий // Stratum+ПАВ. - СПб., **1997а**.
- Бутягин А. М.* Некоторые проблемы изучения архаического Нимфея // Боспорский город Нимфей: новые исследования, материалы и вопросы изучения античных городов Северного Причерноморья. - Тезисы докл. - СПб., **1999**.
- Бутягин А. М.* Мирмекий в период архаики // Таманская старина. - **2000**. - Вып. 3.
- Бутягин А. М.* Земляночное строительство на архаическом Боспоре (генезис и развитие) // Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства. - СПб., **2001**. - Ч. 1.
- Валлон А.* История рабства в античном мире. - М., **1941**.
- Варданян Р. Е.* Великий царь царей Фарнак // Боспорский город Нимфей: новые исследования, материалы и вопросы изучения античных городов Северного Причерноморья. - Тезисы докл. - СПб., **1999**.
- Васильев А. Н.* К вопросу о времени образования Боспорского государства // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья. - СПб., **1992**.
- Васильев А. Н.* Одрисский династ во главе Боспора? // Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира. - СПб., **1999**.
- Васильев В. В.* Готы в Крыму. I // ИРАИМК. - **1921**. - Вып. 1.
- Васильев В. В.* Готы в Крыму. II // ИРАИМК. - **1927**. - Вып. 5.
- Васильев Л. В., Стучевский И. А.* Три модели возникновения и эволюции докапиталистических обществ // ВИ. - **1966**. - № 5.

- Вахтина М. Ю. Исследования раннего Порфмия (по материалам раскопок 1986 - 1987 гг.) // Тезисы докл. Крымской научной конференции «Проблемы античной культуры». - Симферополь, **1988**. - Ч. 3.
- Вахтина М. Ю. О древнейших оборонительных сооружениях античного Порфмия // Фортификация в древности и средневековье. - Тезисы докл. - СПб., **1995**.
- Вахтина М. Ю. Еще раз об основном погребении в кургане Темир-гора и некоторых вопросах греческой колонизации Киммерийского Боспора // Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья. – Керчь, **2002**.
- Вахтина М. Ю. Об одном уникальном архаическом комплексе из раскопок античного городища Порфмий в Восточном Крыму // Материалы IV Боспорских чтений. – Керчь, **2003**.
- Вахтина М. Ю., Виноградов Ю. А., Горючаровский В. А. Некоторые вопросы греческой колонизации Крыма // ПГКСВП. - Тбилиси, **1979**.
- Вахтина М. Ю., Виноградов Ю. А., Рогов Е. Я. Об одном из маршрутов военных походов и сезонных миграций кочевых скифов // ВДИ. - **1980**. - № 4.
- Вахтина М. Ю., Виноградов Ю. Г. Еще раз о ранней фортификации Боспора Киммерийского // Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства. – СПб., **2001**. – Ч. 1.
- Вдовиченко И. М., Колтухов С. Г. Древние укрепления Северного Крыма // ВДИ. - **1986**. - № 2.
- Веселов В. В. Новые формы и варианты клейм боспорских кровельных черепиц // Археология и история Боспора. - Симферополь, **1962**.
- Виноградов Ю. А. Историческая ситуация на Боспоре в конце IV - начале III вв. до н. э (Опыт реконструкции) // Тезисы докл. научной конференции «Проблемы античной истории и классической филологии». - Харьков, **1980**.
- Виноградов Ю. А. В. Ф. Гайдукевич и исследования Мирмекия // В. Ф. Гайдукевич. Античные города Боспора. Мирмекий. - Л., **1987**.
- Виноградов Ю. А. О курганах варварской знати V - III вв. до н. э. в районе Боспора Киммерийского // Скифия и Боспор. - Новочеркасск, **1989**.
- Виноградов Ю. А. Особенности греко-варварских взаимоотношений на Боспоре в VI - III вв. до н. э. - Автореф. ... канд. ист. наук. - Л., **1990**.
- Виноградов Ю. А. Ранние комплексы Мирмекия // Вопросы истории и археологии Боспора. - Воронеж-Белгород, **1991**.
- Виноградов Ю. А. Мирмекий // Очерки археологии и истории Боспора. - М., **1992**.
- Виноградов Ю. А. Раскопки городища Мирмекий // Археологические исследования в Крыму. 1993 год. - Симферополь, **1994**.
- Виноградов Ю. А. Некоторые дискуссионные проблемы греческой колонизации Боспора Киммерийского // ВДИ. - **1995**. - № 3.
- Виноградов Ю. А. О полисах в районе Боспора Киммерийского // Античные полисы и местное население Причерноморья. - Севастополь, **1995 а**.
- Виноградов Ю. А. О формировании урбанистической структуры Мирмекия // Древнее Причерноморье. - III чтения памяти проф. П. О. Карышковского. – Тезисы докл. - Одесса, **1996**.
- Виноградов Ю. А. Северное Причерноморье после падения Великой Скифии // Боспорское царство как историко-культурный феномен. - СПб., **1998**.

- Виноградов Ю. А.* О двойной победе Нептолема на Боспоре Киммерийском // Боспорский город Нимфей: новые исследования и материалы и вопросы изучения античных городов Северного Причерноморья. - Тезисы докл. - СПб., 1999.
- Виноградов Ю. А.* Греческая колонизация и греческая урбанизация Северного Причерноморья // *Stratum plus*. - 1999а. - № 3.
- Виноградов Ю. А.* Боспор Киммерийский: основные этапы истории в доримскую эпоху // Таманская старина. - 2000. - Вып.3.
- Виноградов Ю. А.* Феномен Боспорского государства в отечественной литературе // *Stratum plus*. - 2000а. - № 3.
- Виноградов Ю. А.* К проблеме становления древнегреческих городов в районе Боспора Киммерийского // *ΣΥΣΣΙΤΙΑ*. - СПб., 2000б.
- Виноградов Ю. А.* Курганы варварской знати V в. до н. э. в районе Боспора Киммерийского (Опыт интерпретации) // ВДИ. - 2001. - № 4.
- Виноградов Ю. А.* Боспор Киммерийский: основные этапы истории в доримскую эпоху // Таманская старина. - 2002. - Вып. 3.
- Виноградов Ю. А.* Боспор Киммерийский // Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. - СПб., 2005. - С. 211 – 298.
- Виноградов Ю. А., Тохтасьев С. Р.* Ранняя оборонительная стена Мирмекия // ВДИ. - 1994. - № 1.
- Виноградов Ю. А. Рогов Е. Я.* Некоторые закономерности становления и развития греческих государств Северного Причерноморья // *Stratum+ПАВ*. - СПб., 1997.
- Виноградов Ю. А., Марченко К. К., Рогов Е. Я.* Сарматы и гибель «Великой Скифии» // ВДИ. - 1997. - № 3.
- Виноградов Ю. А., Марченко К.К., Рогов Е. Я.* Сарматы и гибель «Великой Скифии» // ДД. - 1997 а. - Вып. 5.
- Виноградов Ю. Г.* Проблема политического статуса полисов в составе Боспорской державы IV в. до н. э. // Основные проблемы развития рабовладельческой формации. - Тезисы докл. - М., 1978.
- Виноградов Ю. Г.* Полис в Северном Причерноморье // Античная Греция. - М., 1983. - Т. 1.
- Виноградов Ю. Г.* Вотивная надпись дочери царя Скилура из Пантикапея и проблемы истории Скифии и Боспора во II в. до н. э. // ВДИ. - 1987. - №1.
- Виноградов Ю. Г.* Политическая история Ольвийского полиса VII - I вв. до н. э. Историко-эпиграфическое исследование. - М., 1989.
- Виноградов Ю. Г.* Наемники Фанагории // ВДИ. - 1991. - № 4.
- Виноградов Ю. Г.* Херсонес, Боспор и Рим // ВДИ. - 1992. - № 3.
- Виноградов Ю. Г.* Очерк военно-политической истории сарматов I в. н. э. // ВДИ. - 1994. - № 2.
- Виноградов Ю. Г.* Понт Эвксинский как политическое, экономическое и культурное единство и эпиграфика // Античные полисы и местное население Причерноморья. - Севастополь, 1995.
- Виноградов Ю. Г.* Херсонесский декрет о «несении Диониса» IOsPE I² 343 и вторжение сарматов в Скифию // ВДИ. - 1997. - № 3.
- Виноградов Ю. Г.* Письмо с горгиппийских надделов // Алексеева Е. М. Античный город Горгиппия. - М., 1997 а.
- Виноградов Ю. Г.* Позднеантичный Боспор и ранняя Византия // ВДИ. - 1998. - № 1.

- Виоградов Ю. Г. Левкон, Гекатей, Отктамасад и Горгипп (Процесс интеграции Синдик в Боспорскую державу по новелле Полиена (VIII, 55) и вотивной эпиграмме из Лабриса) //ВДИ. – 2002. - № 3.
- Виоградов Ю. Г., Молев Е. А., Толстиков В. П. Новые эпиграфические источники по истории Митридатовой эпохи // Причерноморье в эпоху эллинизма. - М., 1985.
- Виоградов Ю. Г., Щеглов А. Н. Образование территориального Херсонесского государства // Эллинизм: экономика, политика, культура. - М., 1990.
- Виоградов Ю. Г., Крапивина В. В. Ольвия и Боспор в раннем IV в. до н. э. // Античные полисы и варварское население Причерноморья. - Севастополь, 1995.
- Виокуров Н. И. Работы в Ленинском районе // Археологические исследования в Крыму. 1994. - Симферополь, 1997.
- Виокуров Н. И. Археологические памятники урочища Артезиан в Крымском Приазовье. - М., 1998.
- Виокуров Н. И. Композитные винодельни Боспора //ДБ. - 1998 а. - Т. 1.
- Виокуров Н. И. Виноделие античного Боспора. – М., 1999.
- Виокуров Н. И., Масленников А. А. Виноделие на хоре европейского Боспора // РА. - 1993. - № 1.
- Власов В.П. Античные влияния в позднескифской керамике Крыма //БИ. – 2005. – Вып. 8.
- Воицкович А. Вино, тарихос и погребальные обряды Боспора на рубеже эр // Никоний и античный мир Северного Причерноморья. - Тезисы докл. - Одесса, 1997.
- Воронов А. А., Паромов Я. М. Планировочные принципы в организации расселения на Таманском полуострове в античную эпоху // Проблемы исследования античных городов. - М., 1989.
- Габелко О. Л. Некоторые особенности царской власти в Вифинии (К проблеме взаимодействия фракийских и общеэллинских традиций) // ВДИ. - 1995. - № 3.
- Гаврилов А. В. О сельскохозяйственной территории Боспора в IV - первой половине III вв. до н. э. // Тезисы докл. Крымской научной конференции «Проблемы античной культуры». - Симферополь, 1988. - Ч. 3.
- Гаврилов А. В. Исследование античного поселения у с. Новопокровка и археологические разведки в Кировском районе // Археологические исследования в Крыму. 1994. - Симферополь, 1997.
- Гаврилов А. В. Феодосия и ее округа в античную эпоху //ПИФК. – 2003. – Т. 13.
- Гаврилов А. В. Округа античной Феодосии. – Симферополь, 2004.
- Гаврилов А. В., Пашкевич Г. А. Некоторые вопросы организации земледелия и торговли в сельской округе Феодосии в IV – начале III вв. до н. э.// ДБ. – 2003. – Т. 6.
- Гаврилов А. К. Скифы Савмака - восстание или вторжение? (IPE. I² 352 - Syll.³ 709) // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья. - СПб., 1992.
- Гайдукевич В. Ф. Античные керамические обжигальные печи // ИГАИМК. - 1934. - Вып. 80.
- Гайдукевич В. Ф. Строительные керамические материалы Боспора // ИГАИМК. - 1934 а. - Вып. 104
- Гайдукевич В. Ф. Укрепление villa rustica на Темир-горе // СА. - 1941. - Т. 7.
- Гайдукевич В. Ф. Некоторые новые данные о боспорских черепичных эргастериях времени Спартокидов // КСИИМК. - 1947. - Вып. 17.
- Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. - М.- Л., 1949.

- Гайдукевич В. Ф.* Раскопки Тиритаки в 1935 - 1940 гг. // МИА. - **1952.** - № 25.
- Гайдукевич В. Ф.* К вопросу о ткацком ремесле в боспорских поселениях // МИА. - **1952 а.** - № 25.
- Гайдукевич В. Ф.* Раскопки Тиритаки в 1935 - 1940 гг. // МИА. - **1952 б.** - № 25.
- Гайдукевич В. Ф.* Раскопки Мирмекия в 1935 - 1938 гг. // МИА. - **1952 в.** - № 25.
- Гайдукевич В. Ф.* История античных городов Северного Причерноморья // АГСП. - **1955.** - Т. 1.
- Гайдукевич В. Ф.* Виноделие на Боспоре // МИА. - **1958.** - № 85.
- Гайдукевич В. Ф.* Илурат. Итоги археологических исследований 1948-1953 гг. // МИА. - **1958 а.** - № 85.
- Гайдукевич В. Ф.* Новые эпиграфические данные о боспорских черепичных эгратериях // СА. - **1958 б.** - Т. 28.
- Гайдукевич В. Ф.* Еще о восстании Савмака // ВДИ. - **1962.** - № 1.
- Гайдукевич В. Ф.* Из истории Боспора II в. н. э. // Древний мир. - М., **1962 а.**
- Гайдукевич В. Ф.* Боспор и Танаис в доримское время // ПСЭИДМ. - М.-Л., **1963.**
- Гайдукевич В. Ф.* Некоторые вопросы экономической истории Боспора // ВДИ. - **1966.** - № 1.
- Гайдукевич В. Ф.* О скифском восстании на Боспоре // Античное общество. - М., **1967.**
- Гайдукевич В. Ф.* К дискуссии о восстании Савмака // АИКСП. - Л., **1968.**
- Гайдукевич В. Ф.* Загородная сельская усадьба эллинистической эпохи в районе Мирмекия // Боспорские города. - Л., **1981.**
- Гарбузов Г. П.* Структура древнего землеустройства Таманского полуострова // РА. - **2003.** - № 3.
- Гарбузов Г. П.* Признаки древнего землеустройства в районе Центральной гряды Таманского полуострова // ДБ. - **2005.** - Т 8.
- Гарбузов Г. П., Лисицкий Ф. Н., Голутов П. В.* Древняя система землеустройства у пос. Гаркуша (Таманский полуостров) // ДБ. - **2004.** - Т. 7.
- Гилевич А. М.* О культе Сабазия в Херсонесе // Древние культуры Евразии и античная цивилизация. - Тезисы докл. - Л., **1963.**
- Глушкина Л. М.* Имущественные отношения и рабство в Аттике IV вв. до н. э. по речам Исея // ПСЭИДМ. - М.-Л., **1963.**
- Глушкина Л. М.* О специфике греческого классического полиса в связи с проблемой его кризиса // ВДИ. - **1973** - № 3.
- Глушкина Л. М.* Проблема кризиса полиса // Античная Греция. - М., **1983.** - Т. 2.
- Голенко В. К.* Работы Южно-Боспорской археологической экспедиции // Археологические исследования в Крыму. 1993 г. - Симферополь, **1994.**
- Голенко В. К., Масленников А. А.* Два монетных клада с поселения Полянка // Новое в советской нумизматике и нумизматическом музееведении. - Тезисы докл. - Л., **1987.**
- Голенко В. К., Клокин А. А.* Работы Южно-Боспорской экспедиции // Археологические исследования в Крыму. 1994. - Симферополь, **1997.**
- Голенко К. В.* Датировка медных монет Пантикапея конца III - II в. до н. э. // КСИИМК. - **1955.** - Вып. 58.
- Голенко К. В.* К истории монетного дела на Боспоре в I в. до н. э. // НЭ. - **1960.** - Т. 2.
- Голенко К. В.* Несколько серебряных монет Пантикапея II в. до н. э. со следами перечеканки // НЭ. - **1968.** - Т. 7.

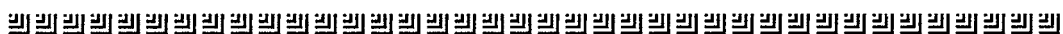

- Голенко К. В. Заметки о медных боспорских монетах III в. до н. э. // ВДИ. - 1972. - № 3.
- Голенко К. В., Шелов Д. Б. Монеты из раскопок Пантикапея 1945 - 1961 гг. // НС. - 1963. - Вып. 1.
- Голенцов А. С., Петерс Б. Г. Керамические клейма из раскопок Феодосии 1975 - 1977 гг. // СА. - 1981. - № 2.
- Голубцова Е. С. Северное Причерноморье и Рим на рубеже н. э. - М., 1951.
- Голубцова Е. С. Очерки социально-политической истории Малой Азии в I - III вв. Независимая сельская община. - М., 1962.
- Голубцова Е. С. Формы зависимости сельского населения Малой Азии в III - I вв. до н. э. // ВДИ. - 1967. - № 3.
- Голубцова Е. С. Полис и монархия в эпоху Селевкидов // Эллинизм: восток и запад. - М., 1992.
- Гольденберг В. А. Северное Причерноморье как рынок рабов для Средиземноморского мира // ВДИ. - 1953. - № 1.
- Горлов Ю. В. К истории Фанагории IV в. до н. э. // Проблемы античной культуры. - М., 1968.
- Горлов Ю. В., Лопанов Ю. А. Древнейшая система мелиорации на Таманском полуострове // ВДИ. - 1995. - № 3.
- Горончаровский В. А. Илуратская винодельня // КСИА. - 1985. - Вып. 182.
- Горончаровский В. А. Итоги изучения сельского поселения Героевка I на хоре Нимфея // Древнее Причерноморье. - III чтения памяти проф. П. О. Карышковского. - Тезисы докл. - Одесса, 1996.
- Горончаровский В. А. Между империей и варварами: военно-политическая история Боспора на рубеже н. э. // Stratum plus. - 2000. - № 3.
- Граков Б. Н. Эпиграфические документы царского черепичного завода в Пантикапее // ИГАИМК. - 1934. - Вып. 104.
- Граков Б. Н. Тара и хранение сельскохозяйственных продуктов в классической Греции VI - IV вв. до н. э. // ИГАИМК. - 1935. - Вып. 108.
- Граков Б. Н. Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии // ВДИ. - 1939. - № 3.
- Граков Б. Н. Скифы. М., 1971.
- Грач Н. Л. О Горгиипе и некоторых династических особенностях правления ранних Спартокидов // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. - Л., 1968.
- Грач Н. Л. Древнейшие винодельческие сооружения на Боспоре // Из истории Северного Причерноморья в античную эпоху. - Л., 1979.
- Грач Н. Л. Открытие нового исторического источника в Нимфее // ВДИ. - 1984. - № 1.
- Грач Н. Л. Нимфей в конце IV - I вв. до н. э. // Причерноморье в эпоху эллинизма. - Тбилиси, 1985.
- Григорьев Д. В. Состав войска и его тактика в VI - V вв. до н. э. // РА. - 2000. - № 3.
- Гриневич К. Э. Херсонес и Рим // ВДИ. - 1947. - № 2.
- Гуленков К. Л. Налоги на Боспоре при Митридате VI Евпаторе // ПИФК. - 2002. - Т. 12.
- Гуров А. Н. Феодосия и Фанагория в системе Боспорского государства // Из истории античного общества. - Горький, 1983.
- Даньшин Д. И. Танаиты и танаисцы во II - III вв. // КСИА. - 1990. - Вып. 197.
- Даньшин Д. И. Фанагорийская община иудеев // ВДИ. - 1993. - № 1.

- Дашевская О. Д.* Поздние скифы в Крыму // САИ. - Вып. Д 1 - 7. - М., 1991.
- Дембо Л. И.* Земельные правоотношения в классово-антагонистическом обществе. - Л., 1954.
- Демьянчук С. Г.* Некоторые вопросы хронологии боспорских монет III в. до н. э. // Никоний и античный мир Северного Причерноморья. - Тезисы докл. - Одесса, 1997.
- Десятчиков Ю. М.* К вопросу о происхождении династии Спартокидов // КСИА. - 1985. - Вып. 182.
- Десятчиков Ю. М., Долгоруков В. С., Алексеева Е. М.* Сельская территория // Археология СССР. АГСП. - М., 1984.
- Диамант Э. Д., Левина Э. А.* Лепная керамика Кошарского поселения // Северо-Западное Причерноморье – контактная зона древних культур. – К., 1991
- Диатроптов П. Д.* Распространение христианства в Северном Причерноморье. - Автореф. ... канд. ист. наук. - Л., 1988.
- Диатроптов П. Д., Емец И. А.* Корпус христианских надписей Боспора // Эпиграфический вестник. - 1995. - Вып. 2.
- Дилигенский Г. Г.* Северная Африка в IV - V вв. - М., 1961.
- Дмитриев А. В.* Некрополь римского времени в пос. Мысхако // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа (XIX «Крупновские» чтения). - Тезисы докл. - М., 1996.
- Дмитриев А. В., Мальшев А. А., Шишилов А. В., Федоренко Н. В.* Исследование археологических объектов античной эпохи в окрестностях пос. Мысхако в 1992 г. // БС. - 1994. - 4.
- Доватур А. И.* Аграрный Милет // ВДИ. - 1955. - № 1.
- Доватур А. И.* Реметалк и Евпатор // ВДИ. - 1959. - № 4.
- Доватур А. И.* Политика и политики Аристотеля. - М.-Л., 1965.
- Доватур А. И.* Рабство в Аттике VI - V вв. до н. э. - Л., 1980.
- Долгоруков В. С.* Фанагорийская винодельня I - II вв. н. э. // КСИА. - 1976. - Вып. 145.
- Долгоруков В. С.* Семибратнее городище // Археология СССР. АГСП. - М., 1984.
- Долгоруков В. С.* Литейная форма из Фанагории // Проблемы античной культуры. - М., 1986.
- Долгоруков В. С.* Некоторые вопросы истории и топографии ранней Фанагории // КСИА. - 1990. - Вып 197.
- Доманский Я. В., Фролов Э. Д.* Основные этапы развития межполисных отношений в Причерноморье в доримскую эпоху // Античные полисы и местное население в Причерноморье. - Севастополь, 1995.
- Дьяков В. Н.* Таврика в эпоху римской оккупации // Уч. записки МГПИ. - 1942. - Т. 28.
- Дьяконов И. М.* Община на древнем Востоке в работах советских исследователей // ВДИ. - 1963. - № 1.
- Дьяконов И. М.* Рабы, илоты и крепостные ранней древности // ВДИ. - 1973. - № 4.
- Дьяконов И. М., Якобсон В. А.* «Номовые государства», «территориальные царства», «полисы» и «империи». Проблемы типологии // ВДИ. - 1982. - № 2.
- Дьячков С. В.* Римские граждане и римская политика на Боспоре в I в. до н. э. - III в. н. э. // Вестник ХГУ. - 1992. - № 363. - История. - Вып. 26.
- Ермолова И. Е.* Сведения позднеантичных и раннесредневековых авторов о первом периоде пребывания гуннов в Европе // Восточная Европа в древности и средневековье. - М., 1990.

- Ермолова Е. И. Распад «державы» Аттилы и Северное Причерноморье // Проблемы истории и археологии Украины. - Тезисы докл. - Харьков, 1997.
- Ждановский А. М. К истории сиракского союза племен // Дон и Северный Кавказ в древности и средние века. - Ростов на Дону, 1990.
- Ждановский А. М., Марченко И. И. Сарматы Прикубанья // Проблемы сарматской археологии и истории. - Тезисы докл. - Азов, 1988.
- Жебелев С. А. Откуда ведет свое происхождение «Мирмекий»? // МИА. - 1941. - № 4.
- Жебелев С. А. Образование Боспорского государства // Северное Причерноморье. - М.-Л., 1953.
- Жебелев С. А. Основные линии экономического развития Боспорского государства // Северное Причерноморье. - М.-Л., 1953 а.
- Жебелев С. А. Херсонесская присяга // Северное Причерноморье. - М.-Л., 1953 б.
- Жебелев С. А. Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре // Северное Причерноморье. - М. - Л., 1953 в.
- Жебелев С. А. Предисловие к автонекрологу //ВДИ. – 1993. - № 2.
- Железчиков Б. Ф. Степи Евразии и скифо-сарматы Поволжья - Дона в IV - III вв. до н. э. // Античная цивилизация и варварский мир в Подонье - Приазовье. – Тезисы докл. - Новочеркасск, 1987.
- Житников В. Г. Рыбный промысел в хозяйственной системе Елизаветовского городища // ДД. - 1992. - Вып. 1.
- Житников В. Г. К проблеме возникновения Елизаветовского городища в дельте Дона // РА. - 1997. - № 1.
- Житников В. Г., Марченко К. К. Новые данные о строительных комплексах Елизаветовского городища на Дону // СА. - 1984. - № 3.
- Жуков Е. М. О роли социальной революции в процессе смены общественно-экономических формаций // Формации и социально-классовая структура. - М., 1985.
- Журавлев Д. В. Новые данные о Пантикалее в позднеантичную эпоху // Боспорский город Нимфей: новые исследования, материалы и вопросы изучения античных городов Северного Причерноморья. - Тезисы докл. - СПб., 1999.
- Журавлев Д. В. О керамическом производстве на Боспоре в позднеэллинистическое время //Поволжский антиковедческий журнал. – Antiquitas Aeterna. – 2005. – 1.
- Завойкин А. А. Периодизация торговых связей по керамической таре и некоторые вопросы ранней истории Фанагории: вторая половина VI - V вв. до н. э. // Очерки археологии и истории Боспора. - М., 1992.
- Завойкин А. А. Βόσπορος Κιζιμέριος - Βόσπορος - Diod., XII, 31, 1 (Опыт источникововедческого анализа) // ПИФК - 1994. - Т. 1.
- Завойкин А. А. О времени автономной чеканки Фанагории // БС. - 1995. – Вып. 6.
- Завойкин А. А. Киммериды - полис на Киммерийском Боспоре // ПИФК. - 1997. - Т. 4. – Вып. 1.
- Завойкин А. А. Синдская Гавань (Синдик) - Горгиппия // ВДИ. - 1998. - № 4.
- Завойкин А. А. Наконечники стрел из раскопок городища Фанагория // ДБ. - 1998. - Т. 1.
- Завойкин А. А. Памятник Сатира I на Азиатском Боспоре (Strabo. IX.2.7) //ДБ. – 2000. – Т. 3.
- Завойкин А. А. «Боспорский феномен» или псевдо-эллинизм на Боспоре //ДБ. – 2001. – Т. 4.
- Завойкин А. А. Боспор: территориальное государство // Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства. – СПб., 2001а. – Ч. 1.

- Завойкин А. А.* К вопросу о статусе Феодосии и Горгииппии в державе Спартокидов //ДБ. – 2002. – Т. 5.
- Завойкин А. А.* Краткий очерк истории Боспора VI – первой четверти III вв. до н. э. // ПИФК. – 2004. – Т. 14.
- Завойкин А. А.* О времени присоединения к Боспору Синдской Гавани//Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. – СПб., 2004 а. – Ч. 1.
- Завойкин А. А.* Фанагория во второй половине V – начале IV вв. до н.э. (по материалам раскопок «Южного города») //ДБ. – Suppl. I. – М., 2004 б.
- Завойкин А. А.* Кризис «первой половины» V в. до н. э. на Боспоре (состояние проблемы двадцать лет спустя) //Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Периоды дестабилизации и катастроф. Керчь, 2005.
- Завойкин А. А.* Сатир и мышь //Боспорский феномен: проблема соотношения письменных и археологических источников. – СПб., 2005 а.
- Завойкин А. А., Болдырев С. И.* Третья точка зрения на монеты с легендой ΣΙΝΔΩΝ // БС. – 1994. – Вып. 4.
- Завойкин А. А., Масленников А. А.* Специфика освоения сельских территорий Восточного Крыма и Таманского полуострова в VI – V вв. до н. э. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Οικόξ. - Керчь, 2006.
- Загинайло А. Г.* Литые монеты из Никония (К вопросу об экономических связях города в VI – IV вв. до н. э.) //Северо-Западное Причерноморье – контактная зона древних культур. – К., 1991.
- Зайцев Ю. П.* Неаполь Скифский - Ольвия - Боспор: к проблеме этнокультурных связей // Ольвия - 200. Тезисы докл. международной конференции, посвященной двухсотлетию археологического открытия Ольвии. - Николаев, 1994.
- Зайцев Ю. П.* Южный дворец Неаполя Скифского // ВДИ. - 1997. - № 3.
- Засецкая И. П.* О хронологии погребений «эпохи Великого переселения народов» Нижнего Поволжья // СА. - 1968. - № 2.
- Засецкая И. П.* Материалы Боспорского некрополя второй половины IV - первой половины V вв. н. э. // МАИЭТ. - 1993. - Т. 3.
- Засецкая И. П.* О месте изготовления серебряных чаш с изображением Констанция II из Керчи // МАИЭТ. - 1994 - 1995. - Т. 4.
- Зеест И. Б.* К вопросу о внутренней торговле Прикубанья и Фанагории (По материалам остродонных амфор из раскопок Елизаветовского и Семибратнего городищ) / МИА. - 1951. - № 19.
- Зеест И. Б.* Раскопки Феодосии // КСИИМК. - 1953. - Вып. 51.
- Зеест И. Б.* К вопросу о торговле Неаполя и ее значении для Боспора (по данным изучения тары из раскопок Неаполя 1949 - 1950 гг.) // МИА. - 1954. - № 33.
- Зеест И. Б.* Керамическая тара Боспора // МИА. - 1960. - № 83.
- Зеест И. Б.* Об одной особенности экономического развития Гермонассы // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. - Л., 1968.
- Зельин К. К.* Исследования по истории земельных отношений в Египте II - I вв. до н. э. - М., 1960.
- Зельин К. К., Трофимова М. К.* Формы зависимости в Восточном Средиземноморье в эллинистический период. - М., 1969.

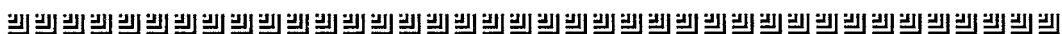
- Зицько А. В. Кризис рыболовного промысла в боспорском городе Тиритака во второй половине III в. н. э. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Периоды дестабилизации и катастроф. – Керчь, 2005.
- Зицько А. В. Рыболовный помысел в Тиритаке в III в. н. э. // БИ. - 2006. - Вып. 11.
- Зицько А. В. Позднеантичный жилищно-хозяйственный комплекс из раскопок Тиритаки // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Окоф. - Керчь, 2006а.
- Зицько В. Н. Население хоры Боспора и Херсонеса в IV - начала III вв. до н. э. (по археологическим источникам) // Тезисы докл. научной конференции «Проблемы истории Крыма». - Симферополь, 1991. - Вып. 1.
- Зицько В. Н. Об этносоциальной стратификации сельского населения европейской части Боспора IV - III вв. до н. э. // МАИЭТ. - 1991 а. - Т. 2.
- Зицько В. Н. Некоторые итоги изучения сельской округи античного Нимфея // МАИЭТ. - 1996. - Т. 5.
- Зицько В. Н. Охранные археологические исследования на хоре Нимфея // Археологические исследования в Крыму. 1994. - Симферополь, 1997.
- Зицько В. Н. Сельскохозяйственная округа Нимфея в VI - IV вв. до н. э. // Херсонес в античном мире. Историко-археологический аспект. - Тезисы докл. - Севастополь, 1997.
- Зицько В. Н. Хора Нимфея в VI - IV вв. до н. э. // ДБ. - 1998. - Т. 1.
- Зицько В. Н. Нимфейский полис // Боспорское царство как историко-культурный феномен. – СПб, 1998 а.
- Зицько В. Н. Итоги и перспективы исследований Нимфейской хоры // Боспорский город Нимфей: новые исследования, материалы и вопросы изучения античных городов Северного Причерноморья. - Тезисы докл. - СПб., 1999.
- Зицько В. Н. Боспорский город Нимфей и варвары // БИ. – 2001. – Вып. 1.
- Зицько В. Н. Становление Нимфейского полиса // Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства. Материалы международной научной конференции. Часть 1. – СПб., 2001 а.
- Зицько В. Н. Северо-западный район Нимфейской хоры // ДБ. – М., 2002. – Т. 5.
- Зицько В. Н. Хора боспорского города Нимфея // БИ. – Симферополь - Керчь, 2003. - Вып. IV.
- Зицько В. М. Сільська округа боспорського міста Нимфей у VI-III ст. до н.е. // Археологія. – 2003 а. - № 3.
- Зицько В. Н. Жилые постройки IV в. до н.э. на хоре Нимфея // ХСб. – Севастополь, 2004. – Вып. XIII.
- Зицько В. Н. Поселения VI в. до н.э. европейского побережья Боспора Киммерийского // БИ. – Симферополь - Керчь, 2004 а. – Вып. V.
- Зицько В. Н. Проблемы датировки ранних поселений хоры Пантикапея и Нимфея // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. – Часть 1. – СПб., 2004 б.
- Зицько В. Н. Население хоры полисов западного побережья Боспора Киммерийского в VI-I вв. до н.э. // БИ. – Симферополь - Керчь, 2005. – Вып. 9.
- Зицько В. Н., Соловьев С. Л. Раскопки на поселении Героевка - 2 в 1992 г. // БС. - 1994. – Вып. 4.

- Зицько В.Н., Куликов А.В.* Клад медных боспорских монет III в. до н. э. из Крымского Приазовья // МАИЭТ. – 2002. – Вып. 9.
- Зицько В.Н.* Постройки VI - V вв. до н. э. полисной хоры европейского Боспора // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Оікоґ. - Керчь, 2006.
- Зицько Е. А.* Христианские мотивы в росписях пантикапейских склепов // МАИЭТ. – 2003. - Вып. 10.
- Зицько О. О.* Ранньохристиянський Боспор (III-VI ст.). – Автореф. ... дис. канд. іст. наук. – Київ, 2004.
- Златковская Т. Д.* Возникновение государства у фракийцев. - М., 1971.
- Зограф А. Н.* Реформа денежного обращения в Боспорском царстве при Савромате II // ВДИ. - 1938. - № 2 (3).
- Зограф А. Н.* Тиритакский клад // КСИИМК. - 1940. - Вып. 6.
- Зограф А. Н.* Мирмекийский клад монет III в. до н. э., найденный в 1934 г. // МИА. - 1941. - № 4.
- Зограф А. Н.* Античные монеты // МИА. - 1951. - № 16.
- Зограф А. Н.* Денежное обращение и монетное дело // АГСП. - М.- Л., 1955.
- Золотарев М. И.* Раскопки в Северо-Восточном районе Херсонеса // АО за 1985 г.- М., 1987.
- Золотарьов М. І.* Про початковий етап будівництва в античному Херсонесі // Археологія. - 1990. - № 3.
- Золотарев М. И.* Херсонесская архаика // ВДИ. - 1995. - № 3.
- Золотарев М. И.* Древнейший этап жилого строительства в дорийском Херсонесе // Древнее Причерноморья. - Одесса, 1998.
- Зубарев В. Г.* К истории сельской территории Европейского Боспора в первые вв. н. э. / Проблемы истории и археологии Украины. - Тезисы докл. - Харьков, 1997.
- Зубарь В. М.* Из истории Херсонеса Таврического на рубеже н. э. // ВДИ. - 1987. - № 2.
- Зубар В. М.* З історії Херсонеса Таврійського другої половини IV - початку III ст. до н. е. // Археологія. - 1990. - № 1.
- Зубарь В. М.* О некоторых аспектах идеологической жизни населения Херсонеса Таврического в позднеантичный период // Обряды и верования древнего населения Украины. - К., 1990 а.
- Зубар В. М.* Новий латинський напис з Болгарії і деякі питання історії Таврики // Археологія. - 1991. - № 1.
- Зубарь В. М.* Херсонес Таврический в античную эпоху (экономика и социальные отношения). - Киев, 1993.
- Зубарь В. М.* Херсонес Таврический и Римская империя. Очерки военно-политической истории. - К., 1994.
- Зубар В. М.* Скорчені поховання із некрополя Херсонеса IV ст. до н. е. // Археологія. - 1995. - № 3.
- Зубарь В. М.* Культ римских императоров в Северном Причерноморье // РА. - 1995 а. - № 1.
- Зубарь В. М.* Ольвия и Скилур // РА. - 1996. - № 4.
- Зубарь В. М.* Религиозный синкретизм в Херсонесе и на Боспоре // Религиозный синкретизм: проблемы теоретического и исторического исследования. - Тезисы докл. - СПб., 1997.

- Зубарь В. М.* Херсонес во второй половине II – середине I вв. до н. э. //Херсонес Таврический в третьей четверти VI – середине I вв. до н. э. – **К., 2005 в.**
- Зубарь В. М.* Религиозное мировоззрение//Херсонес Таврический в третьей четверти VI – середине I вв. до н. э. – **К., 2005 г.**
- Зубарь В. М.* Херсонес и Северо-Западная Таврика во второй половине III - первой половине II вв. до н. э.//Херсонес Таврический в третьей четверти VI – середине I вв. до н. э. – **К., 2005 д.**
- Зубар В. М., Магомедов Б. В.* Нові дослідження середньовічних поховань Херсонеса // Археологія. - **1981.** - Вып. 36.
- Зубар В. М., Саприкін С. Ю.* Рец.: Тачева М. История на българските земи в древността. Развитие и расцвет на рабовладелското общество. - София, 1987. - Ч. 2. - 284 с. // Археологія. - **1984.** – Вип. 4.
- Зубарь В. М., Шмалько А. В.* Римско-боспорская война и Херсонес // Древности Степного Причерноморья и Крыма. - Запорожье, **1993.**
- Зубар В. М., Скризисинська М. В.* До інтерпретації одного писемного джерела з історії Боспора (Luc. Alex., 57) // Археологія. - **1997.** - № 4.
- Зубарь В. М., Хворостяный А. И.* От язычества к христианству. Начальный этап проникновения и утверждения христианства на юге Украины (вторая половина III - первая половина VI в.). – **К., 2000.**
- Зубарь В. М., Сорочан С. Б.* Историческое развитие Херсонеса в конце III – начале V вв. //Херсонес Таврический в середине I в. до н. э. – VI в. н. э. – Харьков, **2004.**
- Иванов А. А.* Боспоро-гераклеийские войны в IV – III вв. до н. э. /Среда, личность, общество. – М., **1992.**
- Иевлев М. М.* Роль географического фактора в истории Скифии // Проблемы скифо-сарматской археологии. - Тезисы докл. - Запорожье, **1989.**
- Илюшечкин В. П.* Система внеэкономического принуждения и проблема второй основной стадии общественной эволюции. - М., **1970.**
- Илюшечкин В. П.* Рентный способ эксплуатации в добуржуазных обществах древности, средневековья и нового времени. – М., **1971.**
- Илюшечкин В. П.* Система и структура добуржуазной частнособственнической эксплуатации. - М., **1980.**
- Илюшечкин В. П.* Сословно-классовое общество в истории Китая. Опыт системно-структурного анализа. - М.,**1986.**
- Илюшечкин В. П.* Проблема формационной характеристики сословно-классовых обществ. - М., **1986 а.**
- Илюшечкин В. П.* Сословная и классовая стратификация в добуржуазных обществах // Классы и сословия в докапиталистических обществах Азии. Проблемы социальной мобильности. - М., **1986 б.**
- Илюшечкин В. П.* О соотношении и взаимосвязи теории общественно-экономических формаций и политической экономии // Вопросы философии. - **1988.** - № 4.
- Исанчуриш Р. А., Исанчуриш Е. Р.* Монетное дело царя Радамсада // НЭ. - **1989.** - Т. 15.
- Кагаров Е.* Культ фетишей, растений и животных в древней Греции. - СПб., **1913.**
- Кадеев В. И.* Очерки истории экономики Херсонеса I - IV вв. н. э. - Харьков, **1970.**
- Кадеев В. И.* Об этнической принадлежности скорченных погребений Херсонесского некрополя // ВДИ. - **1973.** - № 4.
- Кадеев В. И.* Херсонес Таврический в первые века н. э. - Харьков, **1981.**

- Клепиков В. М., Скрипкин А. С.* Ранние сарматы в контексте исторических событий Восточной Европы // ДД. - 1997. - Вып. 5.
- Кобылина М. М.* Терракоты Фанагории местного производства // ВДИ. - 1949. - № 2.
- Кобылина М. М.* Мастерская коропласта в Пантикапее // СА. - 1958. - Т. 28.
- Кобылина М. М.* Терракотовые статуэтки Пантикапея и Фанагории. - М., 1961.
- Кобылина М. М.* Квартал ремесленников на южной окраине Фанагории // КСИА. - 1970. - Вып. 124.
- Кобылина М. М.* Разрушения гуннов в Фанагории // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. - М., 1978.
- Кобылина М. М.* Страницы ранней истории Фанагории // СА. - 1983. - № 2.
- Коваленко С. А.* О начале монетной чеканки на Боспоре // Боспорский феномен. Проблемы соотношения письменных и археологических источников. - СПб., 2005.
- Коваленко С. А., Молчанов А. А.* О монетной чеканке Феодосии V – IV вв. до н. э. // ВДИ. - 2005. - № 1.
- Козлов В. И.* Основные проблемы этнической экологии // СА. - 1983. - № 1.
- Колганов Н. В.* Собственность. Докапиталистические формации. - М., 1962.
- Колесников А. Б.* К интерпретации источников по античному виноградарству // ДБ. - 1998. - Т. 1.
- Колобова К. М.* Политическое положение городов в Боспорском государстве // ВДИ. - 1953. - № 4.
- Колобова К. М.* Дополнение к статье «Политическое положение городов в Боспорском государстве» // ВДИ. - 1954. - № 4.
- Колобова К. М.* Войкеи на Крите // ВДИ. - 1957. - № 2.
- Колобова К. М.* К вопросу о награждении пантикапейца золотым венком // СА. - 1958. - Т. 28.
- Колобова К. М.* ΟΙΚΕΤΗΣΙ у Фукидида // ПСЭИДМ. - М., 1963.
- Колосовская Ю. К.* Паннония в I - III вв. н. э. - М., 1973.
- Колосовская Ю. К.* Правовые основы торговли римлян с варварами // Торговля и торговец в античном мире. - М., 1997.
- Колтухов С. Г.* Пізньюскіфські поселення східної частини Передгірського Криму // Археологія. - 1991. - № 4.
- Константин Багрянородный.* Об управлении империей. Перевод и комм. Г. Г. Литаврина и А. П. Новосельцева. - М., 1989.
- Копылов В. П.* К вопросу о метрополии греческой апойкии в районе Таганрога // Античные полисы и местное население Причерноморья. - Севастополь, 1995.
- Копылов В. П.* Греческая колонизация и утверждение скифов в Северо-Восточном Приазовье // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. - Тезисы докл. - Ростов - на - Дону, 1996.
- Копылов В. П.* Таганрогское поселение в системе раннегреческих колоний Северного Причерноморья // Древнее Причерноморья. - Одесса, 1998.
- Копылов В. П.* Скифы Нижнего Дона и Северо-Восточного Приазовья (Вопросы хронологии и военно-политической истории) // ВДИ. - 2003. - № 1.
- Копылов В. П., Васильев А. Д.* Боспор и скифы дельты Дона (вторая половина IV - начало III вв. до н. э.) // Вопросы истории и археологии Боспора. - Воронеж-Белгород, 1991.

- Копылов В. П., Ларенок П. А. Таганрогское поселение // Материалы и исследования Таганрогской археологической экспедиции. - 1994. - Вып. 2.
- Копылов В. П., Марченко К. К. Елизаветовский курганный могильник на Дону (общая характеристика) // Древнее Причерноморье. - Одесса, 1998.
- Коранашивили Г. В. Докапиталистические способы производства. - Тбилиси, 1988.
- Коровина А. К. Винодельни Гермонассы // КСИА. -1987. - Вып. 191.
- Королев В. Об исходных производственных отношениях разных способов производства // Экономические науки. - 1984. - № 6.
- Корпус боспорских надписей. - М.-Л., 1965.
- Корпус боспорских надписей. - Альбом иллюстраций. – СПб.: Bibliotheka classica Petropolitana, 2004.
- Корпусова В. М. Про населення хори античної Феодосії // Археологія. - 1972. - Вып. 6.
- Корпусова В. М. Сільське населення пізньоантичного Боспору // Археологія. - 1973. - Вип. 8.
- Корсунский А. Р. Проблема измерения социальных явлений в исторических источниках и литературе // Математические сведения в исследованиях по социально-экономической истории. - М., 1975.
- Кошеленко Г. А. Городской строй полисов Западной Парфии // ВДИ. - 1960. - №4.
- Кошеленко Г. А. Полис и город: к постановке проблемы // ВДИ. – 1980. - № 1.
- Кошеленко Г. А. Греческий полис и проблемы развития экономики // Античная Греция. - 1983. - Т. 1.
- Кошеленко Г. А., Кузнецов В. Д. Греческая колонизация Боспора // Причерноморье в VII - V вв. до н. э. - Тбилиси, 1990.
- Кошеленко Г. А., Кузнецов В. Д. Греческая колонизация Боспора (в связи с некоторыми общими проблемами колонизации) // Очерки археологии и истории Боспора. - М., 1992. - с. 6 - 28.
- Кошеленко Г. А., Усачова О. М. Гілон і Кепи // Археологія. - 1992. - № 2.
- Крапивина В. В. Ольвия. Материальная культура I - IV вв. н. э. - К., 1993.
- Кропоткин В. В. Клады римских монет на территории СССР // САИ. - М., 1961.
- Кропоткин В. В. Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н. э. - V в. н. э.) // САИ. - Вып. Д 1 - 27. - М., 1970.
- Кропоткин В. В., Обыденнов М. Ф. Находки античных монет в погребении кочевника на Южном Урале // СА. - 1985. - № 2.
- Крыжисцкий С. Д. Жилые дома античных городов Северного Причерноморья. - Киев, 1982.
- Крыжисцкий С. Д. Архитектура античных государств Северного Причерноморья. - Киев, 1993.
- Крыжисцкий С. Д. Ольвия. Историографическое исследование архитектурно-строительных комплексов. - Киев, 1985.
- Крыжисцкий С. Д., Русяева А. С. Найдавніші житлові будинки Ольвії // Археологія. - 1978. - Т. 28. - с. 3 - 26.
- Крыжисцкий С. Д., Буйских С. Б., Бураков А. В., Отрешко В. В. Сельская округа Ольвии. - Киев, 1989.
- Крыжисцкий С. Д., Буйских С. Б., Отрешко В. М. Античные поселения Нижнего Побужья (археологическая карта). - К., 1990.
- Крыжисцкий С. Д., Крапивина В. В., Лейпунська Н. О. Головні етапи історичного розвитку Ольвії // Археологія. - 1994. - № 2.

- Крыжицкий С. Д., Крапивина В. В., Лейпунская Н. А.* О критериях периодизации исторического развития античных государств Северного Причерноморья (на примере Ольвии) // Проблемы истории и археологии Нижнего Поднестровья. - Тезисы докл. - Белгород-Днестровский, **1995**.
- Круг О. Ю., Рындина Н. В.* К вопросу о железной металлургии Пантикапея // МИА. - **1962**. - № 103.
- Кругликова И. Т.* Фанагорийская местная керамика из грубой глины // МИА. - **1951**. - № 19.
- Кругликова И. Т.* Ремесленное производство простой керамики в Пантикапее в VI - II вв. до н. э. // МИА. - **1957**. - № 56.
- Кругликова И. Т.* Изделия из кости и рога, найденные при раскопках Пантикапея в 1945 - 1949 гг. // МИА. - **1957 а.** - № 56.
- Кругликова И. Т.* Монеты из поселения у дер. Семеновки // НЭ. - **1963**. - Т. 4.
- Кругликова И. Т.* Города Боспора в III в. н. э. // Античный город. - М., **1963 а.**
- Кругликова И. Т.* Боспор III - IV вв. в свете археологических исследований // КСИА. - **1965**. - Вып. 103.
- Кругликова И. Т.* Боспор в позднеантичное время. - М., **1966**.
- Кругликова И. Т.* Античная сельскохозяйственная усадьба близ Керчи // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. - Л., **1968**.
- Кругликова И. Т.* Раскопки поселения у дер. Ново-Отрадное // МИА. - **1970**. - № 155.
- Кругликова И. Т.* Горгиппия в период Спартокидов // ВДИ. - **1971**. - № 1.
- Кругликова И. Т.* Торговля в сельских поселениях Боспора // КСИА. - **1972**. - Вып. 130.
- Кругликова И. Т.* Сельское хозяйство Боспора. - М., **1975**.
- Кругликова И. Т.* Раскопки некрополя в районе Астраханской улицы 1954 - 1964 гг. // Горгиппия. - **1982**. - Вып. 2.
- Кругликова И. Т.* Сельскохозяйственная территория // Археология СССР. АГСП. - М., **1984**.
- Кругликова И. Т.* Сельское хозяйство и промыслы // Археология СССР. АГСП. - М., **1984 а.**
- Кругликова И. Т.* Квартал ремесленников в Горгиппии // КСИА. - **1985**. - Вып. 182.
- Кругликова И. Т.* Поселение у деревни Ново-Отрадное // ДБ. - **1998**. - Т. 1.
- Кругликова И. Т., Фролова Н. А.* Монеты из раскопок Горгиппии 1967 - 1972 гг. // Горгиппия. - **1980**. - Вып. 1.
- Крушкол Ю. С.* Античное здание в районе Горгиппии // АИКСР. - Л., **1968**.
- Крюгер О. О.* Движения античных рабов в доэллинистическую эпоху // ИГАИМК. - **1934**. - Вып. 101.
- Кубланов М. М.* Религиозный синкретизм и появление христианства на Боспоре (I - III вв. н. э.) // ЕМИРА. - **1958**. - Т. 2.
- Кузицин В. В.* Хозяйство Плиния Младшего. Развитие латифундий и характер крупного землевладения в Италии в конце I в. н. э. // ВДИ. - **1962**. - № 2.
- Кузицин В. И.* Крестьянское хозяйство древнего Рима как экономический тип // ВДИ. - **1973** - № 1.
- Кузицин В. И.* Генезис рабовладельческой латифундии в Италии (II в. до н. э. - I в. н. э.). - М., **1976**.
- Кузицин В. И.* О системе земледелия в Италии I в. до н. э. - I в. н. э. // Древний Восток и античный мир. - М., **1982**.

- Кузицин В. И. Об изучении социально-экономической истории древнего мира в произведениях В. Д. Блаватского // Проблемы античной культуры. - М., 1986.
- Кузицин В. И. 70-летие Великого Октября и задачи советского антиковедения // ВДИ. - 1987. - № 4.
- Кузицин В. И. Античное классическое рабство как экономическая система. - М., 1990.
- Кузицин В. И., Штаерман Е. М. Проблемы классовой структуры и классовой борьбы в современной историографии античности // ВИ. - 1986. - № 10.
- Кузнецов В. Д. Ремесленники-металлисты Эпидавра // Проблемы античной археологии. - М., 1986.
- Кузнецов В. Д. Ремесленники Элевсина // ВДИ. - 1989. - № 3.
- Кузнецов В. Д. Строители Эрехтейона // ВДИ. - 1990. - № 4.
- Кузнецов В. Д. Ранние апойки Северного Причерноморья // КСИА. - 1991. - Вып. 204.
- Кузнецов В. Д. Кепы: ионийская керамика // СА. - 1991 а. - № 4.
- Кузнецов В. Д. Греческая бронзолитейная мастерская: вазопись и эпиграфика // ВДИ. - 1994. - № 2.
- Кузнецов В. Д. Ранние типы греческого жилища в Северном Причерноморье // БС. - 1995. - Вып. 6.
- Кузнецов В. Д. Некоторые проблемы торговли в Северном Причерноморье в архаический период // ВДИ. - 2000. - № 1.
- Кузнецов В. Д. Афины и Боспор: хлебная торговля // РА. - 2000а. - № 1.
- Кузнецов В. Д. Полис на Боспоре (эпоха архаики) // ДБ. - 2001. - Т. 4.
- Кузовков Д. В. Об условиях, породивших различия в развитии рабства и его наивысшего развития в античном мире // ВДИ. - 1954. - № 1.
- Кулаковский Ю. А. Керченская христианская катакомба 491г. // МАР. - 1891. - № 6
- Куликов А. В. Археологические разведки на городище Акра // Археологические исследования в Крыму. 1994. - Симферополь, 1997.
- Куликов А. В. Материалы к изучению древних морских промыслов // ДБ. - 1998. - Т. 1.
- Куликов А. В. К вопросу о кризисе денежного обращения на Боспоре в III в. до н. э. // БИ. - 2001. - Вып. 1.
- Куликов А. В. Монетные комплексы второй половины III в. до н. э. (К вопросу о времени завершения денежного кризиса на Боспоре) // БИ. - 2003. - Вып. 3.
- Куликов А. В. Денежное обращение на сельских поселениях хоры Китея и Акры // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. - Керчь, 2003а.
- Кушина Н. З. О боспорском стеклоделии в I - III вв. н. э. // Боспор и античный мир. - Нижний Новгород, 1997.
- Курбатов Г. Л. Основные проблемы внутреннего развития византийского города в IV - VII вв. - Л., 1971.
- Курбатов Г. Л. Разложение античной городской собственности в Византии IV - VII вв. // ВВ. - 1973. - Т. 35.
- Курбатов Г. Л., Лебедева Г. Е. Город и государство в Византии в эпоху перехода от античности к феодализму // Город и государство в древних обществах. - Л., 1982.
- Курбатов Г. Л., Лебедева Г. Е. Город и государство в Византии в эпоху перехода от античности к феодализму // Становление и развитие раннеклассовых обществ. - Л., 1986.

- Лазаров Л.* О кельтском государстве с центром в Риле при Каваре // ВДИ. - 1996. - № 1.
- Ланцов С. Б.* Кутлакская крепость второй половины I в. до Р. Х. - начала I в. // Археология Крыма. - 1997. - Т. I/1.
- Ланцов С. Б.* Раскопки боспорской крепости Кутлак // Археологические исследования в Крыму. 1994. - Симферополь, 1997 а.
- Ланцов С. Б.* Краткие сведения о боспорской крепости Кутлак – Афинеоне(?) Псевдо-Арриана // ВДИ. – 1999. - № 1.
- Латин В. В.* Греческая колонизация Северного Причерноморья. - К., 1966.
- Латышнев В. В.* Исследования об истории и государственном строе города Ольвии. - СПб., 1887.
- Латышнев В. В.* Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. - СПб.; 1896.
- Латышнев В. В.* Краткий очерк истории Боспорского царства // ПОНТИКА. - СПб., 1909.
- Лебедев В. Д., Латин Ю. Е.* К вопросу о рыболовстве в Боспорском царстве // МИА. - 1954. - № 33.
- Лебедева Е. В.* Ранняя расписная керамика Мирмекия // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. – СПб., 2004. – Часть 1.
- Левинская И. А.* Эпиграфические памятники культа theos hupsistos как источник по этнокультурной истории Боспора. - Автореф. ... канд. ист. наук. - Л., 1988.
- Левковская Г. М.* Реконструкция палеогеографических условий городища Чайка по данным споропыльцевого анализа // КСИА. - 1970. - Вып. 124.
- Ленцман Я. А.* О древнегреческих терминах, обозначающих рабов // ВДИ. - 1951. - № 2.
- Ленцман Я. А.* Рабство в микенской и гомеровской Греции. - М., 1963.
- Ленцман Я. А.* К методике изучения рабства доклассической Греции // Античное общество. - М., 1967.
- Литвиненко Ю. Н.* Птолемеевский Египет и Северное Причерноморье в III в. до н. э. // ВДИ. - 1991. - № 1.
- Ломоури Н. Ю.* К истории Понтийского царства. - Тбилиси, 1979.
- Ломтадзе Г. А.* Античный импорт на Боспоре в IV - начале III вв. до н. э. (опыт количественного анализа по материалам керамической тары). - Автор... канд. ист. наук. - М., 2005.
- Ломтадзе Г. А., Масленников А. А.* К реконструкции торгово-экономической ситуации на хоре европейского Боспора // ПИФК. – 2004. – Т. 14.
- Лопухова О. Б.* Некоторые вопросы аренды храмовых земель на Делосе // ВДИ. - 1985. - № 1.
- Лукиан.* Собр. соч. - М. - Л., 1935. - Т. 2.
- Лукиан.* Александр или Лжепророк // Поздняя греческая проза. - М., 1960.
- Лурье В. В.* Восстание Савмака // Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии. -Л., 1968.
- Ляпустин Б. С.* Место и роль фамильного ремесла в структуре древнеримской экономики // ВДИ. - 1992. - № 3.
- Ляст Р. Е.* К вопросу о соотношении рабского и свободного наемного труда в ремесле Римской республики последнего века до н. э. // ВДИ. - 1963. - № 2.
- Макарова Т. И.* Боспор-Корчев по археологическим данным // Византийская Таврика. - К., 1991.
- Максименко В. Е.* О савроматской этнической принадлежности язوماتов и языгов // Античная цивилизация и варварский мир в Подонье - Приазовье. - Тезисы докл. - Новочеркасск, 1987.

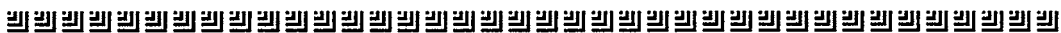
- Максименко В. Е. Начало проникновения сарматов в Северное Причерноморье и завоевание Скифии // ДД. - 1997. - Вып. 5.
- Максименко В. Е., Бойко А. Л. О формировании этнокультурной «контактной» зоны в Северо-Восточном Приазовье // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа (XIX «Крупновские» чтения). Тезисы докл. - М., 1996.
- Максимова М. И. Античные города Юго-Восточного Причерноморья. - М.- Л., 1956.
- Малашев В. Ю. К проблеме протгородской культуры населения Северного Кавказа I-й пол. I тыс. н. э. (денежное обращение) // БС. - 1994. - Вып. 4.
- Мальшев А. А. Античный импорт (VI - IV вв. до н. э.) в Закубанье. По материалам раскопок Тенгинского II городища // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа (XIX «Крупновские» чтения). - Тезисы докл. - М., 1996.
- Мальшев А. А. Боспор и Прикубанье во второй половине V – середине III вв. до н. э. // ДБ. - 2000. - 3.
- Мальшев А. А., Трейстер М. Ю. Погребение Zubovo-Воздвиженского типа в окрестностях Новороссийска // БС. - 1994. - Вып. 5.
- Мальшев А. А., Розанова Л. С., Терехова Н. Н. Наступательное вооружение из погребений (I - III вв. н. э.) Цеминдолинского могильника // РА. - 1997. - № 1.
- Маринович Л. П. Морская торговля Афин (по данным «Корпуса Демосфена») // ПИФК. - 1994. - Вып. 6.
- Маринович Л. П. Полис и обмен: к концепции Аристотеля // ВДИ. - 2003. - № 4.
- Маринович Л. П., Кошеленко Г. А. Древнегреческая экономика: сто лет дискуссий // ПИФК. - 1997. - Т. 4. - Вып. 1.
- Маркс К. Капитал // К. Маркс и Ф. Энгельс. - Соч. - Т. 25. - Ч. 2.
- Мартемьянов А. П. Римская вилла на территории Фракии и Нижней Мезии в I - V вв. н. э. // ВДИ. - 1986. - № 2.
- Марти В. Ю. Новые данные о рыбном промысле в Боспоре Киммерийском по раскопкам Тиритаки и Мирмекия // СА. - 1941. - Т. 7.
- Марти Ю. В. Рыбозасолочные ванны Тиритаки // МИА. - 1941 а. - № 4.
- Марти Ю. Ю. Городские крепостные стены Тиритаки и прилегающий комплекс рыбозасолочных цистерн // МИА. - 1941 б. - № 4.
- Марченко И. Д. Материалы по металлообработке и металлургии Пантикапея (По данным археологических раскопок с 1945 по 1953 гг.) // МИА. - 1957. - №. 56.
- Марченко И. Д. Две литейные формы из Фанагории // МИА. - 1957 а. - №. 56.
- Марченко И. Д. Литейная форма конца VI в. до н. э. // КСИА. - 1962. - Вып. 89.
- Марченко И. Д. Новая винодельня в Пантикапее // Археология и история Боспора. - Симферополь, 1962 а.
- Марченко И. Д. Позднеархаическая мастерская оружейника в Пантикапее // СА. - 1971. - № 2.
- Марченко И. И. Сарматы степей правобережья Нижней Кубани во второй половине IV в. до н. э. - III в. н. э. (по материалам курганных некрополей). - Автореф. ... канд. ист. наук. - Л., 1988.
- Марченко К. К. Оборонительные сооружения Елизаветовского городища на Дону // СА. - 1974. - № 2.
- Марченко К. К. Основные этапы истории Елизаветовского городища на Дону // Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа. - Ростов - на - Дону, 1983.

- Марченко К. К.* Варвары в составе населения Березани и Ольвии. Вторая половина VII - первая половина I в. до н. э. - Л., 1988.
- Марченко К. К.* Боспорские поселения на территории Елизаветовского городища на Дону // ВДИ. - 1990. - № 1.
- Марченко К. К.* Боспорские колонии на территории Елизаветовского городища на Дону // Вопросы истории и археологии Боспора. - Воронеж-Белгород, 1991.
- Марченко К. К.* Алопекия, Псоя или ...? // Древнее Причерноморье. III чтения памяти проф. П. О. Карышковского. - Тезисы докл. - Одесса, 1996.
- Марченко К. К.* Основные аспекты и результаты изучения греко-варварских контактов и взаимодействий в Северном Причерноморье скифской эпохи // Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. - СПб., 2005. - С. 12 - 26.
- Марченко К. К.* Периодизация истории Северного Причерноморья в скифскую эпоху // Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. - СПб., 2005 а. - С. 27 - 41.
- Марченко К. К.* Греки и варвары Северо-Западного Причерноморья // Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. - СПб., 2005б. - С. 42 - 136.
- Марченко К. К., Крыжисцкий С. Д.* К вопросу о наиболее ранних строительных комплексах северопричерноморских греков // Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства. — Материалы научной конференции. — СПб., 2001. — Ч. 1.
- Масленников А. А.* Скорченные погребения в грунтовых некрополях боспорских городов // СА. - 1976. - № 3.
- Масленников А. А.* О населении прибрежных районов Восточного Крыма в IV - I вв. до н. э. // СА. - 1980. - № 1.
- Масленников А. А.* Население Боспорского государства в VI - II вв. до н. э.. - М., 1981.
- Масленников А. А.* Еще раз о боспорских валах // СА. - 1983. - №3. - 14 - 22.
- Масленников А. А.* Новое о боспорских землепашцах // Эпиграфические памятники древней Малой Азии и античного Северного и Западного Причерноморья как исторический и лингвистический источник. - М., 1985.
- Масленников А. А.* Геракл Савромата II // Проблемы античной археологии. - М., 1986.
- Масленников А. А.* О типологии сельских поселений Боспора // СА. - 1989. - № 2.
- Масленников О. О.* Историко-географічне районування Східного Криму в античну епоху // Археологія. - 1989 а. - № 4.
- Масленников А. А.* Население Боспорского государства в первых веках н. э. - М., 1990.
- Масленников О. О.* Еволюція організації території європейського Боспору // Археологія. - 1992. - № 2.
- Масленников А. А.* Зенонов Херсонес - городок на Меотиде // Очерки археологии и истории Боспора. - М., 1992 а.
- Масленников А. А.* Сельская территория европейского Боспора в античную эпоху. - Автореф. ... доктор. ист. наук. - М., 1993.
- Масленников А. А.* Раскопки на Узунларском валу (Восточный Крым) // РА. - 1994. - № 4.
- Масленников А. А.* Древние греки в Крымском Приазовье // ВДИ. - 1995. - № 2.
- Масленников А. А.* Каменные ящики Восточного Крыма (К истории сельского населения европейского Боспора в VI - I вв. до н. э.) // БС. - 1995 а. - Вып. 8.
- Масленников А. А.* Полемон I на Боспоре // БС. - М., 1995 б. - Вып. 6.

- Масленников А. А. Некоторые проблемы ранней истории Боспорского государства в свете новейших археологических исследований в Восточном Крыму // ПИФК. - 1996. - Т. 1.
- Масленников А. А. Царская хора Боспора // Проблемы истории и археологии Украины. - Тезисы докл. - Харьков, 1997.
- Масленников А. А. Склепы сельского населения позднеантичного Боспора // Международная конференция «Византия и Крым». - Тезисы докл. - Симферополь, 1997 а.
- Масленников А. А. Царская хора Боспора на рубеже V - IV вв. до н. э. // Херсонес в античном мире. Историко-археологический аспект. - Тезисы докл. - Севастополь, 1997 б.
- Масленников А. А. Исследование памятников боспорской хоры в Крымском Приазовье // Археологические исследования в Крыму. 1994. - Симферополь, 1997 в.
- Масленников А. А. Семейные склепы сельского населения позднеантичного Боспора. - М., 1997 г.
- Масленников А. А. Чернолаковая посуда с поселения Генеральское-западное // ПИФК. - 1997 д. - Т. 4. - Вып. 1.
- Масленников А. А. Монетные находки и денежное обращение в Крымском Приазовье в античную эпоху // ДБ. - 1998. - Т. 1.
- Масленников А. А. Эллинская хора на краю Ойкумены. Сельская территория европейского Боспора в античную эпоху. - М., 1998 а.
- Масленников А. А. Древние географические ориентиры Восточного Крыма и современные археологические реалии // ВДИ. - 1998 б. - № 4.
- Масленников А. А. Границы и пограничья античного Боспора // Боспорский город Нимфей: новые исследования, материалы и вопросы изучения античных городов Северного Причерноморья. - Тезисы докл. - СПб., 1999.
- Масленников А. А. Сельские поселения европейского Боспора (некоторые проблемы и итоги исследования) // БИ. - 2001. — Вып. 1.
- Масленников А. А. «Царская» хора Боспора на рубеже V – IV вв. до н. э. (К вопросу о локализации) // ВДИ. - 2001 а. - № 1.
- Масленников А. А. Древние земляные погранично-оборонительные сооружения Восточного Крыма. - М., 2003.
- Масленников А. А., Безрученко И. М. Земельные наделы античного времени в Крымском Приазовье // КСИА. - 1991. - Вып. 204.
- Масленников А. А., Староверов Г. Б. Исследование античных памятников в Крымском Приазовье // БС. - 1994. - 4.
- Масленников А. А., Чевелев О. Д. Новые памятники античного времени на северном побережье Керченского пролива // КСИА. - 1981. - Вып. 168.
- Масленников А. А., Смекалова Т. Н. Комплексное исследование памятников боспорской хоры Крымского Приазовья в 1994 - 1996 гг. // Боспор и античный мир. - Нижний Новгород, 1997.
- Масленников А. А., Смекалова Т. Н. Следы древнего землевладения и землепользования на хоре европейского Боспора // ДБ. - 2005. - Т. 8.
- Массон В. М. Становление ремесла в свете данных археологии // Домашние промыслы и ремесла. - Тезисы докл. - Л., 1970.
- Махньова О. О. Нове античне поселення у селищі Фрунзенське // АИУ в 1969 р. - К., 1972.

- Махнева О. А.* Эллинистические усадьбы в Восточной части Крыма // Тезисы докл. Крымской научной конференции «Проблемы античной культуры». - Симферополь, **1988**. - Ч. 3.
- Медведев Н. К.* К содержанию категории «производственные отношения» // Экономические науки. - **1985**. - № 4.
- Мельников О. Н.* Монеты античной Феодосии // МАИЭТ. – **2000**. – Т. 7.
- Мельников О. Н.* Нимфей, скифский вождь Саммак и «измена Гилона» // МАИЭТ. – **2001**. – Т. 8.
- Мельников О. Н.* Боспорская государственность VI – начала V вв. до н. э. по данным нумизматики // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. – Керчь, **2003**.
- Мифы народов мира.* - М., **1992**. - Т. 2.
- Молев Е. А.* Митридат Евпатор. Создание черноморской державы. - Саратов, **1976**.
- Молев Е. А.* К вопросу об уплате дани Боспором варварам // Античная гражданская община. - Л., **1986**.
- Молев Е. А.* Боспорське місто Кітей IV - III ст. до н. е. (за матеріалами розкопок 1970 - 1981 рр.) // Археологія. - **1986 а.** - Вип. 54.
- Молев Е. А.* Боспор в период эллинизма. - Нижний Новгород, **1994**.
- Молев Е. О.* Боспор та його сусіди у II ст. до н. е. // Археологія. - **1995**. - № 3.
- Молев Е. А.* Первые Спартокиды - кто они? // Проблемы истории и археологии Украины. – Тезисы докл. - Харьков, **1997**.
- Молев Е. А.* Политическая история Боспора в VI - IV вв. до н. э. - Учебное пособие. - Нижний Новгород, **1997 а.**
- Молев Е. А.* Нимфей и Боспор при Сатире I // Боспорский город Нимфей: новые исследования, материалы и вопросы изучения античных городов Северного Причерноморья. - Тезисы докл. - СПб., **1999**.
- Молев Е. А.* Политическое положение Боспора в составе Понта // Из истории античного общества. – Нижний Новгород, **2001**. – Вып. 7.
- Молев Е. А.* Греко-скифский конфликт в конце VI – начала V в. до н. э. и процесс формирования государственной системы Боспора // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Периоды дестабилизации, катастроф. – Керчь, **2005**.
- Молев Е. А., Сазанов А. В.* Позднеантичные материалы из раскопок Китея // Вопросы истории и археологии Боспора. - Воронеж-Белгород, **1991**.
- Молев Е. А., Молева Н. В.* Денежное обращение в Китее // ПИФК. - **1996**. – Т.1.
- Мосейчук Б. С.* Аккосов вал // КСИА - **1983**. - Вып. 174.
- Мурзин В. Ю.* Скифская архаика Северного Причерноморья. - Киев, **1984**.
- Мыц В.Л., Жук С. М., Лысенко А. В., Татарцев С. В., Тесленко И. Б.* Об охранных работах в Партените // Археологические исследования в Крыму. 1994. - Симферополь, **1997**.
- Надель Б. Н.* Боспорская надпись IOSPE, II,33 // ВДИ. - **1948**. - 3.
- Надель Б. Н.* Об экономическом смысле оговорки $\chi\omega\rho\acute{\iota}\varsigma \epsilon\acute{\iota}\varsigma \tau\acute{\eta}\nu \pi\rho\sigma\epsilon\upsilon\chi\eta\acute{\nu} \varphi\alpha\lambda\epsilon\iota\alpha\varsigma \tau\epsilon \kappa\alpha\acute{\iota} \pi\rho\sigma\kappa\alpha\rho\tau\epsilon\rho\acute{\eta}\sigma\epsilon\omega\varsigma$ боспорских манумиссий // ВДИ. - **1948 а.** - № 1.
- Надель Б. Н.* Боспорские манумиссии и греческое право // Listy Filologický. - **1968**. - 91. - № 3.

- Нейхард А. А. Рабство в греческих городах Южного побережья Понта // Рабство на периферии античного мира. - Л., 1968.
- Немировский А. И. Митридат Евпатор, Боспор и восстание скифов // Византиноведческие этюды. - Тбилиси, 1978.
- Неронова В. Д. Формы эксплуатации в древнем мире в зеркале советской историографии. - Пермь, 1992.
- Нестеренко Н. Д. Клады Горгиппии // КСИА. - 1981. - Вып. 168.
- Нефедов К. Ю. Боспор и Антигониды в эпоху раннего эллинизма // Сугдейский сборник. К., 2005. - Вып. 2
- Никитина И. П. Эпиграфические данные о государственном устройстве Боспорского царства в I - III вв. // АДСВ. - 1966. - Вып. 4.
- Николаева Э. Я. Поселение Водопроводное на Таманском полуострове // КСИА. - 1973. - Вып. 133.
- Николаева Э. Я. Краснолаковая керамика со штампами с Ильичевского городища // КСИА. - 1978. - Вып. 156.
- Николаева Э. Я. Поселение у дер. Ильич // КСИА. - 1981. - Вып. 168.
- Николаева Э. Я. Стеклоделие на Боспоре // КСИА. - 1991. - Вып. 204.
- Николаенко Г. М. Метрология Херсонеса Таврического в эллинистический период (по материалам IV - II вв. до н. э.). - Автореф.... канд. ист. наук. - К., 1983.
- Николаенко Г. М. Херсонес Таврический и его хора // ВДИ. — 1999. — № 1.
- Новочихин А. М. Раскопки античного поселения в Андреевской щели близ Анапы // БС. - 1994. - Вып. 4.
- Одрин А. В. Земельные ресурсы и зерновое хозяйство Боспора в IV - III вв. до н. э. // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. - СПб., 2004. - Ч. 1
- Ольховский В. С. Население Крыма по данным античных авторов // СА. - 1981. - № 3.
- Ольховский В. С. О населении Крыма в скифское время // СА. - 1982. - № 4.
- Ольховский В. С. До етнічної історії давнього Криму // Археологія. - 1990. - № 1.
- Ольховский В. С. Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII - III вв. до н. э.). - М., 1991.
- Онайко Н. А. Раскопки Раевского городища // КСИИМК. - 1959. - Вып. 77.
- Онайко Н. А. О раскопках Раевского городища // КСИА. - 1965. - Вып. 103.
- Онайко Н. А. О центрах производства золотых обкладок ножен и рукояток ранних скифских мечей, найденных в Поднепровье // Культура античного мира. - М., 1966.
- Онайко Н. А. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в VII - V вв. до н. э. // САИ. - Вып. Д 1 - 27. - М., 1966 а.
- Онайко Н. А. «Варварские» подражания римским денариям из раскопок Раевского городища // КСИА. - 1967. - Вып. 109.
- Онайко Н. А. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV - II вв. до н. э. // САИ. - Вып. Д 1 - 27. - М., 1970.
- Онайко Н. А. Раскопки поселения на Малой земле // КСИА. - 1970 а. - Вып. 124.
- Онайко Н. А. Новые данные о поселении на Малой земле // КСИА. - 1973. - Вып. 133.
- Онайко Н. А. Результаты работ Новороссийской экспедиции 1971 - 1972 гг. // КСИА. - 1975. - Вып. 143.
- Онайко Н. А. Архаический Торик. Античный город на северо-востоке Понта. - М., 1980.
- Онайко Н. А. Погребение воина у поселка Мысхако // КСИА. - 1983. - Вып. 174.

- Онайко Н. А.* Раевское городище // Археология СССР. АГСП. - М., 1984.
- Онайко Н. А.* Юго-восточная окраина Боспора // Археология СССР. АГСП. - М., 1984 а.
- Онайко Н. А., Дмитриев А. В.* Сторожевые посты в окрестностях Бат и некоторые вопросы социально-экономической и политической истории юго-восточной окраины Боспора на рубеже н. э. // ВДИ. - 1982. - № 2.
- Отрешко В. М.* З історії Ольвійського поліса в IV - I ст. до н. е // Археологія. - 1982. - Вып. 41.
- Павленко Ю. В.* Основные закономерности и пути формирования раннеклассовых городов-государств // Фридрих Энгельс и проблемы истории древних обществ. - К., 1984.
- Павленко Ю. В.* Пути становления раннеклассовых социальных организмов // Исследование социально-исторических проблем в археологии. - К., 1987.
- Павленко Ю. В.* Теоретико-методологічні основи вивчення ранньокласових суспільств за археологічними даними // Археологія. - 1989. - № 1.
- Павленко Ю. В.* Раннеклассовые общества. Генезис и пути развития. - Киев, 1989 а.
- Павленко Ю. В.* Концепція рабовласницької формації: виникнення, криза та сучасний стан // Археологія. - 1990. - № 4.
- Павленко Ю. В.* Передісторія давніх русів у світовому контексті. - К., 1994.
- Павленко Ю. В.* Історія світової цивілізації. - К., 1996.
- Павленко Ю. В., Сон Н. О.* Пізньоантична Тіра та ранньодержавне об'єднання візиготів // Археологія. - 1991. - № 2.
- Павленков В. И.* О боспорской помощи Афинам в период македонских завоеваний // Тезисы докл. Крымской научной конференции «Проблемы античной культуры». - Симферополь, 1988. - Ч. 3.
- Павловская А. И.* Формы землевладения и организация земледелия на царских землях Египта в середине III в. до н. э. // ВДИ. - 1953. - № 1.
- Павловская А. И.* Египетская хора в IV в. - М., 1979.
- Панов А. Р.* Рим и Боспор: противостояние или сотрудничество? (Боспорско-римские взаимоотношения в I в. до н. э. – первой половине I в. н. э.). – Нижний Новгород, 2003.
- Паромов Я. М.* Обследование археологических памятников Таманского полуострова в 1981 - 1983 гг. // КСИА. - 1986. - Вып. 188.
- Паромов Я. М.* Обследование археологических памятников Таманского полуострова в 1984 - 1985 гг. // КСИА. - 1989. - Вып. 196.
- Паромов Я. М.* Главные дороги Таманского полуострова в античное время // ДБ. - 1998. - Т. 1.
- Паромов Я. М.* Укрепленные дома азиатского Боспора // Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства. – СПб., 2001. - Ч. 1.
- Парфенов В. Н.* Динамия, царица Боспора. Несколько штрихов к политическому портрету // Боспор и античный мир. - Нижний Новгород, 1997.
- Паришина Е. А.* Раскопки Кутлакской крепости // АО за 1984. - М., 1986.
- Петерс Б. Г.* Михайловское городище античного времени // Проблемы советской археологии. - М., 1978.
- Петерс Б. Г.* О работах Михайловской экспедиции (1963 - 1983 гг.) // КСИА. - 1985. - Вып. 182.

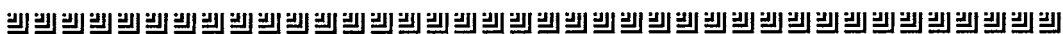

- Петерс Б. Г.* Косторезное дело в античных государствах Северного Причерноморья. - М., 1986.
- Петров М. К., Ленцман Я. А.* Рец.: Томсон Дж. Исследования по истории древнегреческого общества: первые философы. - М., 1959. - Т. 2. // ВДИ. - 1959. - № 4.
- Петрова Э. Б.* Греки и «варвары» античной Феодосии и ее округи (VI - II вв. до н. э.) // Тезисы докл. научной конференции «Проблемы истории Крыма». - Симферополь, 1991. - Вып. 1.
- Петрова Э. Б.* Феодосия в составе Боспорского царства (политический аспект) // МАИЭТ. - 1991 а. - Т. 2.
- Петрова Э. Б.* Греки и «варвары» античной Феодосии и ее округи в VI - II вв. до н. э. // МАИЭТ. - 1996. - Т. 5.
- Петрова Э. Б.* Менестрат и Сог (К вопросу о наместниках Феодосии в первых вв. н. э.) // БИ. - 2001. - Вып. 1.
- Пиоро И. С.* Про один з поглядів на джерела та пізньюантичного Херсонеса // Археологія. - 1997. - № 2.
- Пічікян І. Р.* Іонійський храм акрополя Пантікапея (датування та реконструкція) // Археологія. - 1978. - Вып. 25.
- Пичикян И. Р.* Малая Азия - Северное Причерноморье. Античные традиции и влияния. - М., 1984.
- Плетнева С. А.* Закономерности развития кочевнических обществ в эпоху средневековья // ВИ. - 1981. - № 6.
- Полін С. В.* Про сарматське завоювання Північного Причорномор'я // Археологія. - 1984. - Вып. 45.
- Полин С. В.* От Скифии к Сарматии. - К., 1992.
- Полин С. В., Симоненко А. В.* Скифия и сарматы // ДД. - 1997. - Вып. 5.
- Попов А. Р.* Политический статус Горгииппии в первой половине I в. н. э. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. - Керчь, 2003.
- Пругло В. П.* Литейная форма из Мирмекия // КСИА. - 1965. - Вып. 103.
- Ранович А. Б.* Эллинизм и его историческая роль. - М., 1950.
- Ременников А. М.* Борьба племен Подунавья и Северного Причерноморья с Римом в 275 - 279 гг. // ВДИ. - 1964. - № 4.
- Рогов Е. Я.* Два сельских поселения классического и эллинистического времени на хоре Ольвии // Древнее Причерноморье. - III чтения памяти проф. П. О. Карышковского. - Тезисы докл. - Одесса, 1996.
- Рогов Е. Я.* Укрепленные поселения Таманского полуострова // Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира. - СПб., 1999.
- Романчук А. И.* Новые материалы о времени строительства рыбозасолочных цистерн в Херсонесе // АДСВ. - 1973. - Вып. 9.
- Романчук А. И.* План рыбозасолочных цистерн Херсонеса // АДСВ. - Свердловск, 1977.
- Ростовцев М. И.* Военная оккупация Ольвии Римом // ИАК. - 1915. - Вып. 58.
- Ростовцев М. И.* Дело о взимании проституционной подати в Херсонесе // ИАК. - 1916. - Вып. 60.
- Ростовцев М. И.* Понт, Вифиния, Боспор // Русский исторический журнал. - 1917. - Кн. 1 - 2.
- Ростовцев М. И.* Эллинство и иранство на юге России. - Пгр., 1918.

- Рубан В. В.* Комплекс памятников античного времени в урочище Дидова Хата на Бугском лимане // КСИА. - 1978. - Вып. 156.
- Рубан В. В.* О датировке поселения Козырка II // Памятники древних культур Северного Причерноморья. - Киев, 1979.
- Рубан В. В.* Проблемы исторического развития Ольвийской хоры в IV - III вв. до н. э. // ВДИ. - 1985. - № 1.
- Русяева А. С.* Милет - Дидимы - Борисфен - Ольвия: проблемы колонизации Нижнего Побужья // ВДИ. - 1986. - № 2.
- Русяева А. С.* Ольвия и Неаполь (К вопросу об основании скифской крепости в Таврике) // Мир Ольвии. - Тезисы докл. - Киев, 1996.
- Русяева А. С.* Религиозный аспект исторической новеллы о Гикии Константина Порфирородного // ΜΟΥΣΕΙΟΝ. Профессору А. И. Зайцеву ко дню семидесятилетия. - СПб., 1997.
- Русяева А. С.* Перші античні поселення в Північному Причорномор'ї // Давня історія України. - К., 1998. - Т. 2.
- Русяева А. С.* Виникнення і формування північнопонтійських полісів // Давня історія України. - К., 1998а. - Т. 2.
- Ручинская О. А.* Сообщества граждан античных городов Северного и Западного Понта в I - III вв. н. э. // Проблемы истории и археологии Украины. - Тезисы докл. - Харьков, 1997.
- Савостина Е. А.* Античное поселение Юбилейное I на Тамани // СА. - 1987. - № 1.
- Сазанов А. В.* О хронологии Боспора ранневизантийского времени // СА. - 1989. - № 4.
- Сазанов А. В.* Боспор у ранньовізантійський час // Археологія. - 1991. - № 2.
- Сазанов А. В.* Краснолаковая керамика Северного Причерноморья ранневизантийского времени // МАИЭТ. - 1994. - Т. 4.
- Сазанов А. В.* Амфоры «carottes» в Северном Причерноморье ранневизантийского времени. Типология и хронология // БС. - 1995. - Вып. 6.
- Сазанов А. В., Иващенко Ю. Ф.* К вопросу о датировках позднеантичных слоев городов Боспора // СА. - 1989. - № 1.
- Сазанов А. В., Мокроусов С. В.* Поселение Золотое восточное в бухте (Восточный Крым): Опыт исследования стратиграфии ранневизантийского времени // ПИФК. - 1996. - Т. 3. - Вып. 1.
- Сайко Э. В.* Становление города как производственного центра (Формирование экономической основы - ремесла). - Душанбе, 1973.
- Салов А. И.* Клады III - IV вв. с Шум-Речки // СА. - 1975. - № 3.
- Сапрыкин С. Ю.* Присяга граждан Херсонеса о хоре города в свете новых исследований // Проблемы истории античной гражданской общины. - М., 1982.
- Сапрыкин С. Ю.* Пифодорида - царица Фракии // ВДИ. - 1984. - № 2.
- Сапрыкин С. Ю.* Аспургиане // СА. - 1985. - № 2.
- Сапрыкин С. Ю.* Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. - М., 1986.
- Сапрыкин С. Ю.* Из эпиграфики Горгииппии // ВДИ. - 1986 а. - № 1.
- Сапрыкин С. Ю.* Асандр и Херсонес (к достоверности легенды о Гикии) // ВДИ. - 1987. - № 1.
- Сапрыкин С. Ю.* Lex sacra из Горгииппии // Studia in honorem Borisi Gerov., - Safia, 1990.
- Сапрыкин С. Ю.* «Евпаторов закон о наследовании» и его значение в истории Понтийского царства // ВДИ. - 1991. - № 2.

- Сапрыкин С. Ю. Структура земельных отношений в Понтийском царстве // Эллизм: восток и запад. - М., 1992.
- Сапрыкин С. Ю. Из истории Понтийского царства Полемонидов (по данным эпиграфики) // ВДИ. - 1993. - № 2.
- Сапрыкин С. Ю. Борьба за экономические зоны влияния на Понте в VI - II вв. до н. э. Государственная политика или частная инициатива? // Античные полисы и местное население Причерноморья. - Севастополь, 1995.
- Сапрыкин С. Ю. Понтийское царство. - М., 1996.
- Сапрыкин С. Ю. Рец.: Е. А. Молев. Боспор в период эллинизма. Нижний Новгород, 1994. 137 с. // ВДИ. - 1996 а. - № 4.
- Сапрыкин С. Ю. Город и царская власть в Понтийском государстве Митридатидов // Античный мир Византия. - Харьков, 1997.
- Сапрыкин С. Ю. «Полисы» Митридата VI Евпатора и «политии» Помпея Великого в Восточной Анатолии // ПИФК. - 1997 а. - 4. - 1.
- Сапрыкин С. Ю. Плиний Младший и Северное Причерноморье // ВДИ. - 1998. - № 1.
- Сапрыкин С. Ю. К вопросу о начале правления Асандра на Боспоре // Античность: события и исследователи. - Казань, 1999.
- Сапрыкин С. Ю. Боспорское царство на рубеже двух эпох. - М., 2002.
- Сапрыкин С. Ю. Аспург, царь Боспора // ДБ. - 2002а. - Т. 5.
- Сапрыкин С. Ю. Боспорское царство: от тирании к эллинистической монархии // ВДИ. - 2003. - № 1.
- Сапрыкин С. Ю. Заметки по истории Боспорского царства (о книге В. А. Анохина «История Боспора Киммерийского». Киев, 1999) // ДБ. - 2004. - Т. 7.
- Сапрыкин С. Ю. Энкомий из Пантикапея и положение Боспорского царства в конце I - начале II в. н. э. // ВДИ. - 2005. - № 2.
- Сапрыкин С. Ю. Этюды по социальной и экономической истории Боспорского царства // Античная цивилизация и варвары. - М., 2006.
- Сапрыкин С. Ю., Баранов И. А. Грецький напис із Судака // Археологія. - 1995. - № 2.
- Саркисян Г. Х. О городской земле в Селевкидской Вавилонии // ВДИ. - 1953. - № 1.
- Свеницкая И. С. Земельные владения эллинистических полисов малой Азии // ВДИ. - 1960. - № 3.
- Свеницкая И. С. Греческий полис в эллинистических государствах // Eirene. - 1967. - 6.
- Свеницкая И. С. Роль частных сообществ в общественной жизни полисов эллинистического и римского времени (по материалам Малой Азии) // ВДИ. - 1985. - № 4.
- Сергеев И. П. Внешнеполитический фактор в истории кризиса III века в Римской империи // Мир Ольвии. - Тезисы докл. - К., 1996.
- Сергеев И. П. Проблема экономического развития западных провинций Римской империи в период кризиса III века в новейшей историографии // Проблемы истории и археологии Украины. Тезисы докл. - Харьков, 1997.
- Сергеев И. П. Римская империя в III веке нашей эры. Проблемы социально-политической истории. - Харьков, 1999.
- Сидоренко В. А. Высшие воинские должности на Боспоре во II - начале IV вв. н. э. (по материалам эпиграфики) // БИ. - 2001. - Вып. 1.
- Сизов С. К. О причинах расцвета федеративных государств в эллинистической Греции // ВДИ. - 1992. - № 2.

- Симоненко А. А.* Сарматы Таврии. - Киев, **1993**.
- Скрэпиская М. В.* Боспорский купец Формион в Афинах // Торговля и торговец в античном мире. - М., **1997**.
- Скуднова В. М.* Местная расписная керамика Нимфея VI в. до н. э. // КСИА АН УССР. - **1957**. - Вып. 7.
- Снытко И. А.* К вопросу о причинах прекращения жизни на хоре Ольвии во второй половине III в. до н. э. // Никоний и античный мир Северного Причерноморья. - Тезисы докл. - Одесса, **1997**.
- Смекалова Т. Н.* Международная торговля зерном и появление первых монет на Боспоре // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Периоды дестабилизации и катастроф. – Керчь, **2005**.
- Смекалова Т. Н., Масленников А. А., Смекалов С. Л.* Ортогональные системы межевания земли европейского Боспора и природно-демографические факторы // Боспорский феномен: проблема соотношения письменных и археологических источников. – СПб., **2005**.
- Смекалова Т. Н., Смекалов С. Л., Попов И. И.* Попытка реконструкции клеров европейского Боспора по данным аэрофотосъемки, картографии и наземных разведок // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Периоды дестабилизации, катастроф. – Керчь, **2005**.
- Смекалова Т. Н., Смекалов С. Л.* Попытка реконструкции системы дорог и клеров городов европейского Боспора (по данным аэрофотосъемки, картографии и наземных разведок) // БИ. – **2005 а.** – Вып. 10.
- Смирнов К. Ф.* Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. - М., **1984**.
- Смирнов Н. В.* Наместники Горгииппии // ДБ. – **2001**. – Т. 4.
- Соколова О. Ю.* Новые винодельческие комплексы эллинистического времени из Нимфея // Тезисы докл. Крымской научной конференции «Проблемы античной культуры». - Симферополь, **1988**. - Ч. 3.
- Соколова О. Ю.* Новые находки из Нимфея // Боспор и античный мир. - Нижний Новгород, **1997**.
- Соколова О. Ю.* Конская узда V в. до н. э. из некрополя Нимфея // Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира. – СПб., **1999**.
- Соколова О. Ю.* О керамическом производстве в Нимфее // Боспор Киммерийский и Понт в период античности и средневековья. – Керчь, **2001**.
- Сокольский Н. И.* Валы в системе обороны европейского Боспора // СА. - **1957**. - Т. 27.
- Сокольский Н. И.* К вопросу о наемниках на Боспоре в IV - III вв. до н. э. // СА. - **1958**. - Т. 28.
- Сокольский Н. И.* Кепы // Античный город. - М., **1963**.
- Сокольский Н. И.* Керамическая мастерская в Кепях // АИКСП. - Л., **1968**.
- Сокольский Н. И.* О гончарном производстве в азиатской части Боспора // КСИА. - **1969**. - Вып. 116.
- Сокольский Н. И.* Виноделие в азиатской части Боспора // СА. - **1970**. - № 2.
- Сокольский Н. И.* Таманский Голос и резиденция Хрисалиска. - М., **1976**.
- Соловьев С. Л.* Хора Гермонассы // Таманская старина. – **2002**. – Вып. 4.
- Соловьев С. Л., Бутягин А. М.* Архаические комплексы поселения Волна 1 в окрестностях Горгииппии // Таманская старина. – **2002**. – Вып. 4.

- Сопова Н. К. Правление Асандра на Боспоре и некоторые аспекты международных отношений в Причерноморье в освещении русской и советской историографии // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. - Ростов-на-Дону, 1986.
- Сорокина Н. П. Новые данные по истории архитектурного ансамбля эпохи эллинизма на Азиатском Боспоре // Причерноморья в эпоху эллинизма. - Тбилиси, 1985.
- Сорокина Н. П., Алексеева Е. М. Стеклодельческий район II - III вв. в Горгиипии // Проблемы истории и археологии Украины. - Тезисы докл. - Харьков, 1997.
- Сорочан С. Б. Экономические связи Херсонеса со скифо-сарматским населением Крыма в I в. до н. э. - V в. н. э. // Античные государства и варварский мир. - Орджоникидзе, 1981.
- Сорочан С. Б. К вопросу о планировке и функциях улиц раннесредневековых византийских городов // Проблемы истории и археологии Украины. - Тезисы докл. - Харьков, 1997.
- Спивак И. А. О Народном собрании в полисах Боспора (V - I вв. до н. э.) // Проблемы греческой культуры. - Тезисы докл. - Симферополь, 1997.
- Стучевский Н. А. О первичных классовых формациях и азиатском способе производства // Общее и особенное в историческом развитии стран Востока. - М., 1966.
- Сударев Н. И. Культ Аполлона Врача на Боспоре и некоторые вопросы греческой колонизации // ДБ. - 1999. - Т. 2.
- Сударев Н. И. Погребения с элементами скорченности костяка в некрополях Боспора VI-II вв. до н.э. // ДБ. - 2004. - Вып. 7.
- Суриков И. Е. Историко-географические проблемы Понтийской экспедиции // ВДИ. - 1999. - № 2.
- Сюзюмов М. Я. О наемном труде в период кодификации римского права // ВДИ. - 1958. - № 2.
- Тарасова Н. В. Лепная керамика Горгиипии (первые века н. э.) // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа (XIX «Крупновские» чтения). - М., 1996.
- Тачева М. История на българските земи в древността. - Развитие и расцвет на рабовладельческого общества. - София, 1987. - Ч. 2.
- Тереножкін О. І. Класи і класові відносини у Скіфії // Археологія. - 1975. - Вып. 15.
- Тереценко А. Е. Система номиналов в пантикапейской чеканке VI - V вв. до н. э. Таманская старина. - 2002. - Вып. 4.
- Тереценко А. Е. О появлении монетного дела на Боспоре Киммерийском // Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища. - СПб., 2002а. - 1.
- Тереценко А. Е. Ранняя чеканка Фанагории // Боспорский феномен. Проблема соотношения письменных и археологических источников. - СПб., 2005.
- Толстиков В. П. К проблеме образования Боспорского государства (Опыт реконструкции военно-политической ситуации на Боспоре в конце VI - первой половине V в. до н. э.) // ВДИ. - 1984. - № 3.
- Толстиков В. П. Пантикапей - столица Боспора // Очерки археологии и истории Боспора. - М., 1992.
- Толстиков В. П. Неизвестные страницы истории Боспорского царства // СГМИИ. - 1992 а. - Вып. 9.
- Толстиков В. П. Археологические открытия на акрополе Пантикапея и проблема боспорско-скифских отношений в VI - V вв. до н. э. // Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государств. - СПб., 2001. - Ч. 1.

- Толстиков В. П.* Ранний Пантикапей в свете новых археологических исследований //ДБ. – 2001 а. – Т. 4.
- Толстиков В. П., Журавлев Д. В., Ломтадзе Г. А.* Многокамерные строительные комплексы в системе застройки акрополя Пантикапея VI – V веков до н. э. //ДБ. – 2003. – Т. 6.
- Толстиков В. П., Журавлев Д. В., Ломтадзе Г. А.* Новые материалы к хронологии и истории раннего Пантикапея //ДБ. – 2004. – Т. 7.
- Томсон Дж.* Письмо в редакцию // ВДИ. - 1953. - № 1.
- Тохтасьев С. Р.* Апатур. История боспорского святилища Афродиты Урании // ВДИ. - 1986. - № 2.
- Тохтасьев С. Р.* ΣΙΝΔΙΚΑ //Гаманская старина. – 2002. – Вып. 4.
- Тохтасьев С. Р.* Боспор и Синдика в эпоху Левкона I (Обзор новых эпиграфических публикаций) //ВДИ. – 2004. - № 3.
- Трейстер М. Ю.* Фибулы из Горгииппии // Горгииппия. - 1982. - Вып. 2.
- Трейстер М. Ю.* Боспор и Египет в III в. до н. э. // ВДИ. - 1985. - № 1.
- Трейстер М. Ю.* Бронзолитейное ремесло Боспора IV в. до н. э. // КСИА. - 1987 а.- Вып. 191.
- Трейстер М. Ю.* Роль металлов в эпоху Великой греческой колонизации // ВДИ. - 1988. - № 1.
- Трейстер М. Ю.* Бронзолитейное ремесло Боспора VI – V вв. до н. э. // Eirene. - 1988а. – 25.
- Трейстер М. Ю.* Древнейший предмет этрусского производства в Северном Причерноморье и некоторые проблемы ранней истории Пантикапея // КСИА.- 1990. - Вып. 197.
- Трейстер М. Ю.* Бронзолитейное ремесло Боспора // СГМИИ. - 1992. - Вып. 10.
- Трейстер М. Ю.* Римляне в Пантикапее // ВДИ. - 1993. - № 2.
- Трейстер М. Ю.* Ионийские ремесленники - скифам // ВДИ. - 1998. - № 4.
- Трейстер М. Ю.* Об одной из боспорских мастерских торевтики IV в. до н. э. // Боспорский город Нимфей: новые исследования, материалы и вопросы изучения античных городов Северного Причерноморья. - Тезисы докл. - СПб., 1999.
- Трейстер М. Ю., Дмитриев А. В., Мальшиев А. А.* Бронзовая статуэтка эллинистического правителя из раскопок поселения Мысхако под Новороссийском // РА. - 1998. - № 4.
- Трофимова М. К.* Из истории эллинистической экономики. К вопросу о торговой конкуренции Боспора и Египта в III в. до н. э. // ВДИ. - 1961. - № 2.
- Туровский Е. Я.* К вопросу о внешней политике греческих государств Причерноморья в IV - III вв. до н. э. // Античные полисы и местное население в Причерноморье. - Севастополь, 1995.
- Туровский Е. С.* Еще раз о причинах и начальной дате денежного кризиса на Боспоре// Боспорский феномен: проблема соотношения письменных и археологических источников. – СПб., 2005.
- Томенев А. И.* История античных рабовладельческих обществ // ИГАИМК. - 1935. - Вып.111.
- Усачева О. Н., Кошелев Г. А.* Об одной загадке боспорской историографии //РА. - 1994. - № 3.
- Устинова В. А.* К вопросу о присоединении Синдики к Боспорскому государству // ВДИ. - 1966. - № 4.

- Утченко С. Л. Политические учения древнего Рима III – I вв. до н. э. – М., 1977.
- Утченко С. Л., Штаерман Е. М. О некоторых вопросах истории рабства // ВДИ, - 1960. - № 4.
- Утченко С. Л., Дьяконов И. М. Социальная стратификация древнего общества: XII Международный конгресс исторических наук. - М., 1970.
- Федосеев Н. Ф. Благодеяние Евмела // Античные полисы и местное население Причерноморья. - Севастополь, 1995.
- Федосеев Н. Ф. Елизаветовское городище - Псоя - Танаис // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. - Тезисы докл. - Ростов - на - Дону, 1996.
- Федосеев Н. Ф. Переправа через Боспор Киммерийский // ВДИ. - 1997. - № 4.
- Федосеев Н. Ф. Керамические клейма из раскопок поселения Бакланья скала // ДБ. - 1998. - № 1.
- Федосеев Н. Ф. Еще раз о переправе через Боспор Киммерийский // Археология и история Боспора. – Керчь, 1999. – Вып. 3.
- Финогенова С. И. Очерк истории Гермонассы по материалам раскопок // ДБ. – 2005. – Т. 8.
- Финогенова С. И. Архаические слои Гермонассы (по материалам раскопок последних лет) // Боспорский феномен: проблема соотношения письменных и археологических источников. – СПб., 2005 а.
- Фирсов Л. В. Исары. Очерки истории средневековых крепостей Южного берега Крыма. - Новосибирск, 1990.
- Фролов Э. Д. Экономические взгляды Ксенофонта. Анализ трактата «Об управлении хозяйством» // Уч. зап. ЛГУ. - 1956. - Серия ист. - № 192. - Вып. 21.
- Фролов Э. Д. Рождение греческого полиса // Становление и развитие раннеклассовых обществ. - Л., 1986.
- Фролов Э. Д. Предэллинизм на греческом Западе (к проблеме отношений «полис-монархия» и «эллыны-варвары») // ПИФК. - 1996. – Т. 1.
- Фролов Э. Д. Прибыль и предпринимательство в древней Греции // Торговля и торговцы в античном мире. - М., 1997.
- Фролова Н. А. Боспор и Рим в конце I - начале II в. н. э. по нумизматическим данным // ВДИ. - 1968. - № 2.
- Фролова Н. А. О денежном обращении Боспора в III в. до н. э. // СА. - 1970. - № 4.
- Фролова Н. А. Монетное дело боспорского царя Евпатора (154 - 170 гг.) // НЭ. - 1971. - Т. 9.
- Фролова Н. А. Из истории Боспора в середине II в. н. э. // ВДИ. - 1972. - № 1.
- Фролова Н. А. Монетное дело Боспора в правление Котиса III (227 - 233 гг.) // СА. - 1973. - № 3.
- Фролова Н. А. Монеты Савромата III (229 - 231 гг.) // КСИА. - 1973 а. - Вып. 133.
- Фролова Н. А. О времени правления Гипепирии и Митридата III // ВДИ. - 1977. - № 3.
- Фролова Н. А. Медные монеты Котиса I как исторический источник // СА. - 1976. - № 3.
- Фролова Н. А. Начальные эмиссии меди Савромата I (92 - 123 гг.) // КСИА. - 1978. - Вып. 156.
- Фролова Н. А. О времени правления Динамии // СА. - 1978 а. - № 2.
- Фролова Н. А. Монетное дело Рискупорида III (211 - 226 гг.) // НЭ. - 1980. - Т. 13.
- Фролова Н. А. История правления Рискупорида V (242 - 276 гг.) по нумизматическим данным // СА. - 1980 а. - № 3.

- Фролова Н. А.* Монеты Савромата IV (275 г.) // КСИА. - 1983. - Вып. 174.
- Фролова Н. А.* Монетное дело Фофорса (285 - 308 гг.) // СА. - 1984. - № 2.
- Фролова Н. А.* О времени правления боспорских царей Радамсада и Рискупорида VI // СА. - 1985. - № 4.
- Фролова Н. А.* Золотая монета 338 г. б. э. - 41 г. н. э. Митридата III из собрания ГИМ // ВДИ. - 1986. - № 4.
- Фролова Н. А.* Проблемы монетной чеканки Боспора VI - II вв. до н. э. (По поводу выхода книги В. А. Анохина «Монетное дело Боспора». Киев, 1986 // ВДИ. - 1988. - № 2.
- Фролова Н. А.* Вторжения варварских племен в города Северного Причерноморья по нумизматическим данным // СА. - 1989. - № 4.
- Фролова Н. А.* Монетное дело Тейрана (266, 275 - 278 гг.) // КСИА. - 1991. - Вып. 204.
- Фролова Н. А.* Монетное дело Боспора VI в. до н. э. - середины IV в. до н. э. в свете новых исследований // Очерки археологии и истории Боспора. - М., 1992.
- Фролова Н. А.* Уникальный клад боспорских монет из Горгииппии III в. до н. э. - 238 г. н. э. // Древнее Причерноморье. - КСОАМ. - Одесса, 1993.
- Фролова Н. А.* Клад боспорских монет I в. до н. э., найденный на античном поселении «Полянка» (1984-1985 гг.) // ПИФК. - 1994. - Вып. 6.
- Фролова Н. А.* О проблеме чеканки монет с надписью АПОΛ // БС. - 1995. - Вып. 5.
- Фролова Н. А.* Уникальный клад боспорских монет III в. до н. э. - 238 г. н. э. из древней Горгииппии (Анапа, 1987 г.) // ВДИ. - 1996. - № 2.
- Фролова Н. А.* Монетное дело Боспора. - М., 1997. - Часть 1.
- Фролова Н. А.* Монетное дело Боспора. - М., 1997а. - Часть 2.
- Фролова Н. А.* Монеты из раскопок Горгииппии 1979-1989 гг. // ПИФК. - 1997б. - Т. 4. - Вып. 1.
- Фролова Н. А.* Проблема континуитета на позднеантичном Боспоре по нумизматическим данным // ВДИ. - 1998. - № 1.
- Фролова Н. А.* Монетная чеканка Боспора и Митридат Евпатор // Древнее Причерноморье. - Одесса, 1998 а.
- Фролова Н. А.* Чеканка Феодосии конца V - IV вв. до н. э. // ПИФК. - 2000. - Т. 8.
- Фролова Н. А.* Корпус монет синдов (первая половина - конец V в. до н. э.) // ВДИ. - 2002. - № 3.
- Фролова Н. А., Шургая И. Г.* Илуратский клад монет Рискупорида V // ВДИ. - 1982. - № 1.
- Фролова Н. А., Николаева Э. Я.* Ильичевский клад монет 1975 г. // ВВ. - 1978. - Т. 39.
- Фролова Н. А., Масленников А. А.* К истории позднеантичного Боспора // IV Всероссийская нумизматическая конференция. - Тезисы докл. - М., 1996.
- Фролова Н. А., Куликов А. В., Смекалова Т. Н.* Клад боспорских медных монет (I - середина IV вв. н. э.), найденный в Керчи в 1995 г. // ВДИ. - 2001. - № 3.
- Функ Б.* Проримская ориентация в титулатуре боспорских царей // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья. - СПб., 1992.
- Хазанов А. М.* Социальная история скифов. - М., 1975.
- Хазанов А. М.* Кочевники и внешний мир. - Алматы, 2000.
- Хайрединова Э. А.* Боспор и морские походы варваров второй половины III в. н. э. // МАИЭТ. - 1994. - Т. 4.

- Харко Л. П. Монеты из раскопок Тиритаки и Мирмекия в 1935 - 1940 гг. // МИА. - 1952. - № 25.
- Харматта Я. К истории Херсонеса Таврического и Боспора // Античное общество. - М., 1967.
- Хвольсон Д. А. Сборник еврейских надписей. - СПб., 1884.
- Храпунов И. Н. Новые данные о сармато-германских контактах в Крыму (по материалам раскопок могильника Нейзац) // БИ. - 2003. - Вып. 3.
- Храпунов И. Н., Федосеев Н. Ф. Керамические клейма Булганакского городища // Древности. - Харьков, 1997.
- Хришановский В. А. Боспорское христианство III - IV вв. // Религиозный синкретизм: Проблемы теоретического и исторического исследования. - Тезисы докл. - СПб., 1997.
- Цветаяева Г. А. К вопросу о торговых связях Пантикапея (По материалам привозной расписной керамики из раскопок Пантикапея 1945 - 1949 гг.) // МИА. - 1957. - Т. 56.
- Цветаяева Г. А. Производство расписной керамики в Фанагории в VI - V вв. до н. э. // КСИА. - 1972. - Вып. 130.
- Цветаяева Г. А. Кирпичи с тамгой из Горгиппии // КСИА. - 1975. - Вып. 143.
- Цветаяева Г. А. Боспор и Рим. - М., 1979.
- Цецхладзе Г. Р. Греческое проникновение в Восточное Причерноморье: некоторые итоги и перспективы // ВДИ. - 1998. - № 3.
- Цецхладзе Г. Р. О греческих колониях в Северном Причерноморье в архаический период // Боспорский город Нимфей: новые исследования, материалы и вопросы изучения античных городов Северного Причерноморья. - Тезисы докл. - СПб., 1999.
- Цукерман К. Епископы и гарнизон Херсона в IV в. // МАИЭТ. - 1994. - Т. 4.
- Черненко Е. В. Погребения с оружием из некрополя Нимфея // Древности Восточного Крыма. - К., 1970.
- Чеченцев В. Н. Урожайность винограда и оливок в древней Аттике (VI - IV вв. до н. э.) // ВДИ. - 1992. - № 1.
- Чистов Д. Е. Новые данные о Мирмекии IV в. до н. э. // Проблемы археологии и истории Боспора. - Тезисы докл. - Керчь, 1996.
- Чистов Д. Е. Слой пожара в боспорских городах первой половины IV в. до н. э. (по материалам городищ Мирмекия и Нимфея) // V Міжнародна археологічна конференція студентів та молодих вчених. - Наукові матеріали. - К., 1997.
- Чистов Д. Е. Скифы и Нимфей в V в. до н. э. // Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья. - Керчь, 2002.
- Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения: Хронография Феофана, Бrevиарий Никифора. - М., 1980.
- Шалькевич А. А. Архитектурное исследование Царского кургана // Труды ГЭ. - 1976. - Т. 17.
- Шапгин М. Новый эпиграфический текст // ВДИ. - 1938. - № 4.
- Шауб И. Ю. Культы и религиозные представления населения Боспора VI - IV вв. до н. э. - Автореф. ... канд. ист. наук. - Л., 1987.
- Шафранская Н. В. К вопросу о кризисе Ольвии в III в. до н. э. // ВДИ. - 1951. - № 3.

- Шевченко Н. Ф.* Сираки и аорсы в степном Прикубанье //РА. – 2003. – № 1.
- Шелов Д. Б.* Феодосия, Гераклея и Спартокиды // ВДИ. - 1950. - № 3.
- Шелов Д. Б.* Денежная реформа Левкона II // ВДИ. - 1953. - № 1.
- Шелов Д. Б.* Раскопки Западно-Цукурского поселения на Тамани // КСИИМК. - 1953 а. - Вып. 37.
- Шелов Д. Б.* К истории керамического производства на Боспоре // СА. - 1954. - Т. 21.
- Шелов Д. Б.* Раскопки Западно-Цукурского поселения в 1952 г. // КСИИМК. - 1955. - Вып. 58.
- Шелов Д. Б.* Монетное дело Боспора VI - II вв. до н. э. - М., 1956.
- Шелов Д. Б.* Керамические клейма из раскопок Фанагории // МИА. - 1956 а. - № 57.
- Шелов Д. Б.* Клейма на амфорах и черепицах, найденных при раскопках Пантикапея в 1945 - 1949 гг. // МИА. - 1957. - № 56.
- Шелов Д. Б.* Анапский клад монет 1954 г. // НЭ. - 1960. - Т. 2.
- Шелов Д. Б.* Экономическая жизнь Танаиса. // Античный город. - М., 1963.
- Шелов Д. Б.* Материалы денежного обращения в городах Боспора в VI - I вв. до н. э. // НЭ. - 1965. - Т. 5.
- Шелов Д. Б.* Танаис и Нижний Дон в III - I вв. до н. э. - М., 1970.
- Шелов Д. Б.* Танаис и Нижний Дон в первые века н. э. - М., 1972.
- Шелов Д. Б.* Волго-Донские степи в гуннское время // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. - М., 1978.
- Шелов Д. Б.* Железодельное производство в Северном Причерноморье в раннеантичное время // КСИА. - 1979. - Вып. 159.
- Шелов Д. Б.* Синды и Синдика в эпоху греческой колонизации // ДСППВГК. - Тбилиси, 1981.
- Шелов Д. Б.* Еще раз о боспорских монетах периода денежного кризиса III в. до н. э. // СА. - 1981 а. - № 2.
- Шелов Д. Б.* Римляне в Северном Причерноморье во II в. н. э. // ВДИ. - 1981 б. - № 4.
- Шелов Д. Б.* Ремесленное производство // Археология СССР. АГСП. - М., 1984.
- Шелов Д. Б.* История // Археологии СССР. АГСП. - М., 1984 а.
- Шелов Д. Б.* Понтийская держава Митридата Евпатора // Причерноморье в эпоху эллинизма. - Тбилиси, 1985.
- Шелов Д. Б.* Танаис - эллинистический город // ВДИ. - 1989. - № 3.
- Шелов - Коведяев Ф. В.* История Боспора в VI - IV вв. до н. э. // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования 1984 г. - М., 1985.
- Шелов - Коведяев Ф. В.* Новые боспорские декреты // ВДИ. - 1985 а. - № 1.
- Шелов - Коведяев Ф. В.* Декрет из раскопок 1985 г. в Пантикапее // ВДИ. - 1988. - № 4.
- Шишова И. А.* Рабство на Хиосе // Рабство на периферии античного мира. - Л., 1968.
- Шишова И. А.* О статусе пенестов // ВДИ. - 1975. - № 3.
- Шишова И. А.* Раннее законодательство и становление рабства в античной Греции. - Л., 1991.
- Шкредов В. П.* Метод исследования собственности в «Капитале» К. Маркса. - М., 1973.
- Шмалько А. В.* Лукиан как источник по истории Вифинии-Понт // Вестник ХГУ. - 1983. - № 238.
- Шмидт Р. В.* Из истории Фессалии // Из истории античного общества // ИГАИМК. - 1934.
- Шнирельман В. О.* Господарські системи як фактор соціальної диференціації // Археологія. - 1992. - № 1.

- Шонов И. В. О монетной чеканке Феодосии последней четверти V – начала IV вв. до н. э. // БИ. – 2002. – Вып. 2.
- Шонов И. В. О монетной чеканке Феодосии последней четверти V – начала IV вв. до Р. X. // Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья. – Керчь, 2002 а.
- Штаерман Е. М. «Рабский вопрос» в Римской империи // ВДИ. - 1965. - № 1.
- Штаерман Е. М. Античное общество. Модернизация истории и исторические аналогии // ПИДО. - 1968. - Кн. 1.
- Штаерман Е. М. Римская собственность на землю // ВДИ. - 1973. - № 3.
- Штаерман Е. М. Эволюция античной собственности и города // ВВ. - 1973 а. - Т. 34.
- Штаерман Е. М. Древний Рим: проблемы экономического развития. - М., 1978.
- Штаерман Е. М. Кризис рабовладельческого способа производства // ПАК. - Ереван, 1979.
- Штаерман Е. М. От гражданина к подданному // Культура древнего Рима. - М., 1985. - Т. 1.
- Штаерман Е. М., Трофимова М. К. Рабовладельческие отношения в ранней Римской империи. - М., 1971.
- Шургая И. Г. Импорт Александрии в Северное Причерноморье // ВДИ. - 1965. - № 4.
- Шургая И. Г. Вопросы боспорско-египетской конкуренции в хлебной торговле Восточного Средиземноморья раннеэллинистической эпохи // КСИА. - 1974. - Вып. 138.
- Шургая И. Г. Нимфей, Мирмекий, Тиритака, Порфмий, Илурат // АГСП. Археология СССР. - М., 1984.
- Щеглов А. Н. Поселения Северо-Западного Крыма в античную эпоху // КСИА. - 1970. - Вып. 124.
- Щеглов А. Н. Северо-Западный Крым в античную эпоху. - Л., 1978.
- Щеглов А. Н. «Старый» Херсонес и его округа // Археология СССР. АГСП. - М., 1984.
- Щеглов А. Н. Еще раз о причинах денежного кризиса III в. до н. э. в античных центрах Северного Причерноморья // Древнее Причерноморье. - Тезисы докл. - Одесса, 1989.
- Щеглов А. Н. Основные структурные элементы античной межевой системы на Маячном полуострове (Юго-Западный Крым) // История и археология Юго-Западного Крыма. - Симферополь, 1993.
- Щеглов А. Н. «Старый» Херсонес Страбона. Укрепления на перешейке Маячного полуострова // Проблемы истории и археологии Крыма. – Симферополь, 1994.
- Щукин М. Б. Современное состояние готской проблемы и черняховская культура // АСГЭ. - 1977. – Вып. 18.
- Щукин М. Б. На рубеже эр. - СПб., 1994.
- Яйленко В. П. Древнегреческая колонизационная практика // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. - Тбилиси, 1979.
- Яйленко В. П. Греческая колонизация VII - III вв. до н. э. - М., 1982.
- Яйленко В. П. Архаическая Греция // Античная Греция. - М., 1983. - Т. 1.
- Яйленко В. П. Новые эпиграфические данные о Митридате Евпаторе и Фарнаке // Причерноморья в эпоху эллинизма. - Тбилиси, 1985.
- Яйленко В. П. Ольвия и Боспор в эллинистическую эпоху // Эллинизм: экономика, политика, культура. - М., 1990.

- Яйленко В. П.* Поход Савромата I на азиатский Боспор // Эпиграфические памятники и языки древней Анатолии, Кипра и античного Северного Причерноморья. - М., 1990 а.
- Яйленко В. П.* Династическая история Боспора от Митридата Евпатора до Котиса I // Эпиграфические памятники и языки древней Анатолии, Кипра и античного Северного Причерноморья. - М., 1990 б.
- Яйленко В. П.* Призрак боспорского тирана Сатира в Ольвии и тени ольвополитов да митридатовских солдат в Западном Крыму: комментарии и эпиграфические видения // VI чтения памяти В. Д. Блаватского. - Тезисы докл. - М., 1999.
- Яйленко В. П.* Гунно-болгары II – V вв. н. э. на Боспоре по данным эпиграфики и антропологии //ДБ. – 2002. – Т. 5.
- Яйленко В. П.* Вотив Левкона I из Лабриса //ДБ. – 2004. – Т. 7.
- Якобсон А. Л.* Раннесредневековые поселения Восточного Крыма // МИА. - 1958. - № 85.
- Якобсон А. Л.* Раннесредневековый Херсонес // МИА. - 1959. - № 63.
- Якобсон А. Л.* Средневековый Крым. - М.- Л., 1964.
- Яковенко С. В.* Скифы Східного Криму в V - III ст. до н. е. - Київ, 1974.
- Яковенко С. В.* Липна кераміка VI - V ст. до н. е. з Німфея // Археологія. - 1978.- Вип. 27.
- Яковенко С. В.* Нові досягнення боспорознавства і проблема скифів Східного Криму // Археологія. - 1980. - Вип. 33.
- Яковенко Э. В.* Об этнокультурной принадлежности населения хоры Боспора европейского // ДСППВГК. - Тбилиси, 1981.
- Яковенко Э. В.* К проблеме происхождения предметов торевтики из раннеэллинистических курганов Скифии и Боспора // Причерноморье в эпоху эллинизма. - Тбилиси, 1985.
- Яковенко С. В.* «Лавка ювелира» на Єлизаветівському городищі // Археологія. - 1987. - Вип. 60.
- Яковенко Э. В.* Некоторые проблемы этнокультурной принадлежности и социальной стратификации местного населения Восточного Крыма в VII - III вв. до н. э. //Тезисы докл. научной конференции «Проблемы истории Крыма». - Симферополь, 1991. - Вып. 2.
- Яценко С. А.* Аланы и Рим в Северном Причерноморье в начале II в. н. э. // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. - Тезисы докл. - Ростов-на-Дону, 1992.
- Яценко С. А.* Германцы и аланы: о разрушениях в Приазовье в 236 – 276 гг. г. э. // Stratum+ПАВ. – СПб., 1997
- Adamesteanu G.* Problemes de la zone archeologique de la zone archeologique Metaponte. – RA – 1967. – Fasc.1.
- Alföldy G.* Die römische Gesellschaft. - Stuttgart,1986.
- Anochin V. A.* Die Pontische Expedition des Perikles und Kimmerische Bosphoros (437 v. Chr.) // Stephanos numismatikos: Edith Schönert-Geiss zum 65. Geburtstag. - Berlin, 1998.
- Austin M., Vidal - Naquet P.* Economies et société en Grèce ancienne (Périodes archaïque et classique). - Paris, 1972.
- Baatz D.* Der römische Limes. Archäologische Ausflüge zwischen Rhein und Donau. - Berlin, 1975.
- Baatz D.* Die Wachttürme am Limes. - Stuttgart, 1976.
- Barnes T. D.* The New Empire of Diocletian and Constantine. - London, 1982.

- Heinen H.* Zwei Briefe des bosporanischen Königs Aspurgos (AE 1994, 1538) // ZPE. - **1999.** - Bd. 124.
- Heinen H.* Athenische Ehren für Spartokos III (IG, II², 653)//Ethnic Contacts and Cultural Exchanges North and West of Black Sea from Greek Colonizations to the Ottoman Conquest. – Iași, **2005.**
- Hopper R. J.* Trade and industry in Classical Greece. - London, **1979.**
- Isaac B.* Limes of Empire. The Roman Army in the East. - Oxford, **1990.**
- Jenkins R. J. H.* Commentary // Constantine Porphyrogenitus. De Administrando Imperio. - London, **1962.** - Vol. 2.
- Khazanov A. M.* Nomads and the Outside World. - Wisconsin, **1994.**
- Kienast D.* Römische Kaisertabell. - Darmstadt, **1990.**
- Koshelenko G. A., Kuznetsov V. D.* Greek Colonisation of the Bosphorus // The Greek Colonisation of the Black Sea Area. – Stuttgart, **1998.**
- Latyshev B.* Inscriptiones antiquae orae Septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae. - Petropolis, **1916.** - Vol. I.
- Lazzaro L.* Schiavi e liberti nelle iscrizioni di Padova romana // Annales Littéraires de l'Université Besançon, Centre de Recherches l'Histoire Ancienne. - **1989.** - 82.
- Liddell H., Scott R., Jones H. A.* Greek-English Lexicon. - Oxford, **1968.**
- Lohmann H.* Agriculture and Country Life in Classical Attica // Agriculture in Ancient Greece. - Stockholm, **1992.**
- Los A.* Czy II w.n.e. był początkiem kryzysu rzymskiego społeczeństwa niewolniczego? // Antiquitas. - **1995.** - XXI.
- Lotze D.* Μετεξή ἐλευθέρων καὶ δούλων. Studien zur Rechtsstellung unfreier Landbevölkerungen in Griechenland bis zum IV Jahr. v. Chr. - Berlin, **1959.**
- MacMullen E.* Soldier and Civilian in the Later Roman Empire. - Cambridge, Massachusetts, **1963.**
- Magie D.* Roman Rule in Asia Minor to the End of the Third Century after Christ. - Princeton, New-Jersey, **1950.**
- Marchenko K. K.* Die Siedlung von Elizavetovka ein griechische-barbarisches Emporium in Don-delta // Klio. - **1986.** - 68. - S. 389.
- Mattingly H.* Coins of the Roman Empire in the British Museum. - London, **1976.** - V. I.
- McGing B. C.* The Foreign Policy of Mithridates VI Eupator King of Pontus. - Leiden, **1986.**
- Nadel B.* Slavery and Related Forms of Labor on the North Shore of the Euxine in Antiquity // Actes du Colloque 1973 sur l'esclavage. Besançon: Paris, **1976.**
- Nadel B.* Literary Tradition and Epigraphical Evidence: Constantine Porphyrogenitus' Information on the Bosporan Kingdom in the Time of Emperor Diocletian Reconsidered // Dialogues d'histoire ancienne. - **1977.** - № 3.
- Navotka K.* The Attitude towards Rome in the Political Propaganda of the Bosporan Monarchs // Latomus. - **1989.** - T. XLVIII. - Fasc. 2.
- Navotka K.* Asander of the Bosphorus: His Coinage and Chronology // American Journal of Numismatic. - **1991 - 1992.** - Second Series 3 - 4.
- Osborn R.* Demos: The discovery of Classical Attika. - Cambridge, **1982.**
- Osborn R.* Classical Landscape with Figures. The Ancient Greek City and its Countryside. - London, **1987.**
- Papazoglou F.* LAOI et PAROIKOI. Recherches sur la structure de la société hellénistique. — Beograd, **1997.** — 278 p.

- Tsetskhladze G. R. Trade on the Black See in the Archaic and Classical Periods: Some Observations // Trade, Traders and the Ancient City. — London, New York, **1998**. — P. 52—76.
- Vachtina M. Ju. Archaic Buildings of Porthmion // The Cauldron of Ariantas. — Aarhus University Press. — **2003**.
- Vinogradov Yu. G. Die historische Entwicklung der Poleis des nördlichen Schwarzmeergebietes im 5 J. v. Chr. // Chiron. - **1980**. - 10. -S. 63 - 100.
- Vinogradov Yu. G. Greek Epigraphy of the North Black Sea Coast, the Caucasus and Central Asia (1985 - 1990) // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. - Special sample Issue. - Leiden, **1994**.
- Vinogradov J. G., Wörrle M. Die Söldner von Phanagoreia // Chiron. - **1992**. - Bd. 22.
- Walters H. B. History of ancient Pottery. - London, **1905**.
- Westermann W. L. The Slave systems of Greek and Roman antiquity. - Philadelphia, **1955**.
- Will E. Histoire politique du monde hellénistique (323 - 30 av J. - C.). - Nancy, **1966**. - T. I.
- Wood E. Paesant-Citizen and Slave. The Foundations of Athenian Democracy. - London, New-York, **1988**.
- Zavadzki T. Z zagadnien structurej agrarno-spolesznej krajow maloazjatyckich w epoce hellenizmu. - Poznan, **1952**.
- Zgusta L. Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste. - Praha, **1955**.
- Ziomecki J. Les représentations d'artisans sur les vases attiques. - Wroclaw, Warszawa, Krakyw, Gdansk, **1975**.
- Zin'ko V. N. Geroevka-2. A rural settlement in the chora Nymphaion (ancient period) // Archeologia. —Warszawa, **1997** — XLVII.
- Zin'ko V. N. Summary of Results of the Five-Yare Rescue Excavations in the European Bosphorus, 1989-1993 // North Pontic Arhaeology. — Brill. — **2001**.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АГСП	- Античные государства Северного Причерноморья
АДСВ	- Античная древность и средние века. Свердловск
АИКСП	- Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья
АО	- Археологические открытия
АСГЭ	- Археологический сборник Государственного Эрмитажа
БИ	- Боспорские исследования. Симферополь-Керчь
БС	- Боспорский сборник. Москва
ВВ	- Византийский временник
ВДИ	- Вестник древней истории
ВИ	- Вопросы истории
ГИМ	- Государственный исторический музей
ГМИИ	- Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина
ГЭ	- Государственный Эрмитаж
ДБ	- Древности Боспора
ДД	- Донские древности. Азов.
ДСППВГК	- Демографическая ситуация в Причерноморье периода Великой греческой колонизации
ЕМИРА	- Ежегодник Музея истории религии и атеизма
ЗОАО	- Записки Одесского археологического общества
ИАК	- Известия Императорской археологической комиссии
ИГАИМК	- Известия Государственной Академии истории материальной культуры
ИРАИМК	- Известия Российской Академии истории материальной культуры
КБН	- Корпус боспорских надписей. - М.-Л., 1965.
КСИА	- Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК	- Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры
КСОАМ	- Краткие сообщения ОАМ
ЛГУ	- Ленинградский государственный университет
МАИЭТ	- Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь
МАР	- Материалы по археологии России
МГПИ	- Московский государственный педагогический институт

МГУ	- Московский государственный университет
МИА	- Материалы и исследования по археологии СССР
НС	- Нумизматика и сфрагистика
НЭ	- Нумизматика и эпиграфика
ОАК	- Отчеты Императорской Археологической комиссии
ОАМ	- Одесский археологический музей НАН Украины
ПАК	- Проблемы античной культуры. Ереван
ПГКСВП	- Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья
ПИДО	- Проблемы истории докапиталистических обществ
ПИСПАЭ	- Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху
ПИФК	- Проблемы истории, филологии, культуры. Москва-Магнитогорск
ПСЭИДМ	- Проблемы социально-экономической истории древнего мира
РА	- Российская археология
СА	- Советская археология
САИ	- Свод археологических источников
СГМИИ	- Сообщения Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина
ХГУ	- Харьковский государственный университет
УІЖ	- Український історичний журнал
ЮсРЕ,І²	- Latyshev B. Inscriptiones antiquae orae Septentrionalis Ponti Euxini
RA	- Revue archeologique
RE	- Pauly A., Wissowa G., Kroll W. Realencyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft
ZPE	- Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3 с.
Глава I. Возникновение и становление греческих апойкий на берегах Боспора Киммерийского	13 с.
По поводу раннего типа жилья греческих колонистов.....	16 с.
Землепользование и землевладение.....	25 с.
Ремесло и торговля.....	31 с.
Глава II. Боспорская симмахия и образование Боспорского государства	37 с.
Возникновение боспорской симмахии.....	37 с.
Образование Боспорского территориального государства.....	51 с.
Глава III. Боспорское царство в позднеклассический и эллинистический периоды	62 с.
Землевладение и землепользование в IV в. до н. э.....	62 с.
Боспорское царство в III в. до н. э.....	95 с.
Финансовый кризис на Боспоре и его причины.....	101 с.
Возрождение хоры.....	104 с.
Ремесленное производство.....	114 с.
Денежное обращение в конце III в. до н. э.....	122 с.
Развитие торговли.....	127 с.
Боспорское царство во II в. до н. э.....	130 с.

Боспор под властью Митридата VI.....	133 с.
Глава IV. Социально-экономическое развитие Боспорского царства во второй половине I в. до н. э - третьей четверти III в. н. э.	143 с.
Основные этапы истории Боспорского государства во второй половине I - третьей четверти III вв.....	143 с.
Землевладение и землепользование.....	163 с.
Промыслы.....	184 с.
Ремесленное производство.....	190 с.
Торговля и денежное обращение.....	197 с.
Социальный состав населения.....	207 с.
Глава V. Боспор в третьей четверти III - первой половине VI вв.	214 с.
Историческое развитие.....	214 с.
Экономическое развитие.....	230 с.
Социальная структура населения.....	237 с.
Заключение	242 с.
Summary.....	251 с.
Общая и специальная литература	254 с.
Список сокращений	299 с.

Научное издание

Боспорские исследования

Вып. XII

Монография

Зубарь В.М., Зинько В.Н.

Боспор киммерийский в античную эпоху
Очерки социально-экономической истории

Перевод на английский *Н.М. Красиной*
Набор и техническая редакция *Ю.Л. Белик*
Верстка *Л.К. Мусихиной*
Корректор *В.Н. Солин*

Сдано в набор 15.05.2006 г.
Подписано в печать 10.07.2006 г.
Формат 70х100 ¹/₁₆. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 24,7.
Тираж 600. Заказ 2939.
Цена договорная.

ООО «Керченская городская типография»
98300, г. Керчь, ул. Кирова, 13